ВИZАНТИЯ

война в наследство

Константинополь

Иерусалим

Восточная Римская империя
и Иран.
Около 400 г.

Ктесифон

ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ

«Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия. Для меня же, сказала бы беотийская лира, оно является побочным делом жизненного пути, и я не имею возможности заниматься тем, чем я больше всего желал бы. Мне следовало бы ради подражания прилежнее перечитывать древних мудрецов, узнавать и выбирать все, могущее принести пользу, и быть для этого свободным и избавленным от других работ. Я же, наоборот, просиживаю у императорского портика с раннего утра и до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и в то же время скорблю, когда не беспокоят, так как без труда и беспокойства мне невозможно обеспечить себя достаточно необходимым для жизни. Но если дело и обстоит так, я все же, поскольку это зависит от меня, не успокоюсь и не перестану заниматься любимым делом, если бы даже кто-нибудь меня и упрекал, что я берусь за дело, превышающее мои силы, и, как говорится, начинаю дело с конца, если бы даже мои труды показались кому-либо совершенно лживыми и пустыми порождениями рассеянного духа; мне самому, однако, как это бывает у наиболее неопытных певцов, они все равно не перестанут нравиться».

Агафий Миринейский

ПРОЕКТ «ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ»

«ВИЗАНТИЯ — ВОЙНА В НАСЛЕДСТВО»
ИРАНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ V-VII ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ЩИТ ЕВРОПЫ»
АРАБО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XI ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ОРЁЛ И ЛЕВ»
БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XIV ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — РИМСКАЯ МЕЧТА»
ЗАПАДНЫЕ ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ VI–XIV ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ГРОЗА НАД ДУНАЕМ»
СЕВЕРНЫЕ ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ V–XIV ВВ.

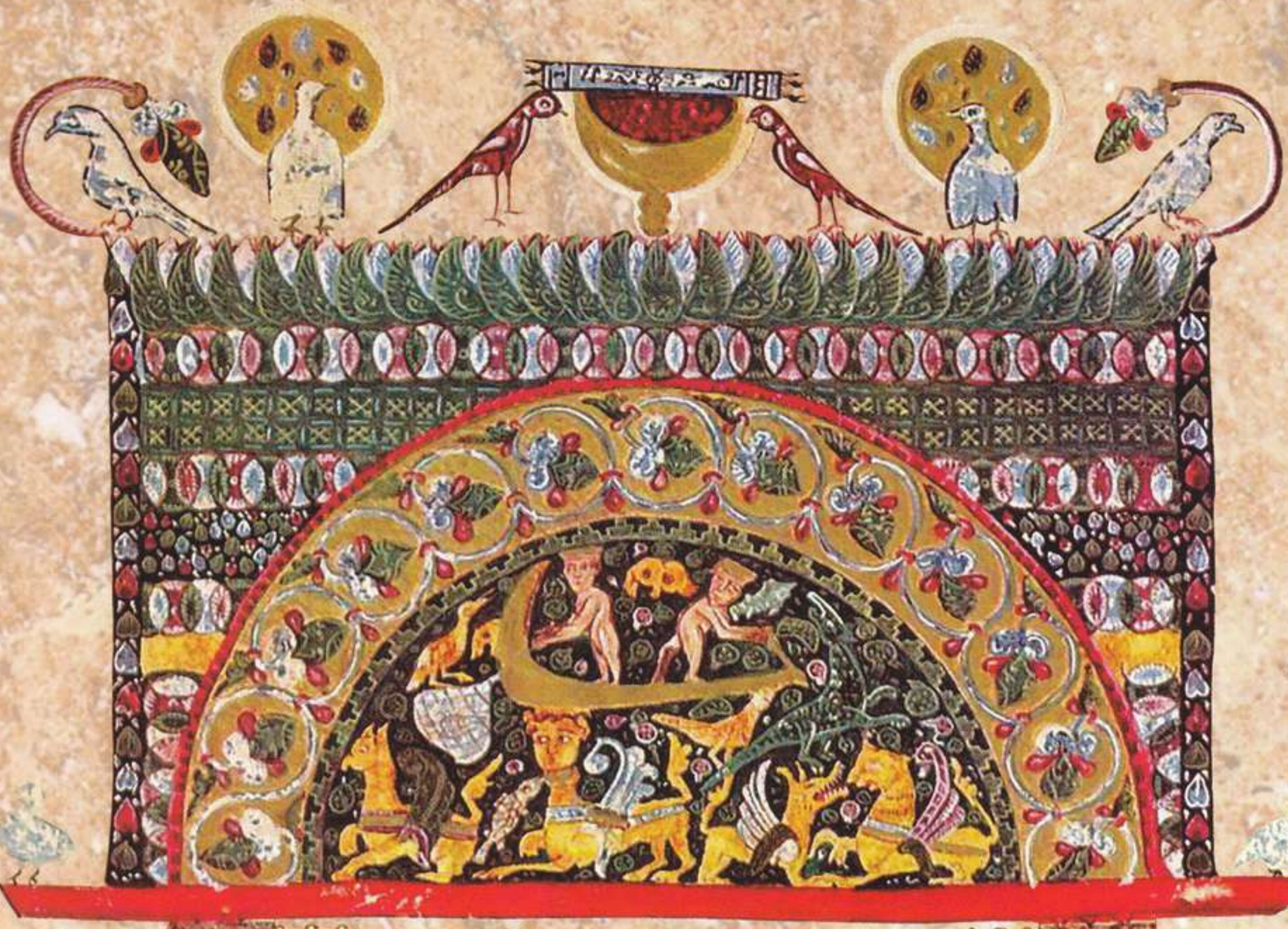
«ВИЗАНТИЯ — ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ IX–XII ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ПОСЛЕДНИЕ РУБЕЖИ»
ТУРЕЦКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ XI-XV ВВ.

В. Н. Шиканов

ВИЗАНТИЯ

война в наследство



Ирано-византийские войны V-VII вв.

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2012

УДК 82.
ББК 63.3(4)
Ш-59

Шиканов В. Н.
Ш-59 Византия. Война в наследство: ирано-византийские войны V-VII вв./ Шиканов В. Н. — СПб.: «Рейтар», 2012. — 176 с.: ил.

ISBN 978-5-8067-0054-7

Именно так, в наследство от Рима досталось Византии военное противостояние с Ираном. Ромейская держава часто проигрывала отдельные сражения. Иногда — целые кампании. Но почти всегда выходила победительницей из длительного силового противоборства с самыми разными врагами. Даже если для этого требовались столетия. Так было с Сасанидским Ираном. Так будет и впредь, еще почти тысячу лет — с другими противниками империи.

Художники: Р. А. Титов, С. С. Кульнев.

Иллюстрация на обложке: художник С. С. Кульнев

ISBN 978-5-8067-0054-7

УДК 82.
ББК 63.3(4)

© Шиканов В. Н. Текст, подбор иллюстраций, 2012.
© Панкевич А. В. Дизайн, верстка, 2012.
© Издательство «Рейтар», 2012.

Император. Позднеримская бронзовая статуя V в.
Барлетта, Италия. Современное фото

Хорошо известно, что война есть большое бедствие и наихудшее из всех зол. Но поскольку враги превратили пролитие нашей крови в побудительный стимул и наивысшее выражение доблести, и поскольку каждый обязан защищать свою родину и своих соотечественников словом, пером и делом, мы приняли решение написать о стратегике, благодаря которой мы сможем не только противостоять врагам, но и разгромить их.

«О стратегии». Византийский военный трактат

Византия. Удивительное государство. Могучая держава, на тысячу лет продлившая во времени и пространстве существование великой Римской империи. Вне зависимости от национальности, обитатели Иллирика и Македонии, Фракии и Понта, Сирии и Палестины, Египта и Ливии одинаково именовали себя *ромеями* (т. е. римлянами). И хотя со временем греческий язык вытеснил официальную латынь, многое напоминало в новой столице Константинополе о прежнем *Pax Romana*[1].

Внешне византийский император — василевс выглядел обладателем высшей, неограниченной власти. Перед автократором простирались ниц и целовали ему ноги. Вместе с тем, за всю тысячелетнюю историю в Византии так и не был жестко установлен порядок престолонаследия. Чтобы церемония восшествия государя на престол считалась канонически выверенной, требовалось его провозглашение с согласия синклита (византийского сената), армии и народа. Конечно, чаще всего подобный порядок вещей был чисто ритуальным, но в основе этого анахронизма лежал опять таки римский обычай, когда титул императора присваивался удачливому полководцу войском, а затем и сенатом.

В память о прежней родине, представители служилой знати в Константинополе носили звучные титулы:

[1] *Лат. Римский мир.*

иллюстрии, спектабили, клариссимы[1]. Были здесь также свои «кесари», «консулы» (ипаты), «проконсулы» (анфипаты), «патрикии», «спафарии» (буквально «меченосцы»), новелиссимы («знатнейшие»), протоновелиссимы («первознатнейшие»), а в дальнейшем «севасты»[2] и целый ряд происходящих от этой основы титулов, вплоть до неудобопроизносимого *паниперпротосевастоипертат!*[3] .

До наших дней юристы изучают знаменитый Кодекс Юстиниана, вобравший в себя установления Римского права по различным областям юриспруденции. Менее известен Кодекс Феодосия, составленный в первой половине V в. по распоряжению восточного императора Феодосия II, но именно этот сборник перебросил мостик от римского правоведения к византийскому. Эти и ряд других выдающихся памятников юридической мысли, даже несмотря на произвол исполнителей законов, дают все основания считать Византию правовым государством, в то время как в Западной Европе правота сторон в ходе тяжбы решалась примитивным варварским способом — в ходе судебного поединка (т. е. по принципу «Кто силен, тот и прав»).

Веками византийские полководцы считали свои армии прямыми наследниками славных традиций легионов Цезаря и Траяна. Недаром, еще очень долго строевые команды отдавались на латыни[4]. И хотя столь же славных побед одерживать тагмам стратиотов почти не удавалось, зато ромейские стратиги гордились тем, что воюют по науке, на основании правил и законов, выработанных с учетом, как опыта предшественников, так и современной боевой практики.

Ну и, конечно же, великая античная культура. Роль Византии в ее сохранении и распространении поистине неоценима. Многие достижения литературы, искусства, философии, архитектуры, медицины, астрономии, инженерного дела и других отраслей знания дожили до наших дней благодаря кропотливому труду безвестных византийских монахов-переписчиков, годами корпевших над свитками в скрипториях, и пытливым интеллектуалам, считавших непременным долгом образованного человека изучение трудов знаменитых греков и римлян.

Фрагмент мозаики из Большого Константинопольского дворца, *V век*

При этом Византийская держава не являлась ухудшенной копией Римской империи, как бы на протяжении столетий не старались ее представить в подобном виде западноевропейские ученые, боровшиеся с комплексом неполноценности собственной цивилизации. Законы развития античного общества определял политеизм, придавая

---

[1] *Лат. Сиятельные, Высокородные, Светлейшие.*

[2] *Соответствует латинскому «Август», т.е. «священный».*

[3] *Буквально «Всевышепервосвященновысший», что, кстати, являлось далеко не самым высоким рангом.*

[4] *Как говаривал один персонаж из знаменитого романа Я. Гашека: «И язык команды был тогда тоже единый для всего войска. Попробовал бы кто заговорить у них по-этрусски! Господа римские офицеры показали бы ему кузькину мать!».*

ему красочный и в то же время какой-то необузданный характер — с обожествлением правителей (причем, далеко не всегда это были действительно достойные или, по крайней мере, порядочные люди), обескураживающей разнузданностью нравов и публичным кровопролитием в качестве любимейшего из всех видов народных развлечений.

Поэтому, даже «обогатив себя знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», трудно порой понять, каким образом аскетически христианская Византия стала преемницей буйного Рима? Огромная мощь имперской государственной машины яростно искореняла едва зародившееся учение последователей Иисуса Христа. А его адепты не могли противопоставить этой сокрушительной силе ничего, кроме искренней веры. Но даже самые стойкие из них были обречены на истребление, а люди слабые, казалось, и вовсе не имели другого выхода, кроме как дрогнуть и покориться. Тем более что среди гонителей христианства были люди по-настоящему талантливые. Такие императоры, как Адриан, Диоклетиан, Юлиан и ряд других, не являлись упертыми фанатиками. Просто для них государственные интересы стояли на первом месте, и то, что какие-то «сектанты» считали правильной лишь собственную веру, а своего бога вообще единственно реально существующим, подрывало авторитет официальных властей. С такими взглядами части подданных мириться было, ну никак, нельзя.

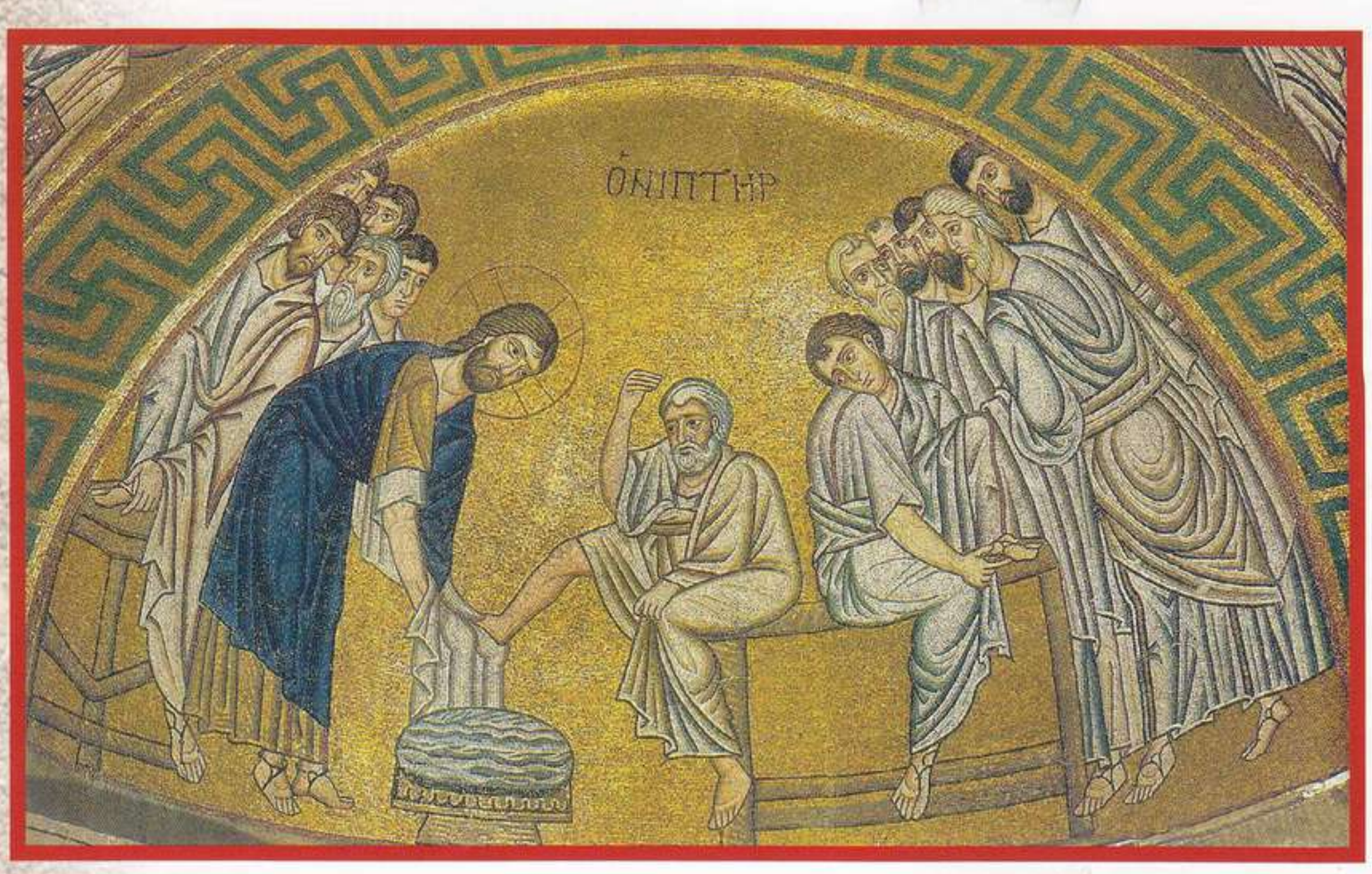
И все же, «галилеянин» победил, несмотря на то, что первоначально у него вроде бы не было никаких шансов. Потомки гонителей припали к ногам распятого. А василевсы Византии, считавшие себя прямыми наследниками трона римских императоров, стали главными защитниками Церкви Христовой, склонившись перед теорией, догматы которой на первый взгляд не давали им дополнительных властных полномочий, зато налагали вполне реальные и не всегда приятные обязательства.

В самом деле, ни один, даже самый могущественный и удачливый византийский царь и подумать не мог об обожествлении после смерти, хотя в Древнем Риме такой акт являлся закономерным итогом правления многих императоров. В Византии же, наоборот, при всей, внешне неограниченной власти государя, всячески подчеркивалось его земное, человеческое естество. Во время церемонии коронации он должен был сам выбрать образец камня, из которого когда-нибудь будет изготовлен его посмертный саркофаг. На торжественных царских выходах за ним неотступно следовал особый чиновник, который держал в руке мешочек с землей — «акакию», ежеминутно напоминая василевсу о бренности земного бытия. В воскресные и праздничные дни император не мог сидеть на высоком золотом троне. Он оставался свободным для Владыки Небесного, а его предстоятель на земле скромно помещался на стоявшем рядом пурпурном кресле.

Таким образом, сакральным, т. е. освященным особой верховной благодатью, считалась не личность самодержца, а его должность. Поэтому, когда придворные заговорщики, взбунтовавшаяся чернь или внешние враги лишали императора власти, свободы, или даже самой жизни (а такое за многовековую историю Византии тоже случалось не раз), то люди относились к этому достаточно спокойно. Удавшийся переворот означал, что очередной василевс забыл о страхе Божием, начал грешить, и силы небесные отвернулись от него. А о таком властителе и жалеть нечего.

Перед Пасхой, в Страстной Четверг в императорский дворец приглашались двенадцать константинопольских нищих (конечно же, не первых попавшихся — грязных и вонючих, а специально отобранных и приведенных в более, или менее человеческий вид), и василевс лично мыл каждому правую ногу, вытирал и целовал ее. На первый взгляд, царь тем самым уподоблялся Христу, омывавшему ноги апостолам, но даже с учетом этой аналогии, трудно представить себе за этим занятием какого-либо западного короля! Подобное показное смирение должно было означать, что автократор является главой христианской, точнее

православной империи — особого государства, устроенного по законам Господа в первую очередь для христиан.



Омовение ног апостолам.
Византийская мозаика

Неудивительно, что при такой идейно-политической доктрине особо важное место в государственной структуре Византийской империи занимала Православная церковь и ее иерархи. Многие из них были фигурами по-настоящему неординарными и претендовали не просто на независимость от светской власти, но и на превосходство над последней. Патриархам Константинополя случалось испытывать нападки и гонения со стороны императоров за неуступчивость в вопросах веры и государственного управления. Но самые стойкие первосвященники доводили царей до исступления и заставляли склонить голову перед Церковью Христовой.

Правда, став важнейшей государственной структурой, церковь в чем-то утратила положение морального судии и общественной совести. Борьба с ересью и уверенность в непогрешимости этого института, периодически приводили к держимордству, застою и даже деградации в различных сферах жизни социума. И все-таки именно православная церковь, насколько это вообще было возможно в условиях средневековья, помогала людям оставаться людьми, живя по Божиим заповедям. Этот глубинный духовный стержень, скреплявший воедино все сферы жизни византийского общества и придававший смысл существования всем и одновременно каждому, и составлял главное отличие Второго Рима от Первого. Особенно в условиях, когда Ромейская держава уже не могла противопоставить многочисленным внешним врагам военную мощь, безвозвратно утраченную вместе со славой непобедимых стальных легионов.

За долгую историю у Византии появлялись все новые недруги, и только один грозный соперник достался Константинополю по наследству. Речь идет о Сасанидском Иране.

Веками Рим вел упорную и почти непрерывную борьбу на своих восточных рубежах с Парфянским царством. Боевые действия на каменистых нагорьях Армении и на Месопотамской равнине шли на равных, но разгром легионов Красса и Марка Антония не добавил лавров в венок славы римского оружия. Более удачливые полководцы Траяна, Марка Аврелия и Септимия Севера доходили до Евфрата, но даже они не могли сокрушить противника, проигрывавшего битвы и выходившего победителем из длительных кампаний. И вдруг все закончилось сразу, как по мановению богов Олимпа...

В последний день весеннего месяца фравардина 471 г. парфянской Эры Аршакидов (или, по более привычному для нас летоисчислению, 20 апреля 224 г. н. э.) парфяне потерпели сокрушительное поражение от своих прежних вассалов — персов в битве на равнине Ормиздаган в Хузистане. Царь Артабан V попал в плен и был казнен.

Так был положен конец Парфянской державе. Всего через два года, покорив ранее отложившихся правителей окраин, вождь персов Ардашир стал владыкой Ирана, короновавшись с титулом *шаханшаха*, т. е. «царя царей», и основал Новоперсидское царство.

Первый царь династии Сасанидов[1] Ардашир и его потомки, опираясь на иранские предания, традиции и реальные исторические события, рассматривали себя в качестве непосредственных наследников древних Ахеменидов: Кира Великого, Ксеркса, Дария и вычеркнули из памяти шесть разделявших их столетий[2]. В рамках такой политической доктрины они полагали справедливым и естественным воссоздание Ирана в его прежних границах, включая Ближний Восток, Малую Азию и Египет. Конфликт Новоперсидского царства с Римом становился неизбежным.

Коронация Ардашира.
Сасанидский наскальный рельеф

Нельзя сбрасывать со счетов и экономические причины римско-персидских войн. Парфяне, а затем и персы получали колоссальные доходы от таможенных сборов за транзит грузов из Средней Азии и Китая, что увеличивало стоимость и без того не дешевых товаров. Во время военных конфликтов они и вовсе перекрывали караванные дороги, нанося противнику немалый материальный урон. Поэтому Рим считал необходимым установить контроль над торговыми путями, шедшими на Восток. И все же, не стоит преувеличивать примат «базиса над надстройкой». На протяжении почти всей истории человеческой цивилизации престиж и могущество государства были прямо пропорциональны его способности увеличивать свою территорию, поглощая, или расширяя влияние в соседних странах и народах.

Уже Ардашир I (226-241 гг.) потребовал от Рима не только Сирию, но и вообще все азиатские владения империи. «Артаксеркс[3], царь персов, — доносили императору Александру Северу (222-235 гг.) наместники восточных провинций, — опустошает набегами Месопотамию и грозит сирийцам, а весь противолежащий Европе материк... желает вновь присоединить к персидской державе».

Александр пытался воздействовать на нового соседа мирными увещеваниями и военными демонстрациями, но они не произвели на Ардашира ни малейшего впечатления. В самом деле, за триста лет римляне так и не смогли справиться с парфянами, а он одолел эту державу единым дуновением уст. Так что румийцы не могут рассматриваться в качестве серьезного противника иранских богатырей. Шаханшах попросту *приказал* кейсару оставить Сирию, уступив все земли до Ионии и Карии (т.е. до западного побережья Малой Азии) под тем предлогом, что это «наследственные владения персов».

Сын Ардашира Шапур I (240-272 гг.) развернул на Ближнем и Среднем Востоке мощную военную экспансию. Выступивший против него молодой император Гордиан III (238-244 гг.)

---

[1]*Такое название она получила от имени деда Ардашира, которого звали Сасан.*

[2]*Доходило до того, что в Сасанидских исторических сочинениях утверждалось, будто римский император Филипп Араб (244-249 гг.) являлся отцом... Александра Македонского.*

[3]*Римляне использовали греческое произношение имени Ардашир.*

пал жертвой заговора собственных офицеров, после чего римляне заключили с персами мир, выплатив им контрибуцию и признав Армению сферой иранского влияния. Вслед за этим Царь царей успел «в жестокой сече» одержать победы над хорезмийцами и мидянами. Затем он покорил ряд племен, обитавших в горной местности к югу от Каспийского моря, а в Хорасане убил «Туранского царя».

Столь внушительные успехи позволили Шапуру принять титул «шаханшаха Ирана и не-Ирана». Он стал опаснейшим врагом Римской империи, ослабленной многочисленными дворцовыми переворотами. В 253 г. Шапур перешел Евфрат и в битве при Барбалиссе уничтожил шестидесятитысячное римское войско.

Повсюду шлемы, головы валялись.
О трупы кони храбрых спотыкались.

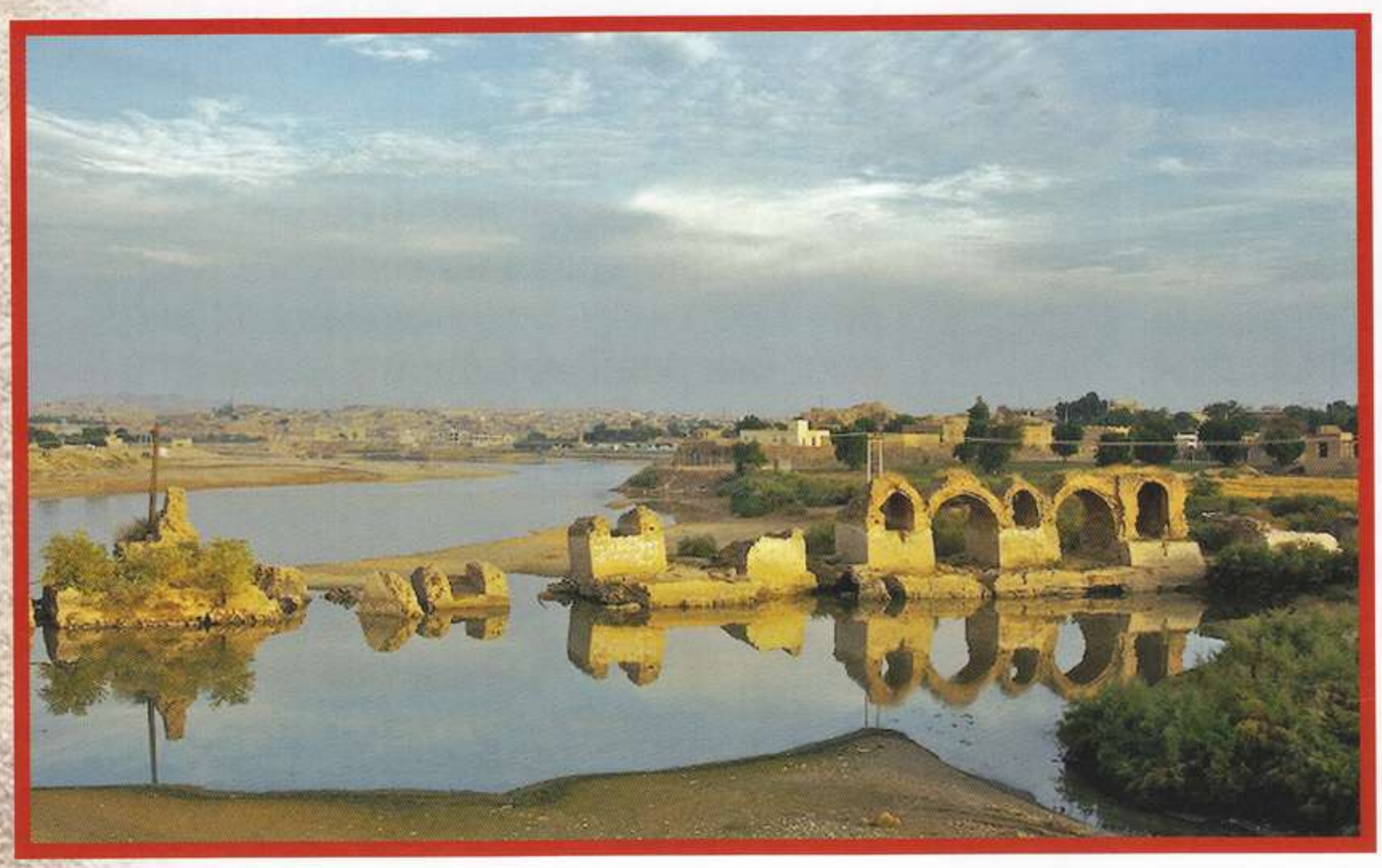
Затем персы вторглись в Сирию, взяли Антиохию, ряд других городов и, обремененные добычей и многочисленными пленными, беспрепятственно вернулись в Иран.

260 год принес империи еще более страшную катастрофу. Персы заманили армию императора Валериана в пустынную местность, лишив ее подвоза продовольствия. Голод и вспыхнувшая эпидемия косили римлян беспощаднее, чем это бы сделало вражеское оружие. Всем было ясно, что кампания проиграна, и нужно думать о спасении остатков легионов. Тщетно старый император молил Шапура о мире, предлагая золото в обмен на свободное возвращение в Сирию. В конце концов, Валериан лично отправился на переговоры в ставку шаханшаха близ Эдессы и здесь был взят под арест, как какой-нибудь разбойник. После этого, лишенная сил и воли к сопротивлению, римская армия капитулировала. Всех пленных отправили на тяжелые подконвойные работы по сооружению плотины на реке Карун. Остатки этого циклопического сооружения сохранились до наших дней.

Такого история Рима еще не знала, а Шапур прекрасно понимал масштабы и значение одержанной победы. Его триумф навечно запечатлен в грандиозном наскальном рельефе в Накш-и-Рустем. Шаханшах горделиво восседает на боевом коне, а Валериан изображен перед ним униженно коленопреклоненным. Он умер в плену, и эту печальную участь разделили многие воины его армии.

В последующие десятилетия римско-иранские войны то затихали, то возобновлялись с новой силой. Вели их разные по своим способностям императоры, но никто не мог добиться решающих успехов. «Будто есть какая-то роковая сила, не позволявшая римскому государю идти дальше Ктесифона».

Действительно, в 283 г. Марк Аврелий Кар успешно вторгся в Месопотамию, но у стен персидской столицы был насмерть поражен ударом молнии, а его деморализованное войско вернулось в пределы империи. В дальнейшем военные действия неоднократно возобновлялись, но события 283 г. имеют особое значение для развития отношений между двумя державами. Заключенный вскоре мирный договор, помимо урегулирования территориальных споров, предусматривал установление «братских отношений» между монархами обоих государств. После



Остатки моста и плотины, построенных пленными римлянами на реке Карун в Иране. *Современное фото*

этого, даже угрожая Риму очередной войной, «сопричастник звезд, брат солнца и луны» шаханшах обращался к «кейсару Рума», как к брату. В свою очередь император («победитель на суше и на море»), отвергая ультиматум царя царей, также неизменно величал его своим «державным братом»[1].

Таким образом, Рим впервые признал другую страну (пусть очень странную и непохожую по обычаям и образу жизни) единственным, кроме самой империи, полноценным государственным образованием. От Рима это отношение к Ирану унаследует Византия, и значение данного факта в будущем неизмеримо вырастет.

Ну а пока что борьба продолжалась и носила она далеко не братский характер. Из военных событий IV века отметим неудачный поход императора Юлиана в 363 г., завершившийся его гибелью в бою и утратой ряда земель, ранее завоеванных Римом в Месопотамии. Позднее соперничество между двумя державами развернулось в Закавказье, что привело в 387 г. к разделу Армении. Римская империя значительно округлила свои владения в этом регионе, а затем настал черед Византии.

Триумф Шапура. *Сасанидский рельеф*

[1] *Со временем, «братский» характер отношений иранских и византийских государей получил в Персии теоретическое обоснование. Персы считали, что «румийцы» происходят от старшего сына легендарного царя Фаридуна, а иранцы являются потомками младшего царского сына.*

ιαgενɔ ɲoνιαg oxε

Армия Римской империи была наемной и, стало быть, профессиональной. Первоначально это позволило увеличить ее численность, а обучение воинов, проводившееся не в виде «допризывной подготовки молодежи», а изо дня в день на протяжении 20-25 лет контрактной службы, обеспечило неуклонный рост боеспособности легионов. Правда, со временем, когда свободные граждане, забывая о патриотическом долге защиты Отечества, все больше начинали ценить прелести праздной и полной бесплатных удовольствий жизни в больших городах, качество солдатской массы заметно упало. В армию шли те, кто не умел добывать необходимые средства к существованию другими способами, либо люди, склонные к авантюрам и рискованным приключениям.

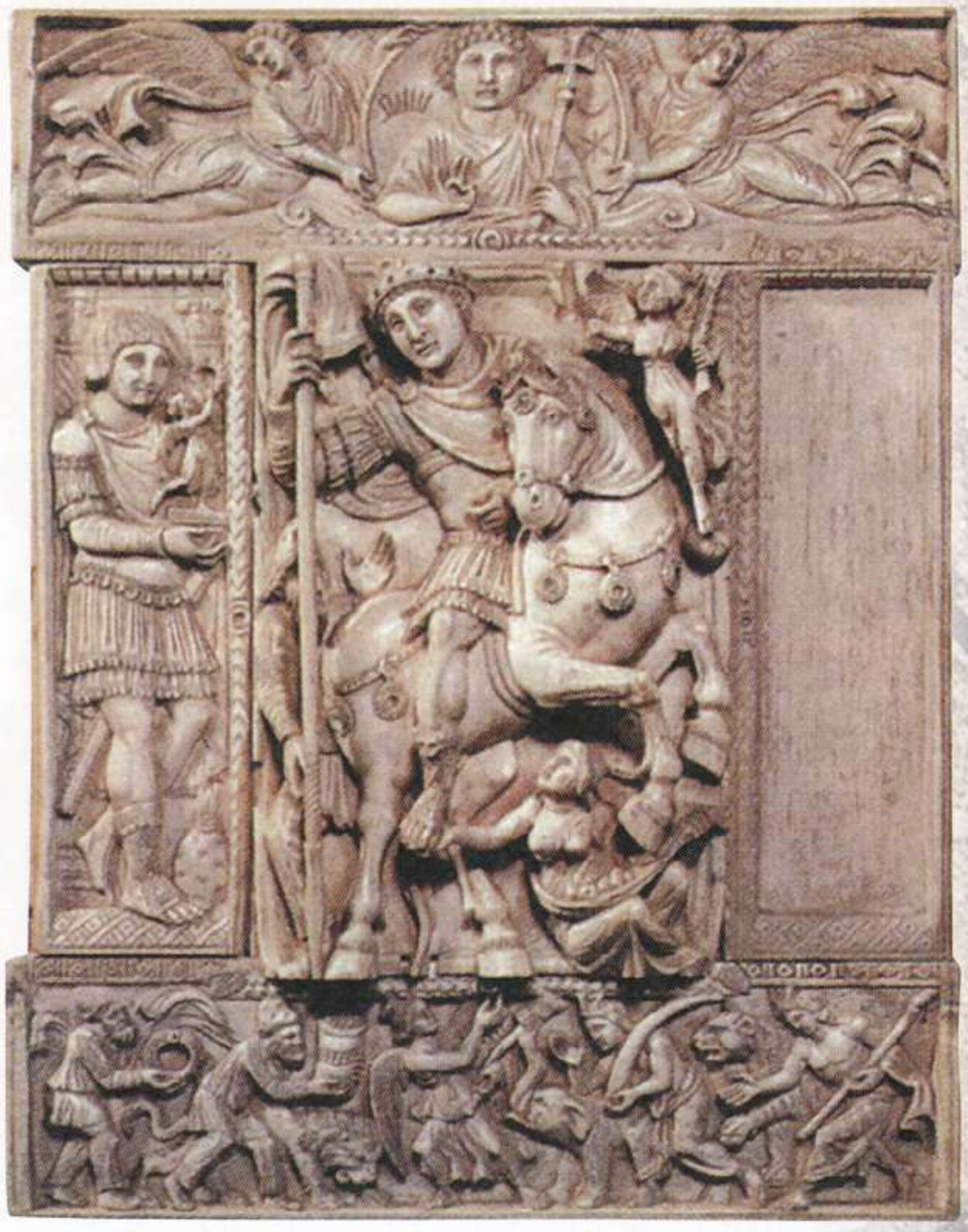
Конечно, даже при таком изменении шкалы общественных ценностей, в войсках было немало отважных воинов и способных офицеров, сознательно исполнявших свой долг, однако их судьба зачастую оказывалась и наиболее трагичной. Рано или поздно, лучшие легионеры погибали в многочисленных войнах, а выживали их прагматичные сослуживцы, больше заботившиеся о спасении собственной жизни. Восполнять потери, понесенные в сражениях с внешними врагами, становилось все труднее, а число их неуклонно возрастало.

С другой стороны, сами солдаты не любили требовательных командиров-службистов. Когда в отдаленных гарнизонах периодически вспыхивали солдатские мятежи, бессмысленные и беспощадные, с ними расправлялись в первую очередь. Так размывался и исчезал золотой фонд армии — ее младший командный состав, образцовым представителем которого являлся римский центурион.

Еще больший урон, чем бесчисленные племена варваров, военной машине Рима нанесли гражданские войны. Видя, как власть в империи обретается с помощью меча, тайных убийств и даже коммерческих сделок, честолюбивые полководцы поднимали свои легионы и вели их на Рим. По дороге одни римские армии вступали в бой с другими. Потомки Ромула уничтожали друг друга десятками тысяч, и было совершенно невозможно разобраться, чье дело тут правое, и кому всемогущие боги должны даровать победу.

Правда, обретя заветный Imperium, удачливые военачальники устраивали помпезные празднества, денежные и иные раздачи. Но и в таких условиях желающих поступить на военную службу становилось все меньше. Не помогали ни возложенная на землевладельцев обязанность поставлять на военную службу определенное количество зависевших от них колонов-арендаторов, ни фактически столь же обязательное зачисление в армию с 18-летнего возраста сыновей солдат-ветеранов. В других условиях эти юноши — военная косточка — с младых ногтей знавшие и любившие военное дело, могли бы составить отборный костяк армии. Но в условиях системного кризиса, охватившего в III в. н. э. все сферы римского общества, люди не верили, что государство будет выполнять ранее взятые на себя перед гражданами обязательства. Действительно, зачастую оказывалось так, что из оскудевшей казны месяцами не выплачивалось солдатское жалованье. Поэтому, до получения земельных наделов, полагавшихся отставным легионерам, можно было просто не дожить. Получался замкнутый круг. Внешне могучая, держава не выделяла необходимых средств на содержание армии, а военнослужащие не хотели защищать такое Отечество.

В начале IV века императоры могли позволить себе производить качественный отбор воинов лишь для относительно небольших



Триумф Императора.
Резьба по слоновой кости

по численности частей личной охраны. Константин Великий (306-337 гг.) расформировал прежнюю Преторианскую гвардию, памятуя о ее неблаговидной роли в многочисленных переворотах, и создал новые подразделения — дворцовые схолы. Сначала это были два отряда пеших и конных *доместиков*[1]. Затем схол стало семь — общей численностью в 3 500 чел., из которых 40 чел. так называемых *кандидатов*[2] являлись телохранителями императора. Кроме того, караульную службу во дворце несли меченосцы — спафарии. Первоначально они комплектовались исключительно из евнухов[3], затем понятие спафарий стало означать титул, причем относительно невысокого ранга.

Вполне вероятно, что в схолах и других дворцовых подразделениях действительно служили хорошие солдаты, но три с половиной тысячи человек не могут ни защитить рубежи державы, ни успешно вести боевые действия на вражеской территории. Постепенно схолы стали чем-то вроде военно-учебного заведения по подготовке старшего командного состава, а в эпоху византийских василевсов превратились в парадное эскортное подразделение, несшее придворную службу почти исключительно в столице.

Основная часть позднеримской армии состояла из соединений двух видов. Вдоль границ в полевых лагерях, со временем превратившихся в настоящие города, многие из которых существуют и в наши дни, были размещены лимитаны[4]. В их задачу входило отражение набегов варваров и предотвращение прорыва крупных сил противника вглубь территории империи вплоть до подхода полевых частей. Эти мобильные войска назывались комитатами[5]. Словно в память об эпохе тетрархии[6] (конец III — IV вв. н. э.), когда в державе было два старших императора с титулом августа и два их «заместителя» — цезаря, существовали две комитатных армии: в западной и восточной частях государства. Позднее две армии комитатов имелись и в Византии. Привилегированной частью комитатов считались отряды *палатинов*, которые несмотря на свое наименование, несли службу не при дворе, а входили в состав полевых войск. Можно упомянуть также своеобразное формирование *псевдокомитатенсов* («мнимопоходных»). Его появление связано с тем, что после неудачного похода императора Юлиана во второй половине IV в. против персов римлянам пришлось вывести из Армении ранее расквартированные там пограничные части и включить их в состав полевой армии.

Высшими должностными лицами вооруженных сил, помимо императора-глав-

Тетрархи. Скульптурная группа из порфира изображает четырех правителей Римской империи (августов и цезарей), облаченных в одеяния высших военачальников. *Современное фото*

[1]*Лат. domesticus — «домочадец, домашний», в значении приближенный, доверенное лицо.*

[2]*Лат. candidatus, т.е. «одетый в белое», по цвету их форменного «обмундирования».*

[3]*Обилие придворных евнухов — характернейшая черта административного устройства Византии, отличавшая ее от Рима.*

[4]*Milites limitanei. От лат. limes — «граница».*

[5]*Milites comitatenses. От лат. comitatus — «сопровождение», т. е. эскорт императора, так как на рубеже III-IV вв. эти части, как правило, находились под его непосредственным командованием.*

[6]*Буквальное значение этого греческого слова — «четоверовластие».*

нокомандующего, были его помощники *магистры*: по пехоте (magister peditun) и коннице (magister equitum). Позже, когда далеко не каждый император считал возможным и необходимым лично возглавлять армию во время кампании, ею командовал (даже в мирное время) военачальник очень высокого ранга — Magister militum in praesanti («присутственный», т. е. командующий в присутствии императора). Поэтому две мобильных армии: Первая и Вторая, именовались «Презентальными». Начальники крупных региональных войсковых группировок также носили звание магистров. Существовали должности военных магистров Иллирика, Фракии, Востока, а позднее и Армении. Магистрам подчинялись *комиты*[1], а пограничными округами командовали *дуксы*[2].

Эмблематика щитов пехотных *(слева)* **и кавалерийских** *(справа)* **частей позднеримской армии** *(согласно Notitia Dignitatum)*

В состав каждого из этих войсковых объединений входили десятки разнородных боевых формирований: легионы, алы[3], отдельные когорты и ряд других. На 400 г. структура вооруженных сил Восточной империи и их подчиненность может быть представлена следующим образом[4]:

Первый презентальный военный магистр — 36 воинских частей.
Второй презентальный военный магистр — 35 воинских частей.
Военный магистр Востока — 31 воинская часть.
Военный магистр Фракии — 28 воинских частей.
Военный магистр Иллирика — 26 воинских частей.
Комит Египетской границы — 31 воинская часть.
Дукс (комит) Исаврии — 2 легиона.
Дукс Фиваиды — 44 воинских части.
Дукс Финикии — 26 воинских частей.
Дукс Сирии и Приевфратской Сирии — 18 воинских частей.
Дукс Палестины — 30 воинских частей.
Дукс Осроены — 19 воинских частей.
Дукс Месопотамии — 13 воинских частей.
Дукс Аравии — 20 воинских частей.
Дукс Армении — 25 воинских частей.
Дукс Скифии — 23 воинских части.
Дукс Первой Мезии — 27 воинских частей.
Дукс Второй Мезии — 27 воинских частей.
Дукс Прибрежной Дакии — 28 воинских частей.

Итого.....479 воинских частей.

К сожалению, привести сколько-нибудь обоснованную численность личного состава Восточноримской армии на этот период не представляется возможным. По некоторым оценкам она могла доходить до 300 тысяч человек, но эта цифра отражает не реальное, а скорее штатное количество солдат и офицеров. В дальнейшем с потерей ряда

[1]*Лат. comes — «спутник».*
[2]*Лат. dux — «военный вождь» (в дальнейшем отсюда итальянское duce — «дуче»).*
[3]*Лат. ala — «крыло». Так в римской армии назывались кавалерийские «полки»*
[4]*Не включаем в этот перечень гвардейские подразделения, которые относились не к военному, а к придворному ведомству.*

территорий, уменьшением населения империи и экономическим упадком (а стало быть, и снижением мобилизационных возможностей) армия сократилась еще больше.

Иногда считается, что наиболее боеспособные части входили в состав двух презентальных армий. Однако сохранившиеся официальные реестры свидетельствуют, что прославленные римские легионы, чья история и боевой путь насчитывали не одно столетие, находились в ведении региональных военных командований.

Так сформированные еще Юлием Цезарем VII Клавдиев и XI Клавдиев легионы подчинялись соответственно: дуксу Первой Мезии и дуксу Второй Мезии. Созданный в 43 г. до н.э. V Македонский находился в ведении Военного магистра Востока. Детище Марка Антония — IV Скифский легион[1] традиционно размещался в зоне ответственности дукса Сирии. Любимый легион императора Августа — XV Аполлонов и набранный Цезарем знаменитый XII Fulminata[2] (*Молниеносный*) входили в состав войск дукса Армении, и т. д.

Постепенно значение лимитанов снижалось. Если верить историку Прокопию, император Юстиниан регулярно задерживал им выплату жалованья, особенно когда граница оставалась нерушимой, так как они «будто бы вкушают блага мира», т. е. не рискуют жизнью в отсутствие боевых действий. С первой половины VII в. деление на мобильные и пограничные войска практически исчезло, а армия перешла на милиционно-территориальный принцип комплектования и размещения. Начиная с правления василевса Ираклия (610-641 гг.), она, помимо столичных гвардейских подразделений, представляла собой ополчения, формируемые на период военных кампаний из военнообязанных крестьян-стратиотов, получавших от государства земельные участки в качестве основного источника средств к существованию.

Со временем вышли из употребления и традиционные римские наименования воинских частей. В кавалерии вместо *ал* появляются вексилляции[3]. Затем этот термин также исчезает. Теперь и пехотные и кавалерийские подразделения называются латинским словом *нумер*, или *арифмос* по-гречески[4].

Особое значение имеет вопрос о соотношении количества пеших и конных контингентов в составе ранневизантийской армии. Чтобы не утомлять читателя сухими и обширными выкладками, скажем лишь, что, несмотря на тяжелые поражения, которые империя терпела от легкой конницы варваров-кочевников и бронированной персидской кавалерии, римская военная доктрина на протяжении длительного времени продолжала считать главным родом войск именно пехоту. Лишь после страшного разгрома легионов императора Валента при Адрианополе (378 г.), в армии возрастает количество конных лучников и пикинеров, но понадобится еще полтора века, чтобы ромеи ценой большой крови смогли на равных соперничать со своим главным противником той эпохи — Сасанидским Ираном.

Ни в римской, ни в византийской армиях никогда не было недостатка в командных должностях. Гораздо хуже обстояло дело с привлечением на службу простых

Феодосий Великий в императорской ложе на ипподроме. *База обелиска в Константинополе. Современное фото*

[1]*Между прочим, в 181-182 гг. этой воинской частью командовал будущий император Септимий Север.*

[2]*Имеющиеся археологические находки подтверждают пребывание данного легиона на территории современного Азербайджана. Получается, что солдаты XII Молниеносного продвинулись на восток дальше других римских воинов.*

[3]*От лат. vexillum — знамя.*

[4]*Буквально — «число», т. е. отряд определенной численности.*

солдат. Наступил момент, когда добровольцев-наемников уже не хватало для восполнения, как боевых потерь, так и естественной убыли. Возврат к системе почти обязательного призыва римских граждан также не давал нужных результатов. Оставалось последнее средство — сдерживать натиск одних варварских племен силами других варваров.

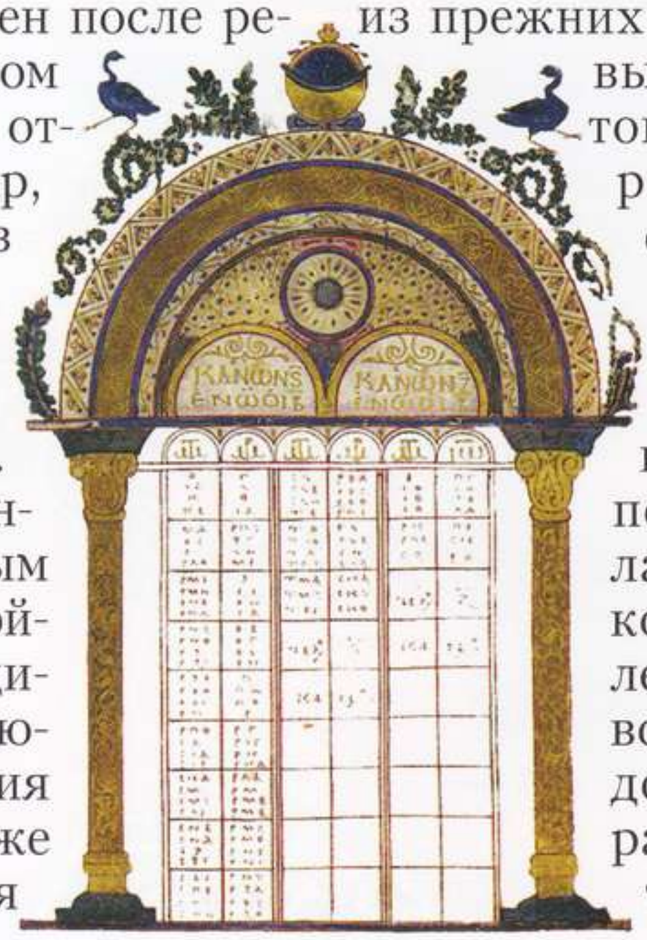
Еще во времена Республики Рим принимал на службу военные отряды племен, живших на подвластной ему территории. Из этих «внутренних союзников» формировали вспомогательные отряды, так называемые *ауксилии*. «Внешние» варвары, вступавшие в союз с Римом, назывались *федератами*, т. е. «союзниками по договору».

Для нас важно, что со времени правления Феодосия Великого (379-395 гг.) численность отрядов федератов резко увеличилась. Значительную их часть составляли готы. Особенностью статуса федератов являлся тот факт, что младшие командиры у них были из числа соплеменников, а старшими офицерами назначались римляне. Тем не менее, даже числясь союзниками, германцы неоднократно выступали против империи с оружием в руках, так что Константинополю пришлось приложить немало усилий, прежде чем Византия смогла справиться с Готской проблемой[1]. Может быть поэтому уже в VI столетии запись на службу в отряды федератов производилась не «оптом», на основании договора с племенным вождем, а на основании контракта, заключавшегося с каждым претендентом.

Такой подход стал возможен после реформы, проведенной императором Анастасием I (491-518 гг.). Он отменил денежный налог хрисаргир, взимавшийся с имущества купцов и ремесленников. Были упразднены также натуральные подати с землевладельцев и обязательные поставки рекрутов в армию. Вместо этого земельная собственность стала облагаться разумным денежным налогом, а набор в войско начал производиться в индивидуальном порядке. Многие люди восприняли эти нововведения с нескрываемой радостью, и даже опасения по поводу сокращения налогооблагаемой базы не оправдались. К концу царствования Анастасия в фискальном ведомстве хранилось 320 000 фунтов золота (и это несмотря на значительные государственные расходы, в т. ч. и на строительство крепостей).

Фрагмент мозаики Большого дворца в Константинополе

В результате принятых мер материальное положение военнослужащих улучшилось, а значит, возрос и приток желающих поступить на службу[2]. Правда, слабым местом византийской армии оставались недостаточная обученность солдат и низкая дисциплина. Поэтому в течение длительного времени наиболее боеспособной ее силой являлись: имевшиеся у ромейских полководцев отряды личных телохранителей — *вукелларии* и отборные ударные формирования *оптиматов*, набиравшиеся из прежних федератов. Эти части отличал высокий уровень боевой подготовки, но мятежей против центральной власти (в отличие от федератов) они не поднимали. Впрочем, и те, и другие получали от государства все виды довольствия и служили не конкретному военачальнику, а императору. Вот что представляла собой византийская армия, которой пришлось вести многолетнюю и упорную борьбу с Новоперсидским царством Сасанидов. Ну а теперь самое время рассказать об этом грозном противнике.



[1] *См. об этом в книге «Византия. Римская мечта».*

[2] *При этом любопытно, что каждый военнослужащий мог сам выбрать, получать ли ему жалованье в звонкой монете или все же заменить его выдачей провианта.*

«И золото, и пурпур на знаменах...»

Именно эти два цвета, воплощающие могущество и величие, нашел в своей палитре гениальный Фирдоуси, чтобы запечатлеть и сквозь века донести до потомков вид персидской армии, выстроившейся перед сражением. Что же представлял собой «Щит Ирана», о который столетиями разбивались нападения внешних врагов Сасанидского царства? И почему однажды затупившийся меч выпал из руки смертельно раненого богатыря?

Для ответа на эти вопросы недостаточно обратиться к историческим источникам и прочесть статьи военных теоретиков. Механический набор сведений лишь запутывает непосвященного, порождая растерянность и недоумение.

Великая Парфянская держава на протяжении нескольких столетий успешно противостояла Риму. С ног до головы закованные в броню парфянские катафракты, взламывали, казалось, несокрушимый строй легионов, и горе было побежденным. При этом парфянские владыки фактически не содержали постоянной армии. Основу войска династии Аршакидов составляли феодальные ополчения царских вассалов, пользовавшихся в своих родовых землях значительной самостоятельностью. За пять веков существования (единый миг для истории) Парфия знала взлеты и падения, но к концу этого срока государственный организм, подобно человеческому телу, ослаб, стал дряхлеть и уже не мог справляться со своими функциями. Сепаратизм окраин опирался на этнические противоречия разноплеменной державы, и однажды административные рычаги центральной власти повисли в воздухе, так как сила принуждения перестала действовать. Скрепы страха, удерживавшие воедино некогда могучее царство, лопнули. Местные царьки с облегчением избавились от налогового гнета, высасывавшего огромные суммы на содержание Центра. И тогда вдруг оказалось, что властители провинций обладают военным потенциалом, вполне позволяющим померяться силой с царями, чьи владения теперь ограничивались окрестностями парфянской столицы Ктесифона. Правитель области Парс[1] Ардашир повел борьбу за объединение страны. Должно быть, великие боги Митра и Ахурамазда помогали ему в битвах, когда, как сказано в Авесте, «громко стучат мечи, дрожат лошадиные ноздри, а тетивы луков свистят и пускают острые стрелы». В результате восстановитель Иранской державы в кратчайшие сроки достиг невероятных успехов.

Комплектование

Титул *шаханшах* буквально означает царь царей. Казалось бы, что может быть выше? Но на самом деле в нем отразилась традиционная слабость персидской державы. На протяжении столетий она представляла собой конгломерат областей, которыми традиционно правили династии местных вождей — *шахрдаров*, обладавших по отношению к центральной власти известной самостоятельностью. Являясь вассалами сначала Ахеменидов, затем парфян и, наконец, Сасанидов, они предоставляли в их распоряжение на время очередной кампании воинские контингенты. Аналогичным образом привлекались для несения службы отряды союзных или зависимых племен, с вождями которых владыки Ирана поддерживали дружественные отношения. Собственно персы, являвшиеся прямыми подданными шаханшаха, составляли его личное войско — своего рода гвардию. Очевидно, на регулярной основе

Шаханшах. *Миниатюра иранской работы. Серебро, позолота*

[1] *Отсюда греческий топоним* Персия, *в течение длительного времени являвшийся общеевропейским названием Ирана*

несли службу также гарнизоны крепостей и крупных городов. По мере роста экономического и политического могущества Сасанидов слой профессиональных воинов неуклонно разрастался.

Военное сословие *артештаран*, наряду со жрецами и чиновниками, составляло основу социального каркаса страны, так как воины относились к элите иранского общества. Постепенно эта профессия становилась наследственной. В аристократических семействах считалось вполне естественным, когда поколение за поколением юноши посвящали жизнь служению шаханшаху с оружием в руках. Представители правящей династии и родовитой знати (*васпухры и вазурги*) поставляли высший командный состав, как в «части постоянной готовности», так и в территориальные ополчения, созываемые на время военных кампаний. Менее привилегированные азаты (т. е. буквально «свободные»[1]) долгое время составляли основу тяжелой кавалерии. Вооружение, снаряжение, коней и все прочие виды военного имущества они должны были приобретать за свой счет. «Ведь варвары, — писал о персах историк Геродиан, — не дают жалованья воинам, как римляне; у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного...»

Кардинальные изменения в принцип комплектования иранской армии внесла военная реформа шаханшаха Хосрова I (531-579 гг.). Для усиления мобилизационных возможностей и личной преданности воинов царю царей основную массу войска стали набирать и содержать за государственный счет. Это привело, в частности, к тому, что в тяжелой кавалерии стали служить средние и мелкие землевладельцы дехкане, социальный статус которых можно приблизительно сравнить с дворянами Московской Руси[2].

Чтоб каждый муж, что сына породил,
Его отважным, доблестным растил;
Чтоб сын, воспитан ратною наукой,
Возрос богатырем, стрелком из лука.
Чтоб он мечом и палицей владел.
Был крепок мышцами и духом смел.
Когда ж, отцом воспитан благородным,
Сын вырастал для ратных дел пригодным,
Являлся он к владыке во дворец.
Там в книгу заносил его писец.
Всех вместе этих юношей держали,
Жилье и пищу от казны давали,
И под началом старых воевод
В дни браней посылали их в поход.

Бедняки, по-прежнему, служили в пехоте. Ее боевой подготовке не уделялось серьезного внимания (кроме подразделений лучников), так что часто пехотинцы были заняты разного рода строительными, хозяй-

Школа. *Иранская миниатюра*

[1]*Так называли обладавших личной независимостью представителей коренных персидских семейств.*

[2]*Сохранились свидетельства о пожаловании дехканам земельных участков из царского фонда.*

ственными и иными подсобными работами, обеспечивая главным силам армии условия для успешного ведения кампании.

Сведения о мобилизационных возможностях Сасанидской державы крайне противоречивы. Зачастую в источниках приводятся явно завышенные данные о численности иранского войска, что объясняется, с одной стороны, желанием персидских авторов подчеркнуть могущество своих владык, а с другой, попытками их противников показать, насколько трудно было сражаться против персов. Выводы, к которым приходят современные специалисты, также отличаются большим разбросом и не всегда убедительно обоснованы. В связи с этим, приходится делать лишь весьма осторожные предположения. Профессиональное ядро армии представляло собой не слишком многочисленный, но отлично оснащенный и вымуштрованный в ходе многолетней подготовки ударный корпус, несший службу на глазах у царя и призванный решать исход сражений. Его численность могла колебаться в пределах 10-15 тысяч тяжеловооруженных кавалеристов. В военное время численность армии значительно возрастала за счет пополнения контингентами отдельных провинций, созыва ополчений и привлечения союзников. В таком случае, шаханшах мог вести полевую кампанию, имея в своем распоряжении до ста тысяч человек.

Структура вооруженных сил

Иранское войско (Spâh) состояло из трех родов оружия: элефантерии, кавалерии и пехоты.

Боевые слоны

Стремясь во всем походить на своих великих предшественников Ахеменидов, сасанидские владыки Ирана также завели в войске элефантерию. «Материальная часть» этого рода войск пополнялась из Индии. Помимо массы в несколько тонн, ударную силу слонам придавал экипаж, состоявший из погонщика, управлявшего гигантом, и нескольких лучников, размещавшихся в деревянной башенке, закрепленной на спине животного. В качестве дополнительного вооружения использовались оправленные в бронзу бивни слона.

Римские легионеры не имели дела с такими чудищами со времен Ганнибала и Селевкидов, т. е. более пятисот лет. Поэтому, когда в 362 г. император Юлиан двинул армию в Месопотамию, именно слоны, возвышавшиеся в рядах персов, подобно крепостным башням, должны были произвести на его воинов особенно сильное впечатление. Тем не менее, историк Аммиан Марцеллин, принимавший участие в этом походе в качестве строевого офицера, профессионально подметил, что погонщик слона был вооружен длинным ножом, чтобы прикончить животное, если оно взбесится в ходе сражения. Иначе разъяренный зверь мог причинить гораздо больший урон самим персам, а не их противникам.

Источники почти не зафиксировали примеров успешного боевого применения слонов. Тот же Марцеллин ничего не говорит об этом. Наоборот. Несмотря на грозный вид и видимую мощь громадин, римляне в той битве одержали победу. Почти двести лет спустя столь же неудачной оказалась по-

Иранские боевые слоны в сражении.
Армянская миниатюра

пытка использования слонов под Эдессой в 544 г. Еще один византийский историк, Агафий Миринейский, описывая военные действия в Лазике (555 г.), сообщал, что достаточно было одному из византийских офицеров ранить слона копьем в бровь, как тот буквально обезумел. «То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный крик». И, наконец, «привел в беспорядок все персидское войско».

Таким образом, за два века персы так и не смогли добиться надежной управляемости этими гигантами. В целом их можно рассматривать скорее в качестве психологического средства воздействия на противника[1], или даже церемониального «вида транспорта» шаханшахов Ирана, подчеркивавшего их величие[2]. Во всяком случае, византийский военный трактат «Стратегикон», относящийся к рубежу VI-VII вв. и специально освещающий вопрос «Как следует приспосабливаться к персам», вовсе не упоминает это средство вооруженной борьбы.

Кавалерия

Настоящую гордость Сасанидской военной машины и ее главную боевую мощь составляла тяжеловооруженная конница — *асваран*[3]. Если бы нашему современнику удалось оказаться свидетелем одного из сражений ирано-византийских войн, то его удивлению не было бы предела. На первый взгляд могло показаться, что случилось невероятное: вопреки всем правилам хронологии, римские легионеры, в хорошо известных по многочисленным изображениям сегментных панцирях — лориках, сошлись в бою с закованными с головы до ног в блистающую броню рыцарями, кони которых также надежно прикрывались стальными пластинами. На самом деле, при всей очевидности временнуго несоответствия, это лишь кажущийся анахронизм.

Еще парфяне успешно сражались против римлян при помощи тяжелой бронированной конницы. Новоперсидское царство Сасанидов, освоив их опыт, значительно усилило этот род войск, сдвинув количественные пропорции между конными лучниками и копейщиками в сторону последних.

Царь на охоте. *Иранская миниатюра*

Обычно в европейских источниках тяжелую кавалерию раннего средневековья принято делить на *клибанариев* и *катафрактов*. Первый из этих терминов иранского происхождения. Он представляет собой дошедшее до нас через греков иска-

[1] *В ходе кампании 420-421 гг. одного слуха о том, что персы идут на выручку осажденному гарнизону крепости Нисибис, имея в своем войске боевых слонов, оказалось достаточно, чтобы византийцы сожгли осадные машины и поспешно отступили.*

[2] *В январе 503 г., когда после упорной, длившейся несколько месяцев осады, персы штурмом овладели приграничной крепостью Амида, шаханшах Кавад въехал в поверженный город, восседая на спине слона.*

[3] *От персидского asvaran — «всадники».*

женное персидское слово — *griwbanwar*, т. е. «защищенный до шеи»[1]. Слово катафракт — греческое, но означает оно почти то же самое — «оснащенный преградой», т. е. «защищенный»[2].

Иногда специалисты различают оба этих вида конницы по видам их вооружения. Якобы, клибанарии сражались, в основном, мечами и стальными палицами-булавами, а катафракты использовали, в первую очередь, длинные пики. Возможно и так, но в целом, очевидно, что и те и другие относились к тяжелой кавалерии.

Как отмечалось выше, службу в этом роде войск несли представители знати. С середины VI в., в результате военной реформы шаханшаха Хосрова I ряды асварана пополняли средние и даже мелкие землевладельцы. Они полностью содержались за счет государства, получая из казны предметы снаряжения, вооружение и денежное содержание, т. е. являлись *солдатами* в буквальном смысле этого слова[3]. Профессиональный характер армии позволял вести боевую подготовку личного состава в местах их постоянного расквартирования. Воинов учили в совершенстве владеть искусством верховой езды и свободно обращаться со всеми видами оружия.

Бойцы регулярных частей были обязаны благосостоянием лично шаханшаху и преданно служили ему, в то время как значение местных ополчений и политический вес крупных феодалов резко снизились. Этой же цели послужила децентрализация высшего военного командования, когда вместо должности эранспахбеда, которому ранее подчинялись все вооруженные формирования, были введены звания четырех спахбедов, возглавлявших войска по зонам ответственности: на Западе, Юге, Востоке и на Севере.

Легкую кавалерию Сасанидов составляли подразделения конных лучников (наряду с персидскими, особенно славились армянские стрелки). Начиная с VI в., лучниками вооружались воины асварана, и специализированные части лучников практически сошли на нет.

Кроме того, функции легкой кавалерии выполняли наемные или вспомогательные отряды вассальных народов: аланы, эфталиты, хазары, арабы и др. Помимо участия в крупномасштабных военных кампаниях (прежде всего, на западе — против Рима, а затем и Византии), эти подразделения несли службу в так называемое «мирное время», прикрывая границы царства в качестве мобильной завесы.

В западных источниках имеются отдельные упоминания об использовании персами верблюдов в качестве верховых животных, но они не позволяют сделать определенных выводов о наличии и распространенности «кэмелерии» как отдельного рода войск.

Пехота

Владыки Ирана считали пехоту второстепенным, вспомогательным видом вооруженных сил. Тем не менее, и внутри нее части различались между собой по значимости и величине задач, решаемых в ходе военных кампаний.

Элиту персидской пехоты составляли подразделения стрелков из лука. Боевой подготовке этих отрядов уделялось особое внимание. Воинов учили вести прицельную стрельбу на предельной дальности и с максимальным темпом. Важным было также умение взаимодействовать с кавалерией при смене позиций на поле сражения и по мере развития боевой обстановки. В таких случаях пехотинцы действовали под прикрытием конницы, «обрабатывая» плотные массы противника, чтобы нанести им максимальный урон перед атакой асварана. В случае отступления, лучники могли сдерживать продвижение неприятеля, периодически останавливаясь и осыпая его градом стрел.

Достаточно внушительную боевую силу (особенно в ранний период сасанидской ис-

---

[1] *Напоминанием об общих индоевропейских корнях наших языков, в данном случае, является русское слово «грива», т.е. «шея» в своем старинном значении.*

[2] *Есть еще одно, родственное этому и давно ставшее русским слово — «катаракта», т. е. преграда на пути световых лучей, попадающих в глаз. Первоначально у греков так называлась каменная преграда в речном русле, т. е. «порог».*

[3] *От латинского solidus — полновесной, «солидной» монеты, выплачиваемой в качестве жалованья. Отсюда также итальянский глагол soldare — нанимать на службу за плату.*

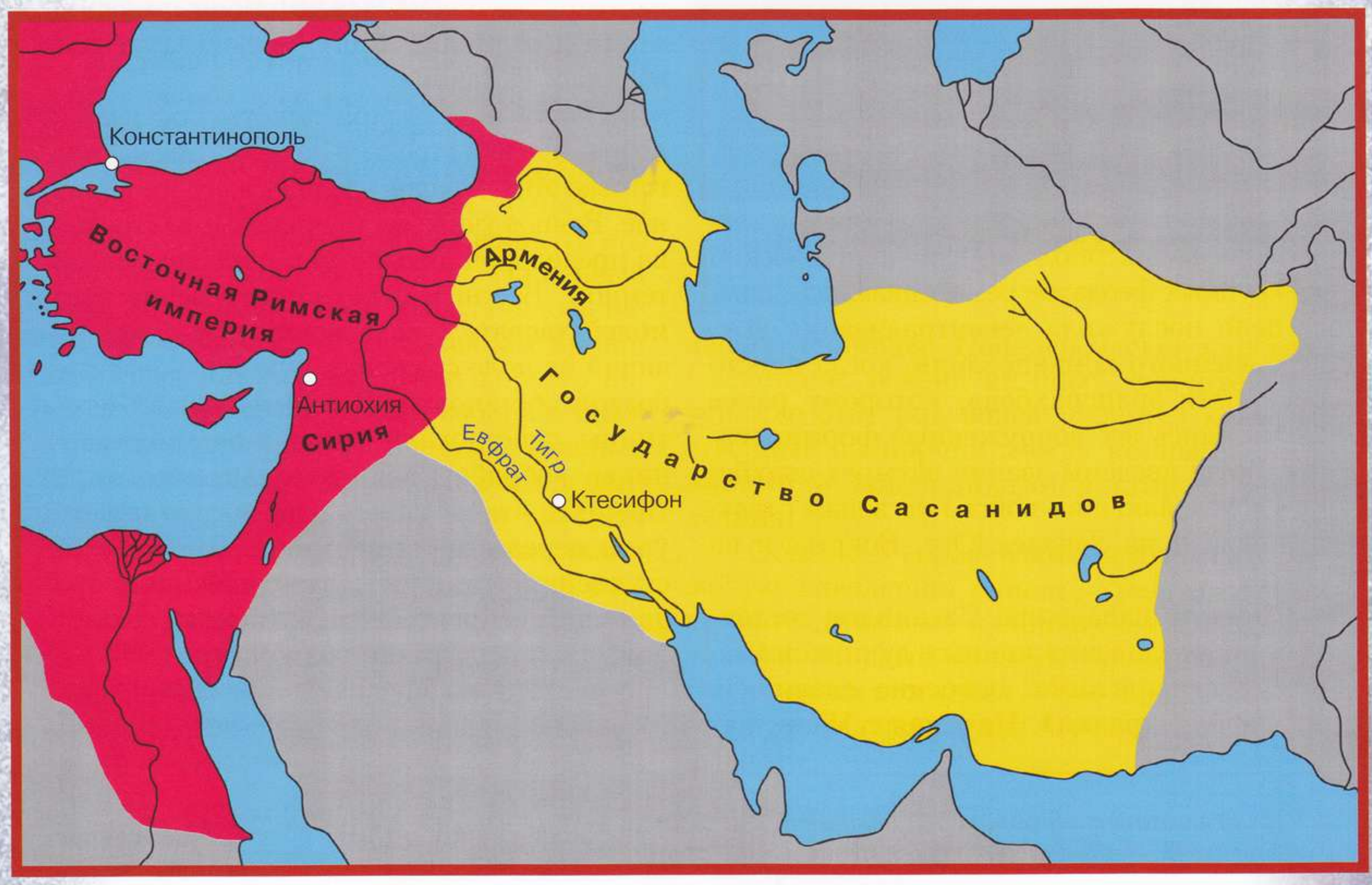
тории) представляла собой регулярная тяжелая пехота. Как правило, эти подразделения формировались не из персов, а набирались из мидян, а позднее из дейлемитов[1]. «Их можно причислить к самым воинственным народностям», — сообщает Агафий Миринейский.

На поле боя тяжелая пехота использовалась в качестве опорных пунктов, которые производили на противника отрезвляющее впечатление, отбивая охоту переходить в наступление. Это позволяло выиграть время и давало возможность кавалерии или лучникам совершить необходимый маневр для продолжения сражения. Тот же Агафий пишет далее о дейлемитах: «Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды, опытны в перестройке боевого порядка и в приспособлении к любой случайности».

Особое внимание при подготовке пехотинцев уделялось умению владеть мечом и кинжалом в ближнем бою. Но даже в период своего расцвета, когда воины тяжелой пехоты могли на равных соперничать с римскими легионерами, они действовали под прикрытием кавалерии или лучников. Когда же большую часть византийских армий начали составлять кавалерийские части, боевое значение иранской пехоты сократилось до минимума.

Теперь пехотинцы представляли собой вспомогательные контингенты — *пайган*, состоявшие из крестьян, насильно согнанных в армию на время очередного похода. Зато их было так много (десятки тысяч), что противник часто воспринимал рабочие команды пайгана, как основную часть персидского войска. Возможно поэтому, римляне и византийцы крайне невысоко оценивали иранскую пехоту вообще. На самом деле пайганы несли сторожевую службу при обозе, являлись оруженосцами при профессиональных воинах, передвигавшихся до и после сражения налегке.

Кроме того, в бою такая обслуга могла прикрывать подразделения, находившиеся в резерве, или в глубине построения. «Свои огромные щиты, — писал византийский историк Прокопий Кесарийский, — они вы-



Держава Сасанидов и Восточная Римская империя, около 400 г.

[1]*Горцы с юго-западного побережья Каспия.*

ставляют вперед только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий».

Еще в задачи пайганов входили длительные и трудоемкие земляные работы при сооружении укрепленных лагерей и во время осад крепостей. Они же обеспечивали действия осадных машин и механизмов (конечно же, под руководством опытных мастеров и специалистов).

Организация

Основной тактической единицей иранского войска считалась сотня — *вашт*. Сотни объединялись в тысячи — *драфш* (хотя это слово не числительное, а существительное и означает *«знамя»*). Высшим соединением являлся *гунд* (десять тысяч). Однако в ходе реальных кампаний использовались и более крупные контингенты.

Важную роль играли «гвардейские» части, осуществлявшие функции личной охраны шаханшаха и его дворцов-резиденций, как в мирное, так и в военное время. Так около 1000 воинов элитного «полка» *пуштигбан* несли службу при особе государя непосредственно в Ктесифоне. В подражание Ахеменидам царскую гвардию составляли и 10000 «бессмертных». Считалось, что вступление в бой этого формирования могло в корне изменять ход сражения в пользу персов. Лучшие воины, проявившие в битвах незаурядную отвагу, считались *гьян-аспар* (пожертвовавшими жизнью) и зачислялись в корпус *Пешмерга*. Особо почетной считалась служба в отборных кавалерийских подразделениях: *хосровгет* («воины Хосрова») и *пероозет* («победоносные»). Тогда же лучшие части асварана получили почетное наименование «золотые копья».

Командный состав армии не имел воинских званий в современном смысле этого слова. Зато официальные наименования тех или иных военных должностей зачастую воспринимались у соседей Сасанидского Ирана как почетные титулы:

Эранспахбед — глава военного ведомства (военный министр).

Спахбед — военачальник, возглавлявший крупную войсковую группировку (генерал)

Марзбан — командующий приграничным военным округом (генерал-губернатор).

Пуштигбан-салар — командующий шахской гвардией.

Асваран-сардар — командир кавалерийского соединения.

Пайган-салар — командир пехотного соединения.

Гунд-салар — командир десяти тысяч воинов.

Хазарбед — командир тысячи.

Поединок Шапура и Валериана. *Камея*

Существовал и ряд других терминов для обозначения должностного положения тех или иных военачальников, однако их не всегда можно привязать к каким-либо конкретным служебным обязанностям[1]. После реформы Хосрова I особое значение получили спахбеды — командующие четырьмя военными округами (или, если угодно, зонами ответственности), на которые была разделена вся территория иранской державы.

В Ктесифоне регулярно проводились общеармейские сборы, и деньги выплачивались солдатам только в том случае, если они могли предъявить все предметы, которые должны были входить в полный комплект вооружения.

При таком положении дел едва ли не центральной фигурой военной машины становился главный казначей, регулярно инспектировавший личный состав. Чтобы вникнуть во все детали, ему, даже имея штатных помощников, требовалось много времени. Такие смотры могли длиться до сорока дней!

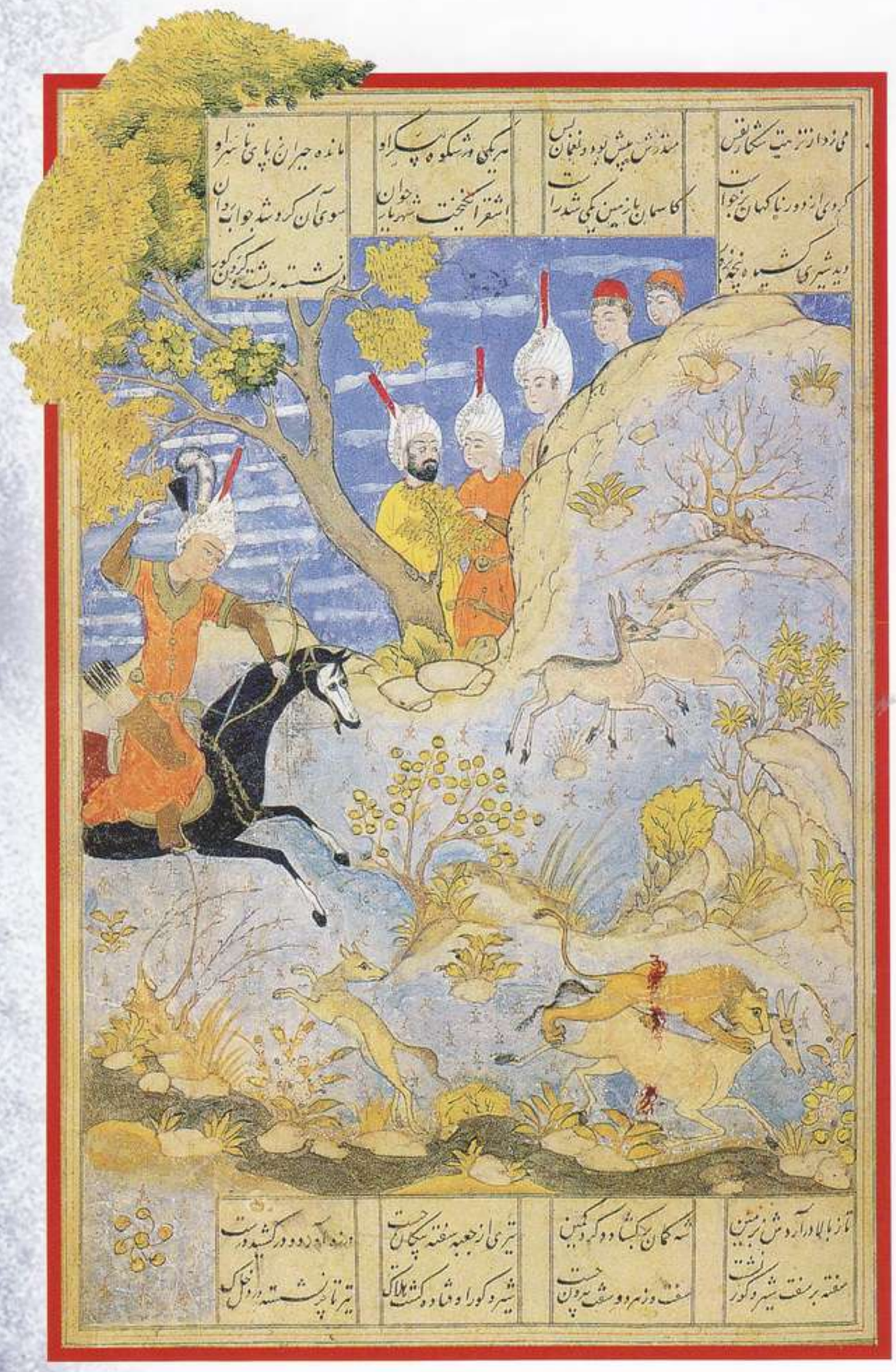
[1] *Точно также как и византийские «стратиг» или «стратилат» имеют различные значения и не соответствуют «генералу» или «полковнику».*

Сохранился интересный рассказ о том, как однажды, когда был назначен общий строевой сбор, казначей Бабек, едва взглянув на застывший строй всадников, заявил, что из-за отсутствия некой важной персоны, мероприятие переносится на следующий день. Но и назавтра картина повторилась. Правда, теперь Бабек пояснил, что он ждет, когда на смотр прибудет первый воин державы — сам шаханшах!

И что же вы думаете? «Бессмертный душой», Хосров Ануширван в блистающих доспехах не погнушался собственной персоной предстать перед строгим инспектором. А Бабек не подал виду, что случилось нечто особенное, и стал дотошно проверять комплект царского вооружения, пока не обнаружил, что у Хосрова не достает двух запасных тетив к его боевому луку. И лишь после того, как недостаток был восполнен, главнокомандующий получил причитающееся денежное довольствие и смог вернуться во дворец, а смотр пошел своим чередом. Хочется думать, что шаханшах понял и оценил правоту ревностного службиста, который этим примером показал остальным военным чинам, что перед армейской дисциплиной все равны, и ее требования не знают исключений.

Вооружение

Как ни стремились Сасаниды подчеркнуть непосредственную преемственность с древнеперсидским царством Ахеменидов, но свою военную машину они во многом заимствовали у парфян.



Охотничья сцена.
Иранская миниатюра

Главным оружием тяжелой конницы были длинные (более 3 м.) пики. Чаще всего в ходе атаки мчащиеся во весь опор всадники не оставляли противнику никаких шансов выдержать натиск стальной лавины. При этом копье приходилось изо всех сил сжимать обеими руками, а необходимую устойчивость всаднику (в отсутствие стремян) придавала особая конструкция седла с высокими луками. Зато и эффект от применения такого оружия был поистине убийственным. Сохранились свидетельства, что кинетическая энергия удара была столь велика, что позволяла пробить сразу двух вражеских солдат, стоявших в затылок друг другу.

Если же фаланга асварана, опрокинув первые шеренги противника, все же вязла в глубине боевого порядка, или неприятель успевал перебросить к месту прорыва резервы, то приходилось вступать в ожесточенный ближний бой, переходя на использование прямых обоюдострых мечей. Длина клинка такого оружия составляла 100-110 см. при ширине 5-8,5 см. Первоначально мечи носились в ножнах, крепившихся к перевязи за одно кольцо. Позднее применялась двухточечная подвеска к поясу на ремнях разной длины, отклонявшая меч от вертикали. Считается, что такой способ крепления был заимствован персами у тюрок или авар. Это новшество позволяло быстрее и удобнее вынимать оружие из ножен. Вероятно, подобным образом носились и боевые кинжалы. Вместе с тем, этот вариант персы считали «варварским». Во всяком случае, на рельефах, запечатлевших официальные церемонии Сасанидов, цари и их ближайшее окружение изображены с мечами, носимыми

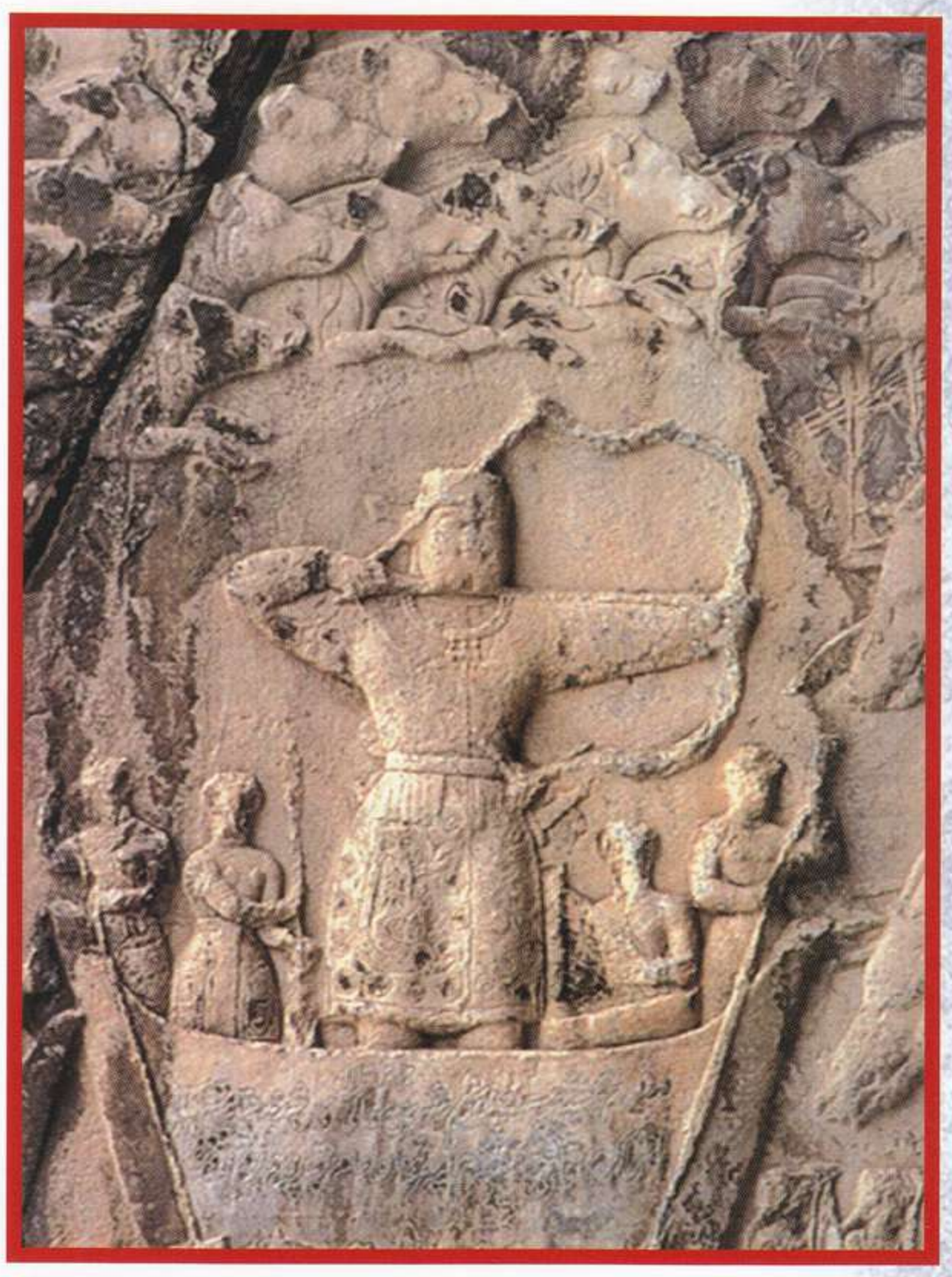
в соответствии со старинными образцами, т. е. на одноточечной подвеске. Интересной особенностью позднесасанидских мечей являлись фигурные рукояти с вырезами для пальцев. В таком случае меч сидел в руке как «влитой», надежно удерживая оружие, даже если оно вязло в теле противника, или отскакивало от металлической брони.

Но и самый лучший клинок мог не выдержать и переломиться в ходе ожесточенной схватки. Тогда кавалерист прибегал к последнему и решающему силовому аргументу. Он пускал в дело железную булаву длиной 40-55 см. с утолщением на конце. Ее дробящие удары могли вывести из строя даже сильно защищенного врага, размозжив ему голову, или нанеся настолько тяжелую контузию, что он уже был не в состоянии оказывать сопротивление.

Не исключено, что плети, служившие для управления лошадью, также имели и боевое применение. Как и арканами, ими захватывали вражеских всадников за шею и стаскивали с седла. Хотя, скорее всего, такие приемы являлись более характерными для легкой конницы.

Грозным оружием средней и легкой кавалерии являлся сложносоставной лук, изготавливавшийся из дерева, рога и сухожилий. В распрямленном состоянии (без тетивы) его длина составляла около 1,5 м. Конструктивной особенностью персидского лука были выступавшие вперед оконечности («рога»). Натягивать тетиву такого оружия было труднее, но зато выпущенные стрелы летели дальше и обладали большей убойной силой, иногда прошивая противника насквозь.

Иранские источники содержат многочисленные свидетельства меткости сасанидских лучников. Трактат Аин-намэ приводит интересные детали их боевой подготовки. Например, при прицеливании от воинов требовалось «не двигать зубами, не вращать глазами и не качать тела». Высокий профессионализм персидских стрелков отмечается и европейскими авторами. Так, византийский «Стратегикон» сообщает, что персы «превосходят все воинственные народы в стрельбе из лука»[1]. При этом особо подчеркивается их умение выпускать стрелы с невероятной скоростью.



Шаханшах на охоте. *Сасанидский рельеф*

Прицельная дальность действия этого оружия составляла около 60 м., но стрела сохраняла убойную силу на дистанциях более 170 м. Правда, для таких расстояний имело смысл стрелять только «по площадям» (например, по неподвижному строю войск противника). Поддерживать максимальный темп стрельбы (а, следовательно, и наиболее эффективное воздействие) помогал следующий прием. Каждый лучник умел держать в левой руке вместе с луком еще три боеготовых стрелы. Всего же в колчане хранилось, как правило, тридцать стрел длиной по 80-85 см. каждая.

Иногда военачальники специально формировали целые подразделения из лучников-левшей (натягивавших тетиву левой рукой).

[1] *Автор трактата пишет даже об особом, «персидском» способе стрельбы из лука, когда его тетива натягивается тремя пальцами (а не двумя, «по-ромейски»). В свою очередь, большее натяжение обеспечивало и бóльшую дальность полета стрелы. Признавая эффективность «персидского» способа, автор прямо рекомендует учить ему и ромейских воинов.*

Считалось, что, развернутые на левом крыле боевого порядка, они смогут стрелять «в обе стороны», т. е. поражать стрелами, как наступающий центр вражеского расположения, воины которого были неприкрыты с правой стороны щитами, так и части, пытающиеся совершить охват персов с незащищенного фланга.

Несмотря на то, что пехота являлась скорее вспомогательным родом войск, пехотинцев, помимо хозяйственных работ, иногда использовали в бою в качестве копьеносцев или метателей дротиков. Кроме того, пешие воины могли быть вооружены луками, укороченными мечами, топорами, но, чаще всего, пращей с носимым запасом камней. Из защитного вооружения применялись только небольшие щиты — деревянные, или сплетенные из прутьев и обтянутые бычьей кожей.

Зато бронированному снаряжению сасанидской кавалерии могли позавидовать любые противники Ирана. Прошло несколько столетий, прежде чем европейские рыцари смогли обзавестись защитным комплектом, хотя бы отдаленно сравнимым с персидским.

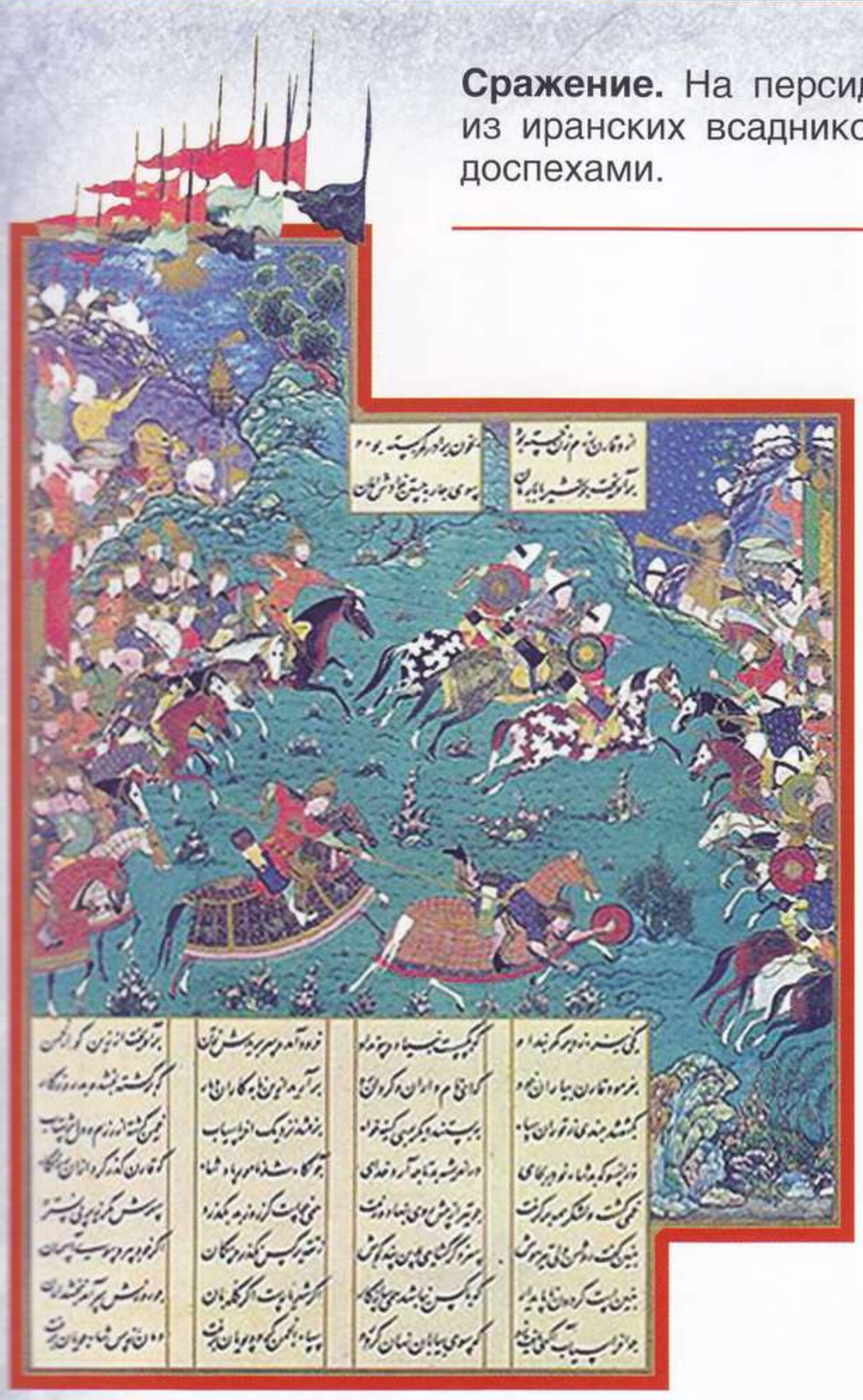
Иранский тяжеловооруженный всадник.
Сасанидский наскальный рельеф

На рельефах сасанидской эпохи можно видеть цельнокованые шлемы, но совершенно очевидно, что гораздо более технологичными были каркасные, склепанные, по крайней мере, из двух половин, а позднее из четырех или шести сегментов. Такая конструкция позволяла обеспечивать массовое производство защитных головных уборов. Первоначально шлемы имели в основном коническую форму. Позднее они стали полусферическими. Для усиления защиты воина шлем снабжался кольчужной бармицей, прикрывавшей не только шею, но и плечи. Известны также образцы с полумаской, защищавшей лицо. Шлемы представителей знати, занимавших командные должности, украшались навершиями в виде крыльев или фантастических птиц, инкрустировались золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями.

Еще более эффектно выглядели доспехи, защищавшие корпус иранских воинов. Аммиан Марцеллин, встречавшийся с персами на поле боя, не мог скрыть восхищения от внешнего вида противника. По мнению профессионального военного, они были вооружены подобно гладиаторам. Персы «производили впечатление людей из железа». При этом все части доспеха были тщательно подогнаны, тесно облегая фигуру, и буквально «слепили глаза встречным».

Другой римский автор отмечал, что царь Шапур II (309-379 гг.), желая сделать свою конницу неуязвимой, «не ограничивал их доспехи шлемом, нагрудниками или поножами и даже бронзовыми пластинами, защищающими лоб и грудь лошади, но его солдаты были покрыты кольчугой с головы до ног, а лошади от темени до копыт».

Кольчуги, несмотря на трудоемкость в изготовлении, ценились за гибкость, не сковывающую движений (что особенно важно в бою), и долговечность. Кроме них иранские воины использовали пластинчатые и чешуйчатые доспехи, причем, иногда одновременно. Так, например, панцирь из железных пластин могли носить поверх кольчуги. Стальные пластины, нашитые на кожу, защищали предплечья и ноги. От парфян Сасаниды унаследовали металлические боевые перчатки.



Сражение. На персидской миниатюре видно, что некоторые из иранских всадников идут в бой на конях, надежно прикрытых доспехами.

При такой солидной защите щиты играли вспомогательную роль. Овальные в кавалерии и большие, прямоугольные в пехоте, они имели гибкую основу из плетеной лозы и обтягивались толстой сыромятной кожей. В то же время применение металлических щитов, по-видимому, носило ограниченный характер.

Неповторимо величественный вид иранским витязям придавали их боевые кони, также прикрытые доспехами. Набранные из стальных пластин, или чешуйчатые, они нашивались на кожаную или льняную основу и покрывали голову, шею и круп лошади. Все это снаряжение (да еще, если учесть вес бронированного всадника) было чудовищно тяжелым и ограничивало боевые возможности кавалерии в ходе кампании. Поэтому неудивительно, что в позднесасанидский период, персы пошли на облегчение конских доспехов, прикрывая уже не весь корпус лошади, а лишь его наиболее уязвимую переднюю часть. Но даже теперь фаланги асварана оставались практически непробиваемыми для вражеских стрел[1].

Военное искусство

Помимо индивидуальной боевой подготовки, методы которой, как правило, являлись универсальными для большинства регулярных армий той эпохи, иранское военное искусство имело характерные черты, отличавшие войско шаханшахов и позволявшие им одерживать победы над самыми грозными противниками, включая доселе непобедимые римские легионы.

Прежде всего, сражение рассматривалось как крайний и, в общем-то, нежелательный вид боевых действий. «Пусть не вступает он (*полководец — В. Ш.*) в бой с войском иначе, как в случае крайней необходимости, — гласит иранская «Книга установлений», — и в таком положении, когда нельзя избежать сражения». Считалось более эффективным измотать противника, вынудив его к отступлению. В условиях безводных каменистых пустынь Ближнего Востока такой вынужденный марш мог привести к утрате боеспособности вражеской армии, или даже ее полной гибели.

На растянувшиеся на марше колонны противника иранские военачальники стремились нападать «подобно пылающему огню»: из засад, сразу в нескольких местах. Еще один прием, упоминаемый в персидских боевых наставлениях и в мемуарах современников — внезапная ночная атака на врага, утратившего бдительность. Это могло посеять в его рядах губительную панику. Для таких налетов выделялись наиболее смелые, деятельные и, в то же время, осмотрительные бойцы. Затаившись и ожидая команды для броска, они не должны были «громко вздыхать, кашлять и чихать». Под стать им выбирались и кони — такие, чтобы

[1] *Римские легионеры пытались вести борьбу с тяжелой кавалерией противника, нанося удары в незащищенное брюхо лошади, но требовалось немалое мужество даже для того, чтобы хотя бы просто вплотную приблизиться к монстру, который отнюдь не стоял на месте.*

не ржали и «не шалили». Успеху предстоящей схватки способствовало также скрытное выдвижение под шум ветра или плеск речных волн, когда эти звуки заглушали марш воинов. Последующий удар весьма часто обращал в бегство ошеломленного неприятеля. Подобная тактика позволяла одержать победу даже относительно небольшими силами. На походе же персы старались продвигаться медленно, высылая вперед сторожевое охранение и тщательно разведывая местность.

В свою очередь, чтобы самим не подвергнуться нежданному нападению (особенно на биваке), иранские военачальники уделяли большое внимание организации караульной службы и даже инженерному оборудованию местности. Так один из сасанидских военных трактатов предписывал ставить перед расположением войск железные капканы на случай возможной ночной атаки со стороны врага.

Ну а если битва становилась все же неизбежной, то принимать ее следовало на выгодной позиции — как правило, на возвышенностях, подходы к которым прикрывались естественными препятствиями: оврагами, водными преградами и т. п. Полководцу следовало также позаботиться, чтобы «солнечный луч и ветер приходились в тыл войска его» (т. е. мешали неприятелю).

Персы строились расчлененным боевым порядком, который включал «сердце» (центр), фланги и резерв. Лучшие ударные части находились в центре. Здесь разворачивался передовой «полк» тяжелой кавалерии, за ним массив почти столь же тяжеловооруженной пехоты. В ходе боя эти части могли заменяться свежими — из второй боевой линии, или из резерва. При этом даже в оборонительном сражении рекомендовалось иметь над противником, по крайней мере, полуторный перевес в силах (за исключением тех случаев, когда враг вторгался на территорию Ирана).

Зная стремление полководцев Рума (т. е. римлян, а затем и византийцев) к охватам флангов с последующим выходом в тыл основным силам, иранские военачальники размещали на флангах стойкие кавалерийские части, чтобы любой ценой удержать занимаемые позиции. С другой стороны, сбив натиск врага вязким сопротивлением, можно было попытаться предпринять его обход с правого фланга (левый фланг предназначался почти исключительно для обороны).

Кавалерийская сшибка.
Восточная миниатюра

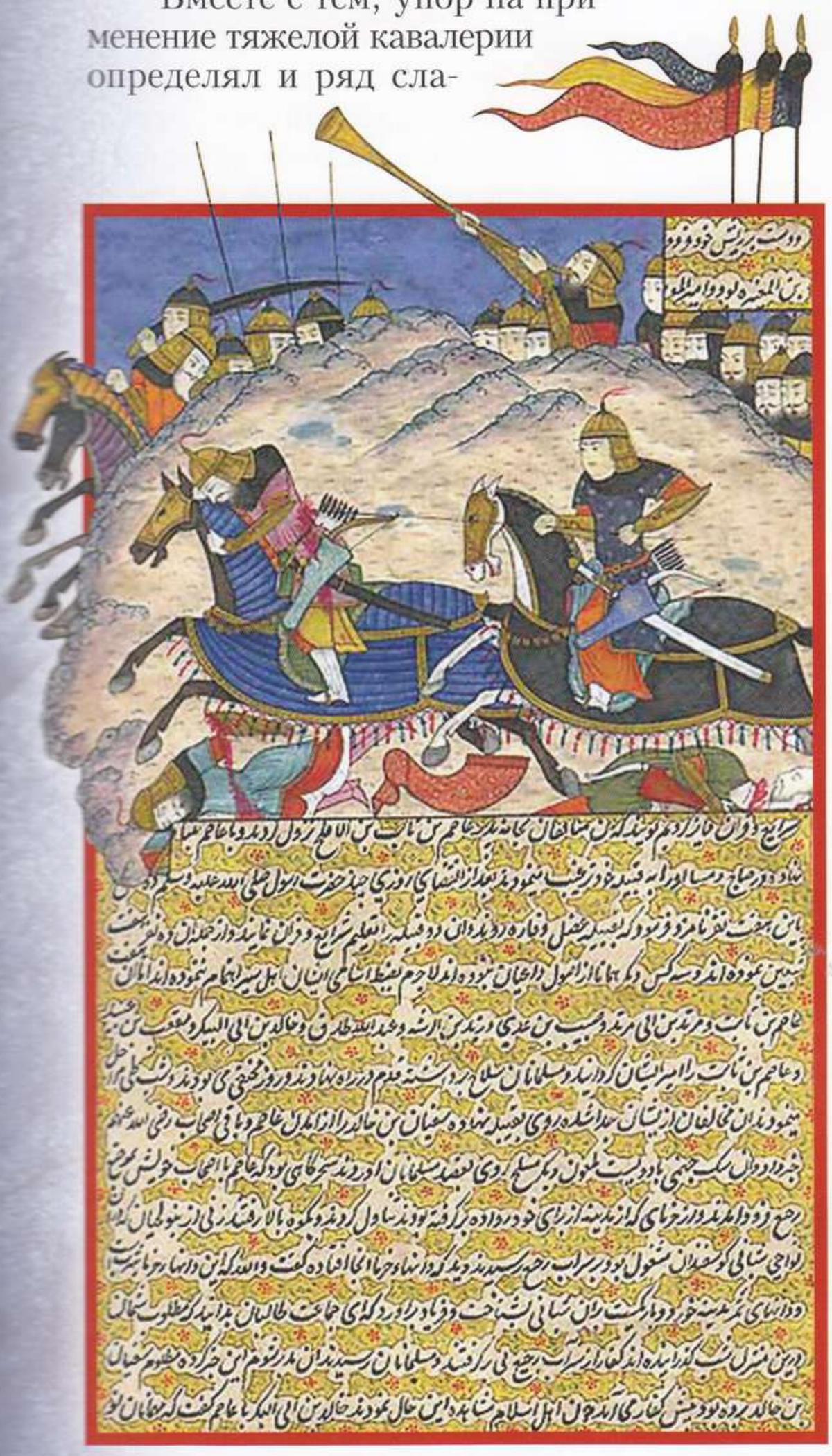
Если же персам самим приходилось наносить удар первыми, то, как правило, они начинали сражение с мощного и непрерывного обстрела противника из луков, да так, что какое-то время стрелы буквально висели в воздухе. Обучение лучников велось таким образом, что они могли стрелять как с места, так и в движении. Затем следовал таранный удар тяжелой конницы. Атака развивалась медленно, главное было не допустить разрыва строя. Поэтому кони двигались почти шагом.

Наступление осуществлялось в центре боевого построения, или на правом фланге. Как уже отмечалось. действия левофланговых отрядов в основном ограничивались жесткой обороной, но они могли также наносить и контрудары. Изначально располагавшийся в тылу отборный кавалерийский резерв (например, «бессмертные») мог в нужный момент увеличить силу удара, окончательно сломив неприятеля. Разбитого врага персы, используя свою многочисленную конницу, настойчиво преследовали, но при этом, чтобы не доводить его до крайности в безвыходной ситуации, почти всегда оставляли коридор для отхода. В ходе преследования иранским воинам запрещалось отвлекаться на поиски и присвоение добычи, так как это могло сбить темп погони, позволяя неприятелю прийти в себя и даже возобновить сопротивление.

Из перечисленного выше комплекта вооружения и снаряжения тяжелой иранской

конницы, становится ясно, что, несмотря на мощь наносимых ударов, части асварана не могли поддерживать темп боя в течение достаточно длительного времени. В жарком климате Месопотамии, где в основном и велись военные действия, даже несколько повторных атак на противника после его «обработки» действиями лучников, не всегда оказывались под силу тяжеловооруженным всадникам на лошадях, задыхавшихся под тяжестью металлических, кожаных и толстых войлочных доспехов. Таким образом, асваран был ударным родом войск, предназначавшимся для прорыва боевых порядков противника единым мощным усилием.

Вместе с тем, упор на применение тяжелой кавалерии определял и ряд слабых сторон сасанидской армии в сражении. В ходе ее атаки, неприятель мог отразить нападение внезапным контрударом по незащищенному флангу этой массы. Применение частей асварана ограничивалось и характером местности. Для развития атаки бронированной фаланги требовались обширные ровные пространства. В горной, или на сильно пересеченной местности этот род войск терял свою эффективность.



Военная сцена. *Восточная миниатюра*

Еще одним недостатком, проистекавшим из общей военной доктрины Иранского царства, была ненадежность союзных и вспомогательных частей. Достаточно было решительным ударом обратить их в бегство, и асваран терял уверенность в собственной непобедимости. А уж в случае гибели строевого командира относительно высокого ранга, его подчиненные, скованные жесткой дисциплиной, но не приученные к проявлению инициативы, могли просто обратиться в бегство.

Вероятно, с учетом этих особенностей, персидские военачальники считали возможным вступать в сражение, лишь имея значительный (иногда трех или даже четырехкратный) перевес над противником в живой силе. В ином случае их излюбленным приемом считалось стратегическое отступление вглубь собственной территории. Считалось, что неприятель не сможет в течение длительного времени находиться на землях, полностью лишенных каких-либо ресурсов для содержания армии (прежде всего, продовольственных и фуражных). В трактате «Стратегикон» приводится пример массовой гибели лошадей византийской кавалерии, которых пришлось кормить захваченным ячменем, хотя это зерно было отравлено персами. Точно также могли выводиться из строя колодцы, которые засыпали, или сознательно отравляли[1]. Следует заметить, что в случае применения при отступлении тактики «выжженной земли» непосредственной угрозе неоднократно подвергалась даже столица сасанидского Ирана Ктесифон, но римляне, действительно, ни разу так не смогли закрепиться на землях персидской Месопотамии.

Длительные войны с Римом и Византией научили иранское командование понимать реальное значение крепостей и укрепленных городов. Часто целью таких кампаний являлся захват добычи, основная часть которой могла быть захвачена именно в городах. Поэтому со временем персы научились

[1] *Чтобы бороться с таким коварством, автор «Стратегикона» предлагает проверять захваченную еду и воду на вражеских пленных.*

с помощью разнообразной и довольно сложной осадной техники брать даже самые сильные фортификационные сооружения.

Сасанидская крепость в Дербенте.
Современное фото

Важную роль в осаде и взятии крепостей играло психологическое воздействие на противника. В города старались заслать лазутчиков, которые не только собирали сведения о гарнизоне и слабых местах обороны, но и сеяли тревожные слухи о безнадежности положения осажденных. А еще коменданту подбрасывались сфабрикованные сведения дезинформационного характера, чтобы заставить его поверить, что среди местного населения имеются «люди измены», готовые открыть ворота персам. Все это должно было подорвать боевой дух и склонить гарнизон к капитуляции.

С другой стороны, на северных и северо-восточных рубежах, где соседями Ирана являлись кочевые племена, и боевое применение тяжелой конницы было затруднено, персы сами стали строить сильные крепости и оборонительные валы, иногда тянувшиеся на многие километры. «Грозные при осуществлении осад, они еще более грозны, когда сами подвергаются осаде», — сообщает об иранцах «Стратегикон».

Отдельную сторону военно-инженерного искусства Сасанидского Ирана составляло форсирование водных преград. «Персам, — свидетельствует Прокопий Кесарийский, — не доставляет особого труда переправляться через любые реки, поскольку, отправляясь в поход, они берут с собой заготовленные заранее железные крюки, которыми они скрепляют друг с другом длинные бревна, тотчас сооружая мост в любом месте, где захотят». Источники и в самом деле подтверждают, что в ходе ирано-византийских войн многотысячные персидские армии не раз переходили, например, Тигр и Евфрат по наплавным (понтонным) мостам.

Богатый опыт общения ромеев с персами на полях многочисленных сражений был обобщен в уже упоминавшимся нами военно-теоретическом трактате «Стратегикон». Рассматривая Сасанидскую державу в качестве единственного полноценного государства (помимо, конечно же, Ромейской державы), византийцы с уважением относились к боевым качествам и навыкам своего противника. «Стремясь достичь многого из задуманного, прежде всего разумом и полководческим искусством, персы отдают предпочтение боевому строю, а не безрассудной отваге и опрометчивости», — писал царственный автор трактата Маврикий. Именно так формулируется, пожалуй, главное отличие этого народа от многочисленных варваров, с которыми приходилось воевать ромеям.

Готовясь к сражению с персами, советует «Стратегикон», следует выбирать ровные открытые пространства, где тяжелая «фаланга», вооруженная копьями, сможет наступать, не ломая боевого строя и не неся большого урона от действия вражеских лучников. С другой стороны, из-за плотности боевых порядков, применяемых персами, отразить их собственное наступление, лучше нанося внезапные контрудары во фланг и тыл, применяя обходы и охваты. Еще эффективнее нападать на вражеский лагерь врасплох, под прикрытием ночной темноты, когда противник вообще не готов оказать серьезное сопротивление.

При этом, однако, вызывает удивление, что стратиг дает свои советы, явно исходя из постулата, что главную боевую силу персов составляют именно лучники, и почему-то совсем не принимает в расчет их тяжелую кавалерию.

450-422 ק.ל.

עמדו כאן

Тяжелый недуг поразил императора Аркадия. Боль поднималась откуда-то изнутри холодной волной, не давала дышать. Жар сменялся ознобом, липкий пот покрывал тело, и даже теплый ветерок, долетавший с моря, не мог освежить больного. Консилиум лучших врачей тоже не мог определить, что же случилось с государем. Эскулапы сосредоточенно подсчитывали пульс, исследовали царственную слюну, многозначительно переглядывались и хмурили брови, но уходили, так и не сказав ничего определенного. Их место занимали священнослужители. Молебны шли один за другим, почти без перерыва. Аркадий исповедовался, причащался, но душа его страдала, может быть, даже сильнее чем тело, бренность которого тридцатилетний мужчина ощущал как никогда отчетливо.

Воспитанный в строгой христианской вере, август Востока всегда был искренне уверен, что земной путь человека лишь приуготовление к жизни вечной, и нужно быть готовым в любой момент предстать пред Господом, держа ответ за мысли и поступки свои. Но ведь нет людей безгрешных! А муки адские в христианском богословии прописаны столь детально, что становилось по-настоящему страшно...

Временами, когда тягучая боль отпускала, император думал, что и на этом свете далеко не все дела завершены как следует. Среди множества вопросов не давал покоя один, потому что не было ответа на него. Кому достанутся престол Второго Рима и огромное царство? Вот стоят перед ним дети. Дочери: Пульхерия, Марина и младшая, названная в честь отца, Аркадия, конечно же, не в счет. Формально наследником и даже соправителем является сын Феодосий, но кто же будет считаться с семилетним мальчиком. В Риме не раз случалось, что малолетнему правителю сворачивали шею. Причем даже не внешние враги, а сановники из ближнего круга, до последнего момента раболепно ловившие каждый взгляд царственного отрока.

Аркадий и сам мог вспомнить, как пытались играть им придворные временщики. Юноше нисколько не помогло, что отец уже с шести лет сделал его соправителем. Позднее, оставшись один на один с неподъемными государственными заботами, сын Феодосия Великого оказался окружен людьми, рассматривавшими мировую державу, как собственную вотчину. Они смертельно ненавидели друг друга, и каждый претендовал давать наставления императору. Одетые в шелка и увешанные золотыми украшениями, многие из них еще совсем недавно торговали в лавках, чистили отхожие места или мыли полы в харчевнях. Никого из этих алчных ничтожеств нельзя назначить ни регентом, ни наставником сына. Это будет стоить Феодосию младшему жизни, а империя пойдет по ветру.

Правда, оставался еще младший брат Аркадия Гонорий, правивший на Западе. Но между собой августы не ладили. Христианин по вере, Гонорий взялся возрождать древние римские традиции. В рамках этой кампании он особым законом запретил подданным... носить штаны, считая их атрибутом варваров, и отпускать длинные волосы, как это делали германцы.

При этом воспоминании Аркадий невольно улыбается, но потом боль возвращается, и мысли снова становятся мрачными.

Опекуном Феодосия не могла стать даже его мать, энергичная и решительная им-

Император. Художник Ж. П. Лоран изобразил западноримского правителя Гонория, но так мог выглядеть и его брат Аркадий, занимавший престол в Константинополе

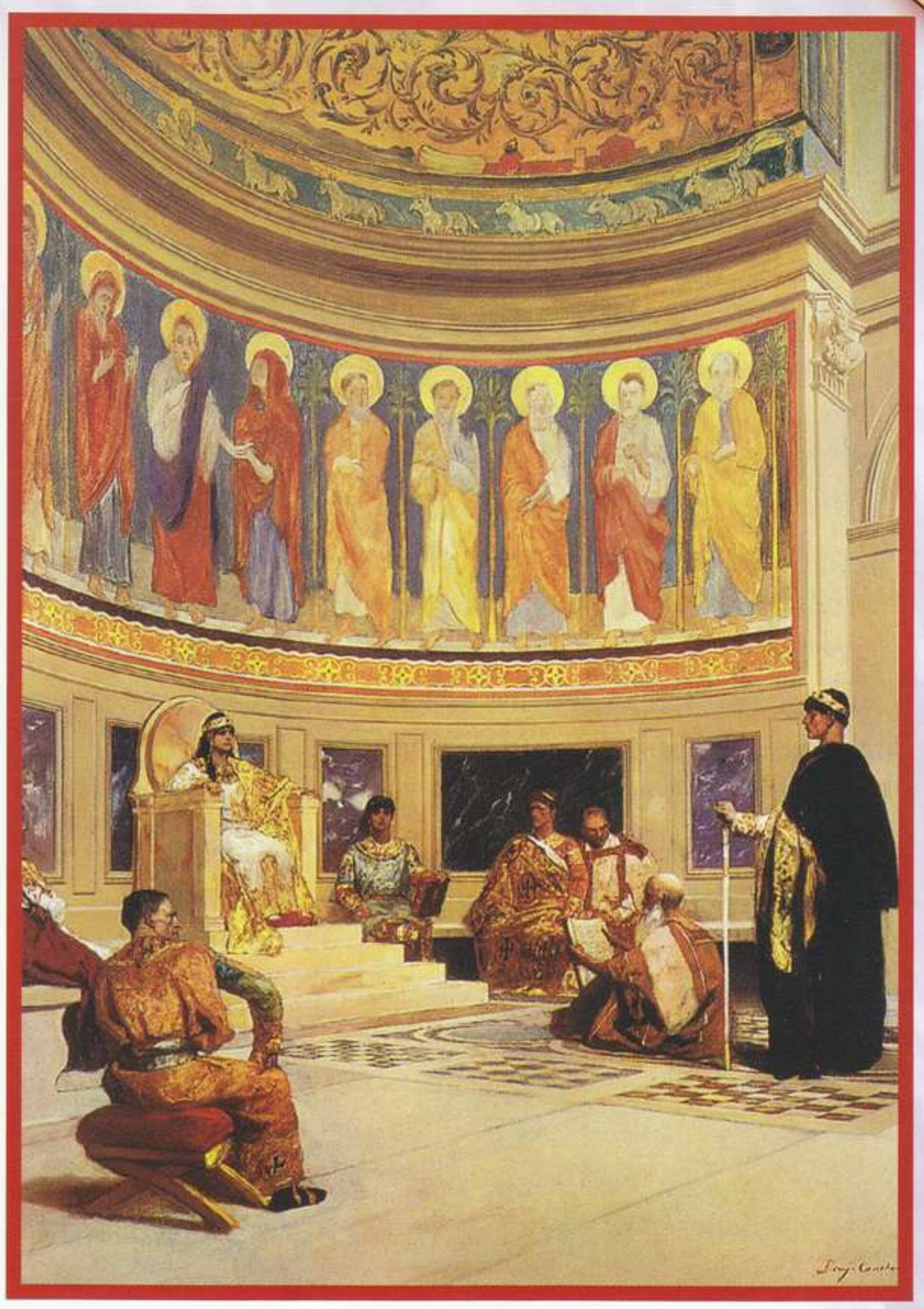
ператрица Евдоксия. Жена Аркадия, хоть и слыла писаной красавицей, но не пользовалась популярностью ни при дворе, ни среди народа. Сановникам не нравилось ее безраздельное влияние на слабовольного мужа. В то же время жители столицы недолюбливали государыню из-за конфликта Евдоксии с патриархом Иоанном Златоустом. В конце концов, ревнитель строгих нравов, обличавший царившие при дворе порядки и стремление императрицы к показной роскоши, отправился в ссылку, а переменчивая константинопольская толпа встала на сторону гонимого праведника. Евдоксия вскоре скончалась, и многие расценили это как кару небесную. Аркадий же остался совсем один.

Сейчас заканчивалась и его собственная жизнь. И тогда император, «человек вообще не мудрый, по совету ли более умных, или по чьему-то внушению» вписал в свое завещание имя единственного наследника — сына и указал, что, взывая к великодушию персидского шаханшаха Йездигерда I (399-420 гг.), просит его стать «куратором» (т. е. защитником и покровителем) маленького Феодосия.

Что и говорить, это был не просто неординарный, а по-настоящему беспрецедентный шаг. Христианский государь доверил жизнь сына и судьбы державы правителю страны, с которой Рим не одно столетие вел почти непрерывные войны. Было далеко не очевидно, не попытается ли шаханшах воспользоваться ситуацией, чтобы коренным образом изменить в свою пользу сложившийся баланс сил.

Сейчас трудно сказать наверняка, так ли все было на самом деле. Но вскоре после того, как император Аркадий умер в майские календы 5908 г. от Сотворения мира[1], рыцарственный Йездигерд не употребил в корыстных целях доверие царственного брата. Напротив, как писал Прокопий Кесарийский, он «проявил добродетель, достойную большого удивления и вечной памяти».

В Константинополь прибыл спецпредставитель Царя царей с посланием, адресованным сенату. Повелитель Ирана и не-Ирана гарантировал Византии мир на ее восточной границе и предостерегал, дабы никто не дерзнул «злоумышлять против отрока». Чтобы контролировать на месте законные права малолетнего императора, из Персии в столицу империи приехал доверенный евнух Йездигерда по имени Антиох. За несколько лет, проведенных в Константинополе, он стал мудрым наставником и старшим товарищем Феодосия.



Иоанн Златоуст перед императрицей Евдоксией. *Худ. Б. Констан*

Не все историки принимают рассказ древних авторов за чистую монету. Но правление Феодосия II продолжалось целых сорок два года (408-450 гг.), и за все это время никто не покушался на власть императора, даже когда он пребывал в весьма юном возрасте. Ирано-византийские отношения оставались мирными. Более того, несмотря на то, что официальной религией персов являлся зороастризм, Йездигерд оказывал покровительство и своим христианским подданным.

Религиозная терпимость стала отражением дружественных межгосударственных отношений. Вновь поссорили Иран и Византию также вопросы веры. Искренне интересуясь христианским учением и желая ослабить влияние старой знати, шаханшах часто встречался и подолгу беседовал с епископом Ктесифона Абдаасом. Будучи человеком жестких взглядов, этот иерарх, очевидно, решил,

[1] *Или, по более привычному для нас календарю, 1 мая 408 г. н.э.*

что царь готов к обращению, и нужен лишь последний решительный шаг, который отрежет Йездигерду пути назад. Абдаас дотла сжег главный храм огня в столице Ирана, а потом еще и категорически отказался восстанавливать «языческое капище».

Нашему современнику ригоризм епископа может показаться неумным. В глазах персов такое деяние выглядело страшным святотатством. В ответ Йездигерд позволил зороастрийским магам разрушить все христианские церкви и подвернуть репрессиям приверженцев Веры Христовой. Впрочем, как сказал поэт об этом владыке:

Из подданных он никого не ценил,
Но скор на расправу с виновными был.

Позднее царь, стремившийся к укреплению своего влияния в персидской части Армении, начал принуждать к переходу в зороастризм местную знать. Правда, и эти события не отразились на общем характере ирано-византийских отношений. Ведь шаханшах лично поручился за безопасность императора Феодосия II и его владений. Зато после странной гибели Йездигерда[1] и вступления на престол его сына Варахрана (Бахрама) V ситуация изменилась кардинальным образом.

Некогда первохристиане, спасаясь от гонений императоров-язычников, бежали в Персию и получали здесь убежище, поскольку сасанидские владыки руководствовались принципом «враг моего врага — мой друг». Кроме того, веровавшие в единую Святую Троицу попадали в Иран и другим способом, правда, столь же не добровольным. Дело в том, что, ведя войны с Римом, шаханшахи не раз осуществляли массовые депортации населения из ближневосточных провинций империи. Были среди этих перемещенных лиц и немало христиан. Так прошли примерно сто лет.

Бахрам Гур на охоте. *Восточная миниатюра*

Когда же новая религия, пройдя закалку в кровавой купели, стала равноправным, а затем и единственным официальным культом Римской империи, шаханшахи говорили о христианах совсем иначе: «Они населяют нашу территорию, но разделяют чувства кейсара, нашего врага». Правители Персии считали этих людей вражеской агентурой и периодически обрушивали на них силу своей ярости. Так было и при Бахраме V, который попал под влияние *вузург-фрамадара* (первого министра) Михр-Нарсе — волевого политика и горячего сторонника традиционных персидских ценностей, под которыми он, в первую очередь, понимал зороастризм.

Шаханшах Бахрам V, прозванный за любовь к охоте и невероятную мужскую силу Гуром (т. е. «Диким ослом»), пользовался в Византии невероятной популярностью. Набожные ромеи не могли открыто демонстрировать в повседневной жизни склонность к плотским удовольствиям. Зато, всегда было приятно прочитать или послушать про то, как соответствующие подвиги и чудеса творил чужеземный царь. А для отвода глаз и успокоения совести всегда можно было утешиться мыслью: «Ну что взять с «варвара». Но все это было позднее. Современникам Гура приходилось думать о собственном спасении.

[1] *Согласно персидскому преданию, его сильно лягнул некий «водяной конь». На самом деле, шаханшах, скорее всего, пал жертвой заговора знати.*

Однажды *вузург* сказал своему помощнику: «Народ наш от великой нашей справедливости стал невежа, обнаглел. Если их не наказывать, боюсь, не проявилась бы разруха. А государь занят вином, не осведомлен о делах людей и народа. Ты примени к ним суровое обращение, прежде чем проявится разруха! Знай, что наказания должны быть двух родов: злых уменьшать в числе, у добрых же хватать достояние».

После таких инструкций народу Ирана пришлось туго, а христианским подданным шаханшаха вдвойне[1]. И направился поток последователей «распятого» в Византию.

Ни одному главе государства, тем более обладающему неограниченной властью, не понравится, если вдруг из его державы тысячами побегут подданные. Это подрывает, как авторитет владыки, так и экономический потенциал страны, так как ослабляет базу налоговых поступлений. По наущению Бахрама, арабские племена, обитавшие в приграничной полосе на западе, начали перехватывать и расправляться с христианскими беженцами. Но даже те, кто избежал встречи с головорезами и добрался до территории империи, не могли чувствовать себя в безопасности. Не взирая на возможный конфликт с ромеями, шаханшах направил в Константинополь специальное посольство, которое потребовало вернуть беглецов на расправу их законному повелителю. Как ни молод был Феодосий II, но у него хватило решимости отвергнуть подобные притязания[2]. Получив отказ, послы, следуя имевшимся у них инструкциям, стали грозить императору страшной местью шаханшаха. Тогда и ромеи огласили жалобы торговых людей, сетовавших на грабежи караванов, проходивших через Персию, да еще сказали, что хорошо бы вернуть назад в Византию рудных дел мастеров, которых император, в знак уважения к своему названному отцу Йездигерду, направил в Персию для разработки вновь открытых золотых копей. Теперь уже пришел черед иранцев отклонять все претензии.

Вслед за этим стороны перешли от взаимной пикировки к военным приготовлениям, и в 420 г., после полувекового периода мирного сосуществования, между двумя империями вспыхнули полномасштабные боевые действия.

Фирдоуси, конечно же, винит во всем гордыню и кровожадность чужеземцев:

До Чинской земли, до Туранской земли
До Халда и Рума известья дошли[3]*:*
Мол празден Бахрам, забавляясь живет.

Поклонение волхвов. *Мозаика из базилики Сант-Аполлинарио-Нуово, Равенна.* В представлении римлян, а затем и византийцев подобным образом могли выглядеть знатные представители народов Востока, т. е., прежде всего, персы

[1]*Именно к этому периоду церковная традиция относит гибель своего последнего (по хронологии) общехристианского великомученика Иакова Персянина. Занимавший видное положение при шахском дворе, он отказался отречься от веры Христовой и был умерщвлен после страшных истязаний (память 27 ноября по старому стилю).*

[2]*И это при том, что многие персидские христиане исповедовали несторианство, считая Иисуса Христа по рождению обыкновенным человеком, который лишь позднее возвысился до сына Божия. Православные считали несториан еретиками.*

[3]*Чинская земля это Китай, а Туран – область обитания кочевников эфталитов на северо-восточных рубежах Ирана. Халд – Закавказье. Рум – Византийская империя.*

Нет вышек дозорных и нет часовых,
И на рубежах нет вождей боевых.
Потехам да играм весь день посвящен.
О явном и тайном не думает он.

. . .

И войско румийский послал властелин.
И тот, кто Хотан[1] возглавляет и Чин.

Действительно, византийское войско под командованием военачальника Ардавурия вступило в область Арзанена в верховьях Тигра и здесь нанесло поражение персам. Казалось бы, теперь, развивая успех, можно было наступать вглубь Армении. Но как раз в этот момент Ардавурий получил сведения, что всемогущий Михр-Нарсе собирается осуществить вторжение в византийскую провинцию Месопотамия. Форсированными маршами ромеи двинулись на юг и успели как раз вовремя, чтобы сорвать планы противника. Нарсе не решился провести задуманный рейд и заперся в приграничной крепости Нисибис[2]. А у Ардавурия не хватало войск для правильной осады.

Обе стороны ожидали подкреплений, но Нарсе послал вызов противнику, чтобы решить судьбу кампании в ходе честного поединка. Осторожный Ардавурий уклонился от этого предложения, заявив, что ромеи «не имеют привычки вступать в битвы, когда этого хотят их враги, а решают сами, когда дать сражение». Вскоре после этого, получив от императора дополнительные контингенты, Ардавурий сам перешел границу и двинулся на Нисибис.

Угроза потери этой первоклассной крепости, являвшейся ключом к землям Персидской Месопотамии, не на шутку встревожила Бахрама V. Экстренно собрав имевшиеся в его распоряжении войска, шаханшах лично выступил с ними на театр военных действий. Теперь уже Ардавурий не мог вступить в заведомо неравный бой. Получив сведения о численности вражеской армии и ее серьезном боевом оснащении (у персов были даже слоны), ромеи сожгли осадные машины и вернулись на свою территорию.

Если верить летописи Феофана, то византийцы отступили достаточно далеко. Следующая встреча противников состоялась только на берегу Евфрата. Отряды вспомогательной арабской конницы, служившей Бахраму, были охвачены паникой и, пытаясь спастись, бросались в реку, где и тонули во множестве. После этого фронт боевых действий вновь переместился на восток.

По-видимому, в 421 г. персы осадили крепость Феодосиополь, недавно построенную византийцами на одном из притоков Евфрата. Тридцать дней иранцы стояли под стенами города, безуспешно пытаясь овладеть им с помощью всех известных на ту пору средств военно-инженерного искусства. Оборону Феодосиополя возглавил местный епископ Евномий. Он воодушевлял защитников словом Божьим, вселяя в их сердца отвагу и надежду. Не чурался владыка и прямого участия в стычках с врагом, выпуская в персов из баллисты тяжелые камни.

Пока длилась эта осада, полевые армии Византии и Ирана столкнулись где-то в верховьях Евфрата. Вероятно, будучи неуверенным в духе своего войска, Бахрам также предложил главнокомандующему патрикию Прокопию устроить поединок двух богатырей. От персов на бой выехал некий Ардазан. Честь ромейского оружия вызвался поддержать комит федератов гот Ареовинд. Можно лишь представить себе, какая тишина воцарилась в рядах обеих ратей, среди тысяч людей, когда два воина выехали на место предстоящей схватки. Ардазан во весь опор ринулся на противника, пытаясь с ходу пронзить его длинной пикой, но Ареовинд ловко увернулся, а затем, метнув аркан, выдернул перса из седла и хладнокровно зарезал его.

На этом собственно война и закончилась. То ли Бахрам увидел в исходе поединка некий знак свыше, то ли негоже было шаханшаху отказываться от данного слова. Не стоит также забывать, что к этому времени византийцы одержали еще ряд успехов. Ардавурий нанес персам крупное поражение в Месопотамии, а другой военачальник, Витиан окончательно разгромил арабов. Как бы то ни было, но Бахрам предпочел вступить в мирные переговоры. Правда, уже в их ходе персы пошли на хитрость и в последний раз попытались склонить удачу на свою сторону. Отборный «полк» шахской гвардии внезапно атаковал и взял в клещи один

[1] *Хаган эфталитов.*
[2] *Современный Нусайбин в Юго-восточной Турции.*

Стр. 39. **Поединок византийского и иранского воинов.** **Иллюстрация Р. Титова, © В. Н. Шиканов**

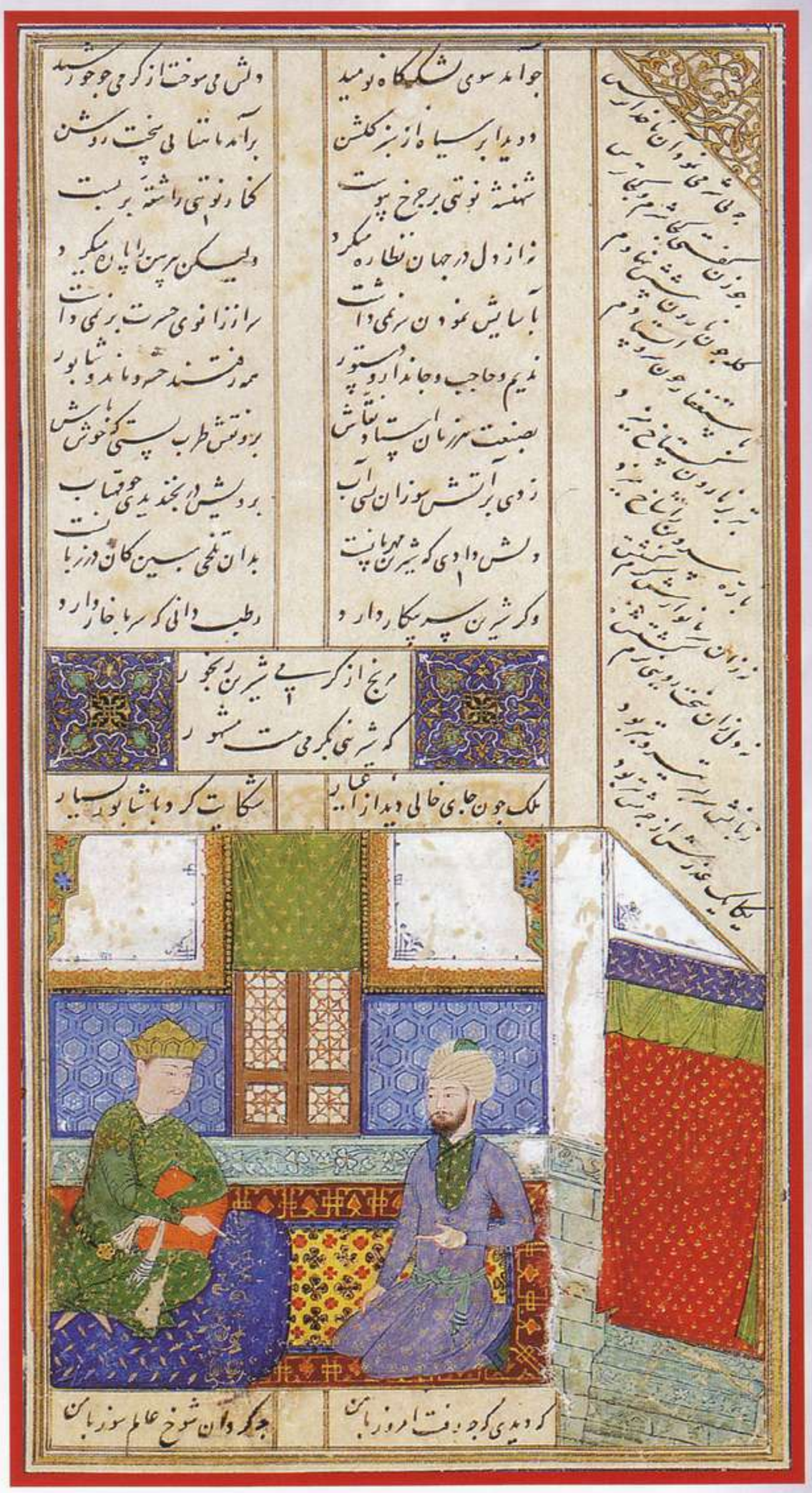
из ромейских отрядов, но патрикий Прокопий поспешил на помощь со всеми силами и уничтожил «бессмертных» до последнего человека.

После этого препятствий для подписания договора уже не оставалось. Он был заключен в начале 422 г. Этот документ зафиксировал даже не столько военное, сколько политическое поражение Ирана. Согласно его условиям, границы между двумя государствами не изменялись. Зато гонения против христиан на всей территории Сасанидской державы прекращались. Те же, кто успел бежать в Византию, могли не возвращаться назад. Таким образом, шаханшах полностью отказывался от наиболее одиозной из претензий. С другой стороны, Византия обязалась не чинить препятствий последователям зороастризма на своей территории. Но данный пункт не имел практического значения, так как адептов этой религии в империи было ничтожно мало. Не исключено также, что Бахраму были даны какие-то гарантии свободы действий в Армении. Во всяком случае, он сначала посадил на престол этого царства своего ставленника, а в 428 г. упразднил даже внешние остатки самостоятельности персидской части Армении, направив туда простого наместника.

Но закончить рассказ о первой Ирано-византийской войне хочется не упоминаниями о коварстве и закулисных интригах (говорить о них в нашем повествовании придется, увы, еще немало), а примером простых и в то же время высоких человеческих чувств, которые трогают сердце и заслуживают уважения в любые времена.

Когда война завершилась, епископ города Амида Акакий, собрав церковное имущество по всей епархии, выкупил семь тысяч пленных персов и отпустил их на родину, снабдив всем необходимым. Вряд ли Бахрам ожидал что-либо подобное со стороны вчерашнего врага. Пораженный благородным поступком, он пригласил Акакия к себе в гости и принимал его в Ктесифоне с большим почетом и искренним расположением.

Но все же, такое человеколюбие — это исключение из правил. После провала необдуманно предпринятой военной авантюры, Бахраму пришлось вести длительные и не очень успешные войны с кочевниками, тревожившими Иран на северо-востоке и востоке. Константинополь же принял на себя обязательства выплачивать соседней державе известную сумму денег для организации



Беседа шаханшаха. *Иранская миниатюра*

охраны кавказских горных проходов, откуда на юг регулярно прорывались степняки, одинаково опасные, как для Сасанидов, так и для Византии. При желании, тщеславный шаханшах мог рассматривать эти субсидии как дань со стороны румийцев.

Однако, даже при внешнем взаимопонимании, мир, официально заключенный между двумя странами на сто лет, не продержался и двадцати. За это короткое время произошло немало событий. На Западе на бывших землях Римской империи, одно за другим, возникали варварские королевства. За Дунаем, в Паннонии набирал силы Аттила, а Византия была поглощена христологическими спорами. Только на восточной границе Ромейского царства сохранялось

спокойствие. Силы Ирана были отвлечены к далекой реке Бехруд[1], где шла война с племенем эфталитов. Поговаривали также, что Бахрам V собирается вступить в союз с индийскими раджами против Китая, но судьба внезапно и властно смешала все фигуры, расставленные на клетчатых полях новомодной игры *шатранжа*.

Персидские предания рассказывают, что однажды на охоте, прямо на глазах у потрясенной свиты, Гур вместе с конем упал в глубокий омут и бесследно исчез. *«Шах занят делом»*, — только и мог сказать по этому поводу другой великий поэт Востока, Низами. Тело царя так и не было найдено, а у вступившего на престол сына Бахрама, Йездигерда II (438-457 гг.) оказались совсем иные внешнеполитические приоритеты.

Новый шаханшах был молод, жаждал ратной славы и совсем не понимал, почему его отец так долго жил в мире с румийцами, поклонявшимися распятому богу. В качестве предлога для открытия военных действий он выбрал концентрацию византийских войск в приграничной полосе близ крепости Нисибис. Впрочем, если бы в Константинополь поступил официальный запрос о причинах столь угрожающей демонстрации силы, ромейские дипломаты, вероятно, заявили бы в ответ, что как раз в это время кочевые племена прорвались с Северного Кавказа и, поскольку персы не смогли остановить варваров, императору пришлось самому, не рассчитывая на союзников, позаботиться о безопасности своих владений и подданных. Однако, похоже, в Ктесифоне никто не был заинтересован в разрядке возникшей напряженности.

В 441 г. Йездигерд II направил к Нисибису сильную армию, в состав которой входили не только иранские контингенты, но и отряды вассалов шаханшаха.

От шахских стягов, что вознес Иран,
Стал воздух красен, зелен, желт, багрян.

К сожалению, в источниках почти не сохранилось сведений, достоверно излагающих ход конфликта. Единственный вывод, который можно сделать с большой степенью уверенности, заключается в том, что византийцы оказались не готовы к вражескому вторжению. И неудивительно. Ведь как раз в том же самом году, из-за Дуная во Фракию хлынули орды гуннов, ведомые Аттилой. Поэтому восточным стратигам приходилось рассчитывать лишь на собственные, весьма ограниченные силы, а военный магистр Востока Флавий Анатолий получил от императора Феодосия II категорические инструкции, как можно скорее заключить с персами перемирие. Ну а дальше историки излагают красочные, но, скорее всего, легендарные подробности.

Наступление войск Йездигерда не встретило вооруженного сопротивления. И все же, продвижение походных колонн осуществлялось не так быстро, как хотелось бы военачальникам и их повелителю. Черные бури со страшными ливнями и необычным для этих мест градом сдерживали марш персидской армии. Византийское командование собирало подкрепления из разбросанных вдоль границы гарнизонов, но главная надежда империи возлагалась не на силу оружия.

Пешим и одиноким Флавий Анатолий прибыл в полевой лагерь персов и предстал перед Йездигердом, полностью вверяя себя воле шаханшаха. Владыка Ирана

Привал на охоте. *Иранская миниатюра*

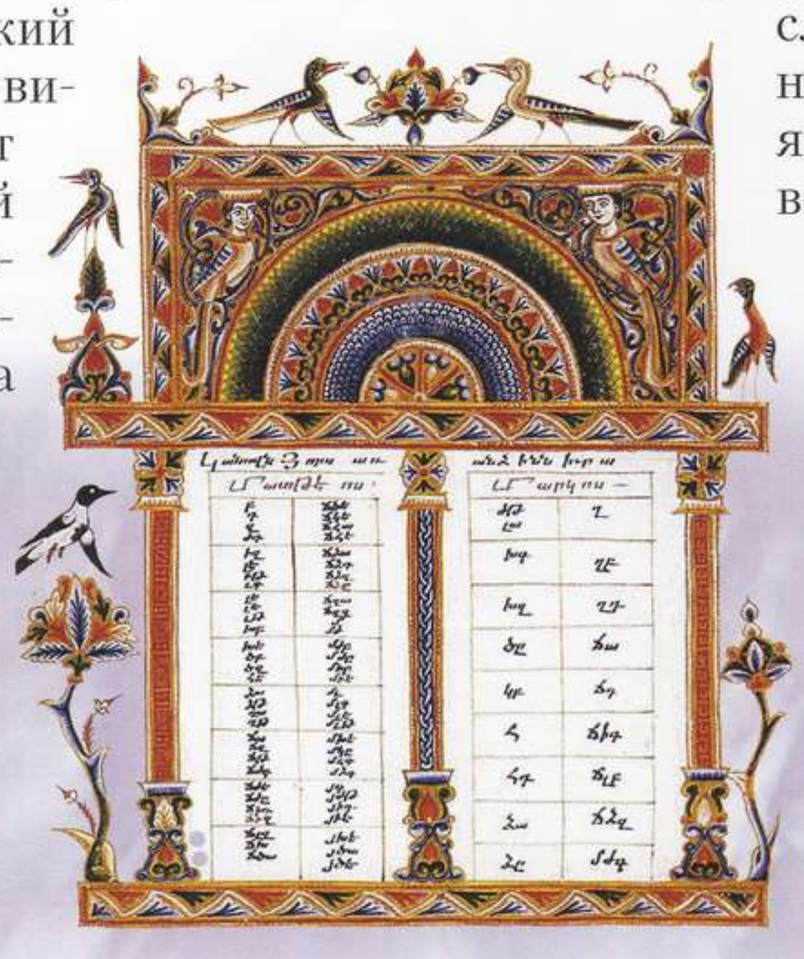
[1] *Современная Амударья.*

Аварайрская битва 26 мая 451 г. стала главным событием антииранского восстания в Армении. *Полотно современного армянского художника*

и не-Ирана не мог скрыть удивления. «Кто этот муж?» — спросил повелитель половины вселенной, «брат солнца и луны». И ответили ближние: «Румийский полководец». Если верить византийскому историку, жест доброй воли, проявленной магистром, произвел на Йездигерда II неизгладимое впечатление. Он вернулся на свою территорию и вступил с ромеями в переговоры, результатом которых стали сначала перемирие сроком на один год, а затем и вновь подписанный мирный договор. На сей раз, войны удалось избежать, и обе стороны в подтверждение искренних намерений по отношению к соседям принимали на себя обязательства не строить новые крепости в приграничной полосе.

Вместе с тем, достигнутые договоренности не устранили основу ирано-византийского соперничества. Оно лишь приняло иные формы. Опасаясь усиления влияния ромеев в христианской Армении, Йездигерд в год кончины Феодосия II (450 г.) потребовал от армянской знати перехода в зороастризм. Кто-то вынужденно согласился. Отказавшиеся были подвергнуты репрессиям. Шаханшах направил в Армению большое количество жрецов зороастрийского культа — *мобедов* для обращения основной части населения. Армяне ответили всеобщим восстанием, которое персы утопили в крови[1]. Византии угрожало новое нашествие Аттилы, и она предпочла не вмешиваться. С другой стороны, примерно в это же время (456 г.) империя ввела войска в Колхиду и, вынудив правителя лазов отречься от власти, упрочила свое влияние в этом регионе.

Мирные отношения ромеев с Сасанидским Ираном продлились до конца V столетия, а потом началась новая война. Причины этого конфликта оказались гораздо более сложными, чем тщеславие монархов. И хотя эти события не являются частью собственно военной истории, но они настолько интересны и поучительны, что заслуживают отдельного рассказа.



[1] *Вместе с тем, сопротивление армян оказалось настолько упорным, а потери иранцев при его подавлении так велики, что Йездигерд II был вынужден отказаться от введения в Армении зороастризма. Память об этом восстании пережила века. Его герои и мученики канонизированы Армянской апостольской церковью. Кроме того, уже в наши дни высшей военной наградой Республики Армения является орден Вардана Мамиконяна, возглавлявшего народное сопротивление иноземцам.*

Qaraqalpaq

xalıq

dástúrleri

Людям старшего поколения еще памятен лозунг, уверявший с кумачовых транспарантов и газетных страниц: «Коммунизм — светлое будущее человечества!» С годами алая ткань полиняла, газеты сохранились, разве что в библиотечной пыли, и теперь подобные заявления партии и правительства могут вызвать лишь снисходительную улыбку, или откровенно злобную гримасу. Но ведь было, было в истории время, когда на территории одной из самых могущественных мировых империй эта теория воплотилась в жизнь, причем в довольно причудливых формах. А начиналось все так...

Рубеж V-VI вв. н. э. был для державы Сасанидов крайне тяжелым периодом[1]. Конечно, и раньше жизнь не текла здесь молочными реками в кисельных берегах, но именно в эти годы людям казалось, что раз уж бедствия становятся непрекращающимися и непереносимыми, то не иначе как верховный бог Ахурамазда низвергает на них всевозможные кары за бесчисленные прегрешения,

Случалось, что весенние месяцы *фравардин, ардвахишт, хордад* не приносили ни капли дождя. Правда, наработанная веками, культура земледелия научила крестьян использовать искусственное орошение, но даже заботливо сбереженная и накопленная влага не могла уберечь появившиеся всходы от жара, изливавшегося с бездонной выси. Наступало лето. Бирюзовые небеса не укутывались снежно-белыми облаками. И тогда в месяцы *тир, амурдад* и *шахревар* солнце превращалось в безжалостного убийцу, выжигая урожай на корню.

Люди молили богов о заступничестве, и иногда горизонт действительно начинал зримо темнеть и сгущаться. Черные, плотные тучи закрывали светило, но не спасение они несли, а смерть. Сплошной стеной надвигались на некогда плодородные долины полчища саранчи. Сам вид таких насекомых вызывает у человека отвращение, но когда эти твари страшным, непроницаемым ковром укутывали землю, становилось ясно, что рассчитывать больше не на что. На гибель обрекались семьи, большие и малые селения, целые провинции. Уцелевшие люди брели в города, умирая по обочинам дорог, выстилая иссохшими телами древние почтовые тракты. Тогда отборные кони царских гонцов замедляли свой бег и вовсе отказывались идти вперед — так много было перед ними трупов.

Нельзя сказать, чтобы владыки Ирана не понимали масштабов напасти и трагизма складывающейся ситуации. Среди шаханшахов встречались очень разные персоны. Наиболее человеколюбивые снижали подати, раздавали из казны деньги и открывали ворота царских складов, щедро отмеряя золотую пшеницу обездоленным, но и такие акты

Руины Башни молчания. *Современное фото.* В соответствии с канонами зороастризма, разлагающаяся плоть не должна была осквернять землю. Поэтому персы относили своих покойников в специально построенные каменные сооружения — Башни молчания, где трупы расклевывались хищными птицами и «утилизировались» другими природными стихиями. Однако в годину великих бедствий людей умирало так много, что часто их тела было некому хоронить, и они просто валялись вдоль обочин дорог

[1] *Впрочем, иранцы не знали никакой «Новой эры». Они вели летоисчисление по периодам правления своих царей – шаханшахов. Византийцы тоже отсчитывали время не от Рождества Христова, а от «Сотворения мира».*

жертвенного милосердия, достойные благодарной памяти потомков, приносили лишь новые бедствия.

Обезумевшие от голода люди тут же наедались немолотых зерен и погибали в мучениях. А засуха не прекращалась. И через месяц, и на следующий год другие несчастные, прослышав о доброте шаханшаха, тоже шли в столицу. Житницы пустели, а количество голодных не уменьшалось. Потому что люди имеют странную привычку: они хотят есть каждый день.

В то же время другие представители правящей династии понимали, что мертвое безлюдье деревень тяжело отзовется на общеполитическом положении царства. Потоки денежных и натуральных податей, наполнявшие казну, становились все тоньше, грозя иссохнуть, подобно великой реке Тигр летом, когда ее можно перейти вброд. И тогда уже нельзя будет ни откупиться от диких эфталитов на северо-восточной границе, ни набрать армию, чтобы вести борьбу с ромеями на западе.

Правители-наместники крупных областей тонко чувствовали, как слабеют нити управления, тянувшиеся к провинциям из Ктесифона. Все эти *шахрдары* и *марзбаны* сразу вспоминали, что с давних времен их предки и они сами носят титул шахов, т. е. царей, и уже поэтому знают, как им управлять своими землями. Они уже не прикладывали усилий на местах, чтобы собрать и отправить в столицу налоги и не спешили по первому зову шаханшаха выступить в поход во главе подчиненных им вооруженных контингентов

Родовитая знать, традиционно занимавшая высшие должности в армии и государственном аппарате, также отказывалась служить обладателям пышного, но в одночасье утратившего могущество бирюзового трона во дворце Таки-Кисра, и начинали самостоятельно вершить судьбы государства.

Царь царей Пероз был вынужден простить подданным невзысканные налоги и недоимки сразу за несколько лет, но когда в Закавказье вспыхнуло восстание, во главе которого стояли знатнейшие рода Картли, Армении и Албании[1], ослабленная персидская армия потерпела несколько серьезных поражений, так что эти земли добились значительной самостоятельности. А потом и сам Пероз, выступивший в поход против эфталитов, бесследно исчез вместе со всем войском в мертвых песках за водами реки Бехруд.

Люди у шахского дворца.
Иранская миниатюра

Его брат шаханшах Валаш (484-488 гг.) был «муж смиренный и миролюбивый». Он стремился облегчить положение податного сословия, зато его возненавидела местная знать. Кроме того, выяснилось, что после бурного царствования Пероза казна начисто опустошена. Приходилось резко сокращать государственные расходы. Самым опасным видом экономии оказалось уменьшение ассигнований на войско. Вскоре армия «презрела царя», а когда Валаш попытался заручиться поддержкой своих христианских подданных и установить прочные мирные отношения с Византией, высшие круги иранской элиты объявили его предателем

[1] *Часть территории современного Азербайджана.*

национальных интересов и организовали дворцовый переворот[1]. Валаш был свергнут и ослеплен. Его место на троне занял племянник (и сын Пероза) Кавад (488-531 гг.).

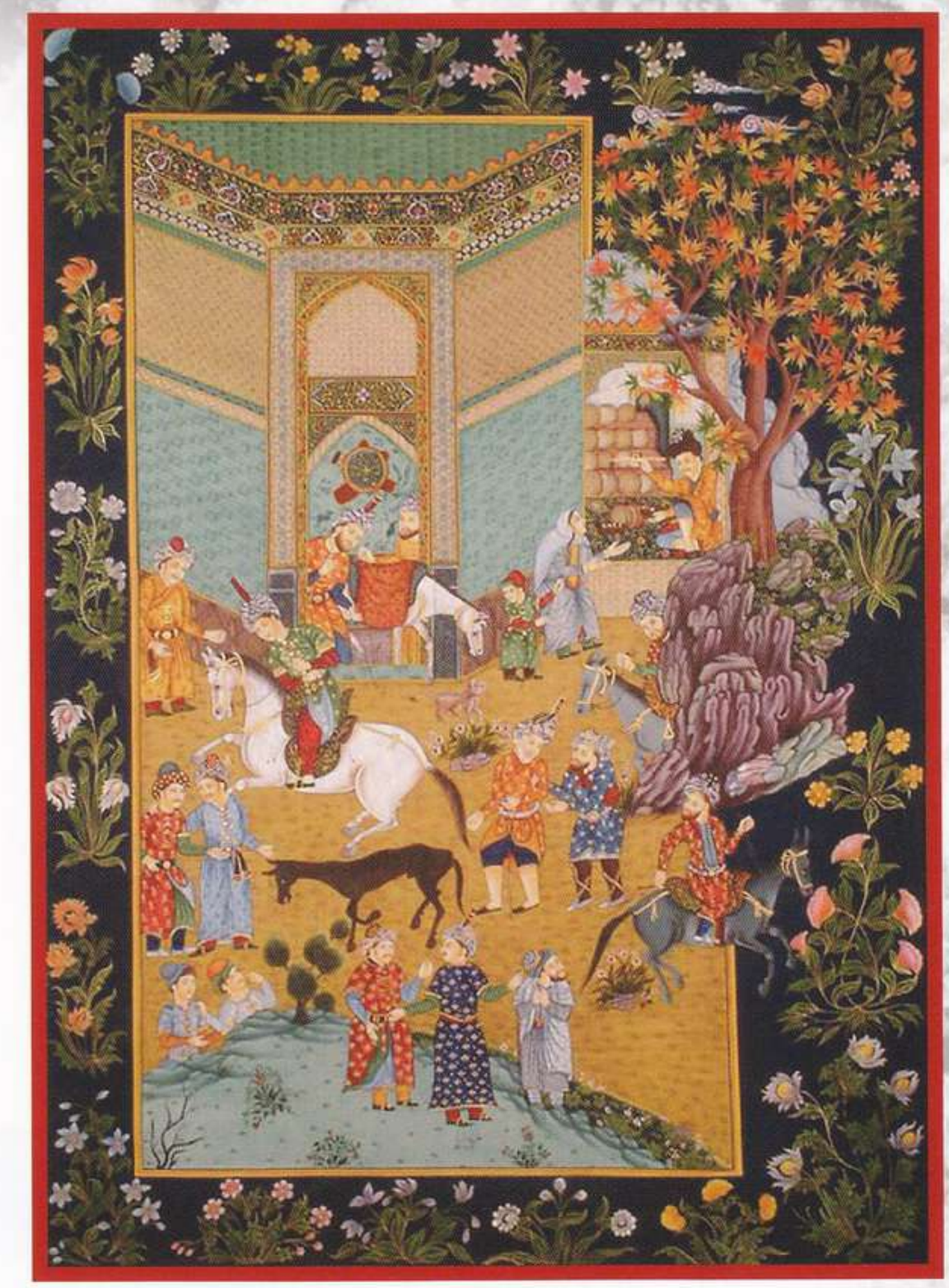
Новому шаханшаху досталось незавидное наследство. Ни одна из внешних и внутриполитических проблем, с которыми тщетно пытались справиться его предшественники, так и не была решена. Экономика лежала в руинах. Эфталитам, по-прежнему, приходилось выплачивать большую дань (и это при почти полном отсутствии налоговых поступлений). Связи с Византией оказались подорваны. В самой стране Кавад также не обрел надежной опоры. Мелкие и средние землевладельцы *дехкане* нищали и разорялись, аристократы подчиняться не собирались. Наоборот, они видели в царе марионетку, от имени которой намеревались управлять державой, решая исключительно личные вопросы.

При всей шаткости своего положения, Кавад был наделен острым умом и напряженно искал пути разрешения накопившихся проблем. Сама жизнь подсказала ему выход, поначалу показавшийся спасительным. Впрочем, о последствиях предпринятых шаханшахом мер вряд ли могли догадаться даже самые проницательные мудрецы Востока.

Как раз в это время в Ктесифоне, на широких площадях-мейданах, люди все чаще стали передавать из уст в уста рассказы о праведнике, проповедующем законы справедливой жизни. Пророка звали Маздак. Подобно другим жрецам-*мобедам*, он учил, что в мире существуют два начала: добро и зло, пребывающие в состоянии непрерывной борьбы друг с другом. Обе эти силы одинаково могущественны, но на то и дарована человеку свобода воли, чтобы принять участие в этой борьбе на той или иной стороне. Естественно, что последователь истинной веры рано или поздно встанет на сторону добра, и тогда объединенными усилиями приверженцы светлого начала одолеют тьму. Вот только точных сроков столь долгожданного торжества не мог предсказать ни один, даже самый дальновидный прорицатель.

Чтобы выйти из этой щекотливой ситуации, жрецы утверждали, что главным условием на индивидуальном пути к спасению является не столько соблюдение внешней стороны культа (т. е. обрядов и молитв), а праведный образ жизни. Но многие считали, что праведники люди особые. Лежащее на них бремя ответственности это ноша, которая далеко не каждому по плечу. Так что, как ни старайся, а победа добра над злом откладывается в необозримое будущее. Сами условия жизни, становившиеся все более тяжелыми, казалось, только подтверждали столь безрадостный вывод. Все это как-то расхолаживало и лишало людей надежды на грядущий триумф справедливости.

И вот здесь взгляды Маздака и официальных жрецов расходились. Он пришел к выводу, что все нынешние тяготы бытия являются прямым следствием отказа людей от заветов предков, живших в чистоте и свободных от пороков. Главным из них пророк считал зависть. Маздак своеобразно трактовал это чувство. По его мнению, в давние



Персидский базар. *Иранская миниатюра*

[1] *Между прочим, Валашу было вменено в вину то, что, вопреки национальным обычаям Ирана, зато в угоду христианам, он собирался построить в городах общественные бани. Действительно, что может быть более диким? Ведь в таком случае грязь человеческого тела осквернила бы воду — одно из священных начал, слагающих все элементы видимого мира.*

времена Владыка вселенной справедливо распределил блага между людьми, «не дав одному больше, а другому меньше». Чистый воздух, очищающий огонь, живительная вода и тучные пастбища изначально предназначались для общего пользования, но позднее человек начал испытывать недовольство от того, что не владеет бóльшим, и со временем начал захватывать и передавать в своем роду по наследству все возрастающее количество благ, лишая остальных самого необходимого.

Из этого следовал простой и понятный каждому вывод: чтобы добиться всеобщего благоденствия, нужно лишь возродить древний закон равенства. А так как понятие это было довольно-таки неопределенное, то Маздак счел нужным конкретизировать его на основании собственных умозаключений. Оказывается, основным препятствием на пути к восстановлению справедливого устройства человеческого общества является собственность. Так пусть же те, кто чувствует нужду, «тратят имущество друг друга, чтобы никто не испытывал лишения и нищеты, и все были равными по положению». Сделать это очень просто. Нужно всего лишь «взять имущество у богатых и отдать бедным, так, чтобы у всех было поровну».

Самое же интересное, что, нанизав указанную цепочку мыслепостроений, провозвестник нового учения объявил: «Ваши жены — ваше имущество». Таким образом, женщины приравнивались к предметам потребления, и их также предстояло обобществить для совместного использования.

Прошли века, но сей постулат оказался навсегда внесенным на скрижали истории. Как только где-нибудь появлялись сторонники «научного» или не очень коммунизма, противники немедленно принимались обвинять их во всех смертных грехах, среди которых едва ли не главной инвективой было стремление ввести общность жен. В свою очередь, коммунисты (в других вопросах, как правило, являвшиеся людьми довольно решительными) напрочь отрицали подобное намерение. Если левым интеллектуалам ставили в укор их давнего идейного предшественника Маздака, то они говорили, что идеи и практику этого человека злонамеренно исказили враги.

Действительно, поскольку социальный эксперимент Маздака и его сторонников завершился крахом, то практически все сведения о нем мы можем почерпнуть из сочинений его непримиримых врагов, к тому же, как правило, писавших спустя несколько веков после расправы над маздакитами. С другой стороны, официальные византийские источники обходят молчанием отношение ромейских властей к смелым нововведениям у восточных соседей. Памятный нам по недавнему прошлому расхожий штамп «Два мира — два образа жизни» в полной мере применим к столь несхожим цивилизациям как Византия и сасанидский Иран. Однако данный тезис никогда не служил идеологическим обоснованием противостояния этих держав. Император и шаханшах не вмешивались во внутреннюю политику друг друга, считая естественным правом царственного собрата управлять подданными по собственному усмотрению.

И все же сохранились и достаточно независимые свидетельства *современников*, позволяющие довольно объективно восстановить картину и общий ход одинаково драматических и странных событий, происходивших в Иране полторы тысячи лет назад.

Фрагмент мозаики из шахского дворца в Бишапуре

Еще в IV в. один из отцов церкви Василий Великий из Каппадокии упоминал о «магусеях (магах — *В. Ш.*), поклонявшихся огню и предававшихся незаконным бракам». Затем Иешу Стилит, живший в Месопотамии на рубеже V-VI вв., отметил, что как раз в это время в Иране возобновилась отвратительная ересь *зарадуштакан*, которая учит, что «женщины должны быть общими, и что каждый может жить с кем хочет». Практически такие же сведения приводит и знаменитый историк Прокопий Кесарийский. Правда, он был врагом персов, но в силу своего должностного положения[1], несомненно, располагал обширной и вполне достоверной базой данных о положении дел в державе Сасанидов. Так вот, этот автор писал, что персидский шах издал закон, предписывающий, чтобы «женщины у персов были общими», хотя многим такое нововведение «пришлось совсем не по душе». Того же мнения придерживается еще один византийский автор — Агафий Миринейский, добавляя, что сделано это было «не по идеям, как полагаю, Сократа и Платона».

Заратуштра.
Роспись из митраистского храма

Но ведь подобная новация оказалась совершенно в духе традиций древнеиранского общества. А то, что современному человеку кажется диким, или, по крайней мере, неприличным (хотя многие мужчины и в наши дни втайне мечтают о таком «Золотом веке»), в давние века и в иных общественных системах, считалось вполне естественным.

Именно в Иране государственная религия зороастризм поощряла браки между ближайшими кровными родственниками. Дядя женился на племяннице (или племянницах), брат на сестре, отец на дочери и даже сын на матери. Бытовало мнение, что такой брачный союз охраняет чистоту семейной крови. Ну а обычай так называемого брачного гостеприимства был широко распространен у многих народов, не исключая и европейские. Так что радушный хозяин, совершенно в порядке вещей, не только щедро угощал гостя, но и предоставлял ему на ночь собственную жену. После этого мужчины становились братьями, и подобное поведение вызывало всеобщее уважение окружающих.

Другое дело, что женщин на всех (а тем более поровну) не хватало. Ведь супругу недостаточно завести. Ее нужно еще и достойно содержать. Поэтому, если люди состоятельные, в полном соответствии с действующим брачным законодательством, помимо одной-двух главных жен, имели еще четыре категории (именно так: не *экземпляра*, а *категории*) второстепенных — наложниц[2], служанок и рабынь, то бедняки часто не могли позволить себе ни одной.

Все это, помимо вполне естественных неудобств, порождало в обществе немалое социальное напряжение. Ведь, как мы уже знаем, собственность только портит человека. Чем больше он имеет, тем более пре-

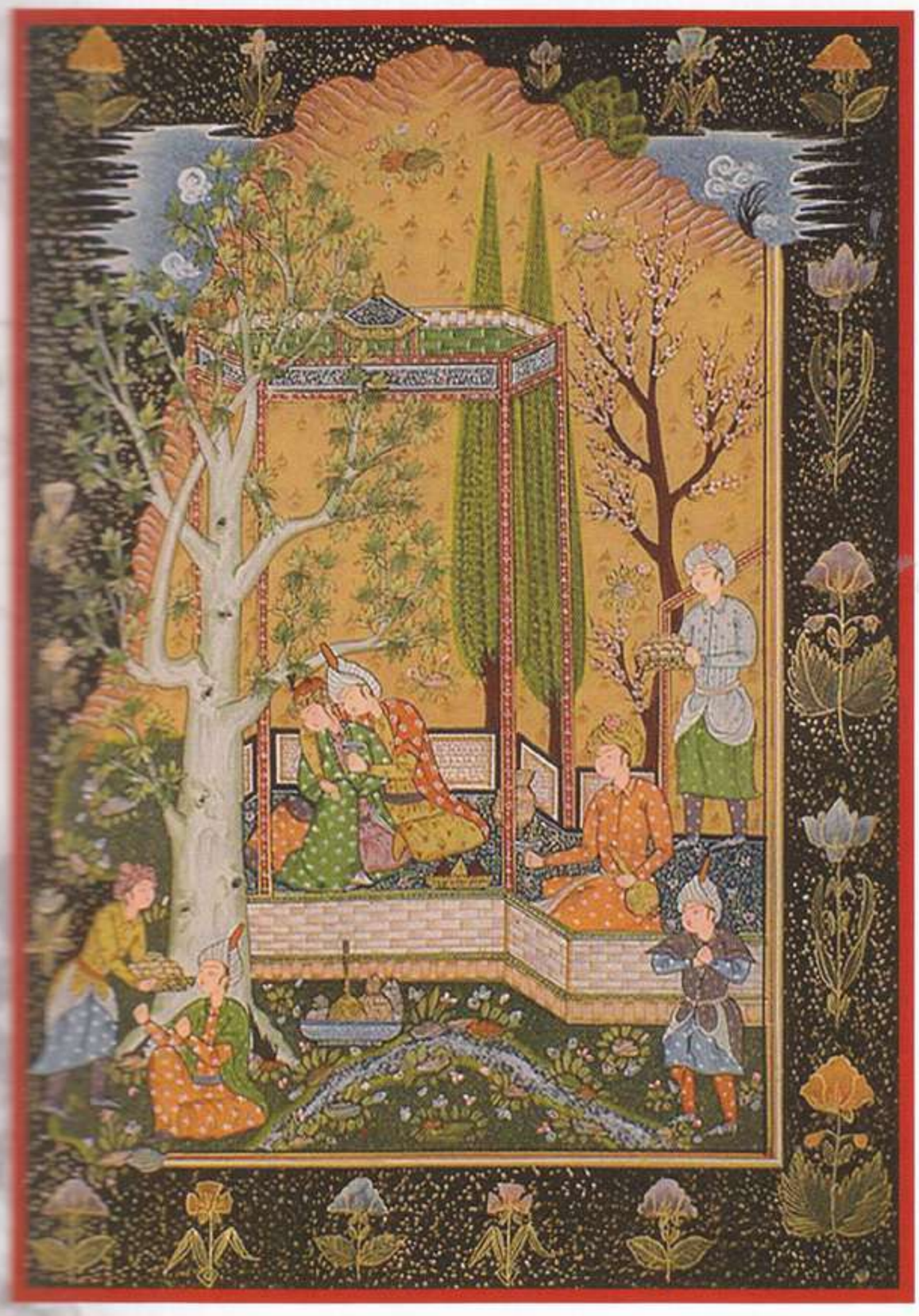
[1] *Прокопий являлся личным секретарем магистра Велизария, командовавшего византийскими войсками в ходе войны с Ираном в 527-532 гг.*

[2] *Сохранились свидетельства, что царские наложницы должны были сопровождать шахан-шаха при всех его перемещениях, например, во время охоты, так как в любой момент могли ему понадобиться. Этот пример наглядно свидетельствует, что женщина действительно находилась на вершине потребительской пирамиды иранского общества.*

сыщается (пусть даже самыми великими жизненными благами). Привыкает и перестает ценить то, что и так всегда под рукой. Зато ему непременно хочется чего-то нового и большего. Особенно, если это принадлежит другому и значит недоступно, но потому особенно привлекательно и желанно.

Говорят, что не недовольство бедняков и не стремление ослабить оппозицию знати, а личная заинтересованность шаханшаха в данном аспекте доктрины Маздака побудила Кавада I начать широкомасштабные преобразования в своей державе. Во всяком случае, именно так описал начало маздакитских реформ персидско-арабский хронист Балами.

«Неразумным юношам это учение понравилось, и многие последовали за ним, — повествует историк, — и весть об этом дошла до Кавада. Кавад его призвал, расспросил о его учении, а Кавад был охоч до женщин, заглядывался на них. Это учение ему полюбилось, он принял его и оказывал ему крепкую поддержку, так что оно открыто распространилось и каждый неимущий отнимал у другого его состояние, также отнимал жену и держал при себе, сколько хотел, потом отпускал».



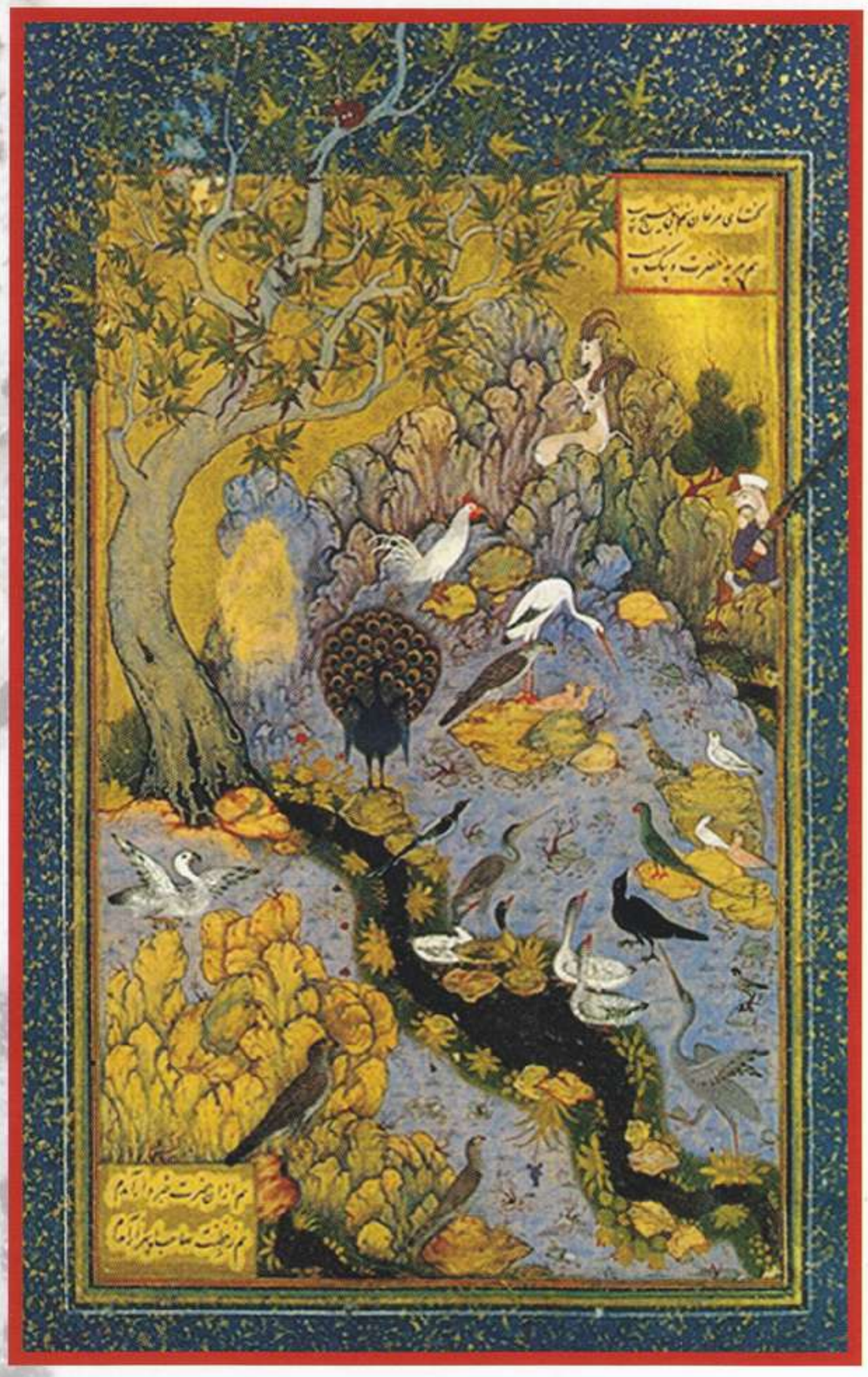
Любовная сцена. *Иранская миниатюра*

Казалось бы, какое дело великому шаху до постоянно озабоченных прыщавых юнцов, которые даже в складчину не могут купить себе женщину. Царю лишь стоит бровью повести, и любая красавица тут же окажется на его ложе. При этом не только она, но и ее законный муж будут до конца дней почитать за величайшее счастье, что Солнцеподобный удостоил вниманием смертную. Не говоря уже о золотом дожде богатства и почестей, который прольется на избранницу и ее родных. Обычно так и бывало. И все же, брак и в Сасанидской державе был священным институтом, и открыто увести чужую жену удавалось далеко не всем и не всегда. Царям в этом отношении приходилось особенно тяжело. Обычаи накладывали ограничения даже на их, казавшуюся безграничной, власть. В силу многовековых традиций, шаханшахи должны были брать в супруги представительниц довольно узкого круга аристократических фамилий, или даже искать жену среди ближайших родственниц (а ведь далеко не все из них служили эталоном красоты).

То ли дело при господстве новых, несомненно, более прогрессивных общественных отношений. В кругу единомышленников, что моё — то моё, а что твоё — то наше. И ответственности никакой — ни материальной, ни, тем более, моральной. Ведь «подержав женщину, сколько хочешь» (т. е. пока она не надоела), потом возвращаешь ее туда, откуда взял. Особенно удобно, что такие причинно-следственные связи действуют в одном направлении — от владыки к подданным. В самом деле, никому же не придет в голову возжелать жену повелителя. Тем более что в центре маздакитской программы социального мироустройства находилась фигура справедливого царя, в чьих руках сконцентрирована вся полнота власти. Ну, а уж на что употребить это могущество, совершенно определенно знал многомудрый Маздак, которому Ахурамазда открыл заветы добра и справедливости.

Что же касается старой знати, то будет вовсе не лишним сбить с нее спесь, распахнув двери запретных гаремов. Правда, пройдет совсем немного времени, и жизнь заставит убедиться, что не только шаханшах претендует на абсолютность плотских удовольствий. Но пока что революционные преобразования в Сасанидском Иране, как позднее в любой

другой стране, начинаются из-за того, что «низы не могут жить, а верхи не могут управлять по-старому».



Беседа птиц. *Восточная миниатюра*

Фирдоуси, может быть, не вполне правдоподобно, зато с искренним чувством, так описал разговор Маздака с Кавадом:

Как наказать того, кто отнял хлеб,
Кто не хотел, чтоб страждущий окреп?
Сказал владыка: «Пусть его казнят:
Не убивал, но в смерти виноват».

После прямого ответа Маздак «стремительно покинул падишаха» и, выйдя на площадь,

Голодным людям отдал он приказ:
«К амбарам отправляйтесь вы тотчас,
Да будет каждый наделен пшеницей,
А спросят плату, — пусть воздаст
сторицей».

И вот уже:

Голодные, и молодой и старый,
Тут ринулись, разграбили амбары
Царя царей и городских господ:
Ведь должен был насытиться народ!

Естественно, что о столь неслыханном преступлении (не забудем, что пострадала, прежде всего, собственность самого шаханшаха) немедленно доложили Каваду. Однако, призвав жреца к ответу, государь услышал от Маздака следующие слова:

Пересказал я толпам слово в слово
То, что услышал от царя земного.

То ли Кавада убедила столь изощренная логика, то ли ему действительно было искренне жаль погибавших подданных, но только «услышал он добро в словах Маздака» и с этой минуты

С того пути, которым шли пророки,
Цари, вожди, мобедов круг высокий,
Свернул, Маздаку вняв, отважный шах:
Узнал он правды блеск в его речах!

Произошло настоящее чудо, поскольку:

Его ученье принял шах Кавад,
Решив, что счастьем будет мир богат.

Первоначально такое соединение простой, доступной для понимания и, скажем прямо, популярной в широких народных массах идеологии с абсолютной государственной властью принесло людям облегчение. И вовсе неудивительно, что:

Повсюду ширилось его ученье,
С ним не дерзал никто вступать
в сраженье.

Ну а потом случилось неизбежное:

Богатый роздал все, что он сберег,
И нищим подавать уже не мог!

Голод с новой силой обрушился на страну, терзая людей еще сильнее, и это уже при справедливой, народной власти. Но Маздак и, тем более, его сподвижники, вошедшие в состав властной элиты, отказались признать, что корень этих бед кроется в самой теории маздакизма. Гораздо проще

было заявить, что распоряжения, направленные на улучшение жизни простых людей, саботируются приверженцами реакционных порядков из числа прежней знати. Начались поиски «врагов народа» и борьба с ними, для чего была создана специальная организация с разветвленной иерархической структурой.

Конечно, по степени организованности маздакиты не могли сравниться с «партией нового типа», но распоряжения их высшего руководства проводились в жизнь неукоснительно. По царскому указу, его наместники в провинциях и отдельных городах организовывали массовые экспроприации собственности. А если мероприятия по восстановлению социальной справедливости буксовали, или не давали необходимых результатов, то на помощь отправлялись своего рода «продотряды», которые изымали «излишки», в число которых входили и замужние женщины.

Сопротивление пресекалось силой, вплоть до убийства тех, кто не хотел делиться. Но и это еще не все. Руководствуясь чувством «классовой солидарности» (т. е. ненависти бедных к богатым), представители маздакитов творили дикий произвол, определяя, сколько и чего можно забрать у прежнего хозяина. А так как на всех благ не хватало в любом случае, то зачастую не оставляли ничего, считая голодную смерть даже мелкого собственника и его семьи справедливой расплатой за прежнюю сытую жизнь.

С освобождением женщин Востока получалось еще интереснее. Открывая двери гаремов, маздакиты интересовались, желает ли каждая конкретная наложница или служанка получить своего персонального мужа. И хорошо, если вопрос решался на основе обоюдного согласия. Но что делать, если кто-то из них отказывалась? Неужели из-за подобной несознательности «трудящий человек» должен маяться, будучи не в состоянии удовлетворить наипервейшую и, к тому же, самую естественную мужскую потребность? Глупости какие. «Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим». Этот жесткий принцип придуман отнюдь не в наши прагматические времена.

А дальше стало только хуже. Зачем бедняку пытаться обзаводиться собственностью. С одной стороны, ее вскоре может отобрать тот, у кого пока нет ничего, а, с другой, при новых общественных порядках поесть и возлечь с женщиной можно где угодно. Ведь люди в равной степени имеют право пользоваться всеми, необходимыми для жизни благами.

Любой мужчина мог, идя по улице, зайти в первый попавшийся дом и, буквально на пять минут, потребовать себе жену хозяина. Это как сейчас люди заходят в общественный туалет. При этом гость клал шапку у входа, что означало: «кабинка занята». Подобная повседневная действительность вызывала протест даже у тех, в прошлом состоятельных людей, которые искренне (по примеру шаха) или из страха перед властью, приняли курс на «новое мышление» и столь же своеобразную систему «общечеловеческих ценностей».

Одно дело, когда внутри узкого круга элиты, после обильного пира, можно на десерт оценить утонченные наслаждения в гареме гостеприимного хозяина[1]. И совсем другое, когда к вам в спальню прямо с улицы прётся грязный, вонючий мужичонка.

Маздак. *Рисунок современного иранского художника*

[1] *Делалось это так: «приводил кто к себе в гости двадцать человек, и вот, откушав хлеба, мяса, вина, сладостей, послушав музыку, шли гости, один за другим в женские покои, и это не считалось зазорным...»*

Раньше такую тлю можно было перешибить одним ударом страшного воловьего бича, но теперь он твой «друг, товарищ и брат» и имеет все основания претендовать на такой же уровень потребления, как и вельможа.

Встреча знатных персов.
Иранская миниатюра

А теперь только представим себе, что в качестве официальной идеологии (и практики) маздакитский «коммунизм» существовал в Иране не неделю, не месяц и даже не год, а десятилетия! За это время успело родиться и вырасти целое поколение.

Похоже, что шаханшах не осознал драматизм сложившегося положения, даже когда ему самому пришлось делать выбор между достоинством царя и верностью идеологии, которую он поддержал и одобрил.

Однажды, когда Кавад беседовал с сыном Хосровом и в присутствии жены своей, в дворцовых покоях, щедро украшенных небесной бирюзой и даривших, несмотря на жаркий полдень, благословенную прохладу, внезапно появился Маздак. Вполне возможно, что могущественного верховного мобеда занимали думы о благополучии народа. Однако, одного, даже мельком брошенного взгляда на супругу владыки Ирана оказалось достаточно, чтобы ход мыслей жреца резко изменился. «Отдай ее мне, — сказал Маздак Каваду, — я хочу удовлетворить с ней свое желание». И так как шаханшах был политически продвинутым человеком и искренне предан догматам новой веры, то он ответил коротко: «Бери». Действительно, негоже порядочному человеку заставлять всех людей жить по одним правилам и лишь для себя придумывать какие-то особенные.

Только царевич Хосров не мог справиться с охватившим его волнением. Он бросился к Маздаку и начал умолять его позволить увести мать. Вождь неприступно молчал, ибо «желание» не отпускало его, да и что бы значило в дальнейшем слово мобеда, если бы он стал отменять волю свою по требованию мальчишки. И тогда разыгралась вовсе некрасивая сцена. Принц Хосров простерся ниц перед непреклонным пророком и, обхватив его ноги, стал целовать их. Лишь после этого, насладившись унижением царского сына и получив столь явное доказательство собственного могущества, Маздак умягчился и милостивым жестом соизволил отпустить Хосрова и его мать.

Но не каждый обладал такой решимостью, чтобы, подобно царевичу, спасти от бесчестия мать или жену. И вот уже, собравшись в помещении, «новые люди» «гасили светильники; мужчины хватали женщин, каждый молча брал ту, что попадется, и хоть его мать, или сестра, он осквернялся с ней до утра».

«Передовая мораль» неизбежно приводила к тому, что «ни родители не признавали своих детей, ни дети родителей», т. е. было невозможно определить, кто от кого рожден и кому на самом деле приходится сыном или дочерью. Причем все это вполне официально!

Возникшие в ходе отвлеченных теологических диспутов идеи давали вполне осязаемые, реальные плоды. Новые социальные отношения затрагивали самые разные сферы иранского общества и, следует признать прямо, имели многочисленных сторонников. Особенно среди тех, кто был ничем и вдруг в одночасье стал всем. Их жизнь на какое-то время становилась безбедной, и уже казалось, что так будет всегда. На самом деле государство стояло на краю гибели.

Казна была пуста. Правители отдаленных провинций более не зависели от центральной власти. В самом Ктесифоне столичная знать не желала ждать, когда наступит такой момент, что представителям древнейших родов Ирана придется побираться на мейданах. Эти умные люди не жили одним днем и в отличие от насытившихся на краткое время пролетариев понимали, что отбирать и делить уже просто нечего.

В результате составился аристократический заговор. Около 496 г. Кавад лишился престола[1], и ни отряды маздакитов, ни, тем более, «широкие народные массы», ради которых и затевались все преобразования, не защитили его.

Придворная сцена. *Иранская миниатюра*

Эти события со всей очевидностью доказали, что успехи маздакитского движения, несмотря на их популярность среди беднейшего населения, были возможны, единственно благодаря силе принуждения государственной власти. Стоило смениться обладателю бирюзового трона, и носители коммунистических идей попритихли, хотя их время еще не прошло.

Новым шаханшахом стал брат Кавада Замасп (496-499 гг.). Он являлся послушным исполнителем воли аристократов, возведших его на престол. Но развал в государстве зашел настолько далеко, что восстановить положение дел, существовавшее до начала Великого Эксперимента, было просто невозможно. Провинции, по-прежнему, не подчинялись центру. Разграбленная собственность так и не вернулась в руки прежних владельцев. Ведь новые хозяева не преумножили ее, а просто проели. В такой ситуации совершенно непонятно, почему соседи Ирана не воспользовались коллапсом некогда великой державы и не оторвали от Сасанидского царства обширные территории?

Три года, проведенные Кавадом в Замке Забвения, не такой уж малый срок. Дни, незаполненные ничем, тянутся бесконечно. С другой стороны, в отсутствии хоть сколько-нибудь запоминающихся событий, они неотличимы друг от друга, а значит и не откладываются в памяти. Впоследствии время это кажется вычеркнутым из жизни. Свергнутый владыка Ирана мог бы всесторонне обдумать, на те ли силы решил он опереться, стремясь помочь народу своему. Но главным чувством, владевшим душой и разумом бывшего шаханшаха, была слепая, не рассуждающая месть. И пришел час, когда его планы и сладкие картины восстановления попранной справедливости вынырнули из горячечных снов и обрели плоть и кровь факта.

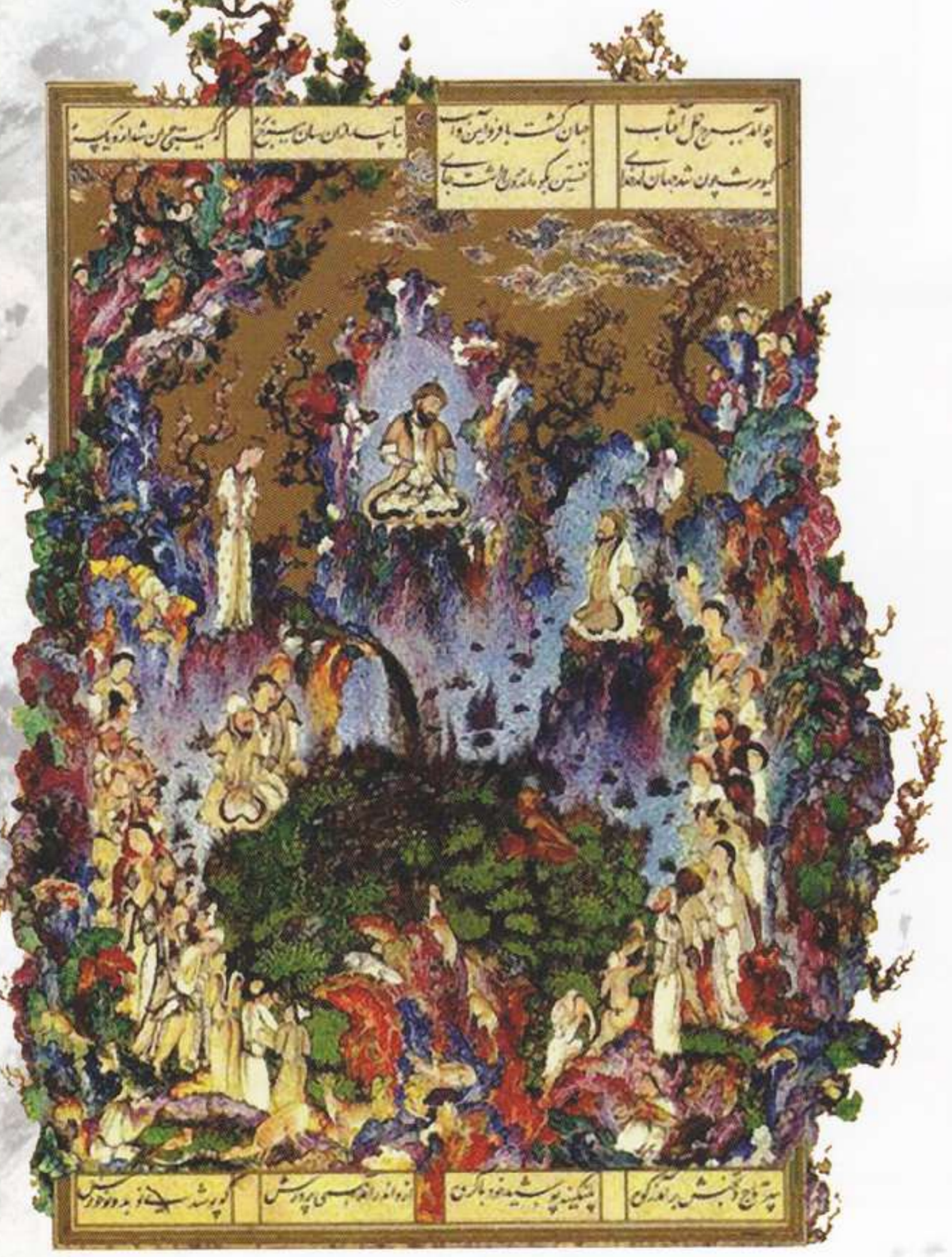
Дальнейшие события выглядят сюжетом волшебной восточной сказки, но источники настолько единодушны в их описании, что остается поверить в то, что полторы тысячи лет назад сказка, в который уже раз, стала былью.

На воле у Кавада оставались сторонники. Одни из них искренне сочувствовали царю, пострадавшему за стремление жить и править страной по совести, другие прямо связывали с ним собственное благополучие. Сейчас уже невозможно выяснить, кого среди них было больше: идейных маздакитов, или людей из прежнего окружения шаханшаха. В любом случае они начали активно действовать, чтобы вернуть законному государю свободу и власть.

В тюрьму, где находился Кавад, направилась одна из его жен. Пообещав коменданту

[1] *Как сформулировал хронист, «за нечистые обычаи и извращенные законы».*

крепости свою благосклонность, она добилась разрешения на свидание с супругом, а затем велела слугам завернуть его в ковер и вынести под видом женских одежд «для времени нечистоты». Ни один из тюремщиков не осмелился прикоснуться к осквернённому свертку, а Кавад скоро снова ощутил на лице свет солнца и освежающее дуновение ветра, подобно которому, он теперь мог отправиться в любую сторону света[1].



Бытовая сцена. *Иранская миниатюра*

Шаханшах бежал к эфталитам. Еще после разгрома, учиненного этими кочевниками армии Пероза, Кавад провел у них в качестве ценного заложника два года. Надо сказать, что относились к нему хорошо, а сейчас он принялся умолять вождя эфталитов дать ему войско, чтобы вернуть престол, отнятый заговорщиками.

Как и в первый раз, каган эфталитов обласкал изгнанника. Он женил его на своей дочери[2] и предоставил в распоряжение Кавада сильный воинский контингент, с которым шаханшах пошел отвоевывать трон предков. Поход оказался триумфальным. К Каваду со всех сторон стекались отряды сторонников. Снова воспряли духом маздакиты. Практически беспрепятственно, на крыльях духа мщения, он прошел до Ктесифона. Замасп отрекся от власти, а его брат, обретя утраченный престол, «исполнил свое желание и казнил знатных».

Говорят, что во второй период правления (499-531 гг.) Кавад отвернулся от маздакитов. Однако факты еще покажут, что конец их влиянию положили меры хирургического характера. Ну а пока можно было подвести первые итоги доселе невиданного общественного эксперимента.

Страну терзали сразу несколько хищников: эфталиты, не захотевшие признать миссию по оказанию «интернациональной династической помощи» выполненной и уйти просто так; маздакиты, сразу припомнившие недорезанным кровопийцам и угнетателям трудового народа все старые и недавние обиды; и дружины местных феодалов, снова перешедших к круговой обороне.

Еще страшнее, что силы небесные, по-прежнему, карали Иранское царство за грехи явные и неведомые. Сразу после возвращения Кавада к власти, в 499-500 гг. на державу вновь обрушился жестокий голод из-за неурожая и нашествия саранчи. Наступление «Эры светлых годов», обещанной Маздаком, опять откладывалось. Это понимали даже самые верные его сторонники. Наиболее фанатичные адепты учения призывали усилить борьбу с замаскированными врагами, тайно, по-змеиному вредившими народному делу. Но Кавад и окружавшие его представители военной верхушки нашли более привычный выход из положения. Для укрепления экономического и политического положения государства требовалась победо-

[1] *Существует еще одна версия бегства Кавада. Согласно ей, царь, узнав, что главный тюремщик воспылал страстью к его жене, сам велел ей «отдаться этому человеку», и с тех пор она в любое время могла беспрепятственно навещать мужа, пока однажды, он не вышел из тюрьмы, переодевшись в ее наряд. Источники умалчивают, что после этого стало с самоотверженной женщиной.*

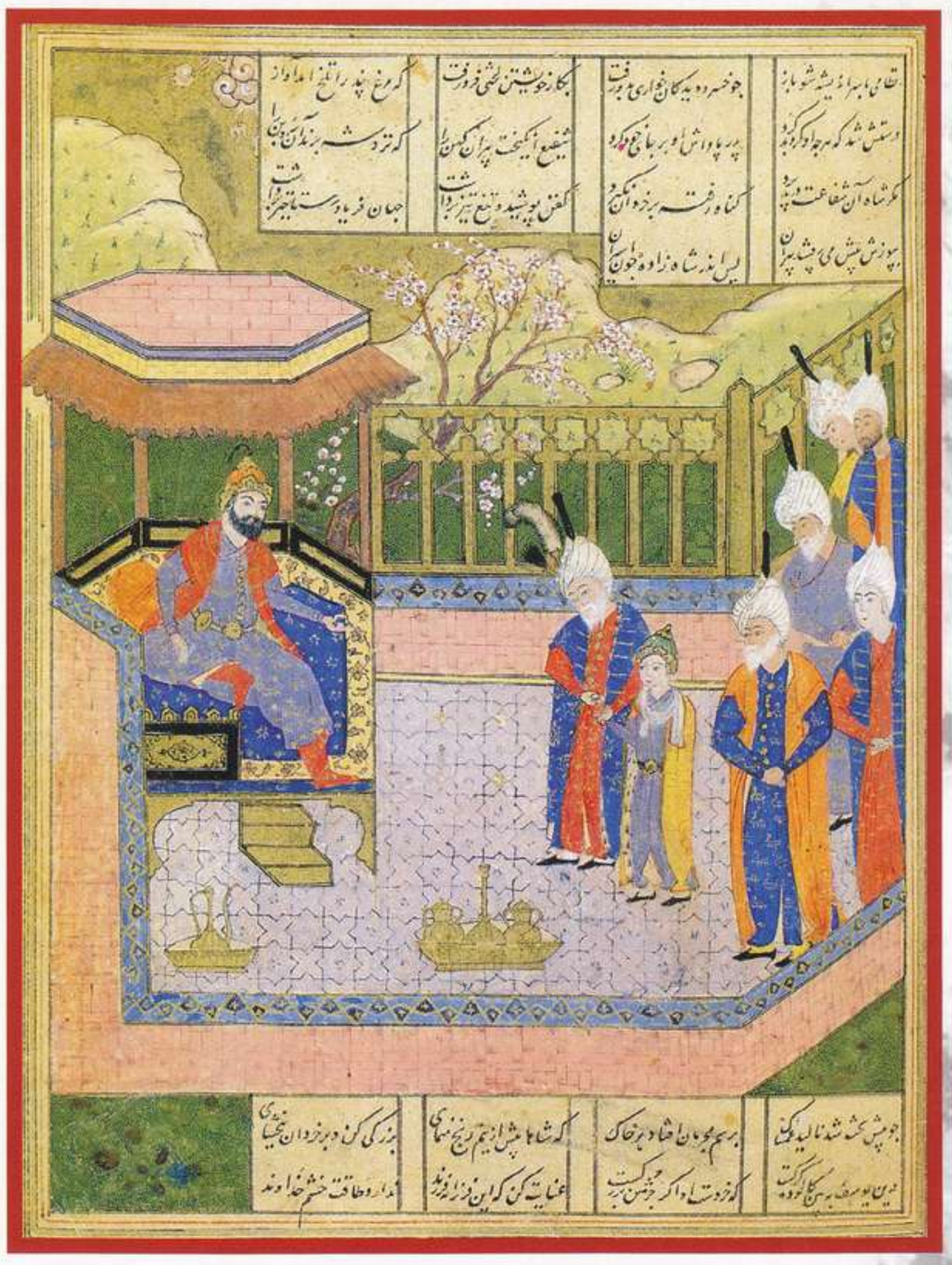
[2] *Правитель этого племени был женат на дочери шаханшаха Пероза. Таким образом, Кавад взял в жены собственную племянницу, что, как мы уже знаем по нормам зороастрийского учения, считалось не только вполне допустимым, но даже прямо поощрялось.*

носная война. К этому времени эфталиты считались союзниками, и шаханшах не хотел прослыть неблагодарным по отношению к своему тестю, без помощи которого он бы никогда не вернулся в Ктесифон. Зато на западе находился старый недруг — Византия, успевшая оправиться от предыдущих войн с Ираном и восстановить материальные ресурсы. Оценив размеры возможной добычи, Кавад двинул войска вдоль Евфрата в пределы империи ромеев.

Мы обязательно вернемся к описанию хода Ирано-византийской войны 502-506 гг., но в данной главе основным предметом повествования являются события внутренней истории государства Сасанидов. Пока же скажем лишь, что поход Кавада завершился подлинным триумфом. Кампания не просто окупила затраты на ее проведение. Сокровища, доставленные в Ктесифон из разоренных и подчистую ограбленных городов Месопотамии, превратили Царя царей в богатейшего владыку. Свою долю материальных благ получили также средние и рядовые участники боевых действий. Престиж Ирана поднялся на небывалую высоту.

И вот теперь отношение Кавада к маздакитам действительно изменилось. Традиционные методы управления в очередной раз подтвердили свою эффективность, а затянувшийся социальный эксперимент, не принося реальных плодов (уничтожение древних родов знати и ослабление позиций жреческого сословия шаханшах считал делом вполне обыденным, заниматься которым можно и вне коммунистической действительности), напрочь лишался смысла. Более того, назойливые призывы к равенству и справедливости уже откровенно раздражали.

Пока Кавад был молод, он считался с авторитетом Маздака, но к концу жизни царь уже не был столь уверен в том, что «учение всесильно, потому что оно верно»[1]. Теперь ему не нравилось, что старший сын Каус был воспитан маздакитами и являлся их ревностным сторонником. На такого наследника положиться нельзя. Зато все больший вес в ближайшем окружении владыки приобретал его третий сын[2] — царевич Хосров. Принц не забыл, как когда-то валялся в ногах у мобеда, спасая честь матери, и был твердо намерен жестоко отомстить лже-пророку и всем его последователям.



Принц Хосров и его отец.
Иранская миниатюра

Повзрослев и возмужав, Хосров вступил в борьбу с ересью, которую он ненавидел всей душой, и ее адептами, вызывавшими у него в детстве смертельный, непереносимый ужас. Сейчас наступило, наконец, время расплаты за прежние унижения. При этом не вызывает никакого сомнения, что царевич действовал с ведома и согласия отца, тяготившегося зависимостью от показного аскетизма маздакитов. Просто Хосров делал это страстно и с присущей молодости яростной энергией.

Обстоятельства крушения маздакитов излагаются персидскими авторами подробно и замысловато. Правда, все они появились

[1] *В силу скудости источников, среди историков нет единства во взглядах на личность Маздака. Не исключено, что к концу царствования Кавада маздакитов возглавлял совсем другой человек. При этом само слово «маздак» являлось уже не личным именем, а своего рода почетным титулом. Поэтому, зная и ценя дар убеждения, которым был наделен первый Маздак, шаханшах мог абсолютно не считаться с его преемником (может быть даже не первым).*

[2] *Второй сын Кавада – Зам был крив на один глаз, а увечный трона не наследует.*

спустя несколько веков после описываемых событий. Поэтому постараемся сплести цепочку фактов просто, не украшая их золотыми цветами восточного красноречия. Даже изложенные графически, они не теряют напряженного драматизма, позволяя современному человеку понять, что в те далекие дни решались не только судьбы отдельных людей. Не исключено, что речь шла о выборе путей развития человеческой цивилизации в целом.

Примерно в 529 г. в Ктесифоне состоялся ученый диспут. В нем приняли участие, с одной стороны, царевич и поднаторевшие в риторике зороастрийские жрецы. С другой, сам Маздак и испытанные в классовых битвах витии-демагоги.

И сказал Хосров: «Вера предписывает охранять имущество и гарем. Когда эти две вещи дозволены, какая будет разница между четвероногими и человеком?» Вслед за этим некий мудрый мобед, прибывший из Парса на быстроходной верблюдице, повел атаку еще решительнее. «Ты сделал женщин общими. — Заявил жрец. — Чей будет ребенок, когда двадцать мужчин соединится с одной женщиной, она станет беременной и родит?» И ничего не ответил Маздак.

А темп общения только возрастал. «Когда десять мужчин соединятся с женой царя и родится ребенок — чьим будет этот ребенок? Царский род прекратится, а если прекратится род, то не останется власти государя». И снова Маздаку нечего было возразить. Следующая фраза жреца звучала уже не как вопрос. Это было серьезное политическое обвинение: «Если имущество станет общим — исчезнут в мире высшее и низшее положение; власть государя упразднится. Ты явился, чтобы уничтожить власть государя».

Маздак упорно молчал, и тогда уже не выдержал Кавад. «Отвечай ему», — приказал он. И вот тут мобедан мобед сорвался: «Ответ таков: сейчас же прикажи, чтобы ему отрубили голову». Как бы угрожающе не прозвучала эта фраза, но на деле она означала, что Маздак проиграл. Он не обладал никакими сокровенными знаниями, никакими логическими аргументами, чтобы доказать свою правоту. Кавад не замедлил подтвердить это, сухо отрезав: «никому нельзя рубить голову без оснований».

Ну а дальше Маздак якобы смошенничал, пытаясь получить благоприятные для себя ответы у священного огня, но обман был разоблачен, после чего участь первосвященника была предрешена, хотя враги его до времени не выдали своих намерений.

Кавад и Хосров приглашают Маздака и его последователей на пир.
Восточная миниатюра

Не устраивая публичного скандала, Хосров получил у отца все необходимые полномочия, разработал операцию по захвату и уничтожению не только главы учения, но и всех его адептов, ибо имелось опасение, что в случае казни Маздака его сподвижники рассеются по стране и развяжут против властей кровавую гражданскую войну.

План, разработанный принцем, носил изощренный характер. Маздак получил приглашение на царский прием, в ходе которого должно было последовать заявление о том, что Хосров, распропагандированный в ходе диспута, стал истовым маздакитом. Затем по всей державе от имени Маздака разослали гонцов, собирая его виднейших сторонников на пир во дворец шаханшаха, где их должны были наделить богатыми дарами: нарядными одеждами и кубками, золоченым оружием и конями в серебряной сбруе. Не чувствуя подвоха, Маздак лично продиктовал послание, вызывая товарищей, «так как дело идет согласно нашим желаниям, и государь находится во главе».

И явились в Ктесифон двенадцать тысяч виднейших маздакитов. На славу угостив их самыми изысканными яствами и тончайшими винами, Хосров велел группами по

двадцать и тридцать человек отвести в другой дворец, чтобы переодеть в праздничные одежды, изготовленные из лучших тканей. И вставали посвященные, и шли за причитающейся им наградой. Но недалеко. Их отводили на мейдан, где специально подготовленные люди бросали вверх ногами в заранее вырытые ямы и засыпали землей «до пупа», пока не погубили всех таким образом.

Узнав, что дело сделано, Хосров вернулся к отцу и Маздаку и сказал им: «Я всех одел в почетное платье, они стоят украшенные на площади. Встаньте и полюбуйтесь, никто не видел убранства лучше этого».

И пришли они на мейдан и увидели огромное пространство и на нем из края в край торчащие вверх из земли ноги. И сказал Хосров Маздаку не без злорадства: «Для войска, предводителем которого ты являешься, не может быть лучшего наряда, чем этот. Ты пришел, чтобы пустить на ветер имущество и тела наши, уничтожить в нашем доме власть государя. Подожди, я велю и тебе дать почетную одежду». Сильные руки тотчас подхватили пророка и обратили тело его головой вниз. Дневной свет навсегда померк для Маздака...

Фирдоуси нарисовал несколько иную картину гибели первокоммуниста. Но даже написанная изящными двустишиями — бейтами, она выглядит не менее устрашающе.

Был сад у Кесры[1] вкруг дворца; обнесен
Стеной, что горою высокою, он.
Ров велено вырыть вдоль этой стены,
Взяв тех, что на волю ему отданы,
Во рву посадить их, деревьям под стать,
И в землю всех вниз головою вкопать.
И после сказал он Маздаку: «Приди,
На сад мой прекрасный теперь погляди!
Что сам ты, безумец, посеял, взошло,
Плоды роковые тебе принесло.
Увидишь деревья — не видел таких.
Никто и не слышал от мудрых о них».
Вошел он и вместо плодовых дерев
Иные, от ужаса оцепенев,
Увидел, и с горестным воплем тотчас
Повергся на землю, сознанья лишась.
Тут виселицу водрузить повелел
Царевич, аркан укрепить повелел.
Несчастный уж петлею схвачен живой,
Отступника вешают вниз головой,
И сыплются стрелы смертельным дождем.
Не следуй, разумный, Маздака путем!

После разгрома маздакитского движения (хотя отдельные ячейки его сторонников еще долго продолжали существовать в глубоком подполье) Кавад недолго оставался на троне. В 531 г. он тяжело заболел и скончался, оставив трон Хосрову. Шаханшах Хосров I Ануширван (что значит «с бессмертной душой») оказался одним из самых великих государей Ирана. Его правление, длившееся почти полвека (531-579 гг.), отмечено победоносными войнами и невиданным доселе укреплением мощи Сасанидской державы. Однако, будучи беспощадным к врагам, Хосров сделал многое, чтобы мудрыми реформами обеспечить стабильность внутреннего положения страны и не допустить впредь социальных потрясений, подобных маздакитскому эксперименту.

Казнь Маздака. *Восточная миниатюра*

При этом досталось не только «коммунистам». Собрав вельмож, шаханшах заявил: «В дальнейшем я не буду разговаривать с притеснителями иначе, как мечом. Я буду охранять от волков овец и ягнят. Я укорочу загребущие руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этого». И всех присутствующих «охватил такой страх перед

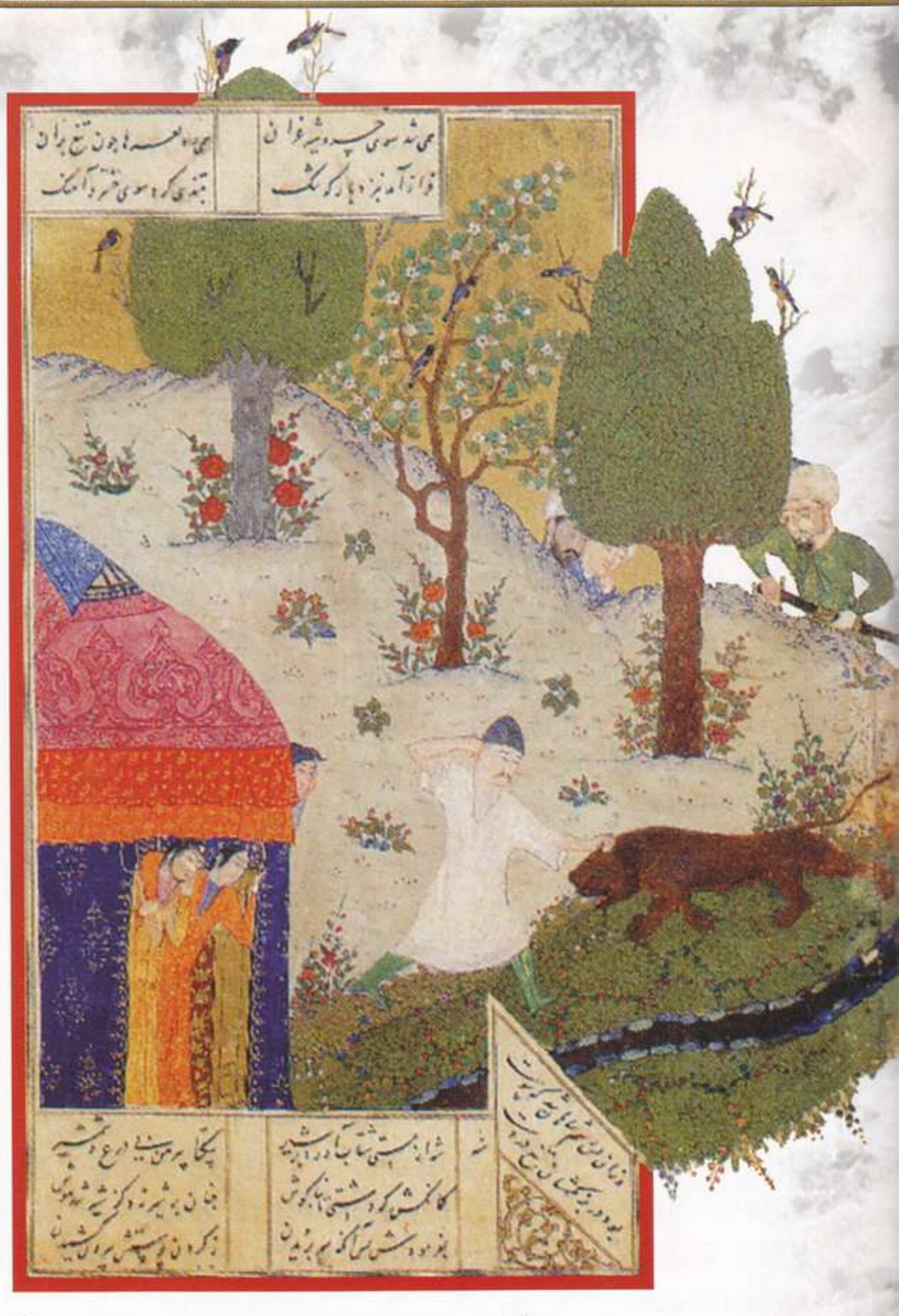
[1] *Позднеперсидский вариант имени Хосров.*

проявлением державности Ануширвана, что разрывался желчный пузырь»...

Конечно, вскоре нашлись желающие уверять владыку, что «в державе повсюду хорошее зерно, нет никаких бедствий, пастбища — благодатные, места для охоты — изобильные». И даже, якобы человек обладает таким благополучием, что «вкушает ежедневно двадцать сортов снеди, барашков, сладостей, жирных и сладких блюд».

Но царь царей не доверился словам лукавых рабов. По его указаниям были введены фиксированные, вне зависимости от урожая, поземельный налог и подушная подать[1], ограничена власть высшего чиновничества, окончательно подорвано влияние жреческого сословия, улучшена система судопроизводства, реорганизована армия, боеспособность которой резко возросла. Вместо известных своей древностью знатных родов, главной опорой трона стал слой средних и даже мелких феодалов — дехкан, составлявших основу войска. А маздакизм остался в истории в качестве некоего странного феномена-предостережения, когда хотели, как лучше, ну а что получилось, и так понятно. Тем не менее, в описании и оценках этого явления до сих пор ломают копья не только ученые-историки, но и политики.

В 30-е годы XX века официальные источники в нашей стране прямо утверждали, что это было коммунистическое движение, целью которого являлось уничтожение материального неравенства между людьми посредством отъема имущества у богатых и передачи его бедным, уничтожения семьи, раскрепощения женщины и отмены права наследования и права собственности[2]. Позднее, когда власть предержащие старались не вспоминать про обещание о том, что «уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», маздакизм превратился в некое аморфное «движение крестьян и городской бедноты»[3]. Наконец, уже на исходе прошлого столетия либеральные публицисты, обслуживавшие новых хозяев жизни, вновь стали всячески подчеркивать «коммунистический», т. е. бесчеловечный характер маздакитского движения, делая особый упор на пресловутом обобществлении женщин. Дескать — вот это и есть настоящий коммунизм!



Хосров ударом кулака убивает льва.
Иранская миниатюра

Не стоит думать, что тем самым давнему эксперименту (а заодно и нашему прошлому) вынесен окончательный приговор. Случается, что история жестоко мстит политикам, которые рассматривают ее как покорную служанку. Так что вполне возможно, что потомки еще будут вполне искренне удивляться, как это люди могли существовать и выживать в наше нескучное время. Что же касается маздакизма, то эта любопытная и поучительная страница многовековой летописи человеческой цивилизации, безусловно, заслуживает того, чтобы о ней помнили.

[1] *Любящие проводить упрощенные аналогии публицисты сравнивают действия Хосрова с Новой экономической политикой (НЭП), введенной в Советской России после разрушительного периода «военного коммунизма».*

[2] *Малая советская энциклопедия, М., 1937, т.6, стр.475*

[3] *Большая советская энциклопедия, М., 1974, т.15. стр. 212.*

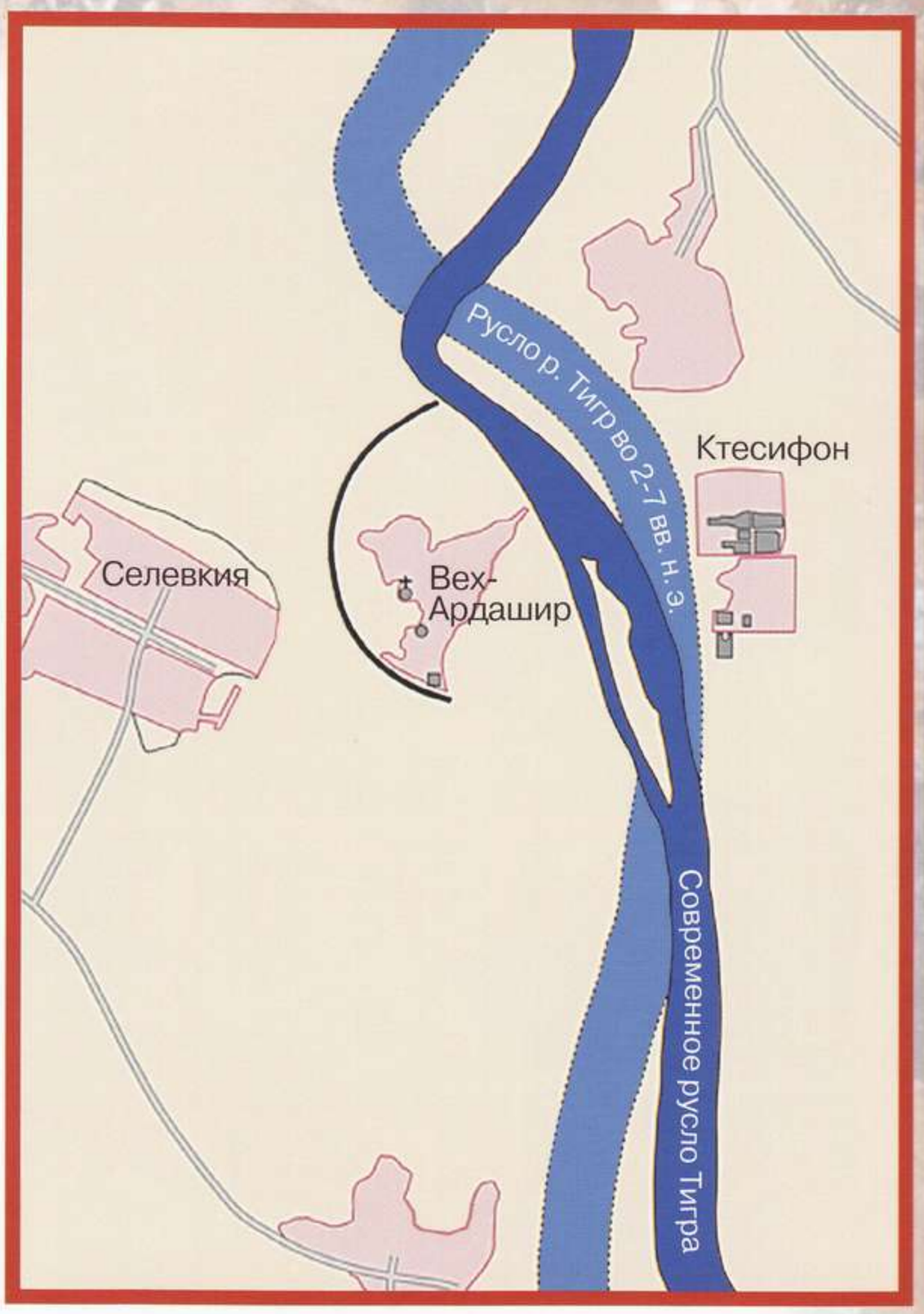
политическая экономия войны.

502-506 гг.

Ктесифон. Столица империи Сасанидов. Странный это был город. На протяжении более чем семи с половиной веков своей истории он неоднократно менял наименование, официальный статус, внешний вид и даже местонахождение. Парфяне, пришедшие на смену наследникам Александра Македонского, посчитали ниже собственного достоинства жить в прежней столице — Селевкии. На противоположном берегу Тигра, они заложили новый стольный град Тизбон. Со временем оба населенных пункта расцвели и разбогатели. Римляне называли эту агломерацию Ктесифон, арабы Ал-Мадаин (т. е. «города»)

На правом, западном берегу, в Селевкии жили купцы и ремесленники, На восточном, в Ктесифоне, в речные воды смотрелись царские дворцы и особняки знати. И те и другие были окружены лачугами бедноты. Иногда мутный Тигр выходил из берегов, прокладывая себе новое русло, и тогда хлипкие хибары из необожженной глины рушились и уносились течением. Не раз сюда приходили легионы Рима, и тогда горе врывалось в дома горожан, не успевших, или не решавшихся бросить свои гнезда. В 165 г. н. э. армия полководца Авидия Кассия сожгла царский дворец в Ктесифоне и разрушила старую Селевкию.

Когда ослабленное непрерывными войнами и усобицами Парфянское царство рухнуло, первые Сасаниды какое-то время размышляли, а могут ли наследники Кира, Ксеркса, Артаксеркса и Дария обитать в жилищах варваров? На берега Тигра согнали тысячи рабов, чтобы построить новый двойной город. При этом возрожденная Селевкия в честь основателя Новоперсидского царства получила название Вех-Ардашир («Прекрасный город Ардашира»), а официальной столицей империи, как и во времена династии Ахеменидов, был провозглашен Персеполь. Но что делать посреди раскаленной пустыни среди каменных обломков, и в лесу колонн, подпирающих небо? Разве что вспоминать о дикости македонского царя Искандара, который в пьяном буйстве, окруженный бесстыжими девками-гетерами, первым внес пылающий факел в роскошные дворцовые покои. Поэтому Сасаниды



Агломерация Ктесифон-Селевкия
(по данным археологических исследований)

объявили Ктесифон своей зимней резиденцией, но в истории именно этот город остался в ранге настоящей столицы их державы.

Римские императоры отлично понимали, что Ктесифон является мозгом и сердцем Персии, и регулярно посылали армии, чтобы сломить давнего противника, нанеся последний сокрушительный удар по административному и экономическому центру Ирана, но римлянам так и не удалось здесь закрепиться. А город, подобно волшебной птице Симург из персидских сказаний, возрождался из пепла и переживал новый расцвет. В лучшие времена население агломерации Ктесифон-Селевкия доходило до 600 тысяч человек, уступая только Константинополю и китайскому Чанъаню. Волей-неволей, кесарям Рума приходилось считаться с мощью восточных соседей и договариваться о принципах сотрудничества и сосуществования. Впрочем, и шаханшахам, миролюбивым и воинственным, оставалось делать то же самое.

На четырнадцатом году правления царя Кавада[1] в Ктесифоне обсуждался важнейший вопрос, касавшийся взаимоотношений между двумя державами и определивший судьбы многих тысяч людей, которые, как водится, об этом даже не догадывались.

Любой человек, которого пожелал увидеть Царь царей Ирана и не-Ирана, а к таковым относились не нищие крестьяне, не замордованные ежедневным тяжким трудом ремесленники и даже не преуспевающие торговцы со столичных базаров, ибо подобны праху были они в сравнении с повелителем половины вселенной, но, прежде всего, высшие сановники и иностранные посланники; так вот, любой бывал ошеломлен, подавлен и даже напуган, еще только подходя к великому дворцу Таки-Кисра, высившемуся над берегом Тигра. Как и полагается обители Бога (а эпитет этот являлся официальным атрибутом каждого царствующего Сасанида), здание возносилось вверх на несоразмерную масштабам человеческого роста высоту и нестерпимо сияло на щедром южном солнце.

Подданным земного владыки, казалось, что небесный огонь *фарр*, в качестве особой благодати дарованный шаханшаху и сверкающим ореолом лучащийся вокруг его священной особы, проступает сквозь стены, ослепляя людей и напоминая им о собственном ничтожестве. В свою очередь, высокопоставленные иноземные гости знали, конечно, что дворец сложен из обожженного кирпича, а пять ярусов ложных, глухих арок могли свидетельствовать скорее о дурном вкусе и неумелом подражании римско-греческой архитектуре. Но даже искушенные, объездившие полмира дипломаты не могли не оценить мощь и богатство державы, государь которой позволяет себе облицевать фасад собственной резиденции плитами из полированного серебра.

Но и на этом чудеса не заканчивались. Гигантская, тридцатишестиметровая арка парадного входа во дворец казалась воротами в иной, недоступный для обычных людей мир, хозяин которого повелевает судьбами стран и народов. В таинственной полутьме ревели трубы-карнаи, свет факелов отражался на драгоценных камнях искусных инкрустаций, рычащие львы яростно хлестали себя хвостами, так что стражи едва сдерживали беснующихся зверей, а застывшие фигуры «бессмертных» гвардейцев шаханшаха, наоборот, уподоблялись неодушевленным статуям. В общем:

Красавицы, злато, уборы вельмож...
Сияющим раем дворец назовешь!

Дворец Таки-Кисра. Литография XIX века

В парадном зале приемов пришедшие падали ниц перед занавесом, спускавшимся от скрытой в полутьме кровли до пола, устланного ковром невиданной красоты. И даже когда завеса раздвигалась, они не смели поднять глаз, а на уста были заранее наложены повязки, дабы ни один смертный не осквернял нечистым дыханием ноздри государя.

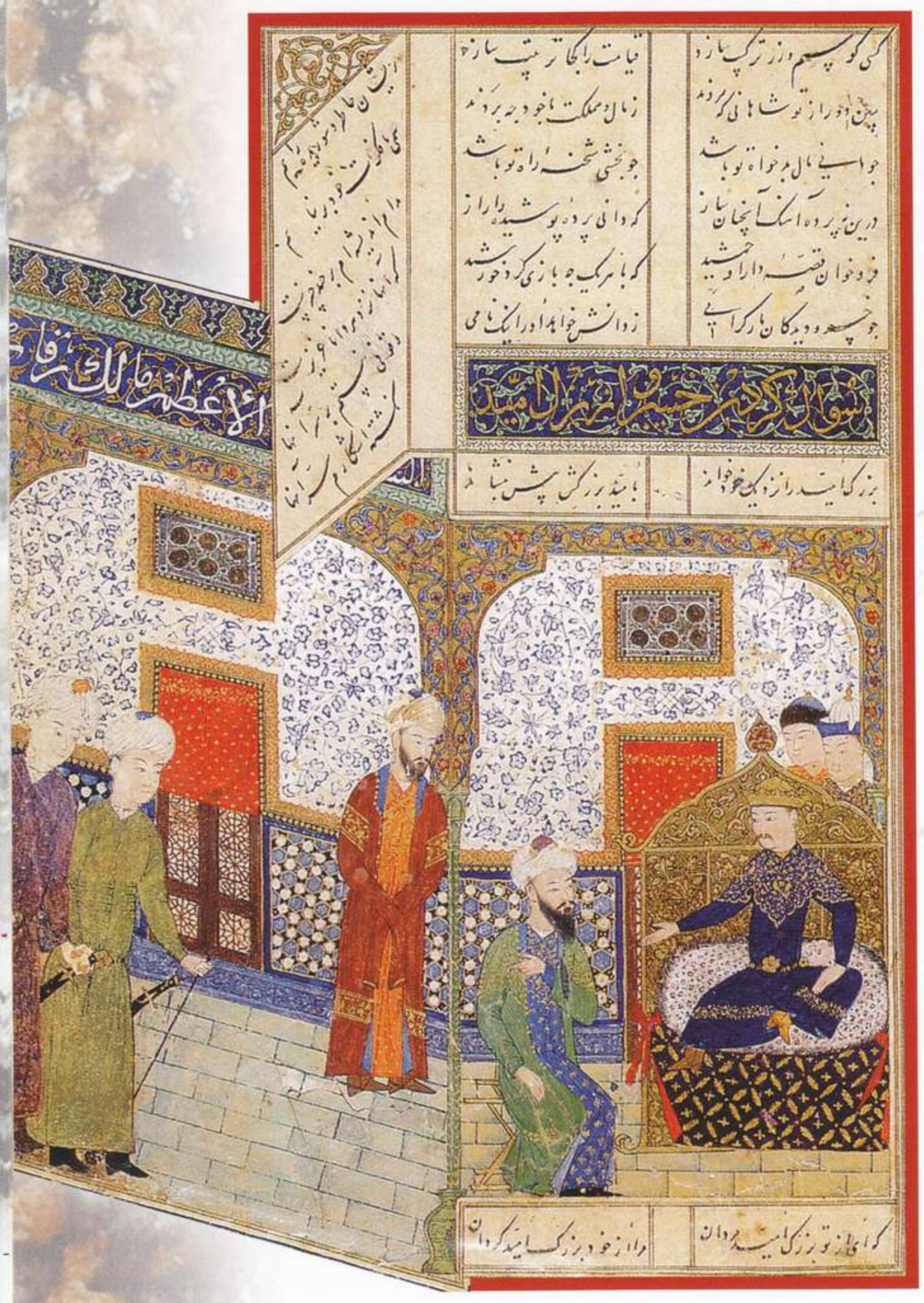
Пусть всяк не на трон, а пониже глядит,
Себя со ступенью нижайшей сравнит.

Громовой голос, доносившийся ниоткуда, изъявлял царскую волю, в то время как сам шаханшах оставался безмолвным, а лицо его бесстрастным. Все это, в сочетании с отливавшими огненным блеском парчовыми одеяниями, сиянием подвешенной под потолком золотой, с теплыми огоньками лалов и смарагдов, короны и позолоченной же, перевязанной лентой бородой живого

[1] *Или, по более привычному для нас летоисчислению, в 502 г. н. э.*

Бога, производило угнетающее, мистическое впечатление. Мастера придворного протокола отлично знали свое дело.

Но сейчас во дворце Таки-Кисра происходил не дипломатический прием, а, как мы уже сказали, рабочее совещание. Регламент его проведения был попроще, но и здесь каждый знал свое место. Строго по ранжиру, по правую и левую руку от царя восседали на особых церемониальных подушках высшие должностные лица государства: первый министр *вузург-фрамадар*, главный сборщик податей *вастриошансалар*, военный министр *эранспахбед*, виднейшие представители четырех сословий, составлявших население Ирана: жрецов (*асраван*), воинов (*артештаран*), чиновников (*диперан*), а также собственно податный народ: крестьян (*вастриошан*) и ремесленников (*хутухшан*)[1].



Шаханшах беседует с придворными.
Иранская миниатюра

Всем им предстояло обсудить вопрос, над решением которого столетиями бились мудрейшие государственные деятели всех стран и народов: «Как наполнить опустевшую казну?» Маздакитское движение подорвало экономику Ирана. Ладно бы от этого пострадали только знать и жречество. Так им и надо! Не будут кичиться своим древним происхождением и независимым положением. Но ведь и в царских сокровищницах ничего нет. А как об этом скажешь Маздаку, если сам заявил о приверженности его учению правды и назначил на высокий пост мобедана мобедов (верховного жреца).

Возникшая проблема носила не только нравственно-философский характер. Это жрецы (да и то, далеко не все) готовы исполнять свои обязанности за идею. А чиновники работать без вознаграждения не будут. Конечно, мздоимство — вечный человеческий порок, и можно каленым железом выжигать эту язву, заставляя служить если не на совесть, то, по крайней мере, страха ради. Но уже сейчас, под строгим присмотром на местах идейных маздакитов, особого наплыва желающих занять ответственные должности не наблюдается. С другой стороны, разоблачать врагов — дело несравненно более простое, чем наладить и поддерживать функционирование управленческого аппарата. Для этого одной бдительности и ненависти к несправедливости недостаточно. А знаний у организаторов новых порядков явно не хватает.

Еще опаснее небрежение нуждами войска. Его надо изо дня в день снабжать всем необходимым, и на содержание армии во всех державах уходит львиная доля бюджета. Если же этот золотой поток иссякает, то жди беды. Кавад хорошо помнил участь своего дяди Валаша, который лишился власти и зрения, и ни один военачальник, обиженный скудным содержанием, не выступил на защиту несчастного.

А внешние враги. Их всегда хватало, но сейчас они особенно обнаглели. Войска же, которым не выплачивают жалованье, теряют боеспособность. И потомки могут с презрением сказать о Каваде: этот царь погубил Иранскую державу. Чтобы успешно сражаться против варваров на севере и на

[1] *Следует помнить, что простонародье было представлено на подобных собраниях не людьми от сохи, а весьма зажиточными и благонадежными старостами профессиональных корпораций.*

востоке (или, по крайней мере, откупаться от них), нужна сильная армия. А для этого нужны деньги, которых нет. Получается заколдованный круг.

А каково положение дел на западе? На первый взгляд обстановка здесь вполне благополучная. Мир с румийцами длится уже шестьдесят лет. Более того, согласно межгосударственным договоренностям, все это время Византия выплачивала Ирану денежные субсидии для охраны горных кавказских проходов от вторжений кочевников. Но в последние годы в Константинополе сменилось несколько кейсаров, и если с потомками Феодосия отношения были в целом откровенными и доверительными, то появившиеся потом люди случайные, а то и откровенные проходимцы, не внушали ни доверия, ни уважения.

Маркиан (450-475 гг.), по крайней мере, начинал карьеру воином. Зато его преемник Лев I (457-474 гг.) хотя и именовал себя «Богонареченным триумфатором и всегда чтимым Августом», но всем было известно, что в молодости он держал мясную лавку. Затем пришел дикий и малограмотный исаврием (а в те суровые времена это слово означало то же, что и бандит) Зинон (474-491 гг.). Как писали сами византийцы, он «с самого начала предался приманкам сластолюбия до того, что ничем не воздерживался от постыдного и беззаконного, но так сроднился с этим, что совершать пороки скрытно и без свидетелей считал делом низким, а явно и как бы на глазах — делом царским и приличным только самодержцу».

Сасанидам, гордившимся древностью рода, казалось унизительным иметь дело с такими партнерами. Правда, еще Валаш направил к румам посольство, предлагая вполне по-деловому и без горячки решить накопившиеся проблемы. Прежде всего, ему было нужно золото для содержания персидских гарнизонов на Кавказе, но ответ кейсара прозвучал оскорбительно: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Нисибиса, и они уже много лет принадлежат ромеям».

Вряд ли Зинон настолько хорошо разбирался в истории византийско-иранских отношений. Были ему неведомы и все пункты стародавних международных договоров, но советники наверняка сделали для императора подборку необходимых документов. Из них выходило, что после неудачного военного похода 363 г. римляне передали персам важную приграничную крепость Нисибис. Якобы тогда же была согласована и продолжительность действия этого соглашения. Нисибис переходил под власть Ирана на 120 лет. В 483 г. этот срок истек, но Византия крепость назад так и не получила. Обиженный Зинон решил принять ответные меры и прекратил выплату субсидий союзникам[1]. Не помогло и то, что новый шаханшах Кавад вместе с посольством отправил в Константинополь диковинные дары: огромного слона и двух *камилопардов*[2]. Пока миссия вместе с этими шикарными зверями неспешно следовала по дорогам Месопотамии и Сирии, в далеком Константинополе умер император Зинон[3], а на престол взошел Анастасий I Дикор[4] (491-518 гг.).

Иисус Христос. Равенна.
Редкий пример изображения Спасителя в полном воинском снаряжении

[1] *Хотя ранее именно на деньги, присланные Зиноном, был выкуплен брат Валаша, неудачливый шаханшах Пероз, проигравший войну и попавший в плен к эфталитам.*

[2] *Речь идет о жирафах.*

[3] *Мертвецки пьяного, его похоронили заживо.*

[4] *Это прозвище закрепилось за новым государем из-за того, что у него были глаза разного цвета.*

Казалось бы, теперь все пойдет на лад. Умный, широко образованный и порядочный, он был вполне вменяем и договороспособен. Но именно эти, сами по себе, безусловно, положительные для любого человека качества сыграли роковую роль в отношениях Византии и Ирана.

Анастасий I (491-518 гг.). *Византийская золотая монета*

Император всерьез относился к возложенным на него государственным обязанностям и на первое место выдвигал интересы врученного ему Богом Ромейского царства. Его ответ персидским послам, настаивавшим на выплате субсидий, не содержал ничего нового. «Как Зинон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе золота, пока не вернешь мне Нисибис. — Велел передать Каваду император. — Немалые войны и у меня с варварами. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».

Анастасий не лукавил. С самого начала правления он оказался втянут в изнурительную семилетнюю войну (492-498 гг.) с воинственным малоазиатским племенем исавров. Из их рода происходил Зинон, и исавры пользовались при этом императоре особым влиянием. Теперь они разом лишились всех привилегий и подняли мятеж. Кроме того, Византия отражала набеги гепидов на Балканах и блеммиев в Северной Африке.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, Анастасий предложил Каваду деньги в виде займа, с условием их возврата, но шаханшах счел такое предложение унижающим его достоинство. Он затаил обиду. Едва притухнув, это чувство ждало своего часа. Десять лет спустя в Ктесифоне весьма кстати вспомнили о нанесенном оскорблении, и участники совещания высших должностных лиц Иранского царства пришли к выводу, что нарушение румийцами финансовых обязательств, вытекающих из прежних договоров, служит достаточным основанием (а говоря точнее, конечно же, поводом) для объявления им войны и восстановления попранной справедливости. На самом деле, как это часто случалось в истории, очередному ирано-византийскому конфликту предстояло стать «маленькой победоносной войной», которая велась исключительно с целью захвата добычи и должна была помочь властной элите Ирана сплотить державу и вывести ее из тяжелейшего политического и экономического кризиса, в который вверг страну социальный эксперимент, предпринятый этой самой властью.

«В двадцать второй день месяца Аб этого года[1], в ночь на пятницу, большой огонь был видим нам горящим в северном краю... В тот же день, когда был виден этот огонь, Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско, отправился и пошел на север», — так начинает свое повествование о вторжении иранской армии в Византию Иешу Стилит, являвшийся свидетелем тех трагических событий. Несколько веков спустя, наделенный даром сложения тончайших, дивных стихов Фирдоуси представил эту историю более романтически:

Владыка, венец вознеся к небесам,
На Рум устремился с громадою войск.
Рум длани его покорился как воск.

Кавад собрал для похода все имевшиеся в его распоряжении силы. Помимо собственно иранских войск, в состав армии вошли кочевники-эфталиты, арабские племена, обитавшие вдоль румийской границы, отряды элитной армянской конницы и ряд других контингентов. Сбывалось древнее пророчество: «Восстал народ на народ и царство на царство, мы пали от острия меча и были порабощены в разных землях, а наша земля была потоптана чужими народами».

Царь вел армию к недавно возведенной византийцами в Западной Армении крепости Феодосиополь[2]. Персы были настроены на длительную осаду этого важного приграничного города, но императорский наместник в ранге комита сенатор Константин изменил государю и сдал Феодосиополь без боя. Это не избавило его население от ужасов потока, разграбления и обращения в рабство. Зато Кавад милостиво обошелся с самим

[1] *Август 502 г. н.э.*
[2] *Современный Эрзурум в Турции.*

Константином, назначив его начальником уже своего гарнизона и повелев снова привести крепость в оборонительное состояние.

Овладев Феодосиополем и установив в течение августа-сентября 502 г. контроль почти над всеми пунктами византийской Армении, иранцы и их союзники двинулись на юг. Никто не дерзал становиться на пути этой грозной лавины. Центр провинции Софанена Мартирополь также сдался без сопротивления. Достаточно было персидскому авангарду появиться у стен, как депутация жителей во главе с градоначальником Феодором вышла встречать шаханшаха, изъявляя покорность и неся собранные, но так и не отправленные в Константинополь денежные подати за два последних года. Довольный Кавад «воздержался от насилия над городом и отпустил людей невредимыми». Возможно, он считал, что после войны Мартирополь будет присоединен к его державе и, как рачительный хозяин, заботился о сбережении собственного имущества.

Только после этих молниеносных ударов в Константинополе осознали, что страна не готова к войне. Посланник императора Анастасия Руфин прибыл в полевую ставку шаханшаха, предлагая немалый денежный выкуп, лишь бы персы покинули территорию империи. Но Кавад, опьяненный легкими успехами, решил, что и так возьмет свое силой меча. Ведь пока, все покоренные им земли не стоили ему никакого урона. Царь велел схватить Руфина и приказал его стеречь.

«В пятый день месяца Тишри первого, в субботу»[1] персы осадили крепость Амиду в византийской Месопотамии. Неожиданно маленький ромейский гарнизон и, что еще более важно, горожане оказали упорное сопротивление. Оборона Амиды[2] станет наиболее славным и трагическим эпизодом войны 502-506 гг., но пока войска Кавада предприняли и ряд других боевых операций. Одна из ударных группировок двинулась на юг к Телле, оставляя за собой дотла разоренную землю. В это же время, отряд легкой арабской конницы предпринял стремительный рейд на юго-запад к Харрану[3] и Эдессе.

Начальники ромейских гарнизонов — дуксы Теллы и Мелитены объединили свои силы, а враги расслабились, занявшись дележом добычи, захваченной в окрестностях Теллы. В результате, византийцы внезапно напали на персов и перебили их во множестве. А вот затем ситуация зеркально повторилась, только зеркало это оказалось кривым, отражая действительность в невыгодном для ромеев свете.

Одержав победу, они сами стали обирать убитых и забыли о долге службы. Чтобы собрать разбредшееся воинство, командиры приказали трубить в боевые рожки и разжечь большой костер на вершине холма, который должен был стать местом сбора. К несчастью, первыми на эти сигналы отреагировали персы. Они собрали свои отряды и под покровом темноты предприняли смелую атаку.

И закипела страшная резня.
Все кончилось
до наступленья дня.

Как известно, у страха глаза велики, и именно ночь многократно увеличила число врагов в глазах ромеев. Византийская конница сразу же обратилась в бегство. Пехота,

В турецком городке Сильван руины православного храма древнего Мартирополя соседствуют с современными спутниковыми «тарелками»

[1] *5 октября 502 г.*

[2] *Современный турецкий Диярбакыр.*

[3] *Между прочим, здесь — у древних Карр, в 53 г. до н.э. парфяне уничтожили легионы Марка Лициния Красса.*

построившись в сомкнутый боевой порядок — «черепаху», некоторое время достойно сражалась. Однако, в конце концов, непрерывные атаки иранской конницы, перемежаемые обстрелом из луков, сделали свое дело. Строй ромеев был прорван, ряды смешались, и бой утратил организованный характер. Отдельные группы еще пытались защищаться, но потом их всех «потоптали копытами». Многие погибли, а прочие попали в плен. Так победа превратилась в постыдное поражение.

Пока происходили эти драматические события, вождь союзных персам арабов-лахмидов Нааман вторгся в область Харрана, ограбил и дочиста опустошил ее. Как на беду, это был сезон сбора винограда. Люди работали на полях и становились легкой добычей захватчиков. Вражеский полон в ходе этого набега составил 18 500 чел., не считая большого количества перебитых.

Эдесса готовилась к обороне, но кочевники-арабы, конечно же, не могли отважиться ни на штурм сильно укрепленного города, ни на его осаду. Придя в себя, ромейские стратиги сами перешли к активным действиям. Собрав войска, дукс Мелитены Евгений выступил к Феодосиополю и овладел им, уничтожив находившийся там персидский гарнизон. А тем временем, главные силы иранского войска, возглавляемые Кавадом, продолжали осаду Амиды. Именно здесь они рассчитывали захватить наибольшую добычу и реализовать цели всей кампании.

Обложив город плотным кольцом, персы вели почти непрерывный обстрел из тяжелых стрелометов. Затем шаханшах приказал построить на одном из участков высокую насыпь — вровень с крепостной стеной. Для выполнения этого указания потребовалось проделать колоссальный объем земляных работ, но для того и имелись в царском войске вспомогательные пехотные части, чтобы руками вчерашних крестьян делать даже невозможное.

Снизу казалось, что насыпь уходит прямиком в небо, и на ней были установлены мощные тараны. Правда, горожане также успели надстроить стену, но кладка здесь была свежей, так что раствор еще не успел схватиться.

Стенобитные машины наносили размеренные удары в недавно возведенную часть крепостной стены до тех пор, пока надстройка не подалась и обрушилась. Но иранцы все равно не смогли ворваться в брешь. Основной монолит стены, сложенный из черных базальтовых блоков невероятной прочности, стоял неколебимо. К тому же, обороняющиеся, по-прежнему, не сидели, пассивно сложив руки.

Они повели изнутри города подкоп под насыпь и вынули оттуда столько грунта, что все сооружение оказалось полым изнутри. Однажды персы услышали непонятный и от этого еще более страшный звук, и выглядевший незыблемым вал, вместе с осадными машинами и суетившимися возле них людьми, обрушился внутрь самого себя.

Потери были огромны, а осаждающие так и не продвинулись ни на шаг. Наступила зима, и непривычные к холодам персы испытывали сильные физические мучения. Еще больше шаханшаха оскорбляло, что жители Амиды, «включая местных блудниц», поносили его — царя последними словами, сопровождая их столь же непристойными жестами.

Кавад колебался, стоит ли продолжать осаду. Не рисковавшие собой жрецы упорствовали, надеясь на богатую добычу. И все же царь не послушал их. Чтобы сохранить лицо, он предложил городским властям

Крепость в Диярбакыре. *Современное фото.* Изображенные на снимке, гораздо более поздние – османские укрепления, наглядно свидетельствуют насколько продуманно было выбрано военными инженерами место для возведения укреплений древней Амиды

внести незначительный выкуп, но те пожадничали и в свою очередь выставили счет за потравленный на окрестных полях урожай. Царя царей сильно разгневало такое крохоборство. К тому же, Каваду очень не понравилось, что столь жалкие люди пытаются диктовать ему условия. Подавив минутную вспышку и овладев собой, шаханшах решил взять Амиду, чего бы это ему ни стоило.

Шаханшах Кавад I (499-531). *Иранская серебряная монета*

Главная атака, по-прежнему, велась со стороны ранее разрушенной насыпи. Чтобы восстановить ее, в провалившееся основание слой за слоем укладывали стволы деревьев и камни, а поверх этого фундамента мешки с землей и песком. Тысячи людей непрерывно суетились на стройплощадке, и для их прикрытия от стрел защитников крепости был сооружен специальный полотняный навес. А чтобы его не подожгли, огромное полотнище приходилось постоянно поливать водой из Тигра. Однако и на этот раз все усилия оказались напрасны. Большой камнемет, специально сконструированный и построенный мастерами в Амиде, забрасывал персов тяжеленными глыбами весом более 120 кг каждая. Такие снаряды не только легко прорвали навес, но и уничтожили всех, кто копал и носил землю. Насыпь так и осталась недостроенной. Тогда персы усилили действие стенобитных машин. Чтобы ослабить их разрушительную энергию, амидяне закрепили на крепостных зубцах тюфяки и плетеные маты, амортизировавшие страшные удары.

Упорство гарнизона и помогавших ему горожан выводило Кавада из себя. Едва дождавшись, как на одном из участков в стене была пробита брешь, он бросил своих воинов на приступ. В ходе штурма иранская пехота в очередной раз оказалась в роли пушечного мяса. И так уже измотанные непрерывными дождями и сменившим их зимним холодом, персы тащили на себе здоровенные древесные стволы, чтобы по ним взобраться в пролом. Участь их была незавидной. Когда, облепив деревья подобно муравьям, они стали карабкаться наверх, обороняющиеся вылили большое количество нефти и подожгли ее. Дальнейшее нетрудно представить. Плотная маслянистая жидкость легко вспыхнула. Черный дым взметнулся до небес, а оранжевое пламя пожирало дерево и мягкую человечью плоть. Страшно кричали люди, превратившиеся в живые негасимые факелы. Никто не пытался их тушить. Уцелевшие думали лишь о собственном спасении, со всех ног убегая от огромной жаровни. И долго еще ветер разносил над округой приторный запах испеченного на древесных углях мяса.

После столь тяжелого поражения, среди персов снова пошли разговоры, а так ли уж нужно продолжать осаду этого проклятого города, но как раз теперь судьба Амиды оказалась предрешена. То, чего не могла добиться сила оружия, сделала слабость человеческой натуры.

Один из персидских воинов заметил у западного фаса крепостной стены плохо заделанный подземный ход. Ночью он сумел незаметно проникнуть в город и вернулся обратно. Сутки спустя, в ночь на 11 января 503 г., этим путем двинулся ударный отряд, составленный из отборных солдат.

То ли сил гарнизона не хватало для охраны всего периметра оборонительных укреплений, то ли горожане выставляли на стенах ночные дозоры, чтобы дать возможность своим защитникам отдохнуть, но на этом участке несли караульную службу монахи из монастыря Святого Иоанна.

Древние источники расходятся в толковании дальнейших событий. Одни намекают, что ночь была очень холодной; другие деликатно говорят о престольном празднике, отмечавшемся в обители; третьи прямо заявляют о предательстве настоятеля — родом перса. Как бы то ни было, но братия перебрала, усердно согреваясь вином, и сладко уснула на боевом посту. И вот тогда, по небрежности, или «по наказанию Божию», персы беспрепятственно взошли на стену, перебили так и не проснувшихся монахов и овладели одной из башен. После этого успеха другие отряды бегом устремились к крепости с лестницами наготове и всего через несколько минут крупными силами оседлали оборонительную стену.

Нельзя сказать, что это происшествие деморализовало защитников Амиды. Гарнизоны соседних башен поспешили к месту прорыва. Сначала персы на выбор расстреливали их,

освещенных светом факелов, из луков. Затем закипела яростная рукопашная схватка. Бойцы наотмашь рубили врага мечами, пронзали насквозь копьями и просто сбрасывали вниз с высоты. К рассвету иранцам пришлось очень трудно. В какой-то момент они дрогнули и, казалось, были готовы отступить, но Кавад, лично наблюдавший за ходом боя, обнажил меч и велел умерщвлять каждого, кто осмелится спуститься к внешнему подножию укреплений. Кроме того, он вводил в бой все новые подкрепления, пока перевес не оказался на стороне штурмующих. Продвигаясь по гребню стены, они сломили сопротивление противника, и теперь город оказался в их власти.

Собаки, терзающие зайца.
Византийская мозаика

Восемьдесят дней длилась осада Амиды. Тем страшнее оказалась постигшая ее участь. Крепость была на трое суток отдана жаждавшей крови солдатне. Людей убивали в таких количествах, что образовались целые груды трупов. Они загромождали улицы, заполняли дворы и жилища, доверху забили придорожные канавы. Согласно хронике, погибших было не менее 80 000. Возможно, эта цифра преувеличена (в конце концов, не такой уж большой город была эта Амида, а ведь многих жителей персы потом угнали в полон). Но и это было еще не все.

«Через три дня и три ночи убиение прекратили по приказу царя, и вошли мужи, которые должны были оберегать сокровищницы церковные и принадлежавшие богачам города». Столь витиеватая фраза означает, что с этого момента ограбление приняло организованный и систематический характер. Золотые и серебряные монеты, храмовая утварь и другие предметы из драгоценных металлов считались личной добычей шаханшаха. Кроме того, Кавад, слывший знатоком и ценителем искусства, получил в свое распоряжение статуи, а также медь, мрамор и вообще «все, что желал». Эти ценные трофеи погрузили на специально построенные барки и отправили вниз по Тигру в Ктесифон.

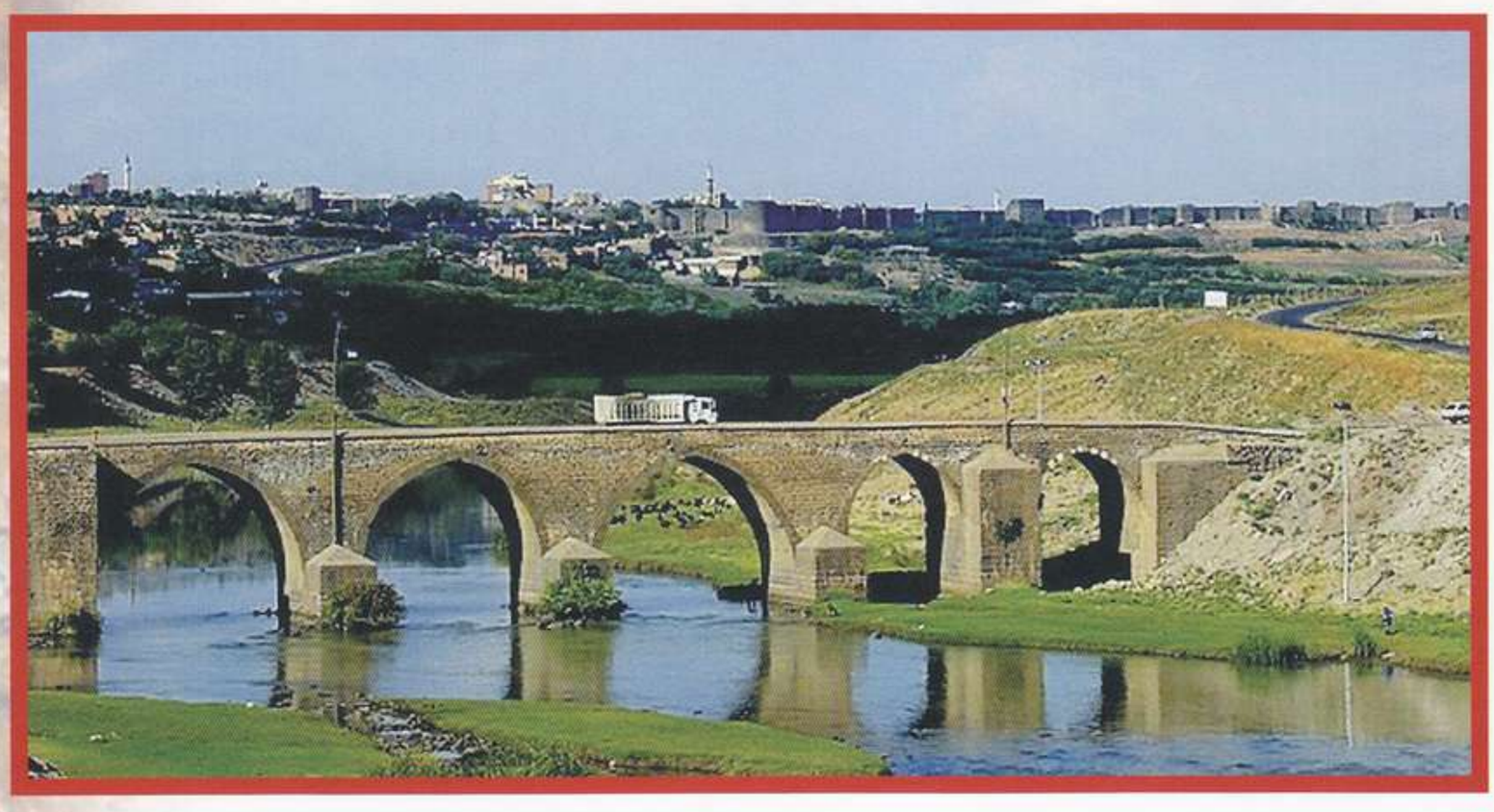
Потом пришел черед живого товара — пленных. Для начала Кавад строго наказал представителей городских властей за слишком упорную оборону крепости. Это должно было напомнить всем и каждому — противиться воле шаханшаха крайне опасно. После этого отделили людей знатных и искусных ремесленников. Они стали личными царскими пленниками, чтобы поднимать значение его победы и налаживать производство и византийские технологии в Иране. Женщин из родовитых семейств ждал царский гарем. Кого там только не было, но владыка славился своей неутомимостью.

Когда же дошла очередь до простонародья, «приблизились известные люди из царского войска к царю и сказали ему: “Наши близкие и братья были убиты в боях жителями города”, и они просили у него, чтобы он выдал им одного из десяти мужей для мщения. Собрали, сосчитали и дали им из простых людей и они умертвили их, убивая всякими способами».

Персы всегда слыли мастерами расправляться с врагами. Людей распинали, бросали под ноги слонам, заживо сдирали с несчастных кожу, расчленяли пилами, топили в Тигре, сбрасывали с высоты недостроенной насыпи. «Мы не в состоянии рассказать об их смертях», — горестно восклицает хронист. Следует особо подчеркнуть, что все эти и другие садистские расправы творились не просто ради удовлетворения чувства мести, или устрашения противников.

Стр. 69. **Осада Амиды.** **Иллюстрация С. Кульнева, © В. Н. Шиканов**

Не подлежит сомнению, что палачи получали удовольствие от мук своих жертв[1].



Мост через Тигр в Диярбакыре (Амиде).
Современное фото

Проведя зиму 503 г. в Амиде и оставив для ее защиты персидский гарнизон, Кавад вернулся с главными силами войска и пленными на иранскую территорию. Цель кампании была достигнута. Царская сокровищница в Ктесифоне ломилась от награбленной добычи, а престиж шаханшаха вознесся на небывалую высоту. Кавад не ставил перед собой цели полностью сокрушить могущество Румийской державы и теперь выжидал ответных действий Константинополя. Если устрашенный Анастасий предложит мир, то на этом также можно будет заработать, причем, ничем не рискуя. Если же нет, то все же требуется некоторое время для разработки плана продолжения боевых действий и определения объектов нанесения новых ударов. Только в апреле шаханшах отправил к кейсару румов послов, велев передать: «Пришли мне золото, или принимай войну».

В отличие от своего предшественника, буйного вояки Зинона, император Анастасий был человеком не военным, зато последовательным и методическим. Пока персидская армия почти на три месяца увязла под Амидой, он формировал и оснащал новые войска, чтобы затем двинуть их навстречу врагу. Ну а после отступления Кавада из пределов Византии Анастасий тем более не был склонен поддаваться на шантаж и лишь укрепился в правильности выбранной им тактики.

В мае две ромейских армии, переброшенные из Фракии, вышли к границе с Ираном. Первая, 40 000 группировка под командованием Презентального магистра Флавия Патрикия[2] и племянника императора — Ипатия, сконцентрировалась у осквернённой Амиды, чтобы «очистить ее от стражи персидской». Вторая — 12 000 солдат находилась юго-восточнее, у Дары (имя этого города еще прогремит в ходе ирано-византийских войн). Перед возглавлявшим ее Военным магистром Востока Ареовиндом[3] была поставлена задача перейти в наступление на Нисибис.

Боевые действия в кампании 503 г. развивались с переменным успехом. Приступив к правильной осаде Амиды, византийцы начали строить высокие деревянные башни, обитые железом — гелеполы. Однако, как мы уже знаем, укрепления города были чрезвычайно мощными. Кроме того, персы успели собрать в крепости большие запасы продовольствия, так что на быстрый успех рассчитывать не приходилось. Тем временем Ареовинд дважды разбил иранцев в приграничных боях, но взять Нисибис так и не сумел. В июле Кавад направил сюда сильные подкрепления, а Ареовинд помощи от коллег так и не получил. Они ссылались на трудности осады. Но летописец объяснил мотивы их бездействия иначе: «из зависти отказались тронуться с места своего».

Отсутствие единого командования сыграло с ромеями скверную шутку. Формально обладая численным превосходством, они могли быть разгромлены по частям. Ареовинд решил отступать, но фактически византийцы обратились в паническое бегство, бросив лагерь на поживу противнику. Лишь

[1] *Когда в 369 г. шаханшах Шапур II захватил в плен армянскую царицу Парандзем, он велел поместить ее в специально построенный в Ктесифоне домик, где «каждый, кто хотел, мог совокупляться с ней». И желающих нашлось немало. Так что в результате этих непрекращающихся изнасилований несчастная женщина умерла в мучениях.*

[2] *В данном случае это не титул, а личное имя.*

[3] *Это был внук героя войны 420-422 гг.*

теперь Патрикий и Ипатий сообразили, что следующий удар обрушится на них. Предав огню с таким трудом построенные осадные башни и оставив у Амиды небольшой отряд для блокады крепости, они выступили на юг, чтобы перехватить персов на марше.

Укрепления Диярбакыра (Амиды). *Современное фото*

Первоначально стратигам сопутствовал успех. Они с ходу атаковали вражеский авангард из 800 эфталитских всадников и уничтожили его, но затем победители расслабились. Расположившись на бивак, византийцы занялись приготовлением пищи, а некоторые воины сняли оружие и доспехи и отправились искупаться в ближайшем ручье, чтобы смыть пот и дорожную пыль. А хитрые персы не дремали. Увидев бегущую навстречу им мутную воду, они сообразили, что румы заняты «хозяйственными делами» и совсем не готовы к бою. Кавад, лично возглавлявший армию в этом походе, двинул вперед кавалерийские части.

Все рвутся разить, нападать, сокрушать,
Все царского рода, высокая знать.
У каждого кровью булат закален,
Рассек бы и тучу небесную он.
Их натиск не меньше был грозен и скор,
Чем тигра, на лань налетевшего с гор.
Сплошь груды румийцев нагромождены
Увечных иль павших на поле войны.

Действительно, войско Патрикия, утратившее боеспособность по собственной беспечности, подверглось ужасающему разгрому. Не оказав сопротивления, оно бежало во главе с военачальниками, а персы гнали охваченных ужасом врагов, убивали и забирали в плен. Некоторые пытались закрепиться на вершине находившегося неподалеку холма, но «в великом страхе и смятении валились с его утесов». Патрикий и Ипатий привели в чувство потрепанные остатки армии только в окрестностях Амиды. Здесь в августе иранцы снова разбили их, после чего ромеи откатились за Евфрат, а Ареовинд еще раньше укрылся в надежно укрепленной Эдессе.

Казалось, теперь Кавад достиг окончательного перелома в войне. Неприятель больше не рисковал противостоять ему в открытом поле, а немногие крепости, остававшиеся в руках византийцев, рано или поздно должны были пасть одна за другой. Но на самом деле дальше все пошло не так гладко.

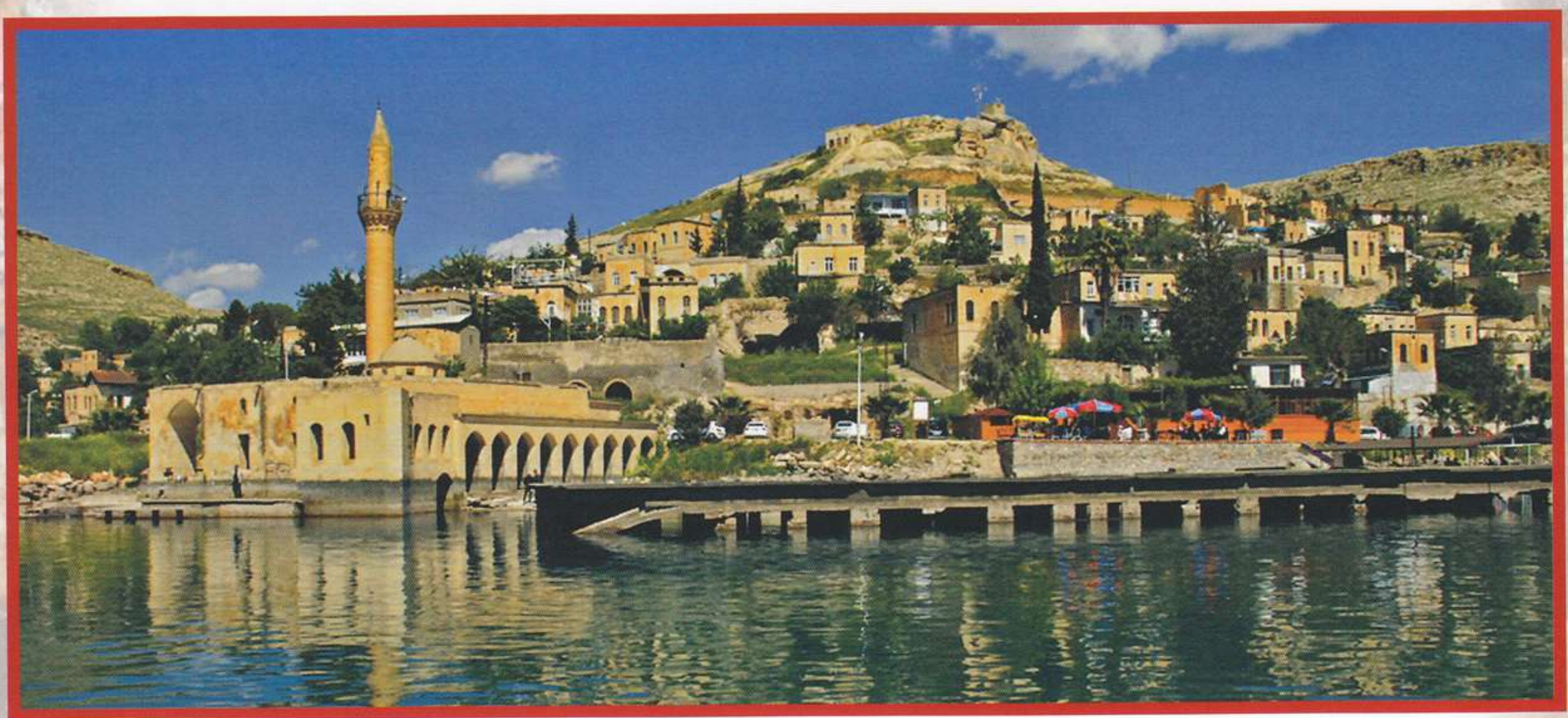
Сначала персы подступили к Телле. Хронист сообщает, что местные иудеи ждали их как освободителей и даже начали рыть подкоп, чтобы впустить в город. Когда же случай открыл эту хитрость, то на улицах и в домах произошел страшный еврейский погром. На протяжении нескольких дней убивали всех подряд — мужчин, женщин, детей и стариков. Уже после проведенной «зачистки» местный епископ Бар-Хадад отправился к царю и «умиротворил его». Остается не ясным, какие аргументы использовал пастырь, но иранцы действительно сняли осаду и двинулись дальше — к Эдессе. Возможно, в окрестностях Теллы персам было не найти достаточного количества продовольствия, чтобы прокормить большое войско. Кроме того, Кавад вполне мог рассудить, что если взять Эдессу, то это не позволит румам собрать вместе их, до сих пор разрозненные армии и выступить против него заодно. Телла же и в этом случае никуда не денется. Сдастся сама собой.

Тем временем Эдесса спешно готовилась к обороне. По распоряжению Ареовинда были разрушены и сожжены все постройки, примыкавшие с внешней стороны к крепостной стене (о серьезности положения говорит то обстоятельство, что христиане не пожалели даже пригородные монастыри). Деревья спилили и сняли ограды. Эта мера

должна была помешать противнику скрытно накапливать живую силу для приступов, устраивать подкопы, лишить его материала для сооружения осадной техники, а также расчистить сектора обстрела для метательных машин, расставленных на стенах.

ряд набегов для захвата добычи на окружающих территориях.

Один из их отрядов двинулся по проторенной дороге на юго-восток — к Харрану, но византийцы, скрытно выдвинувшись навстречу врагу, рассеяли эту шайку маро-



Турецкая Урфа мало напоминает прежнюю Эдессу, но когда-то с этим городом были связаны многие страницы византийской военной истории

В результате принятых мер, подошедшие к Эдессе иранцы не решились на открытый штурм. Кавад предложил Ареовинду выйти из города на переговоры. Вероятно, шаханшах рассчитывал обманом захватить его в плен, после чего оставшиеся без вождя эдесситы сдались бы. Но «ромеи оберегали его». Дальше началось и вовсе нечто невообразимое. Персидский спахбед Бави, действовавший по поручению своего государя, потребовал 10 000 фунтов золота за отказ от штурма и осады, да еще, чтобы в дальнейшем городские власти выплачивали ежегодную дань за «гарантии безопасности».

Честно говоря, непонятно, как высокопоставленный византийский офицер (по современной должностной шкале его ранг был никак не ниже генеральского) вообще мог обсуждать какие бы то ни было условия подобного «крышевания». Ведь речь шла о судьбе владений императора, распоряжаться которыми не имел права даже магистр Востока. Тем не менее, Ареовинд торговался, предлагая снизить выкуп до 7 000 фунтов. Переговоры закончились ничем, и персы, используя уже проверенную тактику, предприняли

деров, а возглавлявший ее «гуннский вождь» (очевидно, командир одного из вспомогательных контингентов) попал в плен. «Так как это был известный муж, — пишет хронист, — то он обещал харранитам, что если они отдадут его живым, он не будет с ними воевать». Полагаясь на слово пленного, жители Харрана отправили его к Каваду и даже послали в дар шаханшаху полторы тысячи баранов и «другие вещи».

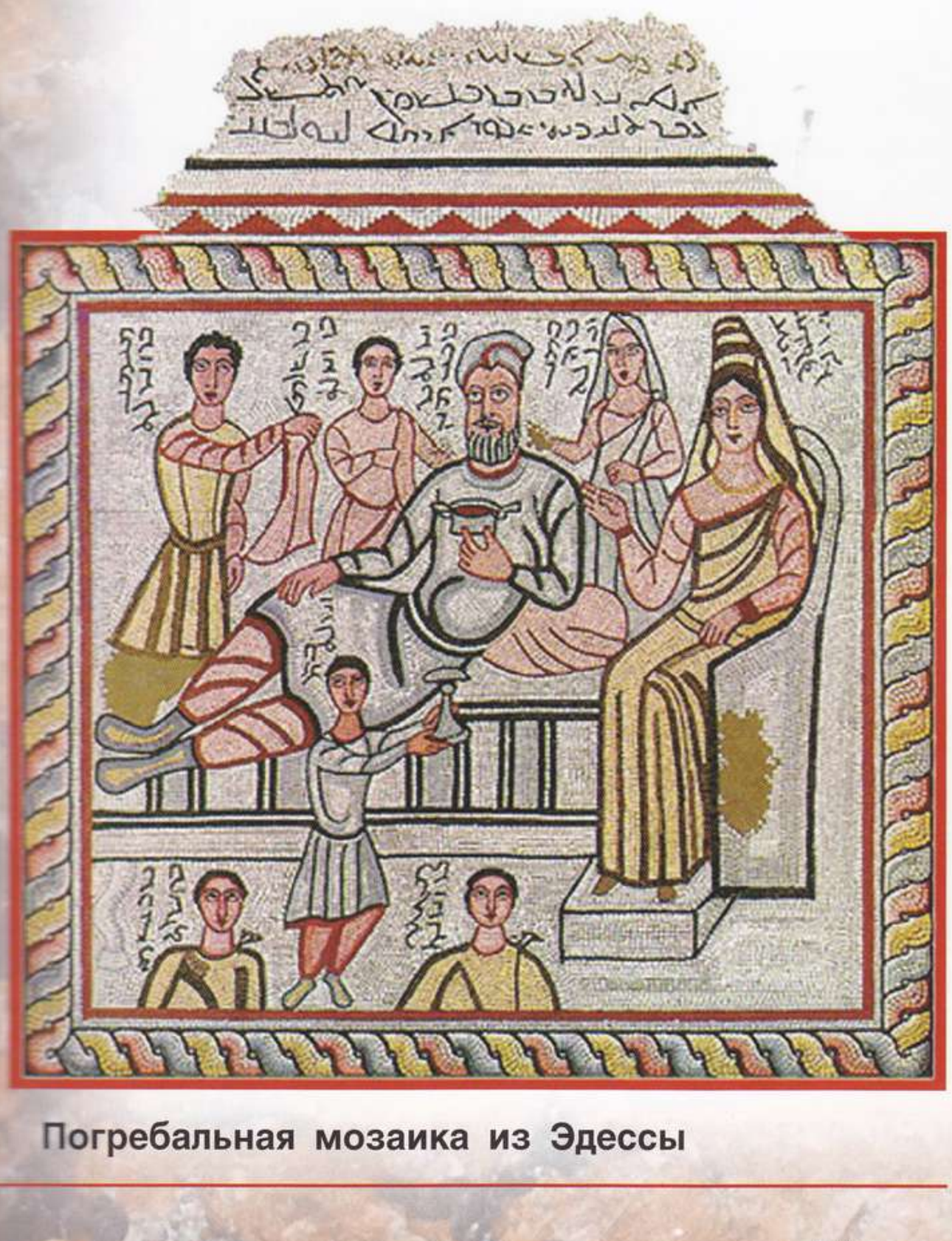
Не исключено, что владыке Ирана и не-Ирана пришлась не по душе такая самодеятельность своего вассала, но, с другой стороны, ему было приятно, что устрашенные румы шлют дары. Во всяком случае, Харран действительно избежал осады и новых нападений.

Между тем, под Эдессой события развивались следующим образом. 17 сентября ромеи произвели внезапную вылазку и отогнали врага от городских стен. При этом «женщины приносили воду и выходили на стену, чтобы поить тех, что сражались, а малые мальчики метали пращей камни».

После этого стороны снова вступили в переговоры, причем персам было прямо

заявлено, что Эдессу им не взять, так как город находится под непосредственным покровительством самого Христа. Кавад начал торговаться. Он был готов оставить Эдессу в покое, получив взамен пленных, захваченных в ходе вылазки, 2 000 фунтов золота и заложников, в виде гарантии выполнения соглашения. Ареовинд был не против, попросив лишь двенадцать дней для сбора необходимой суммы, однако почти сразу же Кавад передумал, потребовав 300 фунтов золота немедленно. В ответ Ареовинд, который так и не сумел собрать с местных олигархов необходимый выкуп, счел себя свободным от любых обязательств и велел передать Каваду довольно-таки обидные слова: «Теперь мы знаем, что ты не царь, потому что тот не царь, который сказал слово, отвратился от него и солгал».

Разгневанный шаханшах «вооружил слонов» и снова подступил к Эдессе на расстояние полета стрелы. Но здесь его ожидал неприятный сюрприз. Из города вышли местные жители, большинство которых составляли «немногие деревенские» (т. е. укрывшиеся за крепостными стенами беженцы из разоренной врагом округи). Смешавшись с персами, эти, казалось, безоружные люди, действуя одними пращами, «сразили многих одетых в доспехи, а из них самих ни один не пал»! Трудно сказать, насколько реальна эта история, но Кавад и в самом деле отказался от продолжения осады. Разорив окрестности Эдессы, шаханшах отвел войско к Евфрату. Отсюда, оказывая психологическое давление на ромеев, он то и дело посылал в опустошительные набеги отряды легкой арабской конницы. Так закончилась кампания 503 г. Кавад ушел с армией в Ктесифон на зимние квартиры. А к византийцам на Евфрат прибыл с подкреплениями новый Презентальный магистр Келер, наделенный весьма широкими полномочиями. «Умный, просвещенный, исполненный всякого благословения к Богу, мужественный», он приходился земляком императору Анастасию и пользовался его доверием.



Погребальная мозаика из Эдессы

В наступившем 504 г. византийцы продолжили вялотекущую осаду крепости Амида. Попытка проникнуть в город через подкоп провалилась (персы попросту затопили его), а в мелких стычках ромеи несли чувствительные потери. В конце концов, они отказались от активных действий, надеясь, что

> голод сделает то, чего оказалось невозможно добиться силой оружия.

Кроме того, стратиги опасались удара со стороны десятитысячной персидской армии, которую Кавад сосредоточил неподалеку от Амиды в Нисибисе. «Бóльшая часть войска была испугана», — признает хронист.

Магистр Келер использовал возникшую оперативную паузу для вторжений на вражескую территорию. Это были откровенные акции устрашения. Сначала Ареовинд совершил глубокий рейд в Персидскую Армению, в ходе которого его солдаты «истребили 10 000 мужей». Предав огню и мечу множество деревень, они беспрепятственно вернулись назад, уводя около 30 000 женщин и детей, а также большое количество скота.

После этого успеха, Келер во главе войска перешел Тигр. На этот раз опустошению подверглась область Арзанена. Разбив иранские силы прикрытия, византийцы устроили массовые погромы. Магистр издал специальный приказ по армии, в котором

говорилось: «Если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший мужчину двенадцати лет и старше, то он будет убит вместо него». Стоит ли говорить, что после этого количество погибших измерялось многими тысячами. Женщин и совсем уж маленьких детей угоняли в полон. Более того, специальные команды сносили целые деревни (Келер распорядился «не оставлять ни одного дома стоящим»). Сады и виноградники вырубали подчистую.

Пока ромеи «геройствовали» за Тигром, персидский гарнизон осажденной Амиды испытывал страшные мучения от голода. А каково же приходилось местным жителям? Опасаясь восстания, марзбан велел сковать мужчин цепями и бросил их в городской амфитеатр, где они находились под неусыпным присмотром стражи. Об их пропитании, конечно же, никто не заботился. Люди дошли до того, что пытались есть собственные испражнения, а потом убивали и пожирали друг друга. На женщин выделяли немного ячменя, потому что они «сожительствовали» с солдатами и готовили для них пищу. Однако, когда персы сами стали ощущать острую нехватку продовольствия, то прекратились даже эти скудные выдачи. В результате и тут дело дошло до каннибализма. Марзбан жестоко покарал уличенных в людоедстве[1], но, в то же время, был вынужден разрешить есть трупы. Такова ужасающая правда. «Хотя этому не поверят те, что будут после нас», — сурово подытожил хронист.

Тягостные вести приходили к Каваду с западной границы. Вообще-то Царю царей больше не хотелось воевать. Гораздо приятнее было просматривать длинные свитки, в которых писцы-диперы, допущенные для инвентаризации в царскую сокровищницу, перечисляли захваченные трофеи. Но никакая добыча, наполнившая дворцовые покои в Ктесифоне, не могла успокоить душу шаханшаха. Война затягивалась, и было ясно, что румы намерены переломить ее ход в свою пользу. Возникал вопрос: а не случится ли так, что ущерб, который ежедневно несет держава Сасанидов, в конечном счете, окажется гораздо бóльшим, чем первоначальные финансовые поступления, ради которых, в сущности, и был развязан этот конфликт. Кроме того, из-за набегов эфталитов, по-прежнему, неспокойно было на севере и востоке.

Долго размышлял великий царь над сложившимся положением и, в конце концов, принял решение мудрое и не умаляющее его высокого сана. Кавад собрал на границе новую 20 000 армию и одновременно предложил византийцам вступить в мирные переговоры.

По его поручению царский спахбед просил выпустить из осады измученный гарнизон Амиды. Келер категорически отверг саму возможность обсуждения этой темы. Он не без оснований уже считал персов своими пленниками. «Они наши рабы», — заявил магистр. Тогда иранский военачальник предложил хотя бы пропустить в крепость обоз с продовольствием. Ведь «не подобает, чтобы гибли твои рабы от голода». Довод выглядел довольно резонно. Ну а дальше вступило в дело изощренное «византийство». Келер дал клятву не трогать идущий в Амиду караван с хлебом, но командир одного из ромейских отрядов дукс Нонн, в переговорах не участвовал и никакими обязательствами себя не связывал. Он напал на караван, состоявший из 300 верблюдов, перебил охрану, а весь груз увел к се-

Олень и змея. *Мозаика из Большого дворца в Константинополе*

[1] *Их находили по доносившемуся из домов «запаху жареного».*

бе в лагерь. Спахбед возмутился таким коварством и потребовал наказания виновных, на что Келер туманно заметил: «Я не могу узнать, кто это сделал, потому что у меня много войска, если же ты знаешь, кто это, то у тебя есть сила отомстить, и я не буду тебе в этом препятствовать»[1].

На самом деле перс, конечно же, ничего не мог сделать. Тяжело и тоскливо сделалось у него на душе. Даже окрестный пейзаж навевал мрачные мысли. Природа Северной Месопотамии в зимнюю пору выглядела довольно угрюмо. Кругом лишь песок, камни, никакой растительности и низко нависшее серое небо. Еще более угнетающе действовали на южан внезапно наступившие морозы и совсем уж необычный для этих мест снег. Хотелось поскорее убраться отсюда. В общем, когда попытка выручить Амиду не удалась, царский посланник перешел ко второй части поставленной перед ним задачи. Он предложил Келеру переговоры с целью заключения мирного договора.

Северная Месопотамия. *Современное фото*

Трудно приходилось и ромеям. В отсутствие централизованного снабжения их армия превращалась в разрозненные банды мародеров. Они грабили население (заметим, что все это происходило на византийской территории), а затем и вовсе стали покидать боевые позиции. При этом «каждый уносил то, что ему пришлось из добычи, и отправлялся, чтобы идти в свою землю». Остальные потянулись в города, «чтобы защититься от холода». Здесь к ним присоединились «герои тыла», и бесчинства вспыхнули с новой силой. Свидетель тех давних событий Иешу Стилит нарисовал поистине апокалиптическую картину: «Те, что пришли к нам под именем спасителей, чтобы помочь нам, когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как враги. Многих бедных они сгоняли с кроватей и сами спали на них, а хозяева ложились на земле, даже в холодные дни. Одних они прогоняли и заставляли уйти из своих домов, входили и располагались в них сами. Скотину других они насильно уводили как добычу. Они с тела снимали у них одежду и уносили ее. Иных они жестоко били из-за любого дела, с другими они ссорились на улицах и ругались по мелким причинам. Немногое съедобное у всякого и запасы, которые имелись у некоторых в деревнях и городах, они открыто грабили. На многих они нападали на распутье… На глазах у всех на улицах и в домах они насиловали женщин. От старых женщин, вдов, бедных отбирали масло, дрова, соль и другие предметы для своего употребления и отрывали их от дела для того, чтобы прислуживать им. И вообще всех они притесняли, больших и малых, и не оставалось никого, кого бы не коснулась их злоба». Прочитав такие строки, которые даже полторы тысячи лет спустя не утратили переполняющих их боли и горечи, понимаешь, насколько не рады были в ту зиму жители византийского Востока своим «защитникам».

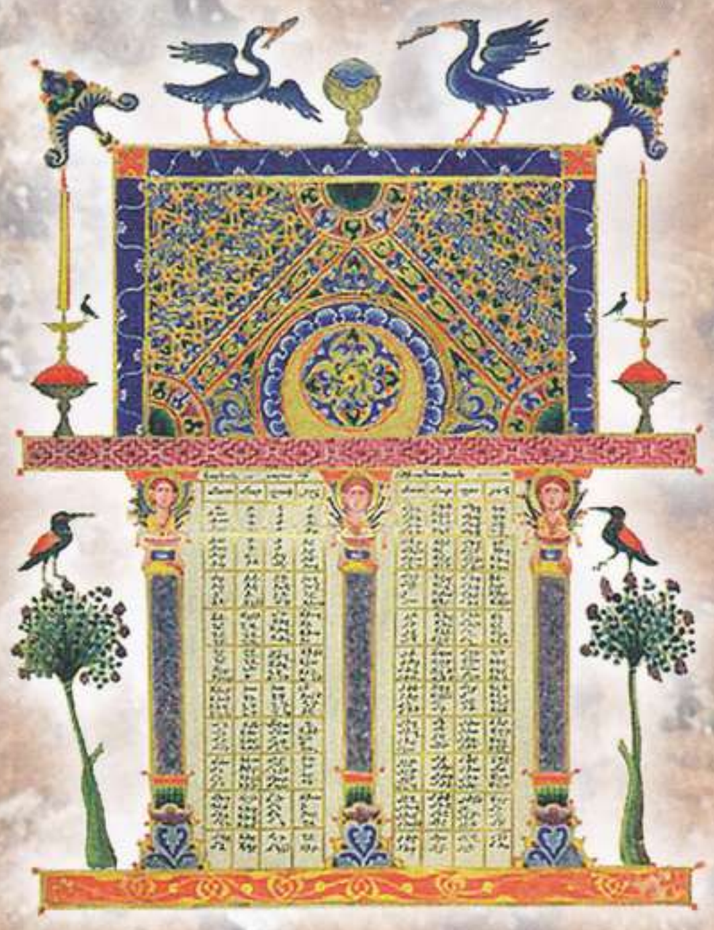
Вероятно, персы имели сведения о плачевном состоянии вражеской армии, так как их позиция на переговорах заметно ужесточилась. Фактически перед Келером был поставлен ультиматум: «Или заключи мир и дай персам выйти из Амиды, или принимай войну». Оценив обстановку, магистр

[1] *Впрочем, персы и сами оказались небезгрешны в этом деле. Кроме провианта ромеи нашли в тюках и оружие.*

осознал, что у него, в сущности, нет выбора. «Когда он увидал, что бóльшая часть ромеев разошлась у него, — сообщает летописец, — то заключил мир и предоставил персам выйти из Амиды».

Таким образом, предварительные условия мирного соглашения были оформлены в 505 г. и заключались они в следующем: персы получали право уйти из Амиды. Более того, в качестве выкупа за город, им передавалось немалое количество золота. Отдельные подарки император Анастасий послал Каваду (включая золотой столовый сервиз). Стороны обменивались пленными, и между Византией и Ираном восстанавливалась довоенная граница. Особо оговаривалось, что договор должен быть утвержден двумя монархами. Поэтому он вступил в законную силу только осенью следующего 506 г.

В ходе окончательного подписания документов все едва не сорвалось. Во время официальной церемонии византийцы обнаружили, что персы скрывают под одеждами оружие. Опасаясь вероломства, они захватили всю иранскую делегацию и хотели тут же перебить. Только по настоянию Келера, очевидно имевшего категорические инструкции по заключению мира, персов освободили, и в кровавом, истощившем силы обоих государств конфликте была, наконец, поставлена точка. Впрочем, историк Прокопий сообщает, что мир был заключен на семь лет, так что по сути это было скорее перемирие. Но, даже получив всего лишь передышку, люди «благословляли Бога, который по своей благости и милосердию установил мир» и, как это свойственно природе человека, надеялись, что лихие времена миновали, а наступающая жизнь будет светлой и безоблачной.



Ғ НАУАЛЕ ТАРИХИ ҶАҲОН

527-532 СС.

Жил да был в Византии во времена благоверного царя Юстиниана Великого купец Сопатр. Объездил он со своими товарами полмира. Побывал и на сказочном острове Тапробани[1]. Темно-зеленым неограненным изумрудом чистейшей воды покачивается он на фиолетовом бархате океана, и не счесть здесь ни алмазов в каменных пещерах, ни жемчужин в море полуденном. Полно тут и других диковинок. Чего стоит один лишь зверь *риноцерос*[2], шкура которого столь толстая и прочная, что местные жители с кожей почти угольно-черного цвета будто бы делают из нее плуги!

Шри Ланка. *Современное фото.* Еще в раннем средневековье обитатели далекого острова признавали могущество и величие византийского императора

Впрочем, и европеец (пусть даже смуглолицый) вызвал здесь настоящую сенсацию. Сопатра пожелал увидеть цейлонский царь, и надо же было такому случиться, что одновременно с ним приема удостоился и персидский посол. Государь был человек любопытный и использовал для самообразования любую возможность. «Который из ваших царей больше и сильней?» — спросил он гостей. Иранский посланец незамедлительно ответил, что, конечно же, его владыка, поскольку уже сам титул его — шаханшах — означает «Царь царей».

Сопатр также не посрамил своего императора, но ответ его оказался более утонченным. Он предложил немедленно посмотреть на правителей обеих держав и сравнить их. Но как же такое возможно? Присутствующие были удивлены, потрясены и заинтригованы. И тогда довольный произведенным эффектом Сопатр показал византийскую и персидскую монеты. Неровный серебряный кружок с портретом очередного Сасанида произвел невыгодное впечатление. То ли дело золотой солид Юстиниана. Это была не только самая надежная валюта эпохи, но и настоящее произведение искусства чеканки!

Кроме того, маленький кусочек блестящего металла выражал официальную доктрину Ромейской державы, славу и могущество ее правителя. Поскольку, как писал историк Прокопий, «все на земле и на воде подвластно ему, и пусть нет у него ни меча, ни копья, никакого другого оружия, только крест у него поставлен над шаром в знак того, что им одним он получил и власть над империей, и победу над врагами».

Всем присутствующим понравилась такая аллегория, а царь Цейлона подвел итог импровизированного соревнования: «Конечно, ромеи и славнее, и сильнее, и умнее». В знак уважения Сопатра посадили на огромного слона и под барабанный бой возили по городу. Ну а перс сильно сконфузился и, надо думать, что по возвращении домой не стал особо распространяться о своем посольстве.

Вот в таких, подчас курьезных формах осуществлялось соперничество двух сверхдержав раннего средневековья. Полем их конкуренции была вся Ойкумена, но в зоне непосредственного контакта, на Среднем и Ближнем Востоке, это противостояние все чаще принимало крайние формы военных конфликтов.

Почти сразу же после окончания войны 502-506 гг. Анастасий распорядился постро-

[1] *Цейлон, современная Шри Ланка.*
[2] *Носорог.*

ить на границе с Ираном новую крепость — Дару[1] (примерно в 20 км от Нисибиса). Обновлялись и усиливались укрепления и в других приграничных городах Византийской Месопотамии. Это было явное нарушение договоренностей, зафиксированных еще при Феодосии II в 441 г. Кавад жаловался, протестовал, но Анастасий усыплял его беспокойство, «посылая немалое количество денег».

В ночь с 8 на 9 июля 518 г. старый император скончался. В это время над Константинополем бушевала страшная гроза. Белые молнии били в отвыкшую от дождей землю и ставшие свинцово-серыми воды Босфора. Глядя в раскалывавшееся над головами небо, жители Второго Рима испуганно крестились и, как оказалось, не напрасно. Византия вступала в новый период истории, когда ей пришлось вести почти не прекращавшиеся войны.

Прежде всего, за освободившийся трон развернулась нешуточная борьба придворных партий. Победителем из нее несколько неожиданно вышел 68-летний гвардейский офицер Юстин. Неграмотный человек, начинавший службу простым солдатом и никогда не интересовавшийся хитросплетениями политических интриг, он, вероятно, и сам не рассчитывал на такой поворот в карьере. Сначала Юстин ни в какую не соглашался примерить царский венец. Его уговаривали, да так настойчиво, что в кровь разбили лицо. Но в целом, люди, делавшие ставку на убеленного сединами ветерана, не прогадали. При недалеком и невежественном императоре главную роль играли именно многомудрые советники. Другое дело, что ближайшим из них окажется племянник нового государя — Юстиниан, который, когда придет его черед, еще покажет граду и миру все тонкости изощренной кадровой политики с ее «рокировочками» и «загогулинами».

Золотой солид императора Юстина I (518-527 гг.)

Ну а пока одной из первых проблем, с которыми пришлось столкнуться Константинополю, оказалось серьезное обострение отношений с Сасанидами. К этому времени так и оставались неурегулированными финансовые вопросы. Кавад, имевший дело уже с третьим кейсаром румийцев, в очередной раз потребовал выплаты субсидий за охрану кавказских горных проходов от кочевников. Вероятно, с учетом общего ослабления Персии из-за внутренних смут и нападений соседних номадских племен, Юстин велел ответить, что раз его предшественник не платил[2], то и он вносить не будет. Вряд ли император сам додумался до подобной формулировки, но подавшие такой совет придворные были уверены в безупречности этого обоснования.

Следующая искра непонимания вспыхнула, когда Кавад, состарившийся и уставший от бескомпромиссной уравниловки маздакитов, решил изменить порядок престолонаследия бирюзового трона своей династии. Он решил передать престол не старшему сыну, воспитанному на принципах «коммунистической морали», а ненавидевшему их принцу Хосрову. Поэтому, Царь царей, вовремя вспомнив о братских отношениях с кейсаром, обратился с Юстину с просьбой усыновить Хосрова, чтобы в нужный час обеспечить его мирный приход к власти.

Император был не против, но, к сожалению, его внешнеполитические советники отнеслись к этому обращению с почти нескрываемым презрением. Их подход трудно объяснить логически. Возможно, византийские дипломаты решили, что за обращением шаханшаха кроется какая-то каверза. Ведь получалось, что Хосров, став приемным сыном византийского императора, формально получал и право стать наследником Ромейского царства. Уже поэтому ни в коем случае не стоит принимать такое предложение.

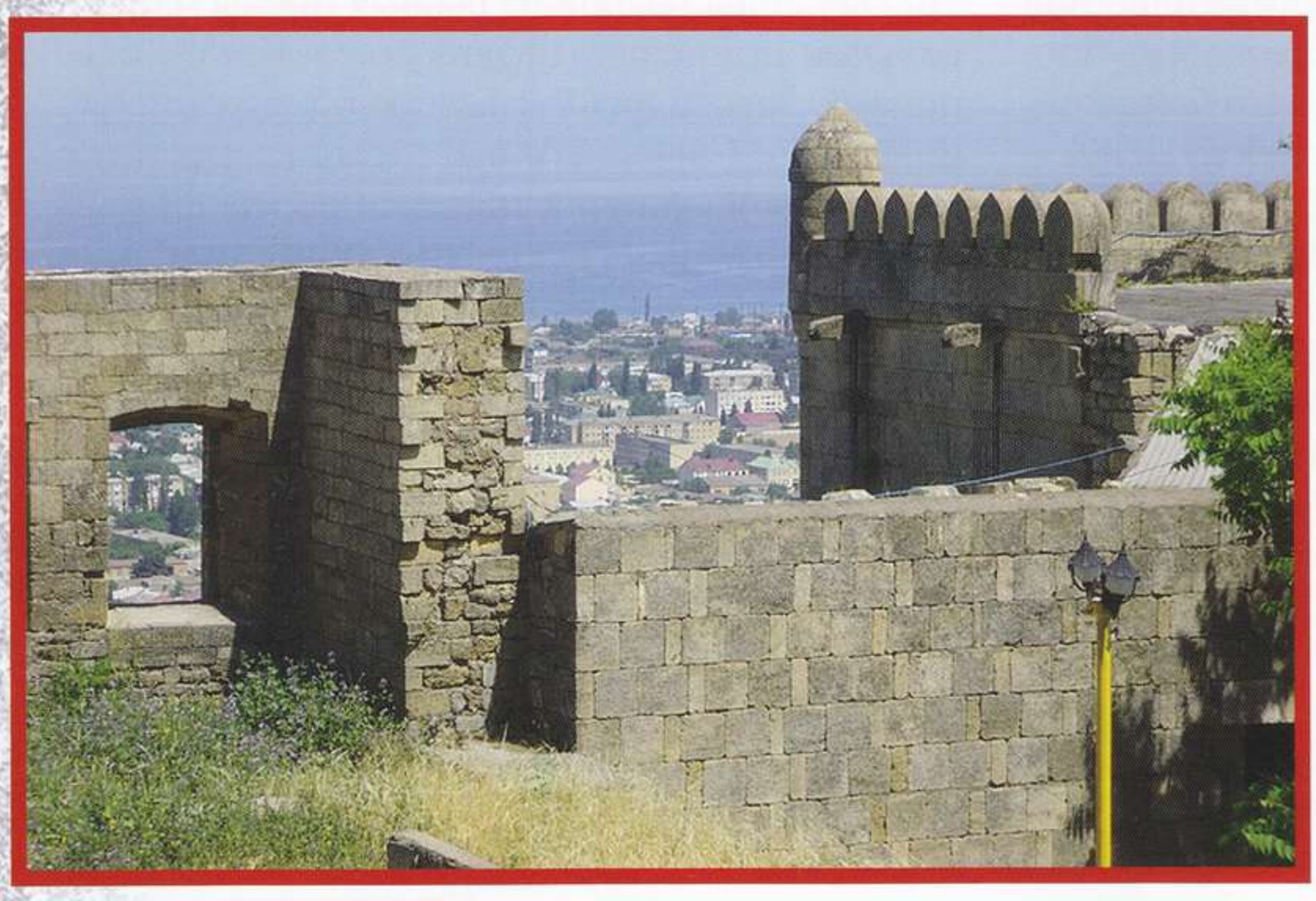
В конце концов, после долгих обсуждений было выработано компромиссное решение.

---

[1] *Вообще-то, в честь императора ей было дано официальное название Анастасиополь. Теперь это город Огуз в современной Восточной Турции.*

[2] *Напомним, что Анастасий отказался посылать Каваду деньги под тем предлогом, что шаханшах не возвращал Византии крепость Нисибис. К моменту вступления на престол Юстина персы, по-прежнему, удерживали этот город в своих руках.*

На усыновление согласиться, но оформить его не по римскому праву, а «как это принято у варваров». В таком случае этот акт всегда можно будет дезавуировать, как не имеющий законной силы.



Сасанидская крепость в Дербенте была построена для предотвращения попыток прорыва кочевников в Закавказье

Но ведь и в Ктесифоне на ответственных постах находились далеко не глупые люди. Они быстро раскусили уловку румов, и Царь царей затаил смертельную обиду. А вскоре нашелся повод и для открытого конфликта.

В 522 г. умер царь Лазики[1] — области находившейся в зависимости от Ирана. Его сын Цатэ (Цафий, в греческом произношении), опасавшийся, как бы персы не заставили его принять зороастризм, бежал в Константинополь. Здесь он был весьма тепло принят, крестился, получил златой венец и облекся в белую царскую хламиду.

В связи с произошедшим, разразился нешуточный международный скандал. От имени Кавада Юстину была направлена, выражаясь современным языком, официальная нота протеста, в которой, в частности, говорилось: «В то время, когда между нами дружба и мир, ты, однако же, поступаешь со мной как враг, принимая к себе тех, которые испокон состояли под властью персов». Шаханшах имел в виду, что правитель Лазики являлся его вассалом и только от него мог получить (или не получить) знаки царского достоинства.

Ответ императора был настоящим шедевром дипломатического искусства. В его грамоте говорилось, во-первых, что «мы не принимали и не привлекали никого из твоих подданных»; а, во-вторых, что «Цафий, сам, придя в наше государство, бросился к ногам нашим и просил избавить его от ненавистного ему языческого верования». Выходило, что Константинополь всего лишь отстаивал веру истинную в сочетании с принципом свободы совести. Правда, в таком случае, получалось, что и сам Кавад верил не в тех богов. «С этого времени, — пишет хронист, — началась вражда между ромеями и персами».

Состоявшиеся вскоре для обсуждения накопившихся спорных вопросов переговоры между полномочными делегациями двух держав закончились безрезультатно. После этого по прямому указанию Кавада подвластные ему арабы-лахмиды совершили стремительный набег в Сирию. Было угнано множество пленных и среди них 400 монахинь из монастыря Св. Фомы в Эмессе. Святых дев ждала мученическая кончина. Их зарезали, принеся в качестве сакральной жертвы.

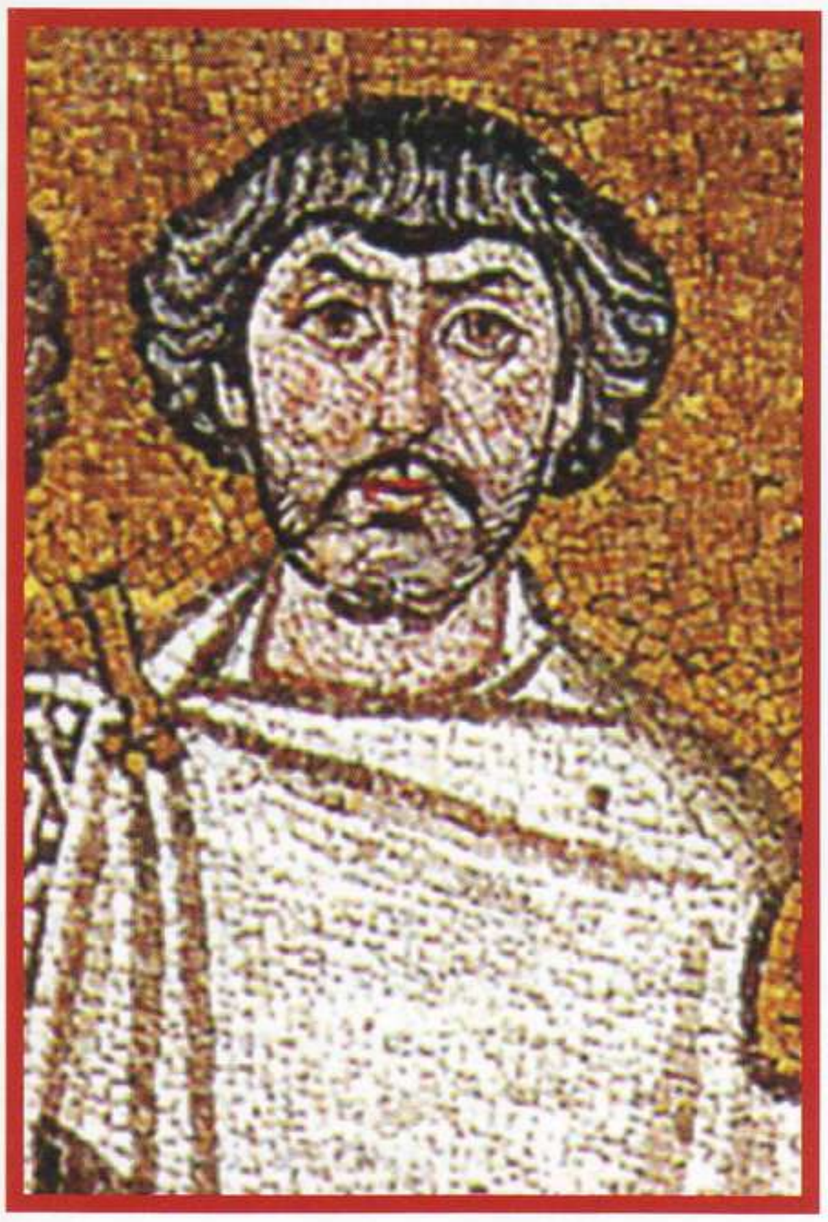
Затем последовала военная интервенция Ирана в Иберию[2], так что царю этой страны Гургену пришлось вместе с семьей скрываться в труднодоступных горных ущельях на границе с Лазикой. В ответ ромеи ввели сильные гарнизоны в крепости на восточном побережье Черного моря и около 527 г. предприняли вторжение в персидскую часть Армении, откуда вывезли немалую добычу.

Южнее византийская армия стратилата Востока Ливелария выступила из Дары на Нисибис. Поход этот не принес славы ромейскому оружию. Ливеларий не решился осадить мощную персидскую крепость и двинулся дальше, к городу Тебету. Но и здесь его поджидала неудача. В жаркой безвод-

[1] *Западная Грузия.*
[2] *Восточная Грузия.*

ной местности солдат начали косить болезни, так что, в конце концов, войско бежало, хотя, как свидетельствует Прокопий, «против него никто не выступал». Юстиниан, контролировавший ход кампании, был разгневан. Он отстранил Ливелария от командования. Вслед за этим произошел ряд серьезных подвижек по кадровой лестнице. В частности, один из «копьеносцев стратига Юстиниана» Велизарий получил должность дукса Месопотамии[1]. Новому командующему было всего двадцать три года, и впереди его ждали поистине великие дела!

Ученые до сих спорят, из какого рода-племени происходил этот человек. Одни считают его славянином, другие утверждают, что Велизарий был германцем. По большому счету, это не имеет значения. Настоящая империя всегда многонациональна и равно поощряет заслуги всех своих сынов, независимо от оттенка кожи или цвета глаз, лишь бы они верно служили государю и державе, вверенной ему Богом.



Велизарий. Предполагаемый прижизненный портрет полководца. *Фрагмент мозаики церкви Сан-Витале, Равенна*

Крупнейший византийский полководец, герой Персидской, Африканской и Италийской кампаний. Волевой командир, без колебаний заливший кровью столицу империи во время грозного восстания «Ника», Велизарий начинал службу простым воином в царской гвардии. Можно лишь догадываться, почему Юстиниан столь смело выдвигал на высшие командные должности статного крестьянского парня[2], но даже много лет спустя, завидуя славе победителя и в душе немного побаиваясь его, император не мог не признать, что военачальник незаменим в качестве разящего меча Ромейского царства.

Пока же, Юстин и Кавад еще могли попытаться уладить возникшие разногласия мирным путем, и две поистине великих державы избежали бы кровопролитной и, в общем-то, бессмысленной войны. Для этого имелись все основания. Ирану и Византии одинаково угрожали кочевники из предгорий Кавказа, так что император был прав, когда писал шаханшаху: «Нам, как братьям, надлежит вступить в дружбу и не допускать, чтобы эти псы издевались над нами».

Кроме того, оба государя были поглощены внутренними проблемами. Кавад, все более тяготившийся неуступчивым доктринерством маздакитов, готовился самым радикальным образом покончить с их творческими исканиями. А Ромейское царство терзали стихийные бедствия. Сначала Эдесса была уничтожена пожаром. Затем Великая Антиохия стала жертвой землетрясения. «Гнев Божий был так велик, — свидетельствует хронист, — что почти весь город обрушился и стал гробом для жителей». Царю пришлось выделять немалые средства, чтоб восстановить эти и другие пострадавшие населенные пункты. При таких расходах просто не до войны. Но недаром говорят, что человек предполагает, а Бог располагает.

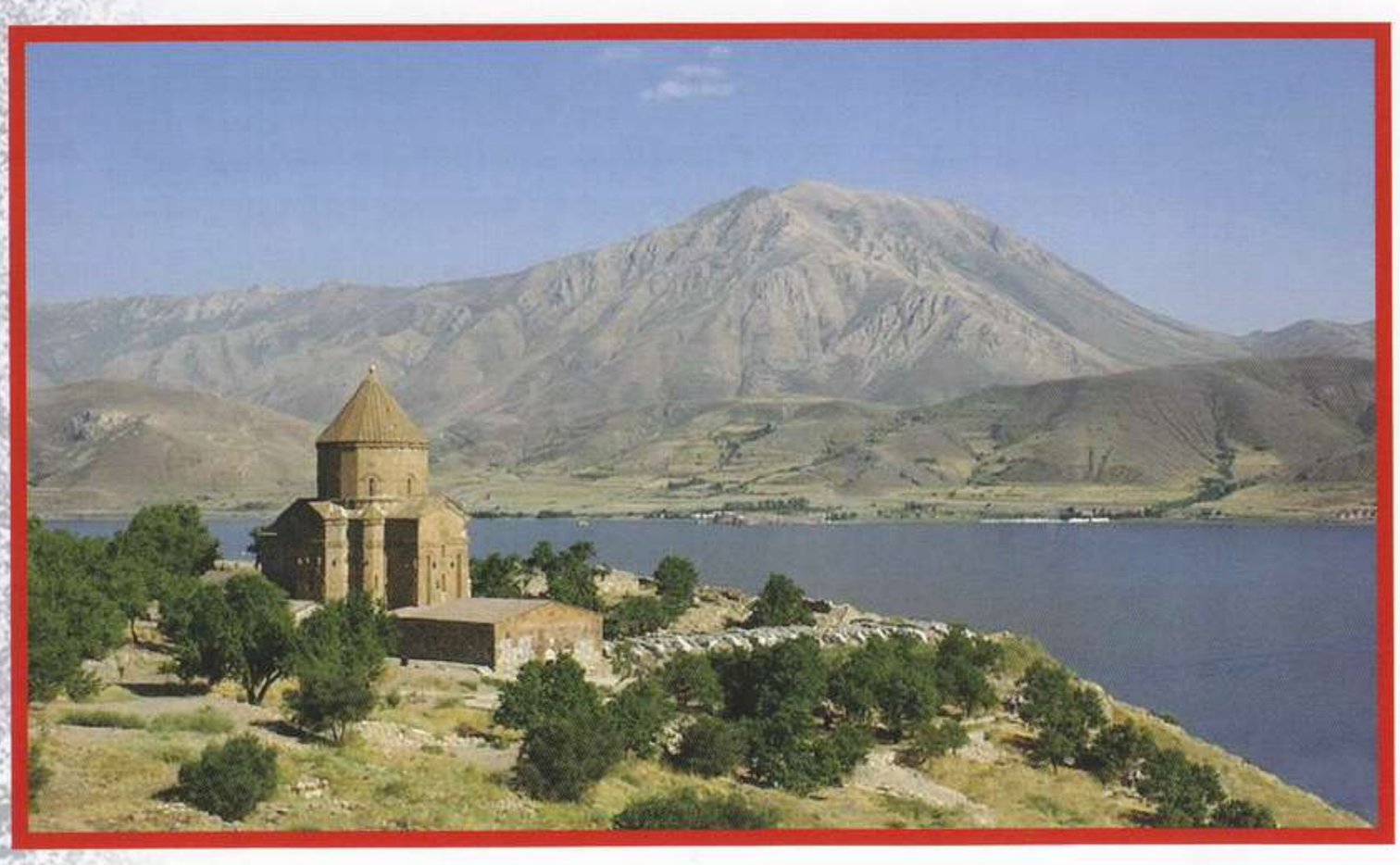
В начале августа 527 г. император Юстин I умер. Старик уже давно чувствовал, что жизнь по капле уходит из тела, и заранее короновал в качестве соправителя своего

[1] *Выражаясь современным языком, он стал командующим небольшим, но стратегически важным приграничным военным округом.*

[2] *Существует мнение, что Велизарий обязан карьерой дружбе, существовавшей между его женой Антониной и императрицей — знаменитой Феодорой. Это заблуждение. У царственных особ друзей не бывает (вся история Византии — яркое тому подтверждение). Феодора была старше Антонины и приблизила ее к себе, когда Велизарий уже занимал высокие посты. Скорее, императрица, опасавшаяся популярности полководца в войсках, «подружилась» с Антониной, чтобы держать под контролем ее супруга.*

племянника Юстиниана. Новый царь также хотел уладить миром дела с Персией, но в Иране всей полнотой власти к этому времени уже обладал сын Кавада — энергичный и воинственный *шахзаде* (принц) Хосров. В 528 г. персы организовали набег гуннов-савиров в византийскую часть Армении. Возмездие последовало незамедлительно. Талантливый военачальник Ситта, состоявший в ранге Военного магистра Армении, скрытно собрал войска и врасплох атаковал лагерь утративших бдительность варваров. Враг позорно бежал, побросав захваченную добычу. Однако вскоре иранцы ввели в дело главные силы, осадив крепость Саталу в 100 км к югу от Трапезунда.

Их воинство, отдельными полками,
Вздымалось в гору вровень с облаками.
Там тридцать тысяч было смельчаков,
Копейщиков, воинственных стрелков.



Храм Святого креста на озере Ван, Западная Армения (ныне территория Турции). *Современное фото*

Ситта располагал всего 15 000 воинов против тридцатитысячного иранского войска талантливого военачальника Мир-Мирое, но, применив военную хитрость, он свел на нет количественное превосходство противника. Пока персы рассредоточились по всему периметру городских укреплений, магистр внезапно атаковал врага из засады на одном из участков.

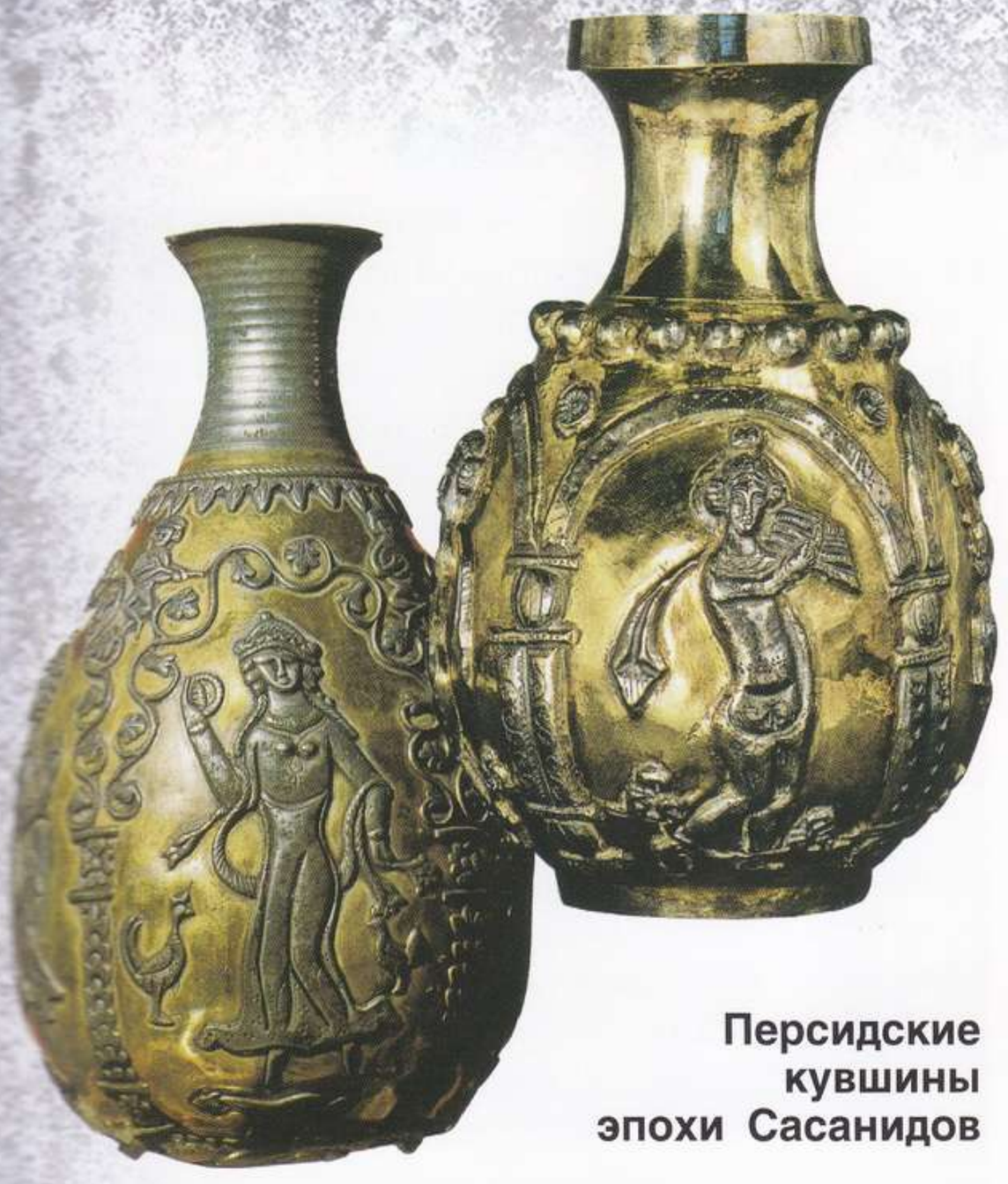
Когда византийская конница устремилась в атаку, пыль над горной дорогой взвилась таким высоким столбом, что ее численность в глазах персов, как минимум, удвоилась. Линия блокады была прорвана, а навстречу отряду Ситты гарнизон Саталы произвел мощную вылазку. Персы дрались упорно, но один из ромейских воинов пробился к штандарту вражеского полководца и свалил его на землю. Смельчак погиб, но и «варвары, не видя больше знамени, пришли в полный беспорядок и, пав духом, отступили».

Мир-Мирое увел свою потрепанную армию из пределов империи, а византийцы не только изгнали врага, но и, вступив на территорию Персоармении, установили контроль над богатыми золотыми рудниками в верховьях реки Чорох.

После этого инцидента Юстиниан, понимавший, что вторжения будут продолжаться, приказал начальникам пограничных округов усилить имевшиеся там крепости и основать ряд новых. Теперь уже Ктесифону была нанесена смертельная обида столь явным нарушением договора 441 г. Когда Велизарий попытался заложить передовой укрепленный пункт Миндуй («по левую сторону, если идти в Нисибис»), туда же выдвинулась 30-тысячная персидская армия. Ромеи были наголову разбиты. Пехота полегла на месте, сметенная стальной лавиной иранских всадников. Кавалерия бежала, с трудом добравшись до Дары. Начатые было фортификационные работы персы сровняли с землей.

Но даже из этого поражения Велизарий извлек необходимые уроки. Он заметил, что персы заранее выкопали на поле предстоящего боя рвы и замаскированные волчьи ямы, куда и заманили противника, так что византийцам пришлось сражаться в невыгодных условиях. Молодой ромейский стратиг очень скоро переймет этот опыт и использует инженерную подготовку позиций против своих «учителей».

Пока же, летом 529 г., Юстиниан направил к Каваду посольство для обсуждения возможности восстановления мира. Шаханшах принял дары, направленные императором, но от подписания договора уклонился. Ему вспоминался славный поход 502 г. и нескончаемая вереница барок с добычей, неспешно тянувшихся по мутным водам Тигра в Ктесифон. Очнувшись от этого дивного



Персидские кувшины эпохи Сасанидов

видения и оказавшись снова в действительности, Царь царей опять потребовал от кесаря денег, взывая также к человеколюбию христианина, который «должен пожалеть ни в чем не повинных подданных». Заодно Кавад снова угрожал широкомасштабными военными действиями.

Константинополь использовал возникшую передышку для сформирования новой боеспособной армии. Возглавить ее Юстиниан поручил Велизарию, в полководческий талант которого он верил, несмотря ни на что. Более того, император возвел 26-летнего человека в ранг *Военного магистра Востока*, т. е. назначил его командующим Восточным фронтом империи.

Летом 530 г. 25-тысячная византийская группировка сосредоточилась в районе Дары. По ту сторону границы ей противостояла 40-тысячная иранская армия под командованием спахбеда Фируза. В июле здесь произошло сражение, ставшее первой яркой победой в карьере Велизария и вошедшее во все учебники по военному искусству. Ход этой битвы подробно описан Прокопием Кесарийским, который был там и сам все видел своими глазами. Мы же позволим себе лишь вольный пересказ его классических строк.

Обосновавшись в полевом лагере, иранский полководец направил к Велизарию гонца. Послание Фируза носило подчеркнуто вызывающий характер. Спахбед велел передать, чтобы румийцы приготовили для него баню, так как завтра «ему угодно в ней помыться». Столь откровенно презирая противника, вождь перехитрил самого себя. Фактически он сообщил неприятелю, что намерен в ближайшее время вступить в бой, так что византийцы смогли завершить приготовления к битве.

Кроме того, вероятно, располагая разведданными, свидетельствовавшими о наступательных планах противника, Велизарий поставил перед своей армией задачу не только не отдать персам Дару, но и, что было еще важнее, не допустить их вторжения в Месопотамию. Для этого было недостаточно втянуть врага в осаду Дары. Крепость не могла вместить большую армию в своих стенах и прокормить ее в течение длительного времени. С другой стороны, магистр понимал, что Фируз может просто блокировать осажденный гарнизон относительно небольшими силами, а затем продолжить наступление и разорить огромные территории в восточной части империи. С учетом этих соображений, план пассивной обороны был отвергнут. Требовалось нанести поражение врагу именно в полевом сражении, но как это сделать в условиях его численного превосходства, ведь персы лобовым таранным ударом могут просто разметать строй ромеев?

На следующее утро, когда иранское войско сплошной монолитной стеной показалось перед стенами Дары, Велизарий приказал частям занять позиции вдоль заранее вырытого перед фронтом глубокого рва, причем не прямого, а с уступом в центре в форме перевернутой буквы П. На этом участке он разместил четыре отряда легкой гуннской[1] конницы (всего около 1 200 чел.), которые, в случае необходимости, могли нанести рассекающие удары во фланг атакующему противнику.

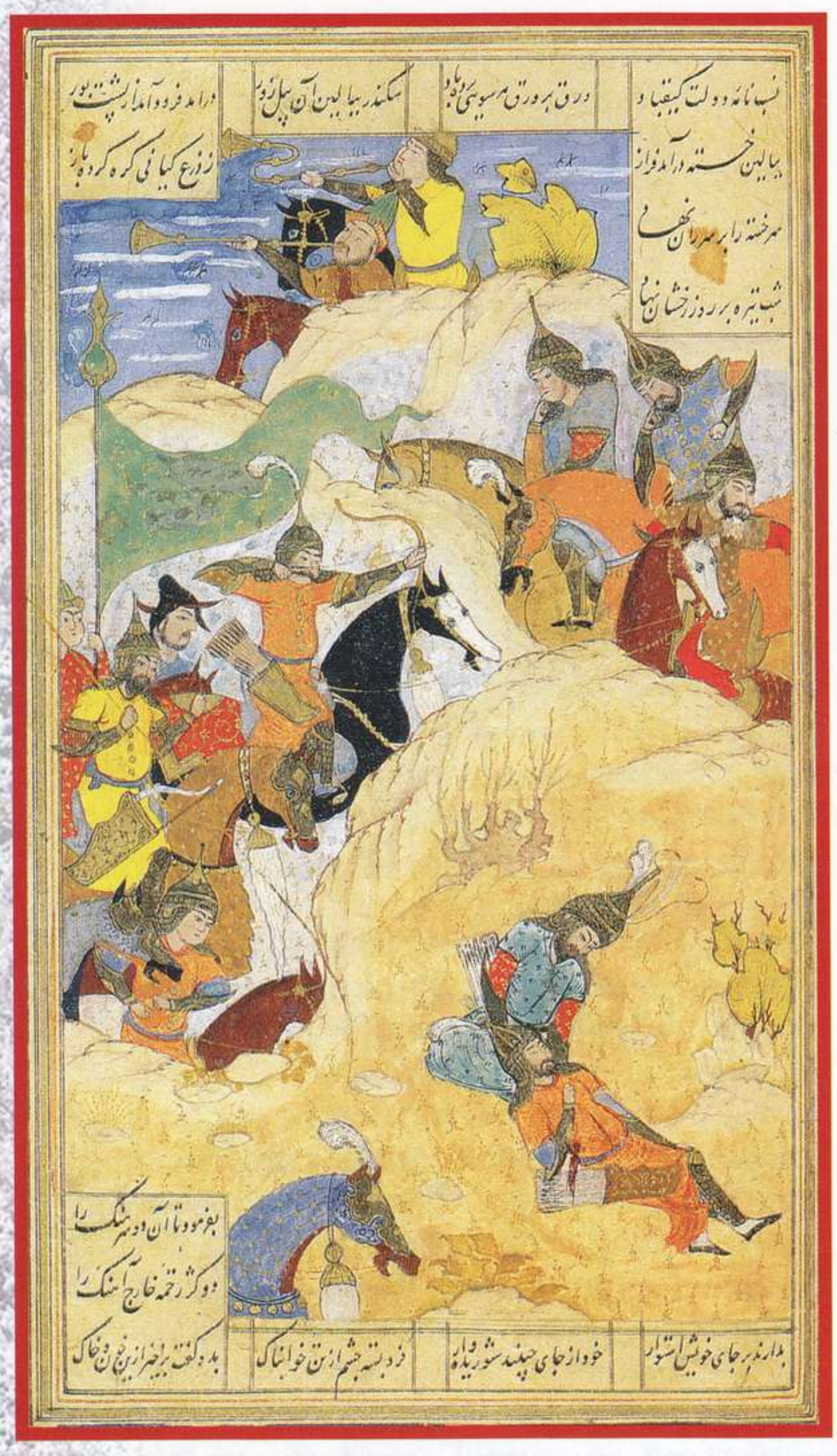
На левом фланге стояли отряды ромейской и герульской кавалерии. Справа также выстроилась регулярная конница. Вторую линию составила тяжелая пехота. Позади нее находился Велизарий во главе отборного отряда его личных вукелляриев.

[1] *Мы не можем с полной уверенностью «дешифровать» этот этноним. Как правило, византийцы называли «гуннами» различные кочевые народы, обитавшие к северу от Дуная и в Причерноморье.*

Наконец, вдоль всего фронта, в виде прикрытия, развернулась завеса легких всадников.

Описанный боевой порядок византийской армии свидетельствует, что ее командующий отлично понимал, с каким противником ему предстоит иметь дело. Поэтому Велизарий отвел главную роль именно конным подразделениям. Пехота же выступала явно как вспомогательная сила, которая могла задержать вражеский натиск на некоторое время, дать возможность кавалеристам прийти в себя после первого столкновения и затем снова вступить в бой.

Июльское солнце прошло точку зенита и начало клониться к западу. Как несколько вычурно выразился современный автор, «в войсках царила смесь повышенного интереса и волнения». Представляется, что на самом деле все было гораздо проще: солдаты и их командиры готовились к обычной работе — убивать, чтобы не быть убитыми самим.



Военная сцена. *Иранская миниатюра*

С головы до ног закованные в сталь шеренги асварана изнемогали от липкого пота, ручьями стекавшего под доспехами. Даже горячие кони иранских всадников, от нетерпения пританцовывавшие на месте, устали и теперь просто покорно ждали, что будет дальше, а Фируз не отдавал никакого приказа. Ветеран многих кампаний, спахбед еще не видел на своем веку, чтобы византийцы таким образом выходили на битву. Расчлененный боевой порядок румов и полоса свежевырытой земли перед ними наводили на мысль о какой-то каверзе, приготовленной противником.

Однако нужно было все-таки на что-то решаться. Ведь нельзя же просто вернуться в лагерь, и Фируз задумал провести разведку боем, чтобы прояснить план неприятельского полководца. Нараспев звучит команда на пехлеви, и правое крыло персов приходит в движение. Тяжелые кони движутся медленно, но неотвратимо, ибо нет такой силы, которая смогла бы выдержать эту лавину.

Еще до того, как противники успели встретиться лицом к лицу, на левом фланге ромеев вспыхивает замешательство. Стоявший здесь отряд герульской конницы, не принимая брошенного вызова, поворачивает назад и начинает отходить. Но это еще только самое начало.

На пути персов вырытый ров, а слева им угрожают спокойно стоящие свежие части румов. Иранские командиры-сардары ни на минуту не теряют управления войсками. Они понимают, что их заманивают, подводя под фланговый удар гуннских отрядов. Чтобы не попасть в ловушку, персы останавливаются, а затем, не спеша, поворачивают назад. На некоторое время в воздухе повисает тишина, прерываемая лишь храпом коней, а потом она сразу взрывается целой гаммой звуков. Герульская и византийская конница, развернув лошадей, переходит к преследованию. Правда, разница в вооружении не позволила нанести персам серьезные потери. Как сообщает Прокопий, их урон составил всего... семь человек.

Фируз достаточно спокойно воспринял неудачу первой стычки. Ничего не потеряв, он уяснил, что противник не собирается наступать, а будет действовать на контратаках. Чтобы сломить его сопротивление, нужен еще больший численный перевес. Спахбед по-

Поединок всадников.
Иранская миниатюра

сылает гонцов в Нисибис за подкреплениями, ну а пока он и сам не прочь потянуть время.

Перед строем войск появился молодой удалец *пахлаван* и бросил вызов храбрецам Рума. Долго никто не решался вступить с ним в поединок, пока, наконец, не откликнулся один «учитель гимнастики из палестры». Звали его Андрей, и пока перс примеривался, как ему лучше одолеть врага, наш «играющий тренер» нанес противнику страшный удар копьем в грудь. Витязь рухнул из седла на землю, а Андрей хладнокровно добил его коротким кинжалом, как «жертвенное животное». Воплем восторга огласились ряды ромейского войска и стены Дары, густо усеянные народом. Иранцы же зашумели подавленно. Они выслали еще одного удальца, и навстречу ему снова выехал Андрей.

Второй поединок оказался упорнее. Сначала бойцы направили друг на друга копья, но они сломались, не пробив брони. Затем вставшие на дыбы кони опрокинулись навзничь и сбросили седоков. Подтянутый Андрей («занятия в палестре обеспечили ему такое преимущество») оказался проворнее своего бочкообразного соперника. Вскочив на ноги, он коленом придавил перса к земле и тут же прикончил его. После этого иранцы покинули поле сражения и вернулись в лагерь, а ромеи «с победными песнями вошли в крепость». Всем было ясно, что завтра битва возобновится.

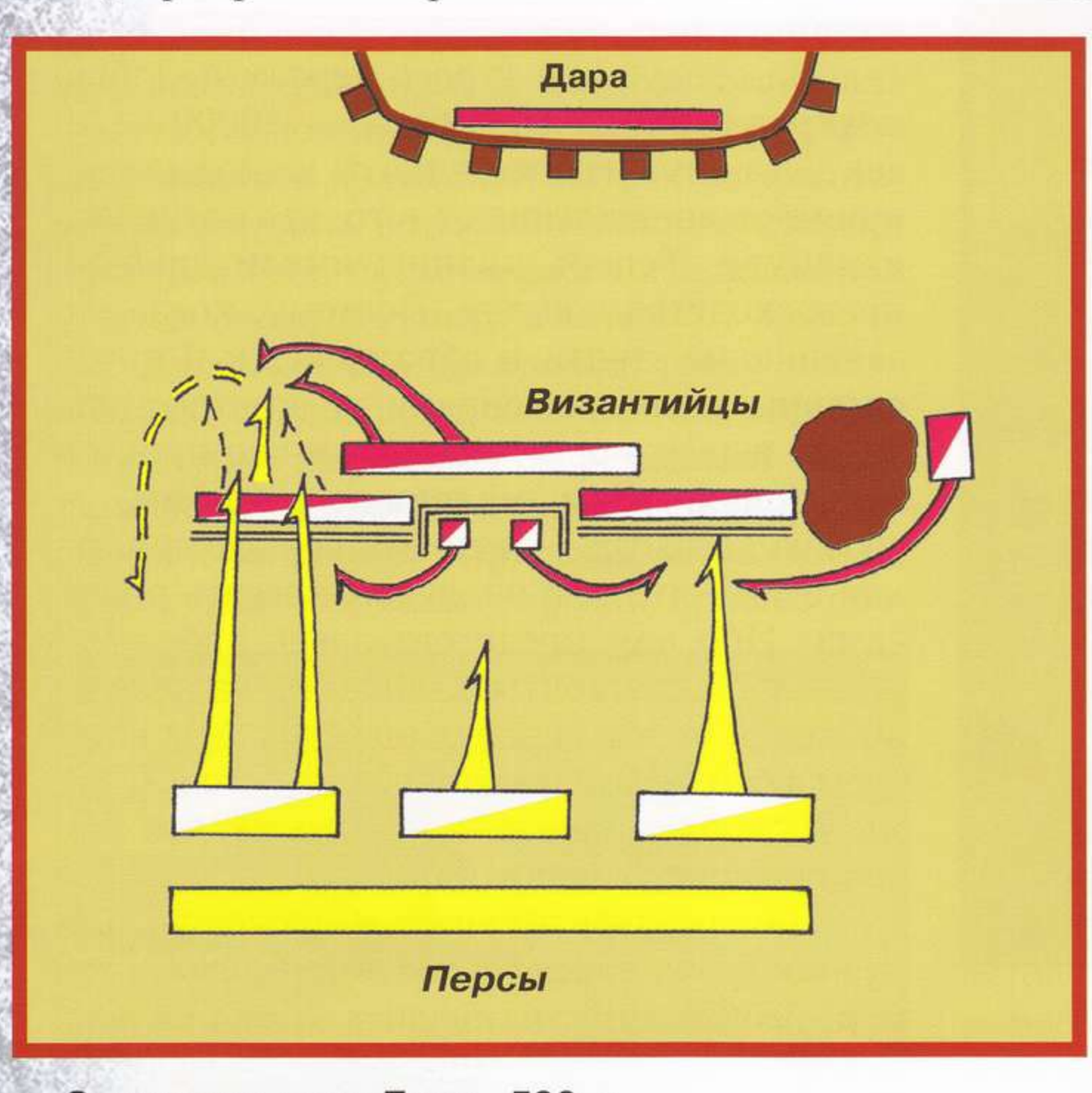
На следующее утро к персам подошло подкрепление из Нисибиса — 10000 человек. Эта внушительная масса загладила неприятное впечатление от того, что случилось накануне. Теперь иранцы имели двойное превосходство в силах. Поэтому, когда византийские стратиги обратились к Фирузу с мирными предложениями, то его ответ оказался выдержан в издевательско-иронических тонах. «Вам, милейшие румийцы, — сообщал спахбед, — не о чем больше думать, как о том, что вам надлежит воевать с персами. Ибо нам предстоит здесь либо умереть, либо состариться, пока мы на деле не добьемся от вас справедливости... Мы вступаем в бой не без помощи наших богов. С ними мы пойдем на вас, и я надеюсь, что завтра они введут нас в Дару».

Намереваясь вступить в сражение, Фируз построил войско в две линии, чтобы, по мере необходимости, вводить в бой резервы. Впрочем, на ромеев многочисленность вражеских рядов не произвела особого впечатления. Стратиги хорошо знали, что иранская пехота не представляла реальной боевой силы. Это были насильно мобилизованные крестьяне, выполнявшие, в основном, функции носильщиков, прислуги и землекопов. Вместе с тем, ожидая, что, как и вчера, противник нанесет удар по левому флангу, Велизарий скрытно разместил там за ближайшим холмом отряд герулов под командованием Фары, чтобы в нужный момент они атаковали неприятеля с тыла.

Битва началась в полдень. Обе стороны выпустили настоящий град стрел, заслонивших свет солнца. Потери росли с каждой минутой, но ряды воинов сразу же смыкались, пока боезапас окончательно не иссяк. Тогда персы и в самом деле решительно бросились на левое крыло византийцев. Скорее всего, частям асварана удалось преодолеть оборонительную траншею, так как ромеи начали беспорядочно откатываться назад.

Казалось, еще немного, и Фируз сможет торжествовать победу. Но как раз в эту минуту вступил в действие план Велизария. «Гунны» ринулись на врага справа, а герулы

ударили из засады слева. Прокопий подчеркивает, что они «проявили чудеса храбрости». В любом случае, иранцы подверглись настоящему избиению и были разгромлены, потеряв только убитыми не менее трех тысяч. Остальные едва успели уйти под прикрытие второй линии войск.



Сражение при Даре, 530 г.

Тем не менее, противник, по-прежнему, обладал численным перевесом. Поэтому Велизарий запретил преследование и приготовился к отражению новых атак. Так и получилось. Удар по левому флангу ромеев носил отвлекающий характер. Фируз успел перебросить крупные силы (включая отборный отряд шахской гвардии — «бессмертных») на свой левый фланг, чтобы, атаковав на этом участке, попытаться переломить ход битвы.

В целом это был вполне разумный план. Единственный его недостаток заключался в том, что, из-за характера местности, персы не могли осуществить маневр скрытно. Поэтому Велизарий также усилил части правого крыла резервами и вернувшимися из атаки «гуннами».

И все же удар, нанесенный начальником левого фланга иранцев Варесманом, оказался очень силен. Он смял и обратил в бегство конницу ипостратига Иоанна. Если бы не своевременные и единственно верные меры, предпринятые магистром Велизарием, дело, скорее всего, закончилось бы для ромеев катастрофой. Но сейчас именно они оказались хозяевами положения.

Кавалерийские подразделения, находившиеся у византийцев на крайнем правом фланге, совершив синхронное захождение правым плечом вперед, охватили атакующую группировку персов, а из центра, нанеся мощный рассекающий удар им навстречу, через плотную людскую массу, пробились вукелларии Велизария и гуннские всадники.

Персы оказались разрезаны на две части. Бóльшая все еще преследовала кавалерию Иоанна. Меньшая сама оказалась в окружении и подверглась поголовному уничтожению. Только когда командир гуннского отряда Суника пронзил копьем вражеского знаменосца, Варесман понял, что случилась беда. С трудом ему удалось остановить своих воинов, но когда они начали пробиваться назад, то со всех сторон оказались под ударами византийцев. Даже всадники Иоанна повернули лошадей и опять вступили в бой. А неугомонный Суника снова оказался в первых рядах. Он убил Варесмана, после чего избиение персов, лишившихся командующего, сделалось всеобщим. В этом мешке было истреблено около 5 000 человек!

Вторая линия иранской армии, побросав оружие и щиты, обратилась в паническое бегство, подтвердив невысокое мнение византийцев о персидских пехотинцах. Их также порубили в немалом количестве. Но преследование длилось недолго. Осторожный Велизарий не хотел рисковать. Потеряв управление перемешавшимися частями, он мог лишиться с таким трудом достигнутого успеха. Ведь даже Прокопий признал, что ромеям давно не случалось побеждать персов в открытом сражении[1].

Византийская армия вернулась в Дару. А Фируз, которому так и не удалось помыться в бане, увел остатки своего деморализованного воинства на иранскую территорию.

[1] *Сведения, содержащиеся в источниках, не позволяют судить о потерях, понесенных в сражении при Даре византийской армией. Ясно лишь, что они были гораздо меньше, чем у персов.*

В сражении при Даре Велизарий проявил себя как блестящий тактик. Он вел эту битву подобно шахматной партии. Играя от обороны, стратилат просчитывал ходы противника и, отвечая на них своими, единственно правильными, целенаправленно ухудшал положение соперника.

Одержанная победа позволила византийцам выиграть кампанию 530 г., но она не привела к окончанию войны. Правда, сначала Кавад все же вступил в мирные переговоры. Однако затем его настроение резко изменилось, и, уже было согласованный, договор так и не был заключен. Дело в том, что в Ктесифон прибыло посольство иудейской секты «самаритян». Они прямо приглашали персов вступить в Палестину, обещая поддержку местного населения. Ну а пока, в преддверии этого долгожданного часа, самаритяне громили и предавали огню православные храмы, безжалостно расправлялись с духовенством, не щадили и простых христиан.

Кроме того, ряд успешных набегов в Сирию, предпринятых арабским племенем лахмидов, являвшихся вассалами Кавада, внушили Царю царей веру в возможность перелома хода вооруженного конфликта в свою пользу. Оценив обстановку, шаханшах отказался подписывать договор, сославшись на захват ромеями золотых рудников в Армении. После этого Иран не мог ни содержать войско для охраны кавказских проходов от кочевников, ни откупаться от них. Не устраивало Кавада и настойчивое стремление Византии усилить свою восточную границу новыми крепостями. Короткая передышка не превратилась в прочный мир, и война продолжалась.

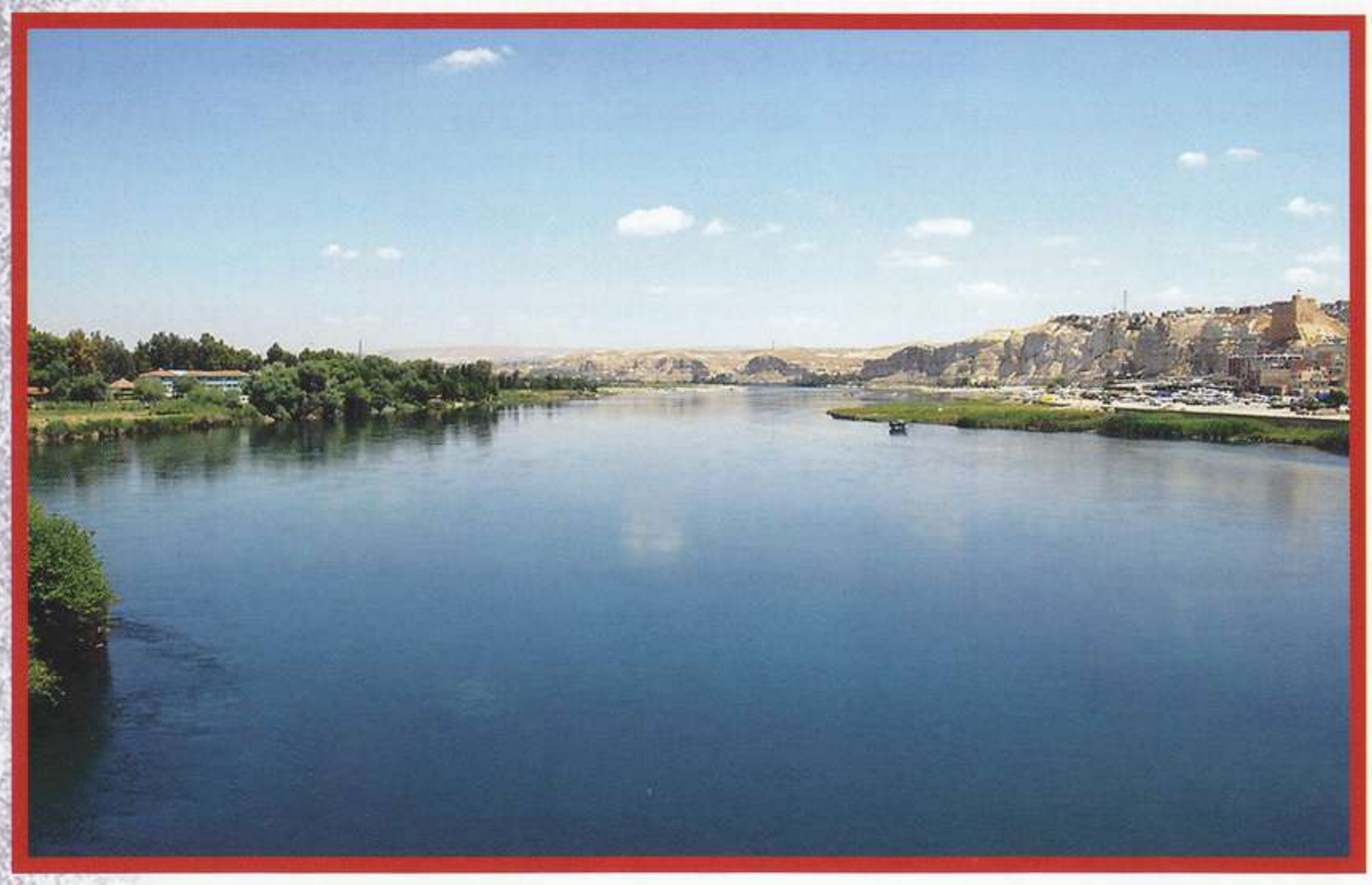
Весной 531 г. пятнадцатитысячное персидское конное войско вступило в Евфратисию. Такой состав армии и направление ее вторжения были обусловлены характером местности. Дело в том, что в отличие от Месопотамии, в Сирии нет сильных приграничных крепостей, осаждая которые, персы могли бы увязнуть до подхода крупных сил ромеев. Зато их кавалерия, ведомая подвижными отрядами арабов-лахмидов, могла совершить стремительный прорыв до богатейшего города Ближнего Востока — Антиохии. «Нет в нем ни охраны, ни войска. — Убеждал шаханшаха вождь лахмидов Аль-Мундхир (Аламундар), — Население его не заботится ни о чем другом, кроме как о празднествах, роскоши и спорах друг с другом в театрах. Так что если мы нападем на них внезапно, то вполне вероятно, что неожиданной атакой возьмем этот город и, не встретив никакого неприятельского войска, возвратимся в пределы Персии, в то время как ромейское войско в Месопотамии даже не будет знать о случившемся».

Менбиж, Северная Сирия. По современной фотографии лишь с большим трудом можно представить, что под именем Иераполя этот город некогда был административным центром византийской провинции Евфратисия

Такой налет, действительно, мог принести огромную поживу. Однако расчет, строившийся на внезапности нападения, все же не оправдался. Получив сведения о переходе неприятеля в наступление, Велизарий разделил войска, находившиеся под его командованием в Месопотамии. Часть сил он оставил для прикрытия вверенной ему провинции, а остальные (около 20 тысяч человек) лично повел форсированными маршами наперерез противнику.

Не зря подгонял магистр походные колонны. Буквально в самый последний момент ему удалось опередить персов и их союзников. Иранское войско стояло на западном берегу Евфрата, в Барбалиссе. Всего

в нескольких милях оттуда, в Халкиде[1], встал Велизарий, прочно перекрыв дорогу на Антиохию. Какое-то время противники выжидали, затем персы медленно двинулись назад.



Река Евфрат в районе сирийско-турецкой границы.
Современное фото

Вероятно, их военачальник Азарет узнал о численном превосходстве румов. К тому же, ни о какой внезапности больше говорить не приходилось, а вот сколько войск удалось стянуть византийцам к Антиохии было совершенно неизвестно. Так что надежды овладеть городом становились откровенно призрачными. В таких условиях продолжение похода полностью теряло смысл.

Казалось, план стратига осуществлялся с точностью часового механизма, и теперь остается лишь следовать по пятам за неприятелем, пока последний персидский воин не покинет пределы империи.

Византийцев подвел давний бич их армии — низкая дисциплина солдатской массы, которую не удавалось поддерживать ни высоким жалованьем, ни строгими наказаниями. Все это тянулось еще с тех времен, когда основу римской военной машины составляли крупные контингенты варваров-федератов. Обладая этнической сплоченностью, они не позволяли высшему командованию вмешиваться в свои внутренние порядки. Кроме того, практика показывала, что попытки такого вмешательства приводили к мятежам, в результате которых рушились планы кампаний и даже менялись императоры на троне.

Вот и сейчас, простые воины, многие из которых всего год назад вышли победителями из кровавого сражения при Даре, искренне не понимали, почему они должны лишь проводить до границы трусливо отступающего врага. Дошло до того, что, как писал Прокопий, «и военачальники, и солдаты тайком поносили его, однако никто не осмеливался порицать его в лицо». Велизарий чувствовал напряженность, буквально разлитую в воздухе, и обращался к подчиненным со словами увещевания[2], но ничто не действовало. Более того, «воины оскорбляли его уже не про себя и не тайком, но с шумом подступая к нему, называли его в лицо трусом и губителем их решительности». Следующим шагом мог быть только открытый мятеж, в результате которого армия утратила бы боеспособность, в то время как персы могли нанести внезапный удар по этой неуправляемой толпе, после чего не только Евфратисия, но и Сирия оказались бы в их власти. Исходя из этих соображений, Велизарий, против своей воли, был вынужден дать персам сражение.

Оно произошло напротив городка Калиник[3] на Евфрате 19 апреля 531 г., накануне Воскресения Христова. Только вот светлый праздник Пасхи в том году оказался для христиан далеко не радостным.

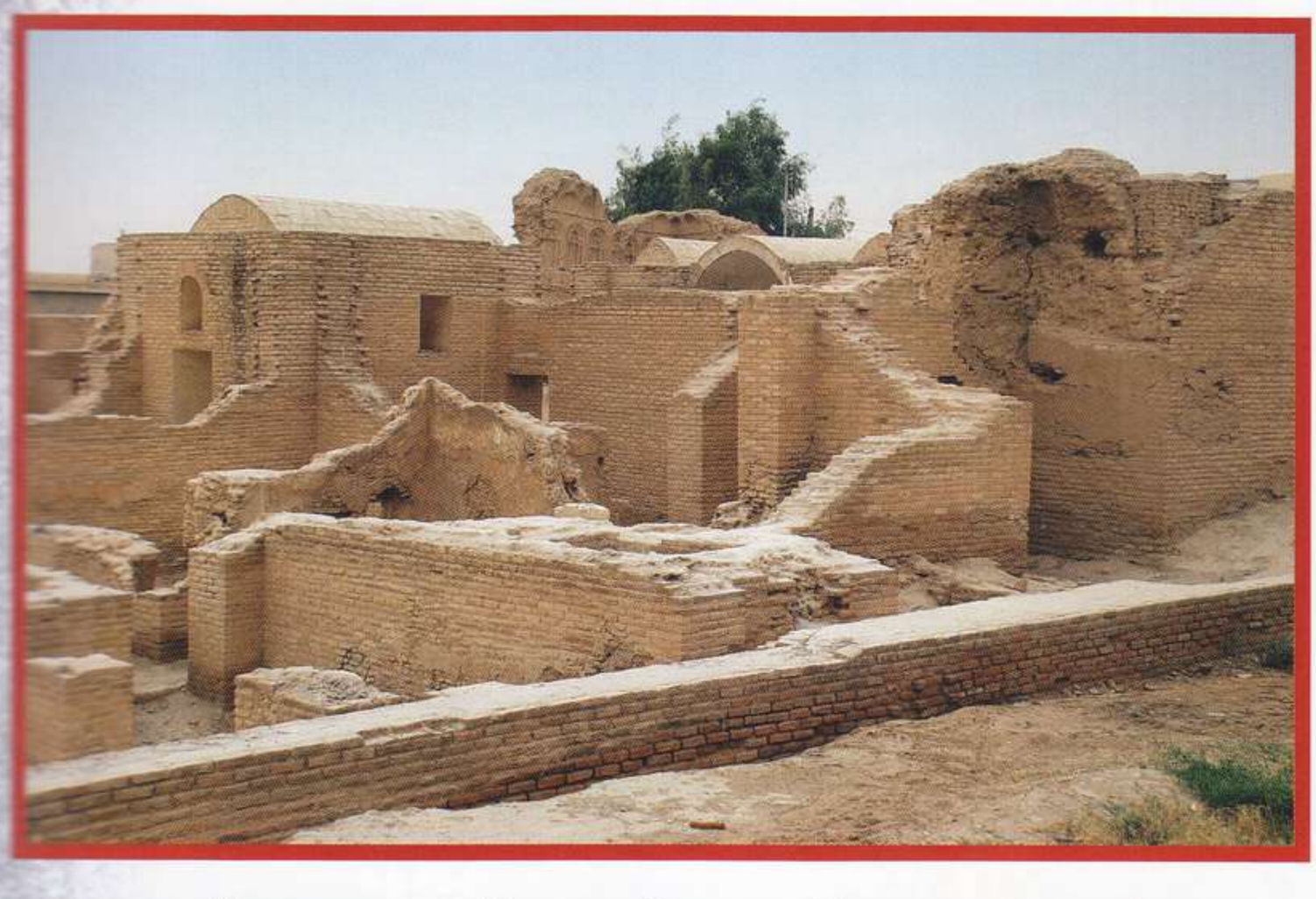
Готовясь к сражению, Велизарий выстроил армию в одну линию. Уже привыкнув полагаться в качестве основной боевой силы на кавалерию, он разместил на левом фланге пехоту в плотно сомкнутой фаланге. По-видимому, ей отводилась пассивная роль, сводившаяся к отражению возможных ло-

[1] *В 15 км к западу от современного Халеба (Алеппо) в Сирии.*

[2] *Между прочим, дело происходило в Страстную неделю, и командующий даже обратил внимание, что силы воинов истощены длительным постом.*

[3] *Современная Ракка в Северной Сирии*

бовых атак противника. От обхода с флангов эту компактную массу прикрывали: слева река Евфрат, а справа основные кавалерийские части под командованием самого Велизария. Еще правее он велел встать иррегулярной арабской коннице вождя племени гассанидов Аль-Харита (Арефы). Остается лишь удивляться, почему, обладая над противником численным превосходством и имея за плечами опыт победы при Даре, на этот раз магистр вообще не выделил резерва, что во многом и предопределило общий исход битвы.



Руины Каллиника. Ракка, Сирия. *Современное фото*

Персы также развернулись в одну боевую линию. Она оказалась короче византийской (15 тысяч против 20 тысяч), но Азарет сразу понял, что румийская пехота вряд ли сможет предпринять активные наступательные действия. Поэтому он не слишком беспокоился за свой правый фланг, даже не дотянув его до реки. Главную задачу он видел в том, чтобы стремительной атакой смять правый фланг неприятеля, прижать остатки его армии к реке и там уничтожить.

Как уже отмечалось, византийские источники утверждают, что Велизарий вообще не хотел вступать в сражение, но все они написали об этом post factum, когда оно уже было проиграно. Если же оценивать те давние события беспристрастно, то следует признать, что действия иранского командования отличались большей смелостью, инициативой и оригинальностью замысла. Единственное объективное обстоятельство, которое в какой-то мере извиняет поражение ромеев, заключается в крайне неудачных действиях их союзников.

Первыми с обеих сторон в дело вступили лучники. Прокопий признает, что персы стреляли чаще, зато византийские луки обладали большей убойной силой. Выпущенные из них стрелы пробивали даже стальную броню, так что иранцы понесли чувствительные потери. Но даже самые меткие и сильные стрелки не могли решить исход сражения в целом. День клонился к вечеру, когда Азарет на своем левом фланге двинул вперед кавалерию. Он словно знал, что случится потом.

Как только могучие иранские кони взрыли копытами сухую почву, арабы-гассаниды, составлявшие правый фланг Велизария, бросились врассыпную. Затем, совершив смелый охватывающий маневр, всадники асварана нанесли сокрушительный таранный удар румам в тыл. Велизарий почти сразу же утратил управление частями. Некоторые еще храбро, но обреченно сражались, окруженные врагами. Большинство же попыталось спастись бегством к реке, под прикрытие стойко державшейся пехоты.

Трудно сказать, сколько длилось всеобщее замешательство. Сам Велизарий смог отступить во главе относительно небольшого кавалерийского отряда (возможно, это были его вукелларии, составлявшие личный эскорт командующего). Выбравшись из свалки, магистр стал хладнокровно отдавать разумные и профессионально грамотные распоряжения. И надо сказать, что и выполнялись они быстро и точно, как на учебном плацу. Вот когда византийским воинам пригодились навыки сложных перестроений, вбивавшиеся в них до автоматизма за долгие годы строевой подготовки.

Развернув фронт на 90°, пехотная фаланга перестроилась спиной к реке. К ней примкнули уцелевшие всадники, которые спешились и также встали в общий строй. Неся тяжелые потери, они, тем не менее, мужественно отражали атаки персидской кавалерии, которая, прекратив преследование бежавших гассанидов, всей мощью обрушилась на ромеев. Внешне это выглядело, как будто вернулись легендарные времена Красса и Марка Антония.

Описание этой фазы сражения, оставленное Прокопием, драматично и точно в деталях.

Он был там и все видел своими глазами, а потом, по горячим следам, перенес впечатление на пергамен. По сути, перед нами настоящий фронтовой репортаж с места событий. «Плотно сомкнув свои ряды на малом пространстве, воины все время тесно держались один рядом с другим и, крепко оградив себя щитами, с бóльшим искусством поражали персов, чем те поражали их. Варвары, многократно отброшенные, вновь на них нападали, надеясь смешать и привести в расстройство их ряды, но снова отступали, не добившись никакого успеха. Ибо кони у персов, не вынося шума ударов по щитам, поднимались на дыбы, и вместе со своими всадниками приходили в смятение».

Всего несколько строк, но даже спустя полторы тысячи лет читатель ярко представляет себе напряженную ярость сражающихся, лязг оружия, ржание коней и сдавленные хрипы умирающих...

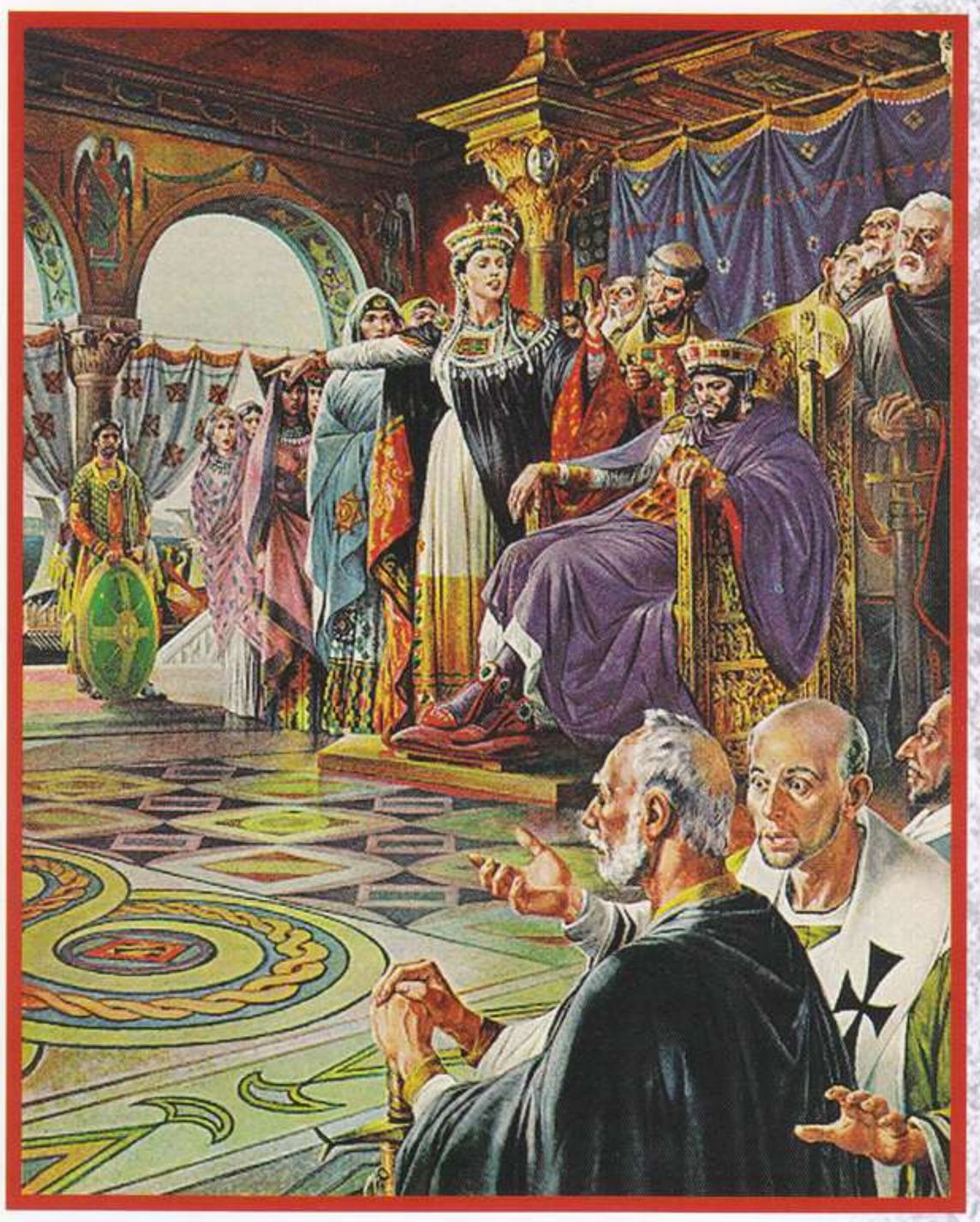
Всю залил равнину кровавый поток —
Столь многих сразил там возмездья клинок.

Наступил поздний вечер. Иранцы так и не смогли сбросить войско румов в реку и вернулись к себе в лагерь. Византийцы понесли огромный урон, но выстояли. С наступлением темноты Велизарий увел остатки потрепанной армии за Евфрат. Кто переправился вплавь, кто на барках, присланных на следующий день из Каллиника.

А что же персы? Заваленное трупами поле боя осталось за ними, и формально они могли считать себя победителями. Затем, ограбив убитых, они двинулись назад, в Иран. Но прием, ждавший Азарета в Ктесифоне, оказался вовсе не триумфальным.

Был у персов обычай. Отправляясь в поход, каждый воин бросал стрелу в корзину. Наполненные доверху, они опечатывались и хранились денно и нощно под присмотром молчаливых стражников. Когда армия возвращалась, процедура происходила в обратном порядке. Солдаты забирали по одной стреле, а оставшиеся невостребованными подсчитывали, определяя, таким образом, число павших. На этот раз итоги кампании, по-видимому, произвели на Кавада неизгладимое впечатление — стрел в корзинах осталось очень много. Сдерживая гнев, шаханшах спросил спахбеда: «Не явился ли ты, приобретя для нас какой-нибудь город румов?» Царю царей не врут, и Азарет отвечал, что он не взял никакого города, но зато победил в открытом бою Велизария, отплатив за Дару. «А где же богатства Антиохии? Где караваны, тяжко нагруженные добычей?» На это сказать было нечего. В таком случае, справедливо рассудил Великий царь, тысячи воинов Ирана погибли напрасно, и гордиться подобной победой не стоит. Кавад отвернул светлый лик от Азарета и впоследствии «держал его в числе наименее достойных».

Не обошлось без проблем и у Велизария. Его действия стали предметом серьезного разбирательства, в результате которого он был отстранен от командования. Впрочем, это была даже не опала, а скорее зачисление в резерв, и продлилось оно недолго. Уже в январе 532 г. Велизарий спас не только трон, но и саму жизнь Юстиниана, когда в Константинополе он решительными и беспощадными мерами утопил в крови грозное восстание «Ника». После этого доверие императора к стратигу было полностью восстановлено, и именно Велизарий возглавил



Эпизод восстания «Ника». Феодора убеждает императора Юстиниана не отрекаться от престола

Стр. 90. **Иранская тяжелая кавалерия в сражении при Каллинике.**
Иллюстрация Р. Титова, © В. Н. Шиканов

экспедиционный корпус, который год спустя отправился в Африку для покорения Вандальского королевства.

В то же время судьбу восточных рубежей Ромейской державы решали уже не столько воины, сколько дипломаты. Юстиниан направил к Каваду несколько миссий, надеясь найти возможные точки соприкосновения интересов, опираясь на которые, стало бы возможным заключить очередной мирный договор. Шаханшах принял их холодно и отпустил ни с чем. Раздражение Царя царей итогами похода Азарета требовало выхода, и точку в этой войне могла поставить только яркая и безусловная победа. В результате две новых персидских армии вторглись в Византию. Одна в Осроену, к уже известному нам Каллинику, другая в Софанену, где осадила крепость Мартирополь.

Городские укрепления были слабы, гарнизон малочислен, а запасы продовольствия незначительны, так что, даже несмотря на активные действия полевой византийской армии, которая выдвинулась в Армению под командованием Ситты, Мартирополю, скорее всего, предстояло повторить трагическую участь Амиды. Положение спас случай. В персидский полевой лагерь прибыл гонец, доставивший из Ктесифона ошеломительные вести. Царя царей Ирана и не-Ирана сразил тяжкий недуг. Кавада наполовину парализовало (очевидно, это был инсульт), и всего через пять дней, 8 сентября 531 г., он скончался. За более чем сорокалетнее царствование этого государя в державе Сасанидов родились и успели вырасти два поколения людей, которые привыкли к тому, что их шаханшах практически вечен. Теперь оказалось, что «дела в стране пришли в смутное состояние».

В обход заведенного порядка Кавад передал трон своему третьему сыну Хосрову, который совсем недавно провел показательную расправу с маздакитами, столь тяготившими царя. И вот:

На царский, из кости
слоновой, престол
Хосров в светозарной короне
взошел.

Далеко не все представители иранской знати желали видеть его на троне. Продвигая во власть собственных претендентов, различные придворные группировки могли ввергнуть царство в очередную кровавую усобицу[1]. Тут уже было не до вооруженных конфликтов с внешними соседями. Как ни жаждал ратной славы новый шаханшах Хосров I (531-579 гг.), но и он понимал, что в сложившейся ситуации войну надо заканчивать. Царь царей еще поведет свои грозные полки против Рума, но сейчас он вступил в переговоры. Шли они трудно и неоднократно срывались, так как партнеры (в первую очередь Юстиниан) то и дело отказывались от уже согласованных договоренностей, но, в конце концов, в сентябре 532 г. мир был подписан.

По его условиям, между двумя державами восстанавливались довоенные границы, но фактически Византия признала себя побежденной стороной. Ирану выплачивались денежные субсидии за охрану кавказских горных проходов (11000 фунтов золота), которые не вносились на протяжении двадцати двух лет. Кроме того, ромеи возвращали крепости и золотые рудники, занятые ими в Армении. Несмотря на это, думавший о предстоящей экспедиции в Северную Африку против вандалов, Юстиниан «принял известие о заключении мира с великой радостью».

В свою очередь персы более не настаивали на разрушении крепости Дары (которая, впрочем, лишалась статуса ставки восточного командования ромеев) и выводили гарнизоны из ранее захваченных опорных пунктов в Лазике. Хотя особого значения эта уступка не имела. Все укрепления срывались до основания и полностью теряли свое значение.

Срок действия мирного договора так и не был установлен. Поэтому он назывался «вечным». На самом деле эта нехитрая уловка позволяла обеим державам в любой момент возобновить боевые действия, не утруждая себя изысканием даже формальных оснований.

---

[1] *В качестве своеобразной подстраховки, едва взойдя на трон, Хосров велел перебить своих единокровных братьев от разных жен отца, а также племянников и других родственников, не говоря уже о замешанных в заговоре многочисленных представителях знатнейших иранских родов.*

Стремление к бесконечности.

540-561 гг.

Среди множества событий, о которых Прокопий из Кесарии поведал потомкам, назидания ради и для острастки будущих тиранов, сохранилась одна, поистине удивительная история, даже сейчас, по прошествии полутора тысячелетий, леденящая душу и будоражащая воображение. Царские спальники-кувикуларии рассказывали, что по ночам видели во дворце «необычное дьявольское привидение». Присмотревшись внимательно, можно было узнать в нем черты самого императора! Юстиниан «блуждал взад и вперед» по безмолвным покоям, причем голова его «внезапно исчезла», но тело продолжало двигаться бесшумно и оттого еще более страшно, пока голова не возвратилась к туловищу. В другой раз лицо государя стало подобным «бесформенному куску мяса, ибо ни бровей, ни глаз не оказалось на их привычных местах и вообще оно утратило какие-либо отличительные признаки» и лишь через некоторое время приняло свой прежний вид.

Необычный человек был август Юстиниан! Возможно, именно в такие часы ночных бдений и задумал он[1] план Великого отвоевания земель, утраченных прежде Римской империей. Для этого и нужен был царю прочный мир на восточных рубежах державы.

Шаханшах Хосров I также был воистину великим государем[2]. «Вечный мир» с Византией, подписанный в 532 г., позволил ему провести важные реформы: административную, экономическую и военную, которые значительно усилили могущество державы Сасанидов. Что же касается свободы действий, которую он предоставил кейсару румов на западе, то Хосров не без оснований надеялся, что несколько одновременных войн, которые собирался вести Юстиниан, не усилят, а лишь ослабят его царство, после чего Иран сможет уверенно продиктовать Константинополю совершенно новые условия двусторонних отношений.

Одного не учел (да и просто не мог предвидеть) шаханшах. Западные кампании ромеев оказались поистине молниеносными. Вместо того чтобы увязнуть в песках Африки, или в бесконечных маршах по Апеннинам, магистр Велизарий, демонстрируя блеск полководческого таланта, всего за семь месяцев сокрушил королевство вандалов (533-534 гг.), а затем, высадившись в Италии, уже через полгода вступил в Рим, изгнав оттуда остготов[3].

Правда, пока никому и в голову не могло придти, что боевые действия здесь затянутся более чем на двадцать лет, а попытка сокрушить в Испании господство еще одного германского племени — вестготов принесет весьма скромные результаты. Войны Юстиниана обескровят Византию, так что она не сможет защитить даже исконные владения, когда, прорвав Дунайскую границу, на Балканы устремятся полчища аваров и славян. В конечном счете, окажется, что Хосров был прав в своих расчетах, но пока шаханшах был не на шутку встревожен. У него на глазах рушился баланс сил, существовавший между Ираном и Византией на протяжении веков, и каждая новая победа румийцев на западе пребольно жалила его в сердце.

Колебания Хосрова усилились, когда из невообразимой дали в Ктесифон прибыли послы короля остготов Витигиса. «Юстиниан, — сказали они, — хочет объять всю землю и захватить всякое государство... Он решил обмануть тебя видимостью мира и, одолев других, приобрести себе крупные силы для борьбы с твоей державой. Ясно, что если ему удастся полностью разбить

Юстиниан Великий (527-565 гг.). *Византийская золотая монета*

[1]*Учитывая вышесказанное, приведенная формулировка не столь уж и точна, но, с другой стороны, рука не поднимается написать, что подобный замысел «пришел ему в голову».*

[2]*Молодой царь имел склонность к естественным наукам, основал в Ктесифоне Высшую медицинскую школу, изучал европейское правоведение, свободно владея греческим языком, покровительствовал литературе, истории и обладал целым рядом других талантов. Вместе с тем, как и многие Сасаниды, он отличался необычайной жестокостью.*

[3]*Подробно о ходе боевых действий см. в книге «Византия. Римская мечта».*

Игра в шатранж. *Восточная миниатюра.* Предшественник современных шахмат был излюбленным интеллектуальным развлечением в эпоху Сасанидов. Владыки Ирана часто играли в шатранж с иноземными послами, рассматривая хитроумные комбинации на доске, как модель большой политической игры

и готов, он вместе с нами и с теми, которые были порабощены ранее, двинется против персов, *не вспомнив о дружбе и не стыдясь произнесенных клятв».*

Шаханшах и сам понимал справедливость этих слов. Ведь сколько раз уже бывало, что царственные братья в Ктесифоне и Константинополе начинали войны, презрев договоры и взаимные обязательства. Другое дело, что, в качестве финального аккорда своей миссии, готские послы предложили Царю царей осуществить превентивное нападение на Византию. Такой шаг требовал всестороннего осмысления. Ни один племенной вождь на свете не должен полагать, что по первому же его указанию владыка Ирана и не-Ирана начнет такое серьезное предприятие как полномасштабный военный конфликт с могущественным соседом.

Впрочем, румийцы умели быть несносными не только во время войны. Хосров отлично помнил, как несколько лет назад союзники и единоверцы румов эфиопы, осуществив серьезную десантную операцию, захватили Химьяритское царство на юго-западе Аравийского полуострова.

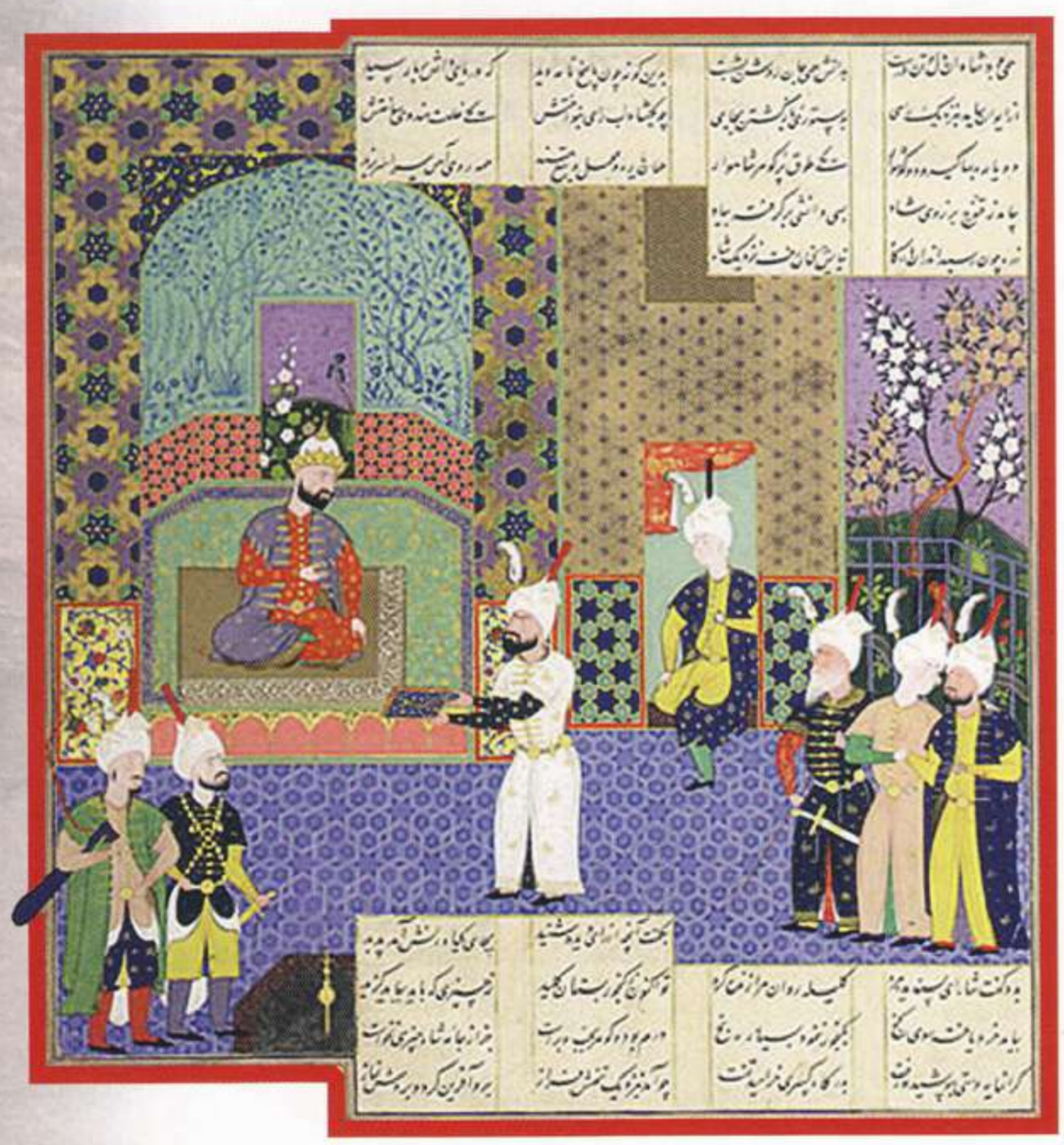
Это был не просто акт явной агрессии, хотя химьяриты находились под покровительством Ирана. Гораздо важнее, что Юстиниану удалось создать новую геополитическую реальность, так как теперь торговые караваны из Индии и Китая, нагруженные диковинными восточными товарами, главным из которых был ценившийся дороже золота шелк, могли попадать в Константинополь, минуя Персию, а Иран лишался неиссякаемого источника доходов от транзитной торговли и мощного средства давления на Византию и ее власти (ведь этот поток всегда можно было перекрыть, или «отрегулировать» его интенсивность).

Итак, война была крайним средством. Пока же следовало испробовать и другие, заодно проверив гибкость новой внешнеполитической доктрины Юстиниана. Для начала Хосров отправил в Константинополь посольство с поздравлениями по случаю побед, одержанных Велизарием в Африке. Да еще велел прибавить, что «требует часть добычи из Ливии», поскольку Византии никогда не удалось бы одолеть вандалов, если бы безопасность и покой ее восточной границы не хранила царская честь и дружба самого Хосрова. Император мог воспринять эти слова как шутку, но он предпочел выслать названному брату богатые дары. Таким образом, первичный зондаж отношений с кейсаром ничего не дал. Но тут подоспели и другие поводы.

В Ктесифон явилось новое посольство — из византийской части Армении, где проконсулы, назначавшиеся Константинополем, проводили жесткую налоговую и кадровую политику, вызывавшую неприятие и даже озлобление со стороны не только податного населения, но и местной знати. В ответ следовали репрессии, что лишь увеличивало напряженность. В конце концов, армяне восстали. Против них двинулся герой Персидской войны Ситта, но он погиб в одной из мелких стычек[1].

[1] *«Некоторые говорят, — пишет Прокопий, — что убил его Соломон, весьма незначительный среди армян человек».*

Юстиниан воспринял произошедшее как личное оскорбление (Ситта был не только высокопоставленным военным в ранге Презентального магистра, но и зятем императора). В Закавказье были направлены дополнительные войска, и тогда армяне, «не имея возможности превзойти василевса в войне», пошли на совершенно беспрецедентный шаг: обратились за защитой от единоверцев христиан к главе державы, от которой в прошлом претерпели столько бед и гонений.



Придворная сцена. *Иранская миниатюра*

Из речи послов выходило, что Юстиниан проводит агрессивную внешнюю политику: увеличил подати, наложенные на Армению, обратил в рабов народ цанов, живший на юго-восточном побережье Черного моря, поставил архонта над царем лазов, противозаконно подчинил своей власти Боспор. Наконец, заключив союз с эфиопами, покорил химьяритов, благодаря чему установил контроль над Красным морем и присоединил к Ромейской державе «Страну фиников». Сейчас он воюет против вандалов, маврусиев и готов, а, покорив Запад, обязательно двинется на Иран. Потому что «всей земли мало этому человеку».

Еще больший гнев шаханшаха вызвали сведения, что Юстиниан пытался переманить на свою сторону верного вассала Сасанидов Аламундара, посылая ему «прелестные письма» и денежные субсидии. Кроме того, в руках у Хосрова оказалось послание императора к вождям гуннов-савиров, подстрекающее их к нападению на Персию. После этого поводов для явного разрыва с «братом», оказавшимся на деле клятвопреступником, было более чем достаточно. Царь решил, что его дело правое, поскольку «не те нарушают мир, кто первыми поднимают оружие, а те, кто уличены в злодеяниях по отношению к соседям в период мирного договора».

И все же, война слишком серьезное дело, чтобы начинать ее, просто поддавшись приступу раздражения. Хосров, «собрав всех, кто отличался знатностью», стал совещаться по поводу возможных ответных действий.

Три дня с ним наставники держат совет,
Воители, гордые славой побед.
В четвертый к решенью пришел властелин
Идти против Рума пред строем дружин.

В общем, пока император Юстиниан был исполнен бесконечной решимости восстановить Империю в прежних ее границах, шаханшах Хосров готовился воевать бесконечно, чтобы отстоять собственное величие, свои представления о справедливости и... право бесконечно грабить.

В «Тайной истории» — талантливо написанном, но полном желчных и зачастую абсурдных инвектив сочинении, Прокопий Кесарийский резко упрекал августа Юстиниана в развале имперской службы внешней разведки. Император, якобы, экономил на оплате услуг осведомителей и «даже самое звание разведчиков искоренил на ромейской земле». Тем не менее, намерение Хосрова начать войну совсем скоро стало известно и в Константинополе. Поставленный перед необходимостью вести боевые действия сразу не нескольких фронтах, Юстиниан отправил в Ктесифон послание, уверяющее шаханшаха в мирных намерениях по отношению к «царственному брату». Но было уже слишком поздно. Ранней весной 540 г. большая иранская армия вторглась в пределы Византии.

Померкло небо от летящей пыли,
Копыта землю черную изрыли.
Гром барабанов огласил простор,
Колебля тяжкие подножья гор.
И так в походе войско напылило,
Что лик затмился вечного светила.
Лишь блеск щитов и копий на земле
Мерцал, как пламя, тускло в синей мгле.

Шаханшах Хосров I. *Сасанидский серебряный медальон*

Хосров вел своих воинов на Антиохию, но первым под его удар попал город Сурон на Евфрате. Укрепления крепости находились в полуразрушенном состоянии, но ромеи в течение нескольких часов вели перестрелку с персами, нанеся им немалый урон. Однако, когда от вражеской стрелы погиб начальник гарнизона мужественный Аршак, его подчиненные пали духом. На следующий день в иранский лагерь явилась делегация во главе с местным епископом, умоляя пощадить людей. Шаханшах был разгневан неожиданным и бессмысленным сопротивлением, но затаил злобу под маской величественной невозмутимости.

Приняв дары, он отпустил парламентеров в сопровождении своих людей. Персы помешали страже закрыть ворота, и уже через несколько минут в город ворвался отборный отряд вооруженных до зубов воинов, которые учинили в Суроне ужасающую резню. Людей простых убивали без счета.

А знатных, кто рода величьем гремел,
Был мужеством славен, казною владел,
В полон увезли, погрузив на слонов.
Не молк покорившихся горестный зов.

С тех пор город Сурон исчез с лица земли, так что сегодня невозможно установить его точное местонахождение. По мысли владыки Ирана и не-Ирана, такой урок должен был парализовать волю жителей других населенных пунктов к сопротивлению и заставить их заранее позаботиться о выкупе за милость завоевателей.

Расчет оказался точным. Чтобы избежать страшной участи Сурона, власти другого сирийского города Иераполя доставили в царскую ставку две тысячи фунтов серебра. Одновременно Хосров заявил, что за 1 000 фунтов золота готов «оставить в покое всю Ромейскую державу».

Ну а пока, шаханшах повел армию к Верое[1]. Здесь он потребовал вдвое больший выкуп, чем в Иераполе. Однако жители отдали все, что могли собрать — те же две тысячи фунтов серебра. Вошедший во вкус владыка воспринял это подношение как недостойную подачку. Желая показать, что не намерен шутить, он вступил в город (благо жители и не думали сопротивляться) и сжег его. Вскоре капитулировали и остатки гарнизона, укрывшиеся в акрополе. При этом многие воины поступили на службу к Хосрову, так как их собственное начальство уже долгое время не платило жалованья.

Следом наступил черед Антиохии. Обстановка в крупнейшем центре византийского Ближнего Востока сложилась противоречивая. Представители гражданской администрации и военного командования попросту дезертировали, бросив город на произвол судьбы. Бежали и люди побогаче. В то же время основная масса населения не желала и слышать о сборе денег, чтобы откупиться от персов. Более того, когда к Антиохии подошло спешно переброшенное из Ливана шеститысячное ромейское войско, горожане осмелели и, высыпав на стены, начали оскорблять Хосрова «непристойными остротами». Тогда, «кипя гневом», Царь царей решил взять город приступом

Фирдоуси оставил свойственное его поэтическому гению романтически-приподнятое описание боев за Антиохию:

В бой ринулось войско румийских мужей
За край и богатства, и жен, и детей.
В два дня отгремели три битвы больших.
В день третий, лишь в блеске лучей золотых
Светило взошло, завоеван был град,
Там всадник единый остался навряд.

На самом деле, все было проще и неприглядней, без фронтального столкновения полевых армий. Город пал жертвой первого же штурма. Персы атаковали сразу в нескольких местах: со стороны реки Оронт и от холма, возвышавшегося почти вровень с крепостными стенами. На этом участке наносился главный удар, и Хосров лично руководил действиями отборных отрядов.

[1] *Алеппо. Современный Халеб.*

Руины Антиохийской цитадели. *Современное фото*

В свою очередь, чтобы разместить на узкой стене как можно больше бойцов, обороняющиеся устроили здесь боевую площадку, закрепив ее с помощью канатов и толстых бревен. Некоторое время бой велся очень упорно. Персы засыпали защитников укреплений тучей стрел, но антиохийцы мужественно сражались, также нанося врагу немалый урон. Все погубила непредвиденная случайность. Не выдержав напряжения, канаты лопнули, и помост с треском рухнул вниз, низвергая и калеча людей. Услышав этот грохот, солдаты, защищавшие соседние башни, решили, что враги, с помощью таранов или через подкоп, обрушили стену. Вспыхнула паника. Многие бросились бежать. У городских ворот в страшной давке погибло множество людей, а персы поднялись по лестницам на стену.

Хосров не мог поверить, что Антиохия, «первый из всех городов ромейских на востоке, выделяющийся богатством, обширностью, многолюдностью и процветающий во всех отношениях», вот так, почти сразу, попадет к нему в руки. Шаханшах опасался, не приготовили ли румы какую-нибудь каверзу, не растает ли его войско в жестоких уличных боях, где схватки будут идти за каждый дом. Поэтому владыка приостановил наступление и, лишь убедившись, что солдаты противника покидают крепость, через единственные, еще остававшиеся свободными ворота, ввел войска в Антиохию.

Как и предвидел Хосров, триумфального марша у победителей не получилось. Отряды, ранее сформированные из молодых горожан, оказывали персам ожесточенное сопротивление. Не зная, что происходит на других участках, они дрались в отдельных очагах обороны и даже иногда брали верх. Но в целом, Антиохия была обречена. Сломив волю защитников, иранцы устроили страшное избиение людей без различия пола и возраста. Затем Хосров повелел брать в плен оставшихся в живых. Сам же, спустившись с холма, с которого руководил штурмом, отправился в главный храм города — Великую церковь, где нашел сокровища, «состоявшие из такого количества золота и серебра, что безо всякой другой добычи, захватив только эти сокровища, он мог бы удалиться, обремененный огромным богатством». Но и этого было мало Царю царей. По его приказу в храме выломали немало прекрасных архитектурных украшений, мраморных статуй и колонн, которые затем отправили в Иран[1]. Осквернённый город предали огню, устроив пожары одновременно во многих местах. Страшен был конец Великой Антиохии, и населявшие ее люди в последний миг жизни думали, что таким и бывает Конец света.

«У меня же, — писал Прокопий Кесарийский, — кругом идет голова, когда я описываю такое бедствие и передаю его памяти грядущих поколений, и я не могу понять, какую цель преследует Божья воля, так возвеличивая человека или место, а затем вновь низвергая их и стирая с лица земли по причине, нам совершенно неясной».

Даже спустя века эти слова историка не утратили горечи, боли и неразумения причин происходящего. Закончим и мы ими рассказ о трагедии Антиохии на Оронте...

[1] *Об их использовании см. ниже.*

Стр. 99. **Хосров Ануширван на берегу Средиземного моря.**
Иллюстрация Р. Титова, © В. Н. Шиканов

Хосров после одержанной победы вышел к Селевкии на Средиземном море, совершив то, о чем на протяжении столетий лишь мечтали персидские цари, ведь именно в Западное море каждый вечер погружалось Солнце, являвшееся одним из воплощений главного божества иранского пантеона — Ахурамазды.

Омывшись в лазурных волнах и принеся жертвы богам, владыка почувствовал умиротворение. Спокойным и благостным предстал Великий царь перед послами Юстиниана, прибывшими в его лагерь. Румийцы пробовали было упрекать Хосрова за нарушение мирных отношений между двумя державами, но шаханшах, отвергнув все обвинения, возложил ответственность за пролитую кровь на кейсара и изложил собственные условия прекращения боевых действий: единовременная выплата 5 000 фунтов золота и последующие взносы в 500 фунтов ежегодно (опять-таки в качестве платы за охрану Каспийских ворот от набегов кочевников). Послы промолчали, ибо не имели полномочий принимать или отвергать. Но и возражать они не могли, поскольку на стороне Хосрова была сила. Теперь требовалось выяснить официальную позицию Константинополя. Пока же установилось негласное перемирие.

Доказав румийцам (и, в лице послов, их кейсару) свое непреоборимое могущество, шаханшах, уже в качестве путешественника, совершил поездку по ряду городов Западной Сирии. В Дафне владыка вволю налюбовался местными достопримечательностями: рощей и источниками, где обитали нимфы. Все это осталось в целости и сохранности. Персы «всего лишь» сожгли один из православных храмов. В Апамее его внимание привлек кусок Креста Животворящего, хранившийся здесь с незапамятных времен. Но гораздо больше ему понравились золото и серебро, пунктуально собранные по всему городу. Здесь же Хосров возжаждал увидеть знаменитые византийские ристания — скачки на колесницах. При этом, зная, что Юстиниан покровительствовал партии *венетов* (голубых), он открыто приказал, чтобы первой к финишу пришла упряжка *прасинов* (зеленых). Но и это еще не все. Двигаясь с войском мимо Халкиды, шаханшах потребовал, чтобы ему выдали румийских солдат и два кентинария золота. Воинов в городе не оказалось (жители спрятали их по домам), зато двести фунтов золота оказались весьма кстати[1].

Привал в пути. *Иранская миниатюра*

Наконец, решив, что деньги собраны, откуда только было можно, и сочтя цель похода достигнутой, Хосров тронулся в обратный путь из дочиста обобранной Сирии. Дорога лежала через Месопотамию по левобережью Евфрата. По дороге владыка обогатился в Эдессе, Константине и даже в Даре, хотя взять эту крепость штурмом персам так и не удалось, благодаря мужеству гарнизона и мудрым советам некоего Феодора, «сведущего в искусстве так называемой механики».

Остается лишь добавить, что за все это время византийские стратиги так и не осме-

[1] *Знакомясь с обстоятельствами похода 540 г., не можешь отделаться от мысли, что Хосров повторял действия своего отца Кавада в кампании 502-503 гг., когда главной целью персов было не покорение новых земель, а захват добычи и пополнение царской казны. Вот и сейчас Хосров Ануширван, при всем величии, просто отправился «подзаработать».*

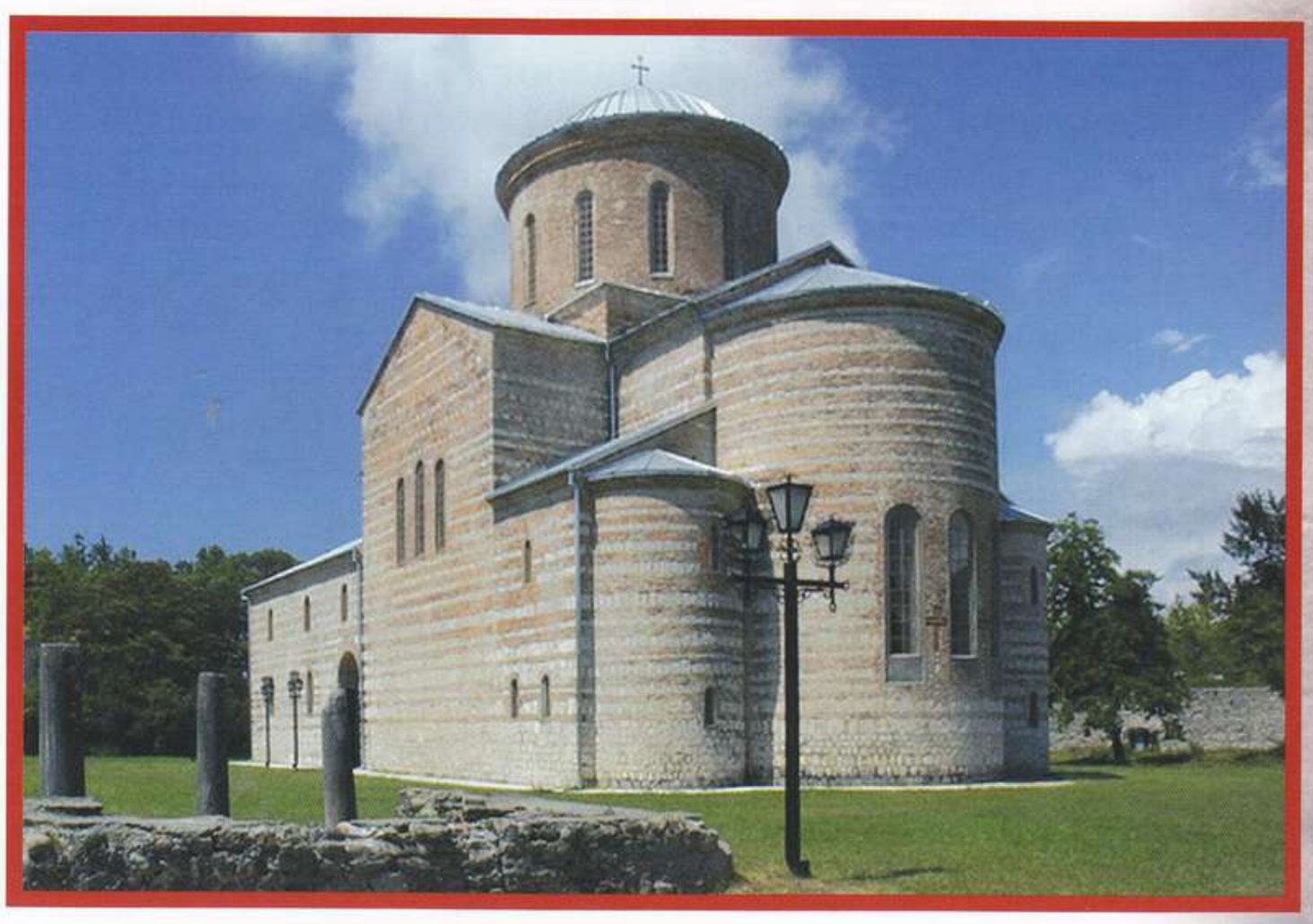
лились попытаться остановить победоносное шествие врага по территории империи.

Кампания 540 г. завершилась. Хосров очень гордился ее итогами и собирался увековечить свои победы не только в памяти, но и в глазах потомков. Для этого шаханшах повелел возвести в окрестностях Ктесифона новый город — Антиохию Хосрова. Предание гласит, что он в точности соответствовал сирийскому образцу. Улицы, рынки, бани, жилые дома, библиотека и даже ипподром были возведены по тому же плану, что и в Антиохии на Оронте. Так что, когда пленники, пройдя сотни миль, вступили в новые жилища, то внешне все выглядело так, будто они никуда и не уходили. Это, конечно, легенда в духе сказок 1001 ночи. Ведь строили Антиохию Хосрова сами пленные византийцы и за долгое время изнурительного труда успели ее возненавидеть. Да и невозможно было воспроизвести в точности все дворцы знати и лачуги бедноты. И все-таки, доставленные из Сирии мрамор и мозаики заняли отведенные им места, и город настолько отличался своим обликом от окружающих населенных пунктов, что сами персы называли его Румаган (город румов, т. е. в данном случае греков).

Пока Хосров играл «в кубики», император ромеев, донельзя уязвленный поражениями в Сирии, обдумывал планы реванша. Прежде всего, Юстиниан отозвал из Италии ряд военачальников, виднейшим из которых, безусловно, являлся Велизарий. Возглавив войска, стянутые в Дару, он вторгся на персидскую территорию, но всего через два перехода увяз в осаде небольшой крепости Сисавр[1]. Персы голодали, а ромеи страдали от жары, жажды и вспыхнувшей эпидемии лихорадки. В конце концов, гарнизон Сисавра (800 чел.) был вынужден капитулировать, но Велизарий уже не мог продолжать наступление, так как число больных в его войске превысило количество здоровых. Так и не взяв Нисибиса[2], византийцы отступили, а сам магистр отбыл в Константинополь.

Между тем, главные события кампании 541 г. развернулись не в Месопотамии, а в Закавказье. Там недовольный жесткими экономическими мерами императорского наместника Иоанна Цива[3], царь Лазики Губаз обратился к Хосрову за защитой от узаконенного произвола.

Шаханшах отнесся к этому обращению с максимальным вниманием, понимая, какие выгоды оно сулит ему. Довольно неожиданно обретая союзника в лице царя лазов, Иран получал выход к Черному морю. В будущем отсюда открывался доступ для вторжений во внутренние области Византии (даже морским путем[4]). Непосредственная угроза



Древнеправославный храм у руин Питиунта.
Современное фото

[1] *20 км к востоку от Нисибиса.*

[2] *В ходе внезапной вылазки из крепости, персы рассеяли солдат противника, которые «бродили без всякого порядка, поедая растущие там огурцы», и захватили ромейское боевое знамя. Впоследствии, желая еще больше унизить противника, они выставили штандарт на укреплении, обвешав его связками колбасы.*

[3] *Этот Иоанн ввел так называемую «торговую монополию», согласно которой, купцы должны были продавать ему по твердым (т.е., как правило, заниженным) ценам практически все важнейшие импортные товары. После этого продукция реализовывалась местному населению уже со значительными наценками.*

[4] *Позднее персы даже завезли в Лазику корабельный лес, но во время грозы он сгорел от удара молнии.*

нависала над столицей империи Константинополем. Подобная перспектива могла в корне изменить геополитическую обстановку в регионе и баланс сил между двумя державами. Следовало обязательно воспользоваться этим шансом.

Сначала весной 541 г. Хосров выступил в поход против гуннов, но вскоре повернул армию на запад и привел ее в Лазику, причем местные жители провели персов через горные проходы. Византийцы укрылись за стенами укрепленных пунктов на побережье, но иранцы овладели ими. Крепость Петра была взята после осады, проведенной по всем правилам благородного искусства *полиоркетики*. Севастополис и Питиунт ромеи, чувствуя, что не силах противостоять врагу, сожгли сами и морем эвакуировали гарнизоны в Трапезунд. После этого, установив контроль над Лазикой, Хосров вернулся в Персию. Юстиниан также понимал стратегическое значение данного региона, так что бои разной степени интенсивности велись здесь в течение десятилетий.

Кампания 542 г. оказалась странной и даже мистической. Хосров снова вторгся в Евфратисию, где византийцы позапирались в крепостях, не помышляя об активном сопротивлении. Но стоило лишь Велизарию прибыть на почтовых лошадях из Константинополя на театр военных действий и отдать приказ о сборе всех войск под своим командованием, как, устрашенные одним лишь именем полководца, персы, так и не вступив в соприкосновение с противником, повернули назад[1]. Отборные части асварана, конные лучники, тяжелая пехота ушли за Евфрат по понтонному мосту. Зато, отступая, они взяли и до основания разрушили Каллиник.

Когда побледнел солнца пламенный лик
И наполовину свод в сумраке сник,
Следа не осталось от крепости той
Весь город обширный сравнялся с землей.

Вместе с тем, шаханшах счел нужным довести до Юстиниана неизменность своего стремления к заключению мирного договора.

В следующем году противникам, казалось, было не до военных походов. В обеих державах свирепствовала эпидемия чумы. Хосров покинул Ктесифон и жил то в Азербайджане, то в Ассирии. Юстиниан едва не погиб от страшной напасти в собственном дворце. В Константинополе по улицам еще лежали трупы умерших, но как только император пошел на поправку, высшее командование решило активизировать боевые действия в Армении.

Слабым местом византийского плана оказалось отсутствие единоначалия. К этому времени Велизарий был снова отстранен от командования и оказался в глухой опале, а участвовавшие в операции командиры отдельных отрядов, продвигаясь к богатому торговому городу Двину, не согласовывали действия между собой. Шли они «безо всякой команды, не выстроенные в боевые ряды,

Руины Двина. *Современное фото*

[1] *На персидского парламентера, прибывшего в ставку Велизария, произвело неизгладимое впечатление грозное великолепие оказанного ему приема. Телохранители главнокомандующего были, как на подбор, рослые и красивые, а равнина, окружавшая палатку стратига, пестрела ромейскими конными патрулями, и все они «имели веселые лица и носили топоры и алебарды». Вернувшись к Хосрову, его посланник доложил, что румский полководец человек «чрезвычайно разумный и мужественный, а воины таковы, каких он нигде не видал, ибо в них собрана красота всех народов». С учетом этого, вступить в битву с такой армией, значит, в случае поражения, «погубить все персидское царство».*

в беспорядке... Смешавшись с обозными служителями, солдаты продвигались так, словно все было готово для грабежа огромных богатств». Последняя фраза означает, что противодействия со стороны персов не ожидалось. А напрасно...

Буквально под носом у ромеев, в предгорьях Арарата и всего в 25 км. от Двина, сосредоточилась персидская армия. Когда разведка доложила стратигам эти сведения, они оторопели, но и возвращаться назад без боя было бы делом постыдным, которого наверняка не одобрит начальство. В результате византийцы атаковали противника нестройной толпой и даже потеснили передовой отряд персов. Но главные силы иранского полководца Наведа спокойно стояли в развернутом боевом порядке, а затем нанесли мощный контрудар, который сразу опрокинул ромеев. Византийцы были разгромлены и, «забыв стыд и все другие благородные чувства», в панике бежали, бросая на горных тропах загнанных коней, обозы и оружие. «Персы, надо полагать, стали после этого сражения намного богаче», — с горькой иронией замечает Прокопий.

В 544 г. Хосров вторгся в Месопотамию. Он лично повел армию на Эдессу, где хранились христианские святыни, желая показать, что нисколько не боится бога румийцев, и во всеуслышание заявил, что устроит на месте этого города пастбище для овец. Тем не менее, попытка с ходу овладеть Эдессой провалилась, и персам пришлось применить все навыки осадного искусства. Как когда-то под Амидой, они начали возводить высокую насыпь, наращивая прочный каркас из бревен, камней и земли и постепенно приближая ее к крепостной стене. А чтобы ромеи не перебили строителей из луков, их прикрывали толстыми навесами из козьей шерсти. Теперь уже пришел черед поволноваться эдесситам, и «весь город преисполнился смятением и плачем».

Несколько раз послы обращались к Хосрову с просьбой избавить от ужасов штурма, но шаханшах выдвигал заведомо неприемлемые условия прекращения осады, а затем просто велел прогнать их, вообще не вступив в переговоры. Тогда обороняющиеся сумели подвести контрмину и развели под землей огонь, который изнутри охватил почти готовую насыпь. Затем метательные машины, установленные на стенах, обрушили на нее град зажигательных снарядов. Горючий состав (асфальт, сера и кедровое масло) давал такой густой и едкий дым, что он действовал на персов, пытавшихся тушить огонь, как отравляющий газ удушающего действия.

Взбешенный Царь царей погнал войска на приступ, но ромеи так и не позволили им подняться по штурмовым лестницам на стены. В тот же день, около полудня, сотни иранских воинов устремились к главным городским воротам, а византийцы произвели смелую вылазку и снова опрокинули врагов. При этом с персами сражались не только солдаты, но и ремесленники, а также укрывшиеся в городе крестьяне из окрестных деревень.

Со стороны нападающих в штурме принимали участие даже боевые слоны. На их спинах в специальных башенках размещались отборные группы бойцов, которые должны были, перебив обороняющихся «частыми ударами в голову», ворваться на укрепления. Хитроумные византийцы нашли средство и против этих, как их назвал современник,

Эдесса (Урфа). Вид на древнюю крепость.
Современное фото

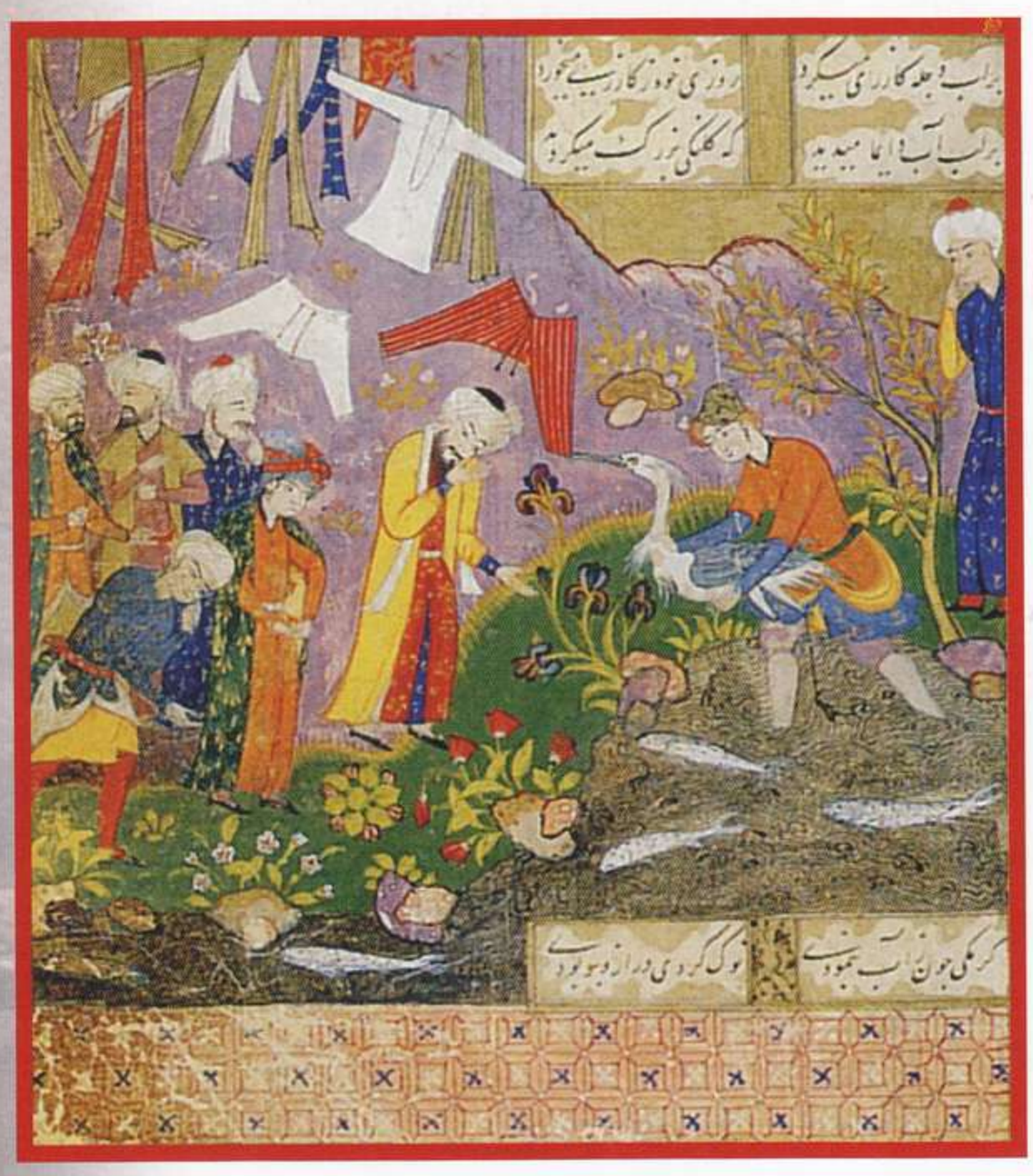
«машин-градоразрушительниц». Они подвесили за ногу поросенка, чей отчаянный непрерывный визг так напугал слона, что огромное животное вышло из-под контроля и бросилось назад, не слушаясь погонщика.

Очередная неудача только раззадорила упрямство Хосрова. Прошло еще два дня, и он предпринял штурм города на нескольких участках одновременно. Казалось, такой натиск выдержать невозможно. Но не прошли еще времена, когда люди были способны проявлять массовый героизм. О том, что было дальше, просто и вместе с тем взволнованно пишет главный историк той войны Прокопий Кесарийский. «Все население, даже женщины и малые дети, стало подниматься на стены. Взрослые мужчины вместе с солдатами мужественно отражали врагов, и многие крестьяне проявили в борьбе с варварами удивительную храбрость. Дети же и женщины вместе со стариками собирали для сражавшихся камни и помогали им в других отношениях. Некоторые, наполнив множество котлов маслом, поставили их по всей стене, долгое время кипятили, а затем еще горячее масло выливали на приближавшихся к укреплениям врагов, причиняя им еще больший вред. И персы, уже падя духом, стали бросать оружие, и, являясь к царю, заявляли, что они не в состоянии выдержать такого сражения».

Хосров пришел в неистовство и, «побуждая своих воинов» угрозами, бросил всю армию на решающий приступ. Неизвестно, чей гнев был ужаснее. Во всяком случае, иранцы, «со страшным криком и шумом», начали придвигать к стенам осадные башни, тараны и снова попытались устанавливать штурмовые лестницы. Однако ромеи, «осыпая их градом стрел и камней, защищались изо всех сил, и варвары, понеся страшное поражение, были обращены в бегство». Так человек, слабый и грешный, полный телесных и нравственных недостатков, в какой-то момент находит в себе для борьбы с лютым врагом силы, о каких он не подозревал раньше и которых, скорее всего, не обретет вновь в течение всей остальной жизни...

Бой продолжался весь день — с утра до позднего вечера — и вымотал людей. Назавтра все отдыхали. Сутки спустя, персы все же попытались произвести атаку на узком участке у северных ворот города, но это был скорее жест отчаяния. Ромеи отразили нападение смелой вылазкой, и на третий день Хосров пригласил городскую делегацию для переговоров. Закончились они следующим образом. Чтобы шаханшах сохранил лицо, ему передали 500 фунтов выкупа, а взамен владыка Ирана и не-Ирана вручил городу особую царскую грамоту «с обещанием не причинять больше никакого зла». После этого персы сожгли осадный лагерь, боевые машины и длинными походными колоннами потянулись на восток, откуда и пришли, уверенные в своей непобедимости, а теперь пристыженные и униженные...

Проиграв кампанию, Хосров изъявил готовность заключить, нет, пока еще не полноценный мирный договор, а всего лишь перемирие. Помимо уже ставшего стандартным в таких случаях требования денег, он попросил у Юстиниана прислать в Ктесифон искусного врача Трибуна, чтобы тот пользовал его Царское Величество[1]. Император немедленно согласился, и в 545 г. война официально прекратилась на пять лет. Даже



Поимка журавля. *Иранская миниатюра*

[1]*Трибун так здорово справился со своей миссией, что через год Хосров вернул его назад, щедро наградив, да еще поинтересовался, чего бы тому хотелось. Человеколюбивый врач попросил освободить византийских пленных, и подобревший Великий царь, действительно, отпустил три тысячи человек, причем, без всякого выкупа.*

когда арабы — лахмиды и гассаниды, устроили очередную междоусобную бойню, две сверхдержавы сделали вид, что ничего особенного не случилось.

И все же, как писал Прокопий из Кесарии, «Хосров заключил с ромеями перемирие с коварной целью». Сначала шаханшах попытался врасплох захватить крепость Дара, которая со времен Кавада была персам словно кость в горле. Когда же этот замысел провалился, он перенес усилия в Лазику и отправил туда особый отряд в количестве 300 воинов, поручив им важную задачу — ликвидировать местного правителя Губаза, который уже не казался Царю царей достаточно преданным вассалом[1].

Вероятно, Губаз горько пожалел, что некогда разорвал отношения с Византией, но, ввиду явной угрозы для жизни, он прибегнул к заступничеству Юстиниана, повинился за прежние прегрешения и просил его помочь избавиться от власти персов.

Император был рад весьма кстати подвернувшемуся поводу вмешаться в закавказские дела. В 549 г. он двинул в Лазику армию в составе 7000 чел. Вот только стратиг его Дагисфей увяз в осаде приморской крепости Петра. Пока гарнизон упорно отбивал фронтальные атаки и подкопы, Хосров послал на выручку осажденным большое войско, состоявшее из подразделений кавалерии и пехоты. Сбив слабый ромейский заслон, пытавшийся задержать персов в одном из горных ущелий, командовавший иранской армией опытный военачальник Мермерой вышел к Петре, от которой ромеи отступили поспешно и в беспорядке. Затем, усилив гарнизон и восстановив поврежденные в ходе осады укрепления, он повернул назад. По дороге персам пришлось отбиваться как от лазов, так и от византийцев, объединивших свои силы. Итак, персы удержались в Петре, но утратили контроль над остальной территорией Лазики. В целом год для обеих сторон завершился вничью.

В последующие годы именно Закавказье стало основной ареной ирано-византийского противостояния. В 550 г. пятилетнее перемирие закончилось. Юстиниан направил в Ктесифон посольство для заключения полноценного мирного договора, но Хосров занял уклончивую позицию, и документ так и не был подписан. Тогда император двинул в Лазику новую армию, поставив во главе ее видного военачальника готского происхождения Бессу. Подкопы и тараны оказались бессильны перед мощными укреплениями Петры, и Бесса, семидесятилетний ветеран многих кампаний, лично повел штурмовые колонны на приступ. Он первым взобрался на стену и не угомонился, даже когда его сбросили с большой высоты вниз. Магистра успели подхватить оруженосцы, и вскоре он уже снова руководил боем.

«Огромный шум стоял от копий, непрерывно бросаемых врагами и ломавшихся о щиты и о другое оружие, все кричали и тяжко дышали; каждый чувствовал тяжесть положения». Персы пытались отбить нападение с помощью сосудов, наполненных «маслом Медеи» (нефтью), но порывы южного ветра отнесли пламя на обороняющихся, так что вскоре загорелась высокая деревянная башня.

Река Риони. *Современное фото*

[1] *Позднее Губаз пал жертвой интриг византийского командования. Даже специально царские стратиги не могли сделать своему императору худшего подарка, так как, возмущенные этим убийством, лазы были готовы перейти на сторону персов. После окончания войны Юстиниан произвел строгое расследование и сурово осудил виновных, невзирая на их ранги и прошлые заслуги.*

Находившиеся здесь иранские солдаты оказались обречены на мучительную гибель, а ромеи смогли, наконец, ворваться в город. Из более чем двухтысячного персидского гарнизона в плен попали 730 чел. Еще пятьсот воинов укрылись в акрополе, но когда они ответили отказом не предложение сдаться, византийцы забросали цитадель зажигательными снарядами, и из этого адского костра уже не спасся никто.

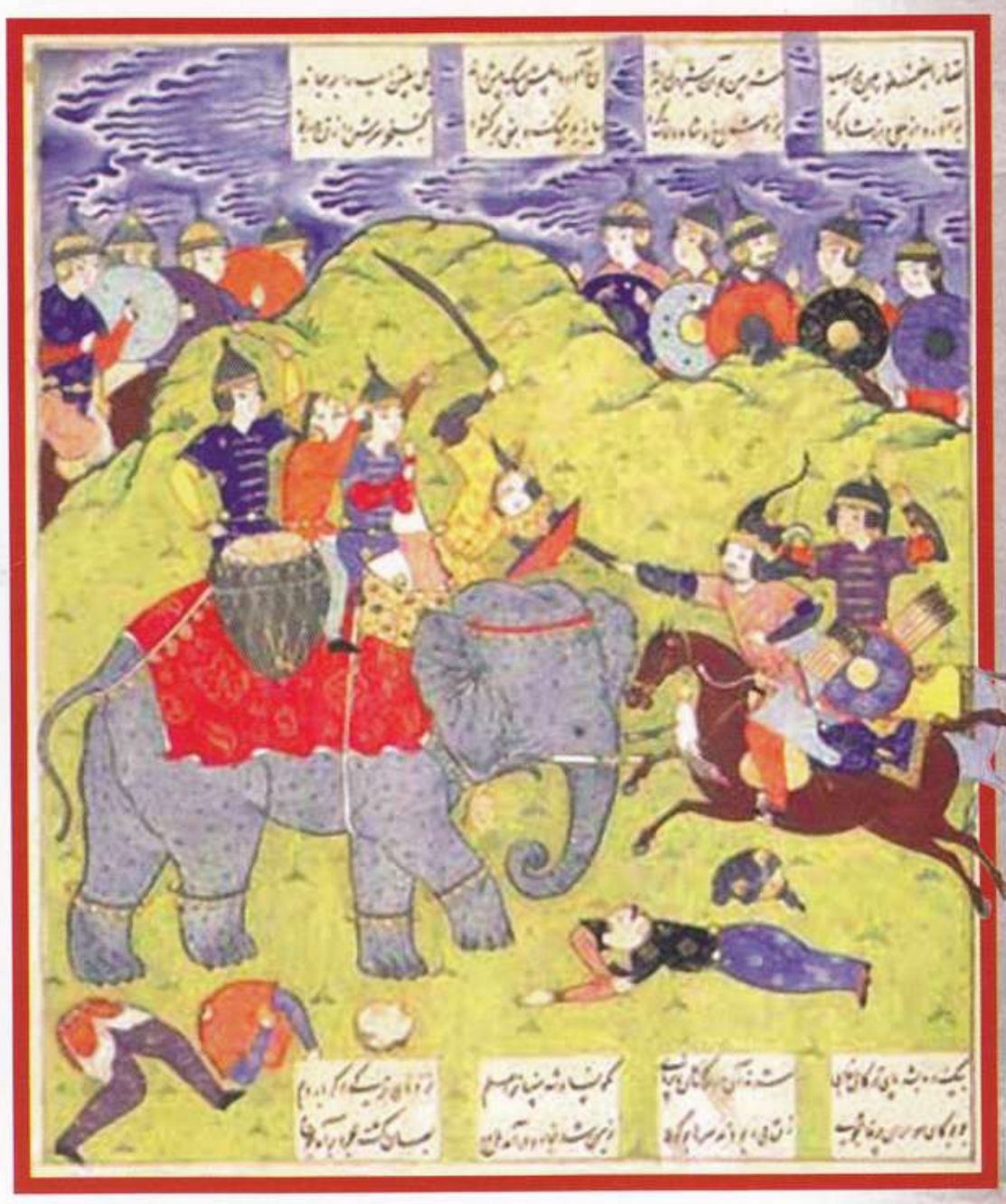
Петра была взята в начале 551 г., и ее укрепления срыты до основания. В этой ситуации поход персидской армии, направленной для деблокады крепости, потерял всякий смысл. Тогда шахский военачальник Мир-Мирое повернул войска за реку Фасис (Рион) в северную часть Лазики. Здесь он безуспешно пытался овладеть крепостью Археополь, а затем расположился с войсками на зимовку. В то же время в Константинополь прибыло иранское посольство. Высокие стороны договорились продлить перемирие еще на пять лет, в течение которых Византия согласилась выплатить персам 2000 фунтов золота за весь срок действия соглашения. Вместе с тем, на Лазику перемирие словно и не распространялось, так что на данном театре военных действий противники сохраняли полную свободу рук.

Мир-Мирое совершил поход в землю абазгов (Абхазию), который, впрочем, не принес персам никаких результатов. Столь же неудачной оказалась и их очередная попытка взять Археополь. А затем, в ходе подготовки нового вторжения в низовья Фасиса, он тяжело заболел и скончался, так и не осуществив задуманного.

Его преемник, еще один полководец Хосрова Нахораган вступил в Лазику весной 555 г. во главе 60-тысячной армии. Персидский военачальник был так уверен в своем превосходстве над румийцами, что просто потребовал от византийского командования вывести войска из этой области, а получив отказ, перешел в наступление вдоль реки Фазис, намереваясь взять одноименный город в ее устье[1]. Ромеям пришлось стянуть для обороны столь важного опорного пункта почти все силы своей кавказской армии, включая мавров, лангобардов, герулов, исавров и отряды местных союзников: цанов и лазов.

Увидев, что Фазис приготовился к упорной обороне, персы развернули правильную осаду, но вскоре нетерпеливый Нахораган бросил воинов на приступ. Агафий Миринейский оставил исполненное драматизма описание этого боя: «Стрелы неслись до того густо одна за другой, что своим множеством закрыли все небо, как будто бы связанные между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильном ветре. Другие тащили осадные орудия и метали огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепахами, топорами рубили стену. Так как она была деревянной, то могла быть легко разрушена. Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено».

Как обычно, персы дрались, не жалея себя, но и ромеи, «стоя на башнях и брустверах, сражались с ожесточением и воодушевлением... Множество копий и дротиков, бросаемых с высоты, поражало врагов, так как они попадали в неприкрытую массу, которая не могла идти в другом направлении. Камни, подвозимые повозками, бросали на черепахи, разрушая их до основания. Кроме



Иранский боевой слон.
Восточная миниатюра

[1] *Современный Поти.*

того, и меньшие камни, метаемые пращами, пробивали шлемы и щиты мидян и не позволяли приближаться к стенам, поражая их здесь еще сильнее».

В момент наивысшего напряжения в бой вступил 5000 кавалерийский отряд военачальника Юстина, молодого, но уже успевшего отличиться в войне с готами в Италии. Заранее выведенные из города, отборные всадники ударили вдоль берега моря, вызвав среди персов немалое замешательство. «Длинными копьями, некоторые же действуя мечами, они сокрушали все, что им попадалось на пути. Произведя сильнейший натиск на тесные ряды врагов, ударяя по их щитам, они прорвали их густой и сомкнутый строй».

Одновременно ромеи предприняли смелую вылазку из города. Такой комбинированный удар смял весь левый фланг иранцев. На правом сеча продолжалась с не меньшим ожесточением. Особо грозное впечатление производили персидские боевые слоны, приводившие в трепет даже крупные войсковые части. К тому же, восседающие на них стрелки наносили ромеям большой урон, на выбор и без промаха расстреливая их из луков.

Какое-то время исход яростной рукопашной схватки висел на волоске. Все изменилось буквально в одну минуту, когда раненый копьем в глаз огромный слон пришел в бешенство, сбросил и растоптал собственный экипаж, а затем разметал все вокруг себя и расстроил персидскую конницу. Лошади вставали на дыбы, страшно кусались и, «тяжело дыша, выпускали из ноздрей пар», когда их пытались привести в чувство.

Почувствовав замешательство врага, ромеи усилили натиск и обратили персов в повальное бегство. При этом Нахораган, «изумленный неожиданным исходом дела», мчался быстрее других, «грозя всем бичом и приказывая бежать, как можно скорее, что они и сами делали». Согласно подсчетам византийцев, потери вражеской армии составили не менее 10 000 чел., среди которых было немало представителей иранской знати (ромеи сняли с трупов множество золотых перстней, ожерелий и других украшений).

Потерпев тяжелое поражение, Нахораган отвел деморализованную армию в Иберию, оставив в Лазике лишь небольшие кавалерийские заслоны для разведки и наблюдения за противником. Судьба спахбеда оказалась ужасной. Хосров подверг детальному расследованию его действия и, признав виновным в провале всей кампании, велел казнить проверенно жестоким способом: с живого человека содрали кожу. Дав выход высочайшему гневу, шаханшах перешел к более взвешенному анализу военно-политической обстановки. Помимо неудачи на западе, его сильно тревожила возросшая активность эфталитов на северо-востоке. Поэтому Царь царей счел нужным заняться проблемой набегов кочевников, а в отношениях с Византией пока придерживаться условий все еще формально действовавшего перемирия. Тогда и наступила, написал Агафий Миринейский, «как бы передышка в несчастиях».

На этот раз она уже не прерывалось. В конце 561 г. между двумя державами был заключен мир. На этот раз не «вечный», а на 50 лет. По условиям достигнутого соглашения, в Армении, Месопотамии и Сирии восстанавливалось положение, существовавшее до начала военного конфликта. В Закавказье произошел раздел сфер влияния. Иран отказывался от Лазики (а значит и от попытки выйти к Черному морю), зато удерживал контроль над Сванетией и Иберией. Стороны

Руины иранского храма огня. *Современное фото*

обязались не только воздерживаться в двухсторонних отношениях от любых актов агрессии, но также не нападать на страны и народы, традиционно находившиеся под их властью или покровительством. В свою очередь, Византия возобновляла платежи Ирану за охрану кавказских проходов и подтверждала содержавшийся в прежних договорах отказ от строительства в приграничной полосе новых крепостей. Аналогичное обязательство принимала на себя и Персия. Особо оговаривались также дальнейший порядок ирано-византийской торговли, право христианских подданных шаханшаха свободно исповедовать свою религию и еще целый ряд вопросов.

Агафий из Мирины, живший в эпоху Юстиниана, в отличие от Прокопия Кесарийского, не писал никаких «тайных историй». Он был лоялен по отношению к императору и искренне верил, что ромеи выиграли двадцатилетнюю войну против Ирана. На самом деле этот конфликт ослабил Византию ничуть не меньше, чем царство Сасанидов. Наряду с попыткой Реконкисты Запада, он подорвал экономику и финансовое положение Ромейской державы. Внешне блистательная, эпоха Юстиниана I завершилась вторжениями новых врагов, которым империя уже не могла дать достойный отпор[1].

[1] *См. об этом в книге «Византия. Гроза над Дунаем».*

Высокие

Правители

572-591 гг.

Византийская империя всегда славилась искусством дипломатии. В международных отношениях не может быть мелочей — справедливо считали бюрократы из Священного дворца, заматеревшие на царской службе. При подготовке миссии к очередному архонту, риксу, конунгу или эмиру учитывались и тщательно прорабатывались все детали: ранг послов, количество и ассортимент подарков, маршрут следования и этикет поведения[1]. Круг затрагиваемых вопросов и инструкции по их обсуждению также фиксировались в письменном виде. Отступать от них было нельзя.

Фрагмент мозаики пола Большого дворца в Константинополе

Еще большее внимание уделялось организации приема иностранных дипломатов в столице империи Константинополе. Знатных чужеземцев в сопровождении почетного эскорта долго везли по городу, демонстрируя широкие улицы, оживленные торговые площади и самые великолепные здания и памятники, которыми славился Византий. Уже в Великом дворце послы шли из одного зала в другой. Убранство покоев становилось все более пышным, а по сторонам сплошными рядами и живописными группами в разноцветных одеяниях стояли сотни, а иногда и тысячи придворных, расположенных в соответствии с присвоенными им государственными рангами.

Одна только подобная прелюдия сама по себе производила на неискушенных варваров ошеломляющее впечатление. А уж когда они видели императора на золотом троне и в лучах света, осязаемыми потоками лившегося с высот горних, разум окончательно убеждался, что перед ними действительно предстал царь земной, волею Божьей правящий миром. Служить такому государю — великое счастье. Противиться его мощи — безумие. Так, даже не прибегая к силе оружия, Византия могла решать самые сложные внешнеполитические проблемы.

Единственным достойным соперником Ромейской державы являлся Сасанидский Иран, чей придворный церемониал, пожалуй, не уступал византийскому, а дипломатия стремилась быть столь же активной. Потому что, даже когда мечи оставались вложенными в ножны, соперничество между двумя империями не прекращалось. Вероятно, не будет большим преувеличением сказать, что если войну 502-506 гг. развязали персидские «экономисты» и «крепкие хозяйственники», то ответственность за длительный ирано-византийский конфликт 572-591 гг. несут подготовившие его дипломатические ведомства обоих государств. Но они, конечно же, имели в виду высокие цели и, относясь с некоторым пренебрежением к грубиянам-воякам, собирались достичь их, не прибегая к насильственным средствам. Ну, разве что чуть-чуть...

Старый царь Юстиниан бродил по бесконечным дворцовым переходам. Ноябрьский ветер с невидного отсюда Босфора доносил промозглую сырость, и император зябко кутался в пурпурный плащ. Не шелковый, нарядный, но скажем прямо — не греющий, а шерстяной — простой, но теплый. Мирские заботы, похоже, не волновали повели-

[1] *Сохранилось свидетельство, как были поражены придворные франкского короля, когда выяснилось, что византийские посланники, в знак уважения к главе иностранного государства, вели переговоры стоя и только после специального приглашения расселись на специально принесенные с собой скамеечки.*

теля. Возможно, ему не давали заснуть воспоминания о горячо любимой жене Феодоре, которую так безжалостно отняла судьба. Ушли из жизни и все сподвижники. Последним, совсем недавно, Велизарий. Да и сам император все больше думал о Суде Вышнем, строгом и беспристрастном, перед которым ему, столь же смертному, как и все прочие люди, скоро придется держать ответ. Что, на фоне столь грозной перспективы, царства и народы со всеми земными богатствами? Человек верующий, Юстиниан острее, чем когда-либо, понимал — с собой туда ничего не унесешь. Он погрузился в оцепенение, и «дух его был уже на небе». Недаром, последней государственной заботой владыки стала намечавшаяся дискуссия вокруг догмата о нетленности тела Христова.

В отличие от сонного, пропахшего ладаном Константинополя, в Ктесифоне на Тигре времени не теряли. Также постаревший, но, по-прежнему, энергичный Хосров Ануширван, достигнув замирения на западной границе, перешел в решительное наступление на северо-востоке против давних врагов Сасанидов — эфталитов. Несколько проведенных одна за другой кампаний уничтожили их кочевую империю. Но причины успеха походов Хосрова крылись не только в концентрации всех сил на этом театре военных действий. Дело в том, что у Ирана появились неожиданные союзники. В дальнейшем им предстоит сыграть в ирано-византийских отношениях настолько важную роль, что об этом народе стоит рассказать особо.

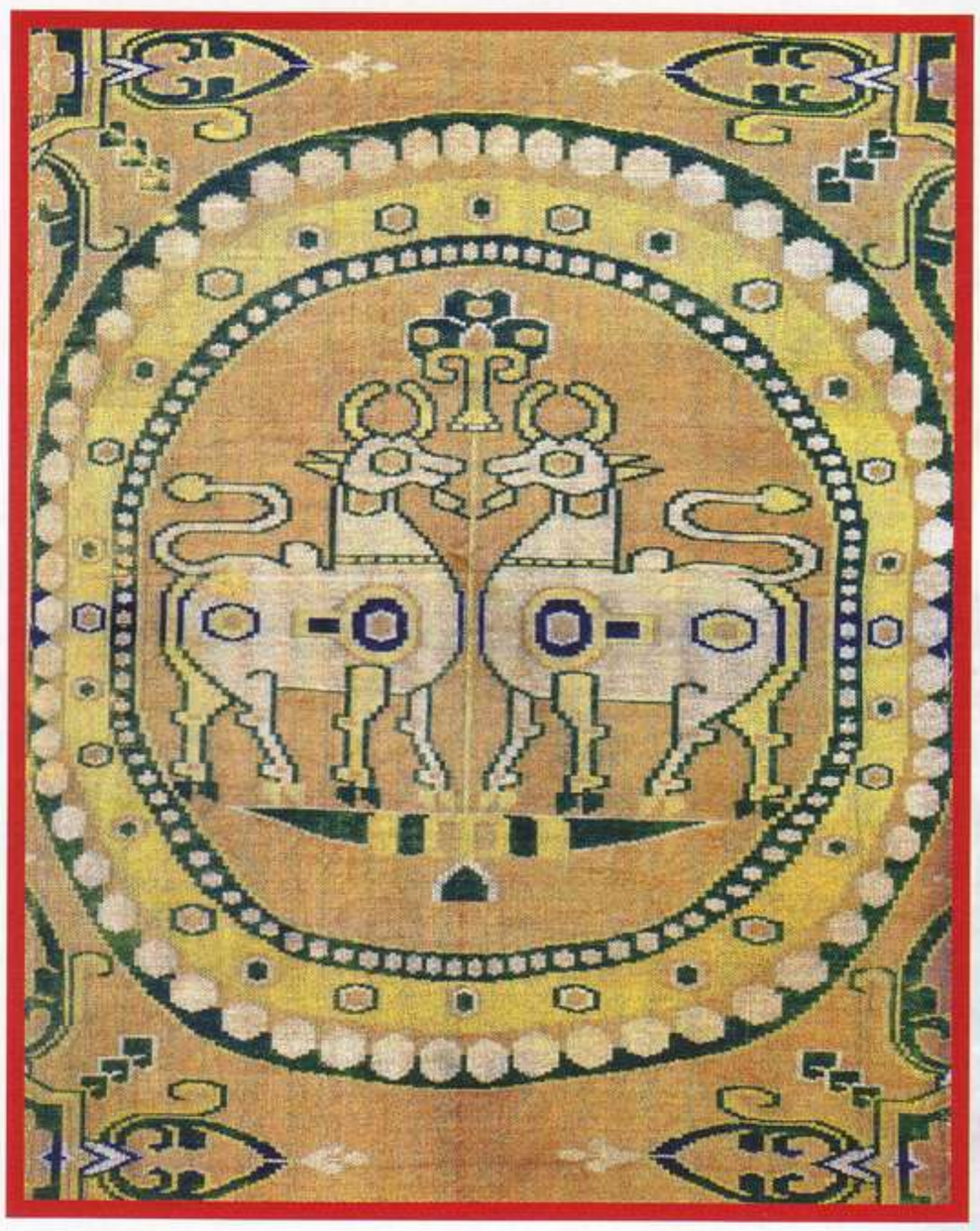
Европейцы всегда пребывали в уверенности, что история человеческой цивилизации вершилась на их континенте. Из этого, скажем прямо, довольно претенциозного постулата следовал вывод, что событиями, происходившими на периферии Ойкумены, можно пренебречь. Глубочайшее заблуждение. Ведь наиболее значимые по своим последствиям волны «Великого переселения народов» зародились на востоке Азии и, накрыв Европу, смели народы и царства, полагавшие, что впереди у каждого из них бесконечность. Одним из таких судьбоносных этносов были тюрки, появившиеся на исторической арене в описываемое нами время.

Пока хунну двигались на закат солнца, превращаясь по дороге в гуннов, одно из племен этого союза осело на Алтае. Смешавшись с местным населением, оно стало известно под именем тюркютов (т. е. «силачей»). Как и все кочевники, тюркюты не строили городов, не занимались ни ремеслом, ни сельским хозяйством. Зато союз пришельцев с автохтонами достиг замечательных успехов в рудознатстве и металлообработке. Тюркюты изготавливали превосходное оружие и со временем не только избавились от зависимости от более сильных соседей, но и образовали мощнейшую кочевую империю — Великий Тюркский каганат, или, как его еще называют, «Вечный эль».

В середине VI века тюрки (ибо теперь именно так стоит называть этнос, возникший из сплава различных племен) вошли в контакт с царством эфталитов и заставили «их головы склониться, а колени согнуться». После этого персы лишь поставили точку в затянувшейся агонии своих давних врагов, а держава Сасанидов и Тюркский каганат стали непосредственными соседями с общей границей по Амударье.

Правители каганата были неглупыми людьми и восприимчивыми к полезному опыту. Им понравилось, как шаханшах Хосров извлекает немалую выгоду из транзитной торговли между Востоком и Западом. Почему бы в таком случае не попробовать слегка подкорректировать направление караванных путей, получив и свою долю прибыли.

С Китаем у тюрков существовали довольно сложные отношения. За военную помощь или нейтралитет отдельные царства Поднебесной платили каганату самой ходовой



Образец сасанидской шелковой ткани

валютой эпохи — шелком. Производили его и в подвластной тюркам Согдиане[1]. Великий каган Истеми[2] предложил Хосрову организовать поставки шелка в Иран, но надменный шаханшах отверг союз с варваром, причем в самой что ни на есть великодержавной манере. Он приказал оплатить поставку, а потом велел сжечь всю партию товара, да еще в присутствии тюркских послов. Тем самым Царь царей давал понять, что всего у него вдоволь, и ни в шелке, ни в золоте он недостатка не испытывает. Но даже этим Хосров не ограничился. По его приказу послы были отравлены, а смерть их объяснили «воздействием жаркого климата», к которому тюрки будто бы оказались непривычны и не приспособлены!

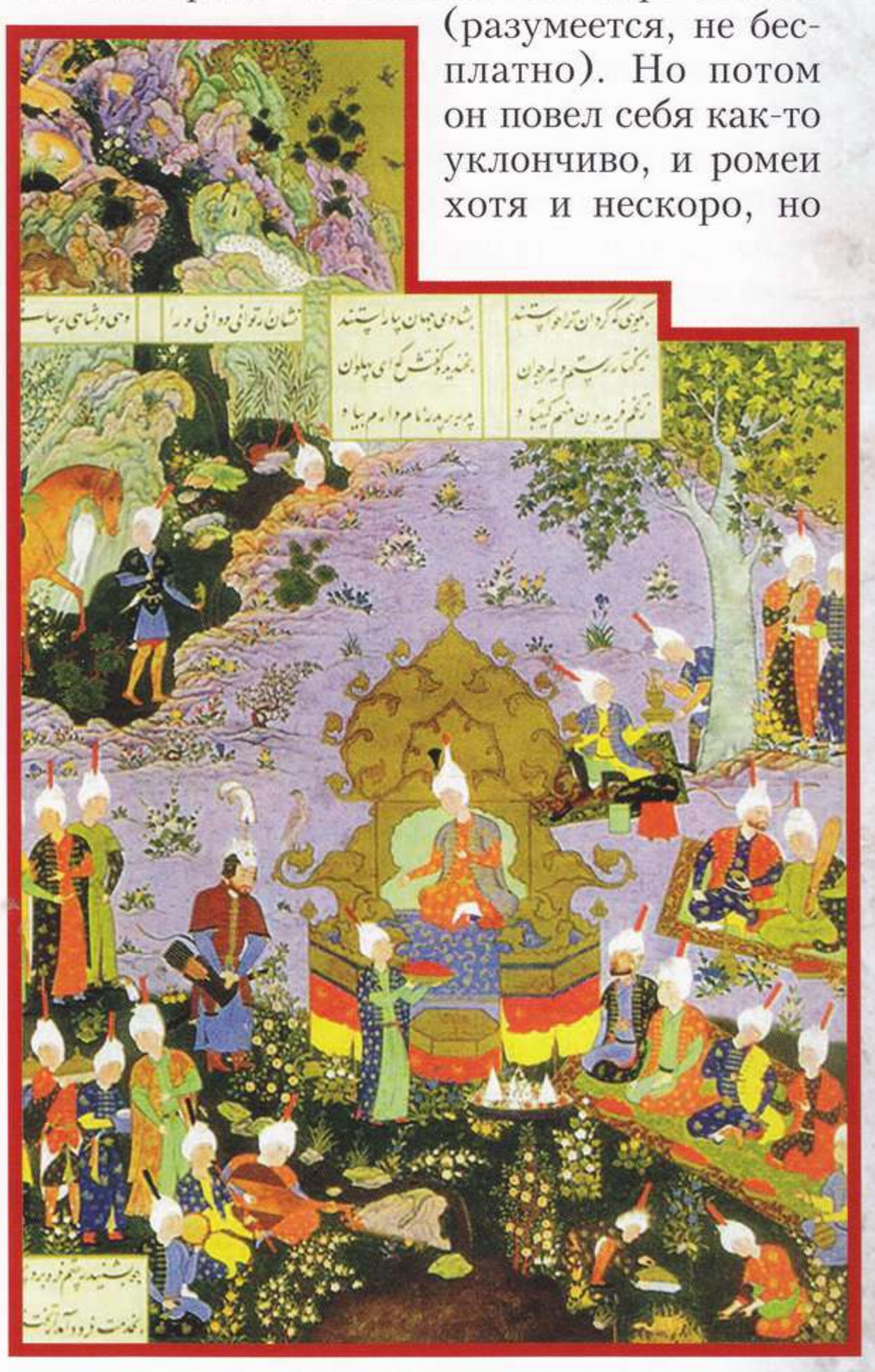
Каган счел себя смертельно оскорбленным. Но даже теперь он не бросил на Иран свою отборную и прекрасно вооруженную конницу. По-прежнему, интересуясь более торговыми, чем военными вопросами, Истеми-хан направил посольство в Константинополь, поскольку по всей Великой степи гремела слава о могуществе и богатстве повелителя румов.

Можно лишь догадываться, насколько трудным и долгим оказался путь миссии с далекого Алтая на Кавказ и оттуда на Босфор. Во главе ее стоял «бывалый человек» Маниах. Он поднес занимавшему престол с 565 г. племяннику Юстиниана Юстину II богатые дары и вновь поставил вопрос о торговле шелком. Вышколенные чиновники из ведомства магистра оффиций[3] внимательно слушали, и их бесстрастные лица не выражали никаких эмоций.

По правде говоря, экономические аспекты возможного союза с тюрками мало волновали ромеев. В империи уже появилось собственное шелкоткачество, зато использование военного потенциала одних варваров в борьбе с другими сулило широкие перспективы.

Византию интересовало, насколько велика численность авар? Ранее тюркам приходилось иметь дело с этим народом, а теперь авары все более усиливали этнополитическое давление на Дунайскую границу империи. Кроме того, требовалось прозондировать, нельзя ли организовать дело таким образом, чтобы тюрки оказали нажим на державу Сасанидов, заставляя персов постоянно беспокоиться о северо-восточных рубежах, как это уже было во времена войн с эфталитами? Зафиксировать точки взаимных интересов и формы сотрудничества предстояло ответному византийскому посольству, которое Юстин отправил к тюркам в августе 568 г. Возглавить его было поручено комиту Востока Зимарху.

Замысел императора не остался тайной для его царственного брата Хосрова Ануширвана. Шаханшах всеми силами пытался не допустить окончательного оформления тюркско-византийского союза, организовав убийство всего состава миссии на пути через горы Кавказа. Это деликатное поручение сначала вроде бы взял на себя царь аланов (разумеется, не бесплатно). Но потом он повел себя как-то уклончиво, и ромеи хотя и нескоро, но



Светская сцена. *Восточная миниатюра*

[1] *Часть современных Узбекистана и Таджикистана.*

[2] *В византийских источниках — Дизабул.*

[3] *В описываемое время министр императорского двора и глава внешнеполитического ведомства империи в одном лице.*

зато благополучно добрались в ставку Великого кагана тюрок[1].

Истеми-хан принял дорогих гостей с неслыханной помпой и закатил для них трехдневный пир, угощая на золоте и серебре. Не забыли и о делах. Между тюрками и Византией был заключен договор о дружбе и союзе. Вероятно поэтому, в знак особой чести каган пригласил Зимарха принять участие в походе против персов в качестве представителя императора при своей полевой ставке.

У Зимарха осталось двойственное впечатление о проделанном путешествии. С одной стороны, он признал роскошь и могущество степной тюркской державы. С другой, заметил, что «скифское племя коварно и изменчиво».

Узнав об альянсе румов с тюрками, который грозил взять державу Сасанидов в клещи, Хосров подготовил адекватный ответ, двинув войска на юг Аравийского полуострова[2]. Короткая кампания закончилась изгнанием христиан-эфиопов из Йемена и установлением контроля Ирана над всеми существовавшими тогда торговыми путями с Востока на Запад. Теперь шаханшах мог ставить любые условия, на которых караваны из Китая, Индии и других экзотических стран будут попадать в Европу.

Византия в долгу не осталась и начала оказывать поддержку армянской знати, стремившейся избавиться от господства персов[3]. В 571 г. в Константинополь прибыла армянская делегация с просьбой о защите и покровительстве, и Юстин, сразу забыв, что восточная часть Армении является владением его царственного брата Хосрова, объявил о включении этих земель в состав империи. Он на три года освободил своих новых подданных от всяких податей, да еще поклялся, что приложит все усилия, чтобы отстоять Армению от персов. Когда же к царю явился шахский посол для урегулирования давнего вопроса о субсидиях за охрану кавказских горных проходов, император платить отказался, заявив, что это «унизительно для ромеев». Под свои действия Юстин подвел и идеологическую базу. «Я не отдам в твои руки христианский народ, — велел передать он шаханшаху, — который отказывается от культа демонов и просит моего покровительства».

Юстин II (565-578 гг.). *Византийская золотая монета*

Эта, скажем прямо, демонстративная акция явилась вызывающим нарушением условий мирного договора 561 г. «Отсюда-то и началась великая война персов с ромеями», — заметил византийский хронист Феофан[4].

Нельзя отделаться от впечатления, что Византия и Иран действовали, повинуясь законам геополитики, которые были сформулированы лишь много столетий спустя. Изначально никто не хотел вступать в военный конфликт, но любая демонстрация силы вызывала ответный демарш, чуть более энергичный. И с какого-то момента серьезные люди и опытные политики, как в Ктесифоне, так и в Константинополе, вдруг обнаружили, что больше не управляют ходом событий. Напротив, окружающая обстановка все более жестко диктовала дальнейшие действия, и противиться этой ирреальной воле было совершенно невозможно!

Самое же удивительное заключается в том, что в ходе нового противостояния, длившегося почти двадцать лет, когда боевые

---

[1] *Историки до сих пор спорят, где она находилась. Одни утверждают, что на Алтае. Другие настаивают, что в бассейне реки Или. Ясно одно — по европейским меркам это было буквально на краю света.*

[2] *Любопытно, что персидский экспедиционный корпус был переброшен по морю, хотя источники обходят молчанием вопрос о существовании у Сасанидов флота (во всяком случае, военного).*

[3] *Армяне восстали, когда по приказанию шаханшаха в городе Двин был заложен зороастрийский храм огня. Руководивший этой акцией персидский военачальник Сурена был убит, а его голову армяне отослали византийскому наместнику Феодосиополя, откровенно провоцируя ромеев на конфликт с Ираном.*

[4] *Другой византийский историк Феофилакт Симокатта прямо пишет, что мирный договор был нарушен «по великой глупости императора».*

действия велись с яростной ожесточенностью, стороны продолжали поддерживать дипломатические контакты. Константинополь и Ктесифон обменивались миссиями, выясняя, кто виноват в нарушении мира и на каких условиях он может быть восстановлен. При этом Хосров иногда удерживал при себе византийских послов и, отправляясь в очередной поход против империи, брал их с собой. Поистине, то были высокие отношения между царственными «братьями»...

В 572 г. в Армению вторглись 20 000 иранских солдат «со многими слонами», и территория этой древней страны стала ареной тяжелых боев, в которых ратные люди гибли тысячами. Кроме того, шахский полководец Михран Михревандак имел приказ поголовно истребить всех армянских мужчин вообще: «рубить, колоть и беспощадно валить их на землю». Такая доктрина лишь усиливала сопротивление местного населения. Войско персов было предано мечу, «а слоны все пали». Лишь Михран «с немногими спасшимися ушел восвояси». Но основная борьба была еще впереди.

Сасанидские боевые слоны. *Иранский рельеф*

Прежде всего, не оправдались надежды восставших на помощь могучего западного соседа. Ромеи вторглись в Арзанену (Юго-Западная Армения), но весьма ограниченными силами (всего три тысячи человек). Ни закрепиться здесь, ни отвлечь персов с главного театра военных действий им не удалось. Практических результатов этот набег не имел.

Весной следующего, 573 г. византийская армия вступила на персидскую территорию и близ укрепленного пункта Саргаф нанесла персам поражение.

Дрались весь день, померкли облака.
И отступили шахские войска.

Потери иранцев составили около 1300 чел. Но и этот успех не получил развития. Возглавлявший ромеев Маркиан[1] отвел войска назад. Император настаивал на более активных действиях, и магистр Востока против своей воли снова пошел в наступление, но продвинуться дальше приграничной полосы ему так и не удалось. Как уже не раз случалось, византийцы увязли под Нисибисом.

Пока они строили осадные машины, персы вторглись в Сирию и, как и тридцать лет назад, достигли Антиохии. Правда, на этот раз город взять не удалось, но паника там разразилась нешуточная, а все окрестности были разорены, после чего иранцы беспрепятственно ушли за Евфрат.

Не лучше обстояли дела византийцев и под Нисибисом. В далеком Константинополе Юстину очень не понравилась заминка Маркиана под стенами этой крепости. Он сместил своего родича с поста командующего и прислал вместо него некоего Акакия. Неожиданно Маркиан заупрямился, утверждая, что Нисибис вот-вот падет, но и Акакий стремился исполнить царскую волю любой ценой. Он оскорбил действием неудачливого магистра и велел сорвать его штандарт. Последующая реакция войск оказалась неожиданно радикальной. Солдаты отказались подчиняться новому начальнику и, вообще покинув лагерь, засобирались в обратный путь. Этим замешательством не замедлили воспользоваться персы. Гарнизон Нисибиса совершил внезапную вылазку и рассеял деморализованную толпу византийцев.

Тем временем Хосров Ануширван, убедившись, что румийцы не имеют войск даже для прикрытия границы, повел в поход главные силы своей армии. Он шел к Даре и вскоре осадил эту крепость. Давний оплот Византии на Востоке — Дара была сильно укреп-

[1] *Как и сам Юстин, он приходился племянником Юстиниану I.*

лена и снабжена необходимыми припасами. Боевой дух защитников города также оказался очень высок. Хосров предлагал румам откупиться, но сама эта идея была отвергнута. Осада затянулась более чем на пять месяцев.

Византийцев подвела самоуверенность. Наступала зима, и солдаты, считая укрепления неприступными, ослабили караульную службу. Они уходили со стен, чтобы провести ночь в тепле в домах горожан, что не осталось незамеченным для персов. Вперед двинулся сильный штурмовой отряд, который беспрепятственно взошел на стены, а затем ворвался в город.

Только теперь ромеи поняли, какую ошибку они совершили, и устремились к месту прорыва. Им придавало силы отчаяние. Если верить летописцу, ожесточенные уличные бои продолжались в течение семи дней. Персы не могли сломить сопротивление и пошли на хитрость. Они вступили в переговоры и даже пообещали, что вообще уйдут, если им оставят «законную» долю добычи.

Человек всегда надеется на лучшее. Вот и сейчас защитники Дары, уже попрощавшиеся с жизнью, обрели надежду на спасение. Бой прекратился. Введя в город дополнительные войска для «приемки трофеев», иранцы нарушили перемирие и перебили большинство византийских солдат. А потом они подчистую разграбили Дару. Уцелевших жителей угнали в Иран, в зловещий замок Забвения[1]. Так пала византийская твердыня, десятилетиями являвшаяся оплотом ромеев на восточном рубеже державы.

Эта катастрофа вызвала необратимые изменения в личности императора Юстина. За ним и ранее замечались странности, но после военных поражений с ним стали случаться приступы безумия. Его супруга София была не уверена и в прочности собственного положения. Над Константинополем встала угроза внутренней смуты при неизбежной в ближайшее время смене власти. Единственное, что смогла сделать императрица — уговорить мужа усыновить в качестве соправителя командира гвардейской тагмы экскувитов Тиверия (декабрь 574 г.), к которому царица была неравнодушна. Одновременно она обратилась с письмом к Хосрову, прося о перемирии на год — «до выздоровления Юстина». Такое время могло не наступить никогда, но к посланию прилагались 45 тысяч золотых монет, и шаханшах согласился.

Тиверий (578-582 гг.). *Византийская золотая монета*

Как человек военный, *кесарь* Тиверий использовал мирную передышку для формирования новых частей: в Исаврии, Фракии, Иллирике, и переброски этих войск на восточную границу. Хосров сразу раскусил не слишком изощренную уловку румов. Он даже был готов продлить перемирие на пять лет, так как пребывал в неколебимой уверенности, что одолеет в чистом поле вражеские армии любой численности. В начале 575 г. в Ктесифон прибыло византийское посольство для проведения переговоров. Их результатом стал компромисс — прекращение боевых действий на три года. Правда, его условия не распространялись на Армению[2]. Кроме того, Византия уплачивала Ирану за каждый мирный год еще по 500 фунтов золота.

Зато попытка возобновить тюркско-византийский союз оказалась безрезультатной. Цели его потенциальных участников оказались не скоординированными. Когда Тиверий направил к кагану «Великое посольство», то ромейских дипломатов ждал конфуз.

Для начала сын Истеми-хана Тюркеш ошарашил послов нелицеприятным вопросом: «Правда ли, что ромеи находятся под властью персов?» Глава миссии с достоинством ответил, что не находятся, и что, наоборот, персы «много раз были в подчинении у ромеев».

[1] *Легенда гласит, что шаханшах отправил две тысячи пленных девушек в подарок тюркскому кагану, но на этапе, испросив у охраны разрешение искупаться, они утопились в глубокой и быстрой реке.*

[2] *Ануширван относился к армянам как к взбунтовавшимся рабам и считал делом принципа жестоко покарать их.*

Но и эта историческая справка не спасла положение. Тюркам очень не понравилось, что Византия подписала мирный договор с их давними врагами аварами[1]. Удельный князь оскорблял не только послов, но и их царя («пославший вас — природный обманщик», — заявил он). А потом с позором отправил обратно. Тюрки, по-прежнему, оставались врагами сасанидов, но и к ромеям они лучше относиться не стали. Надо ли говорить, что от этого выиграли только персы.

К тому же, мирная передышка оказалась короткой. Ранней весной 576 г. Хосров Ануширван лично встал во главе армии и вступил в Армению. Жители области Васпуракан встречали его, выражая покорность, как законного повелителя. Западнее — в Тароне разбегались, ища убежища в горах. Отсюда шаханшах вторгся на землю Римской Армении. На пути его войска лежал Феодосиополь. Крепость оказалась настолько сильно укрепленной, что Царь царей не решился ни штурмовать, ни осаждать ее. Хосров даже отправил Тиверию новые мирные предложения, а затем продолжил рейд вглубь владений империи.

Все это время византийцы могли лишь следить за продвижением неприятеля в ходе параллельного сопровождения вражеской армии. Только когда персы взяли и дотла сожгли Севастию, магистр Востока Юстиниан начал концентрировать свои силы в Каппадокии. Пока он, как писал летописец, «придавал определенную форму тому, что было бесформенным, и нестройному сообщая стройный вид», Хосров, вероятно, получив сведения о подготовке румийцами новых войск, повернул на юго-восток, к Евфрату и поближе к иранской территории.

У Мелитены византийцам удалось нагнать противника. Если верить христианским источникам, здесь произошло крупное сражение. Перед боем Юстиниан обратился к воинам с пламенной речью, призывая их быть неустрашимыми и суля славу вечную героям. Ибо «Ныне ангелы записывают вас в свое воинство и имена умерших заносят в свои списки, не равную цену им предоставляя, но многократно превосходящую величиной дара». А потом:

Вся степь железом шлемов заблестела,
Как волны моря. Солнце потускнело.
И вот столкнулись грозные войска,
И грому брани вняли облака.

Как обычно, сражение начали персидские лучники. Пущенные ими стрелы летели так густо, что срезали плюмажи на шлемах ромеев. Византийцы же стремились к ближнему бою. Их кавалерия, произведя решительную атаку, смяла левое крыло персов и вышла им в тыл. Пока, разгоряченные успехом, они громили вражеский лагерь, главные силы Юстиниана настолько энергично теснили иранские войска с фронта, что Хосров не мог перебросить ни одного подразделения, чтобы прогнать прорвавшуюся конницу. Впрочем, ромеи ограничились сбором трофеев. Им достались личный обоз Хосрова с его шатром и *пирей* — священный огонь, который неугасимо поддерживался зороастрийскими жрецами даже в военных походах[2].

Как сообщает армянский источник, «предал Господь царя персидского и все войска его поражению». Тем не менее, этот бой, по-видимому, имел локальное значение. Ночь прервала битву, и во время отступления, при свете факелов, персы с ходу разметали один из византийских отрядов. Они также имели время, чтобы сжечь город Мелитену. А вот при переправе через Евфрат, они действительно понесли серьезные потери, но не от оружия ромеев, а от сильного паводка, переполнившего реку.

После одержанной победы Юстиниан проник до Каспийского побережья, а затем остался с войсками на зимовку в Армении. Активные военные действия прекратились[3].

---

[1]У империи просто не было другого выхода, так как, потерпев от аваров ряд поражений, она не могла обеспечить нерушимость Дунайской границы силовыми методами (см. об этих событиях в книге «Византия. Гроза над Дунаем»).

[2]В числе добычи оказались и более двадцати боевых слонов. Их отослали в Константинополь и заставили «преклоняться перед императором во время игр на ипподроме».

[3]По свидетельству современника, царские воины вели себя хуже захватчиков, подвергая местное население грабежам и насилию.

Стр. 117. **Обращение византийского полководца к войску перед сражением.**
Иллюстрация Р. Титова, © В. Н. Шиканов

Зато возобновилась работа дипломатических миссий. Стороны были готовы пойти на взаимные уступки, но в это время 30-тысячная персидская армия вторглась в Армению. Разложившиеся от безделья византийцы не оказали противнику никакого сопротивления и в панике бежали, бросая не только обозы, но и оружие. После этого позора позиция Хосрова на переговорах резко ужесточилась. Его представители заявили о неприемлемости какого-либо компромисса. Подтверждая серьезность намерений, он приказал полководцу Тамхосрову («мужу, многочтимому у персов») совершить рейд в провинцию Софена. За пятнадцать дней персы прошли от Мартирополя до Амиды, подвергнув эти земли страшному опустошению.

Закат над Тигром. *Современное фото*

Чтобы навести порядок в войсках и поднять их боевой дух, Тиверий направил на восток нового командующего. Им стал комит экскувитов Маврикий. Его первой боевой операцией явился поход в Арзанену (Восточная Месопотамия). Акция носила карательный и откровенно устрашающий характер. Магистр дал три дня на сборы местным христианам для переселения в пределы империи. После истечения этого срока провинция была предана огню и мечу. Затем, разбив лагерь на Тигре, Маврикий отправил легкую конницу еще дальше на восток, в Кордуену. На этот раз иранские спахбеды не смогли организовать отпора вторжению. Более того, спасавшийся в этих местах от летнего зноя шаханшах Хосров мог лицезреть поднимавшиеся в бездонное синее небо столбы густого черного дыма от многочисленных пожаров. «Пораженный одновременно стыдом и страхом», Царь царей поспешно уехал в Ктесифон, а ромеи вернулись из набега с богатой добычей.

Так закончилась кампания 578 г. и опять начались переговоры о мире. Позиции сторон выглядели полярными, но тут сама жизнь напомнила, что цари земные лишь временно вершат судьбы людей. 4 октября 578 г., отрекшийся от власти Юстин скончался. А в феврале следующего года в Константинополь дошли вести о смерти восьмидесятичетырехлетнего Хосрова Ануширвана. Эти события позволяли двум державам перевернуть неприятные страницы своих отношений и возобновить их с чистого листа.

Тиверий хотел только возвращения Дары, но вступивший на престол шаханшах Хормизд IV (579-590 гг.) заявил византийским послам, что считает недостойным себя умалять отцовское наследие. В качестве предварительного условия поиска путей к миру, он потребовал уплату прежней дани (что собственно и послужило предлогом к началу войны). У ромейских дипломатов не было соответствующих полномочий, и, проведя еще три месяца фактически под домашним арестом, они отбыли назад ни с чем.

После провала переговоров, Маврикий летом 579 г. вторгся в Иран. Реальных результатов экспедиция не принесла. Пока легкая конница разоряла земли, лежавшие к востоку от Тигра, главные силы осадили крепость Хломар, но, так ничего не добившись, были вынуждены отступить. Год спустя Маврикий предпринял рискованный поход через пустыню во внутренние области Персии. Однако, узнав, что в это же время иранский полководец Адарман сам перешел в наступление в Месопотамии, поспешил назад. Перехватить врага ему не удалось. Разграбив города в долине реки Хабур (левый приток Евфрата), персы успели уйти.

Война на истощение затягивалась, не давая видимого перевеса ни одной из сто-

Хормизд IV (579-590 гг.). *Иранская серебряная монета*

рон. Иран и Византия снова сели за стол переговоров, но не достигли никакого соглашения. А так как армии обеих держав стояли неподалеку, то учтивость дипломатов тотчас сменилась резкими звуками военных команд. В июне 581 г. в приграничной полосе близ Дары произошло новое сражение.

Такая Хормиздом отобрана рать,
Что стало за пылью и дня не видать.

Персы уже одерживали верх, но один из византийских офицеров пробился к вражескому полководцу и поразил Тамхосрова пикой в грудь. Героя тут же изрубили, но ситуация в целом изменилась, так что поле боя осталось за ромеями. После этого довольный Тиверий отозвал в столицу Маврикия и, в знак признания одержанных им побед, устроил в Константинополе пышный триумф. Затем он помолвил с Маврикием свою дочь и возвел его в достоинство кесаря. У императора не было сыновей, и всем стало ясно, что следующим августом на троне станет зять Тиверия, с мечом в руках доказавший готовность защитить Ромейскую державу от внешних врагов. Предположение это сбылось даже скорее, чем многие думали. 13 августа Маврикий был коронован царским венцом в качестве соправителя, а на следующий день Тиверий скончался[1].

Новому императору исполнилось сорок три года. Он находился в расцвете физических и нравственных сил и, прежде чем обрести власть, прошел серьезную военную и административную школу управления государством. Происходя из древнего, но небогатого рода, Маврикий начинал свою карьеру простым писцом-нотарием, и довольно быстро достиг высоких придворных чинов. По характеру он был «умен, положителен и точен, сочетая в себе два противоположных качества — сознание собственного достоинства и кротость». Зачастую, люди с такими душевными чертами обречены многое претерпеть в жизни со стороны более решительных индивидуумов, не ведающих сомнений в правильности своих действий. Коли так, то император Маврикий (582-602 гг.) полностью вписывался в предлагаемую схему, но пока до трагического финала его царствования еще два десятилетия, и новому автократору приходилось не наслаждаться царской властью, а каждый день принимать решения большой государственной важности (да еще нести за них ответственность). На первом месте среди них находилась тянувшаяся уже больше десяти лет война с персами.

Его соперник Хормизд был совсем другим человеком. Византийские авторы единодушны в негативных оценках этого правителя: «надменный, гордого нрава, склонный к проявлениям насилия и с тяжелым характером». Примерно таким же было мнение иранской знати. Вместе с тем, сохранились и другие свидетельства. Люди простые считали его защитником бедных. Так как шаханшах «делал им добро и отягчал знатных». На самом деле Хормизд стремился ограничить влияние родовитой знати, опираясь на служилое сословие — дехкан. Поддерживал он и ремесленников, т. е. горожан, среди которых было много христиан. Естественно, что подобная линия вызывала недовольство зороастрийских жрецов, но Царь царей отвечал по-восточному цветисто в том смысле, что, «как трон не может стоять только на передних ножках», так и царство должно иметь опору не только в зороастрийцах, но и в представителях других религий.

Безусловно, личные качества глав государств и внутриполитическая обстановка в их державах накладывали отпечаток и на стиль их поведения в международных делах, но в целом оба они оказались заложниками обстоятельств, складывавшихся десятилетиями,

[1] *По свидетельству летописца, он отравился ягодами. Умирая, Тиверий сказал зятю: «считай, что порфира – дешевая тряпка, которой ты обернут, а драгоценные камни твоего венца ничем не отличаются от камешков, лежащих на берегу моря... Императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, но о праве жить в блестящем рабстве».*

так что поле маневра у императора и шаханшаха оставалось не таким уж и широким.

Как и раньше, боевые действия в ходе кампаний 80-х гг. VI в. происходили в приграничной полосе. Иногда стороны предпринимали вторжения вглубь неприятельской территории, но эти рейды, направленные не столько на захват добычи (за долгие годы войны там уже было нечего грабить), сколько на устрашение противника, всегда были непродолжительными. Периодически Маврикий менял на Восточном фронте высшее командование, но тактика всех его магистров и стратигов оставалась неизменной: демонстрация решимости сражаться бесконечно долго, пока персам не надоест испытывать силу оружия ромеев.

В 583 г. магистр Востока Иоанн Мистакон встретился с персидской армией у места впадения пограничной реки Нимфий в Тигр. Когда «трубы запели свою военную песню, и расстояние между боевыми рядами вражеских армий стало сокращаться», оказалось, что командовавший правым флангом ромеев ипостратиг Курс не сдвинул свои части с места. Не понимая, что означает столь странное бездействие, другие военачальники, уже теснившие противника с фронта, пришли в замешательство. Не доверяя друг другу, они начали отводить войска назад, а персы нанесли контрудар латной кавалерией, и этот отход превратился в паническое бегство. Армия стратига Мистакона была полностью рассеяна.

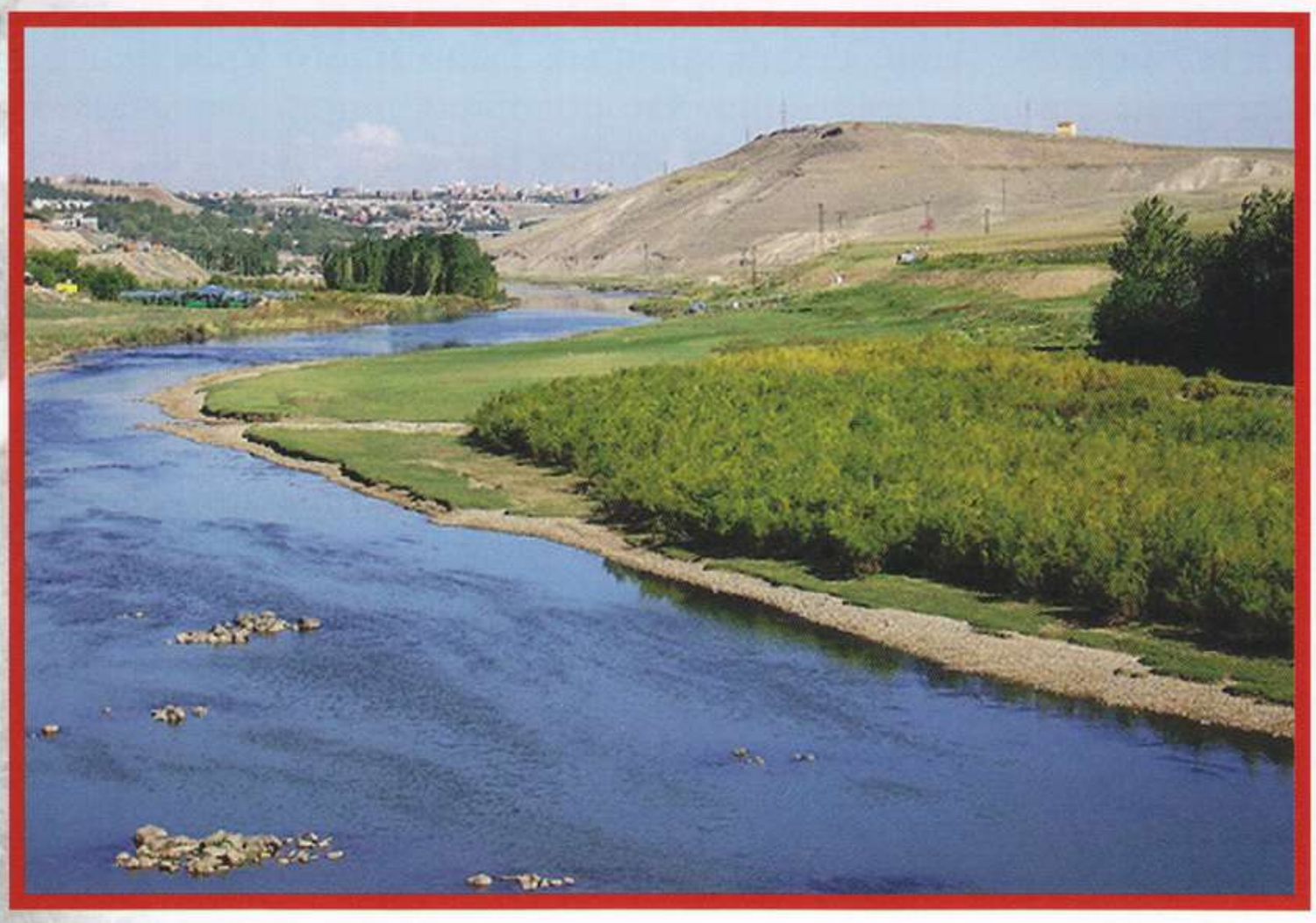
Позднее противники оспаривали друг у друга крепости, расположенные в провинции Арзанена. И снова иранцы действовали успешнее, в то время как ромеи понесли большие потери и не добились ни одной из поставленных целей. Кампания оказалась проигранной, и осенью 583 г. Маврикий направил на восточную границу вместо Иоанна Мистакона своего зятя Филиппика.

Считалось, что этот человек досконально изучил теорию военного искусства, так что теперь ему оставалось применить усвоенные знания на практике. Новый магистр Востока укреплял приграничные форпосты и осуществил несколько рейдов на персидскую территорию. Иранцы в долгу не остались и сами вторглись в византийскую Месопотамию (584 г.). Зато в следующем году Ктесифон попытался усадить румов за стол переговоров.

«Почтенные враги», — обратился иранский посол к византийцам, и сразу вслед за этим выяснилось, что суть его речи сводится к заключению перемирия за деньги и к желанию персидского царя получить «блестящие дары». Ромеи встретили слова перса громкими криками, оглушительным свистом и даже грозили ему смертью.

Оскорбленные сделанными предложениями, они выступили в поход, и вскоре рати снова сошлись на равнине Солахон к юго-западу от Дары (лето 585 г.). Филиппик, воодушевил воинов образом Спаса Нерукотворного и проникновенной речью, которая «у смелых увеличила решительность, а у вялых и медлительных возбудила готовность к бою». Иранский полководец также был уверен в успехе. Он поставил перед магами, сопровождавшими его в походе, простой вопрос: «За кем будет победа?» И «эти служители демонов» ответили, что боги даруют ее персам.

Описание сражения при Солахоне, оставленное Феофилактом Симокаттой, носит динамичный и драматический характер. Конница правого фланга ромеев первым же решительным ударом опрокинула левое крыло персов, «произведя огромное избиение врагов». Правда, добившись успеха, они занялись грабежом неприятельского обоза, но Филиппик велел «поражать мечом



Река Тигр. *Современное фото*

Убрус (плат) с ликом Иисуса Христа.
Византийская фреска

тех, которые хлопочут около добычи». Мера брутальная, но зато действенная. Вскоре византийцы вернулись в строй.

В то же время «фаланги центра вели бой с равными силами», так что битва затянулась. «Вся поверхность земли была покрыта телами павших воинов», и ее исход оставался неясен. Но, видимо, «некое божественное провидение осудило на гибель иноземное войско». По рядам ромеев пролетел грозный боевой клич, и неприятельская тяжелая кавалерия дрогнула. Затем был разбит и правый фланг персов. Византийцы перешли к преследованию разбитого противника и гнали его на протяжении двенадцати миль до Дары[1].

После одержанной победы Филиппик щедро наградил отличившихся. «Одному высокое звание было наградой за смелость, другому — персидский конь... иной получил серебряный шлем и колчан, а другой — щит, панцирь и копье». Затем он вступил в Арзанену, «подобно урагану морскому или всесокрушающей молнии». И наступил для жителей этой провинции «день рабства».

Пока ромеи занимались любимым солдатскими делами — грабили, разыскивали все, что «скрыто во тьме Эреба», а затем подсчитывали добычу и вообще всячески расслаблялись, их противник не дремал. Персы получили подкрепления и с помощью проводников, хорошо знавших здешние места, вышли в тыл армии Филиппика. А дальше случилось и вовсе необъяснимое. В первую же ночь «непобедимый страх охватил стратига и, доведя его до безумия, заставил обратиться в бессмысленное бегство». Лишившихся командира солдат также объяла дикая паника. Они бежали по узким горным тропам, давя и калеча друг друга.

Наутро изумленные персы увидели вражеский лагерь брошенным и осторожно двинулись вперед, опасаясь, как бы ночное происшествие не оказалось какой-нибудь хитрой уловкой румов, решивших заманить их в западню. Но магистр Филиппик больше не помышлял ни о каких операциях. С трудом добравшись до Амиды, он сдал командование одному из ипостратигов и, «потонув в волнах горя», заперся в крепости.

Само собой разумеется, что подобные итоги кампании не вызвали в Константинополе особого энтузиазма. Взбешенный Маврикий отстранил зятя от занимаемой должности. Какое-то время византийцы не имели единого командования. Начальники отдельных отрядов подтягивали дисциплину, ловили дезертиров и «приводили их в разум», не останавливаясь перед применением пыток. Чтобы другим было неповадно...

Военные действия в это время, по-прежнему, ограничивались непродолжительными рейдами на вражескую территорию, либо осадами небольших приграничных персидских укрепленных пунктов. Подобные операции говорят, прежде всего, о том, что у высшего военно-политического руководства империи не было никакой стратегической доктрины ведения войны.

Ну а что же персы? В этот период они тоже воевали как бы по инерции, отражая нападения противника, и не предпринимали вторжений во владения Византии. Западный

[1] *Феофилакт сообщает еще одну любопытную подробность. Готовя войска к бою, иранский военачальник велел разрезать бурдюки с запасами воды. Он надеялся, что эта мера заставит его людей не щадить себя ради победы, поскольку в тылу у румов находилась река. Однако после разгрома остатки его армии испытали страшные мучения. Добравшись до источника, воины припали к нему и пили настолько неумеренно, что многие погибли, поскольку «чрево их не выдержало».*

фронт стал для Сасанидов второстепенным. Шаханшах направил главные силы своего войска на северо-восток, где они нанесли решающее поражение тюркскому каганату.

Булат никого не оставил в живых,
Покончил с разбоем племен кочевых.

Битва Ирана и Турана. *Персидская миниатюра*

А у ромеев весной 588 г. командующим Восточной армией был назначен магистр Приск. Расцвет военной карьеры этого человека придется на 90-е годы VI в., когда он будет успешно сражаться в Подунавье с аварами и славянами[1], но пока что ему довелось стать жертвой интриги, устроенной обиженным Филиппиком. Окольными путями, через третьи руки он раньше положенного времени довел до солдат содержание царского указа о снижении денежного содержания войск. Надо ли говорить, какое недовольство вызвала эта мера. А поскольку выразить его непосредственно Маврикию не представлялось возможным, то все проклятия обрушились на голову вновь прибывшего командующего. Не помогли ни увещевания, ни образ Иисуса Христа, который вынесли к солдатам. В Приска попало несколько камней, и ему ничего не оставалось, как ускакать на быстроногом коне одного из офицеров охраны.

Беспорядки разрастались. Воины хулили императора, глумились над его изображениями, заявляли, что не хотят «терпеть над собой торговца», и клялись, что не будут служить, пока царствует Маврикий.

В далеком Константинополе власти пребывали в растерянности, не зная, как бороться с бунтом, бессмысленным и беспощадным, и какие еще формы может принять это движение (не двинутся ли войска на столицу, оставив границу без прикрытия?). Пока же солдаты занялись «самоснабжением», пробавляясь грабежами местного населения. «Всюду, — писал историк, — процветало насилие и преступлениям предоставлялась полная свобода».

Маврикию пришлось отступиться и вернуть на прежнюю должность Филиппика, но этого было, конечно же, мало. Лишь когда в войсках объявили, что денежные выдачи будут производиться в прежних размерах, мятеж утих сам собой[2].

Был у этого «волевого порыва масс» и еще один, довольно предсказуемый результат. Разложением, охватившим византийскую армию, воспользовались персы и организовали вторжение в Месопотамию. Казалось бы, они пройдут, как горячий нож сквозь масло, но случилось странное: ромейские отряды во главе с *выборными командирами* отогнали врага от города Константины, а затем, когда осенью 588 г. две армии сошлись у стен Мартирополя, «судьба дала ромеям одержать блестящую и многославную победу». После этого войско, став щедрым на великодушие и «собравшись вместе, решило прекратить вражду с Маврикием». В знак примирения императору послали его долю добычи, трофейные персидские знамена и голову вражеского полководца.

Это невероятно, и ни в коем случае не должно служить примером для подражания. Демократия в армии вещь недопустимая. Но и из песни слова не выкинешь. Что было, то было! Красивейшие эпизоды приводит в своих сладкогласных повествовани-

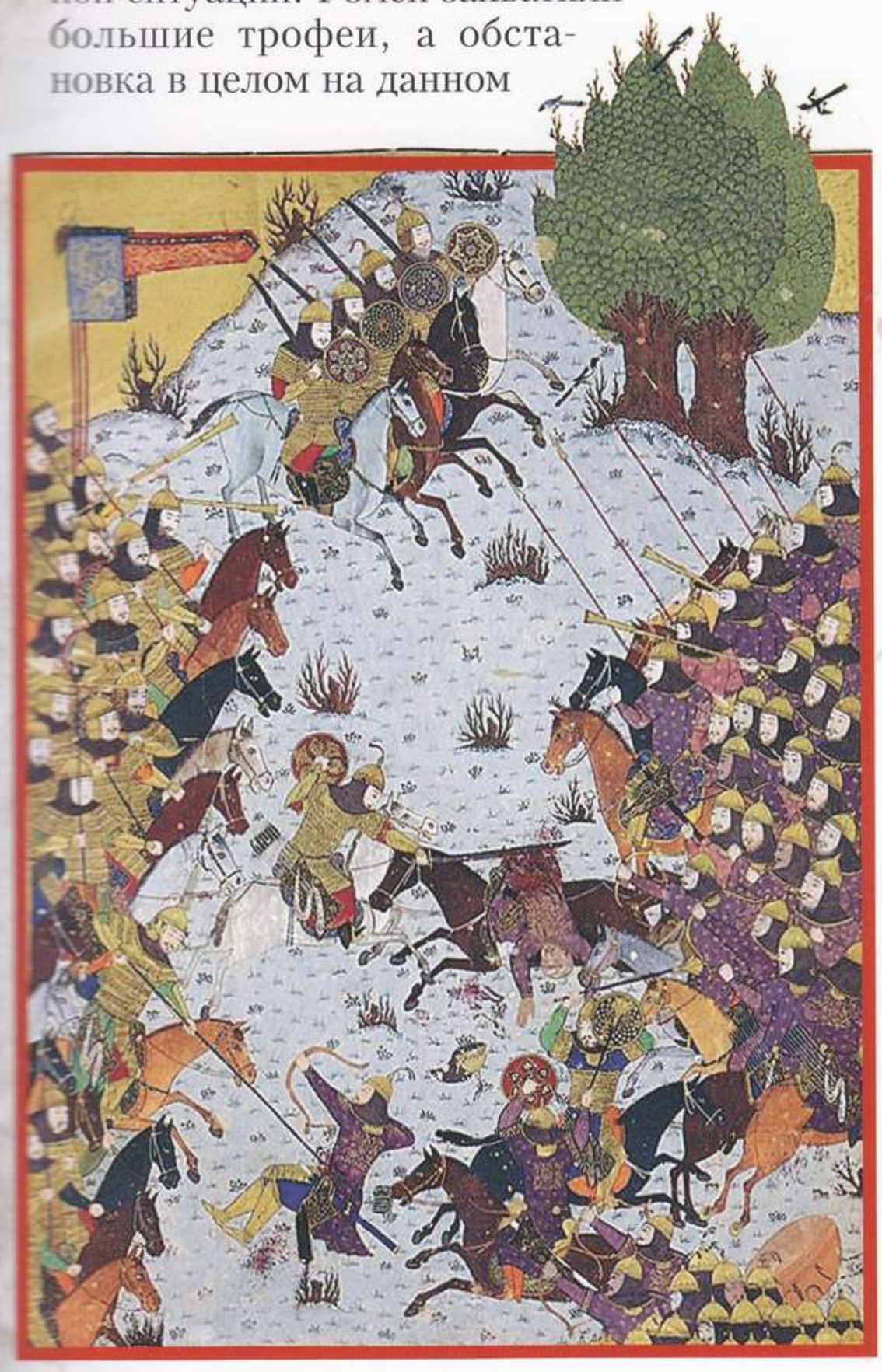
[1] *См. об этом подробнее в книге «Византия. Гроза над Дунаем».*

[2] *Справедливости ради, следует добавить, что император Маврикий не принял в отношении его участников никаких карательных мер.*

ях историк. «Как некое ожерелье из драгоценных камней, очам разума услаждение, а для ушей, так сказать, радость и увеселение».

Но происходили на иранской войне и другие, далеко не столь радостные события. В 589 г. с помощью предателя персы овладели крепостью Мартирополь. Филиппик, опять поставленный во главе армии, поспешил, чтобы отбить этот пункт, но был наголову разгромлен в ходе упорного и кровопролитного сражения. Теперь Маврикий больше не колебался. Он окончательно отстранил неудачливого родственника от командования, заменив его стратигом Комментиолом.

Летом противники встретились у Нисибиса. Сначала ромеи не выдержали первого же натиска врага. По-видимому, Комментиол утратил управление войсками, и командование принял на себя его ближайший помощник Ираклий. Он восстановил порядок и нанес иранцам такой сильный контрудар, что вырвал победу в, казалось бы, безнадежной ситуации. Ромеи захватили большие трофеи, а обстановка в целом на данном театре военных действий стабилизировалась. Но даже это был лишь рядовой успех. Византийцы не могли знать, что очень скоро в ходе войны произойдет коренной перелом, который полностью изменит характер отношений между Ромейским царством и державой Сасанидов. Именно так маленький камень, падая с горы, увлекает за собой все бóльшие, и вот уже по склону несется лавина, сметающая на своем пути все преграды.



Битва. *Иранская миниатюра*

Не могли проникнуть в тайны ближайшего будущего и персы, хотя бы им помогали самые искусные маги. Шаханшах Хормизд IV был неколебимо уверен в своей грозной мощи.

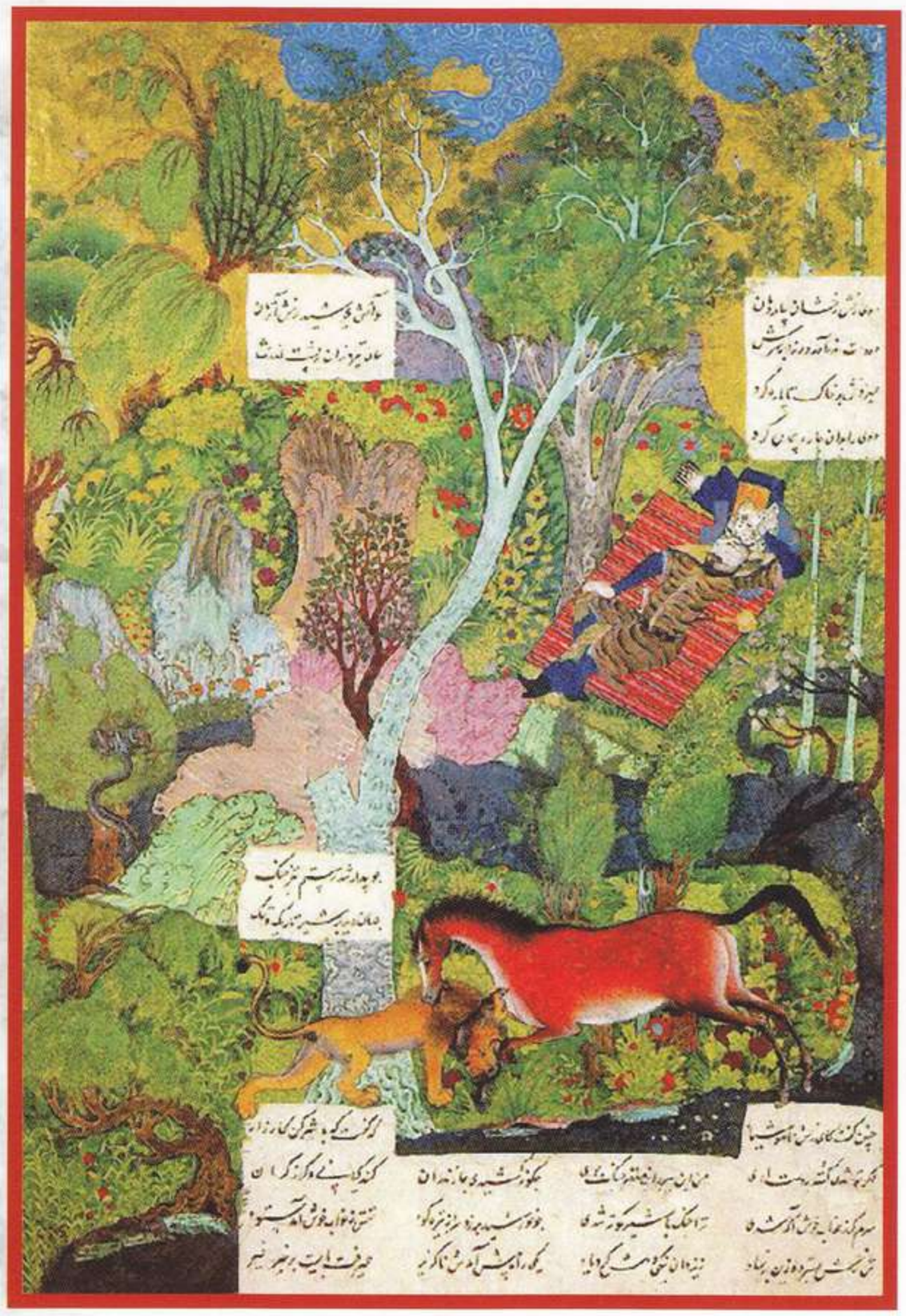
И крепло величье все боле его,
И все совершалось по воле его.
Но гнев обуял и ухудшился нрав,
Стал злобным, законы и веру поправ.

Этот завистливый и жестокий человек заподозрил героя только что победоносно завершившегося похода против тюрок Бахрама Чубина в том, что он утаил часть военной добычи, присвоив ее себе. «Из столь огромных сокровищ не такое количество должно было войти во дворец», — задумчиво сказал Царь царей. Не колеблясь (ибо владыка отличался решительностью в суждениях), послал он верных людей в ставку полководца, дабы произвести строгую ревизию и вернуть в казну по праву ему принадлежащее. Сам же Чубин особой грамотой был отстранен от командования. Бахрам чувствовал, что его ждет не просто опала. И тогда он принял великое решение: восстал на Хормизда и, пользуясь безграничной поддержкой подчиненных, двинулся во главе войска на столицу.

Когда известие о мятеже достигло Ктесифона, «немалый страх и беспокойство овладели царем персидским». Правда, в душе Хормизд, возможно, даже обрадовался. Ведь он единственный, кто с самого начала разглядел черную душу изменника. Однако если злорадное чувство и довлело над ним, то недолго. Шаханшах понимал, что в одну минуту лишился наиболее боеспособной армии, а других сил, чтобы остановить продвижение честолюбивого военачальника, у него просто не было под руками. Войска, посланные против отступника, перешли на его сторону.

Не имея средств для борьбы с бунтом, Хормизд решил призвать на помощь «полчища

таджиков», а пока что он эвакуировался из резиденции Таки-Кисра на другой берег Тигра в город Вех-Ардашир, где можно было продержаться до подхода новых союзников. В самый разгар обсуждения этих планов произошла настоящая катастрофа, показавшая, что Великий царь совсем не умел читать в душах людских.



Спящий герой. *Иранская миниатюра*

Заговор составился и осуществился не где-нибудь, а прямо в шахском дворце. 6 февраля 590 г. «собрались в царской зале все вельможи, военачальники и воины, случившиеся в то время там». Не предаваясь долгим размышлениям, они ворвались в личные покои Хормизда.

И сняли венец у него с головы,
И с шахского трона низвергли, увы!

Тут же нашлась и замена. Шаханшахом был провозглашен сын Хормизда — Хосров. Царевич колебался, опасаясь переменчивости настроений людей, отдавших ему власть, но его припугнули и буквально «велели» стать царем.

После этого судьба его отца была решена. Хормизда выволокли из тюрьмы, у него на глазах зарезали десятилетнего сына, а следом за ним и жену. «Жесток был суд меча над ее телом» — от низа живота до горла. Затем дошла очередь и до самого Хормизда. Его ослепили раскаленным железом, избили до полусмерти палками, а потом удавили.

Опутали шею, и вот уж висит
Бесценное тело — о горестный вид!
Венца и престола державного нет —
Сказал бы, Хормизд не рождался на свет!

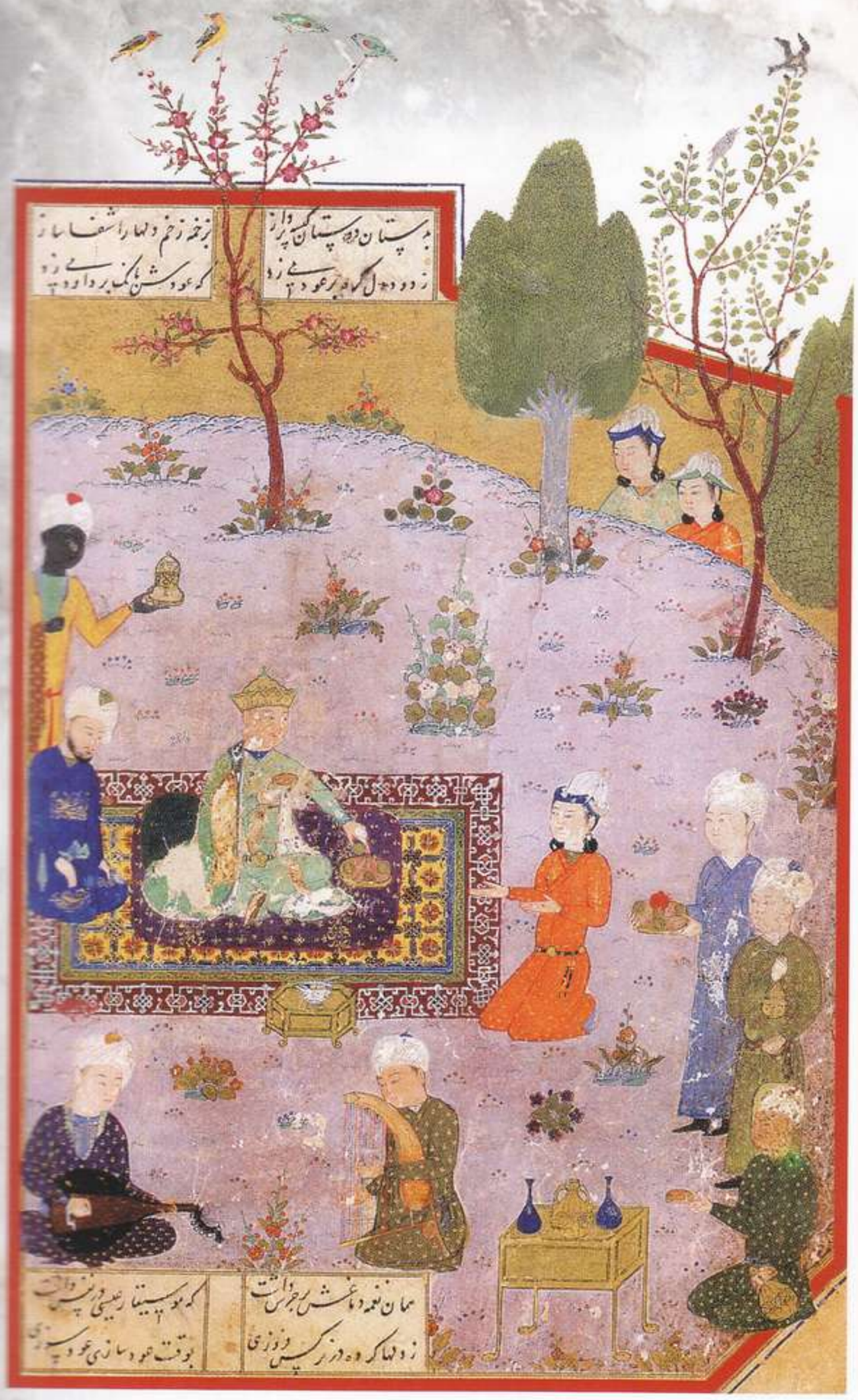
Хосров никак не отреагировал на гибель отца. Стремясь расположить к себе знать, он осуществлял большие денежные раздачи представителям виднейших аристократических родов. Другой заботой нового шаханшаха был поиск возможного компромисса с Бахрамом Чубином, который и не думал считаться с результатами дворцового переворота в Ктесифоне. Ветеран многих сражений отверг подарки, посланные ему «мальчишкой». Он и сам достоин занять бирюзовый трон Сасанидов, да и титулы может присвоить себе самые впечатляющие.

Хосров именует себя «царь царей, владыка владык, повелитель народов, властитель мира, несущий людям спасение, среди богов — лучший и вечносущий человек, среди людей — блистающий бог, исполненный славы и побед, вместе с солнцем восходящий, ночи дарующий ее глаза, славный своими предками, царь, ненавидящий войну, щедрый, защитник персидского царства».

Бахрам заявляет о себе не менее торжественно: «Любимец богов, победоносный и славный, враг тиранов, первый среди наместников, правитель персидских войск, разумный, истинный вождь, богобоязненный, безупречный, благородный, счастливый, многожеланный, уважаемый, расчетливый, предусмотрительный, кроткий, человеколюбивый».

Обладая такими качествами, он советует Хосрову «сложить диадему и уйти из царских жилищ».

Ближайшие события показали, что не в правде Бог, а в силе. Хосров пытался со-



Шахский пир. *Иранская миниатюра*

брать остававшиеся верными ему войска, но профессиональный военный Бахрам, «подоспев со стремительностью орла», первым же ночным нападением привел их в беспорядок. Многие погибли, остальные перешли на сторону узурпатора. С момента вступления Хосрова на престол миновали всего две недели.

После этого Бахрам вступил в Ктесифон, «завладел всем домом, сокровищами и женами царскими и сел на престоле царском». Как писал сирийский хронист, Бахрам «был возбужден своим великолепием». Хосров же бежал и не куда-нибудь, а на Евфрат — к византийцам.

Вскоре Маврикий получил от Хосрова послание, которое ошеломило его. «Дай мне престол и страну царства отцов и предков моих, — передавали послы слова молодого шаханшаха, — отпусти мне войско на помощь, чтобы я мог поразить врага моего; восстанови царство мое и буду тебе сыном». Вполне возможно, что в этом месте автократору потребовалось все внимание, чтобы осмыслить прочитанное. Держава, с которой Византия воевала уже двадцать лет, без видимых причин разваливалась на глазах. А ее владыка, Царь царей Ирана и не-Ирана, не контролировал ни единого клочка собственной земли и униженно просил о помощи, обещая стать чуть ли не вассалом императора. Это было невероятно! Ну, а что же там дальше? И Маврикий снова обратился в слух.

«Дам тебе страны сирийские, — продолжали посланники, а государь автоматически выделял из речи толмача самое главное, — земли армянские до Арарата и города Двина, до берегов Бзнунийского моря[1], большую часть Иберии до города Тифлиса».

Вот это да! Названный сын готов пойти на огромные территориальные уступки, о которых ни Константинополь, ни ранее Рим не могли и мечтать. Но, похоже, и это еще не все.

«И заключим между собой обет мира до смерти обоих нас, и пребудет этот мир непрерывен между нами и сыновьями нашими, которые будут царствовать после нас». Послы завершили свою речь заявлением, что император может «в своей мудрости» и по собственному усмотрению дополнить условия предстоящего мирного договора.

«Благодаря красивому и легкому течению их слов, просьба их показалась убедительной и приятной»[2]. Еще бы! Ведь Маврикий, продиктует любые условия мирного договора, и тяжелая, а временами, казалось, и вовсе безнадежная война завершится полной победой ромеев. В душе у автократора царило ликование, и «окрылился он великими надеждами». Император давно не получал от судьбы таких подарков. Прежде всего, нужно велеть служить благодарственный молебен в Святой Софии, а затем собрать армию, которая впервые за сотни лет

[1] *Озеро Ван.*

[2] *Изложенная в поэтических строках, она звучит еще более впечатляюще:*

Когда на престол я взойду, и страна
Мне будет подвластна, и рать, и казна.
Не стану я подать от Рума взимать,
Не стану и войско туда посылать.
А также исконные грады его,
Хотя бы не стоили те ничего,
Кейсару верну я один за другим,
И это указом скреплю я моим.

пойдет на Ктесифон, да еще под благородным предлогом восстановления на престоле законного государя. Безошибочная игра, результатом которой может быть только победа. Так немедленно за дело!

Не все в царском синклите разделяли воодушевление автократора по поводу персидских дел. «Народ они беззаконный и совершенно ложный. — Говорили скептики. — В стесненном положении обещают исполнить многое, а успокоившись — отрекаются; много зол мы понесли от них; пусть истребляют друг друга, а мы отдохнем». В такой позиции было много правды, основанной на опыте вековых отношений двух держав. Но император не послушал вельмож (тем более что большинство сановников все равно привычно поддержали его). Другое дело, что последствия серьезных решений редко бывают однозначными и полностью прогнозируемыми. Всего через десять лет помощь, оказанная принцу Хосрову, обернется для ромейского царства очередной длительной и весьма тяжелой войной. Но сейчас Маврикий, еще не подозревавший о собственной судьбе, сделал окончательный выбор. В кратчайшие сроки в Армении и Сирии византийцами были сформированы две армейских группировки. И выступили они торжественно в поход, «разделенные на сотни, тысячи и полки со знаменами».

Маврикий (582-602 гг.). *Византийская золотая монета*

Помимо помощи войсками, император послал гонимому принцу мешки, туго набитые золотом, для набора новых персидских частей, великолепного коня в драгоценной сбруе и, чтобы не скучно, а комфортно было привыкшему к царской роскоши Хосрову, двадцать самых красивых девушек из числа дочерей славянских князей.

Узнав о решении императора, претендент пришел в восторг. Помимо предвкушения от прибытия девиц, он правильно рассудил, что теперь за его стремлением вернуться на трон стоят не только законное право, но и мощная сила. Нельзя сбрасывать со счетов и любовь народа (в ней Хосров нисколько не сомневался). А вот Бахрам Чубин чужак. Знать его боится и ненавидит, а простолюдины безразличны к ратной славе полководца.

Успокоившись, владыка вполне освоился со своим нынешним положением изгнанника из собственной страны и стал вести себя по-царски. В это время Хосров жил в Эдессе. Однажды он был гостем у знатного человека и пожелал, чтобы жена хозяина собственноручно смешала ему вино. Византийская империя не являлась образцом продвинутой женской эмансипации. Но тут дама отказалась, а ее муж подтвердил, что у ромеев это не принято. Тогда молодой государь, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, изрек следующую жесткую фразу: «Откуда появление этой вши, вырванной из своей земли?» Если говорят, что характер человека закладывается в молодости, то для особ царственных это утверждение справедливо вдвойне. Шаханшах затаил злобу. Придет время, и он вернется в Эдессу уже не как гонимый беглец, ищущий убежища, а с мечом в руке, чтобы карать всех, кто имел несчастье пробудить высочайший гнев. Не поздоровится тогда и его нынешним собеседникам. Пока же Хосров твердо верил лишь в одно: с помощью румов он вернет себе престол предков.

Бахрам также стремился вступить в переговоры с Маврикием, пытаясь заинтересовать ромеев некоторыми территориальными уступками в обмен на официальное признание. Император вполне обоснованно отверг это предложение. Он рассчитывал и в дальнейшем влиять на положение дел в Иране. Делать это через молодого Хосрова, который будет обязан ему троном, вполне реально. А вот воздействовать на удачливого военачальника, каким являлся Бахрам, весьма сомнительно. Тем более что последний, не доверяя окружению прежнего царя, развязал против знати (прежде всего военной) жестокие репрессии.

Это была крупная ошибка. Персидские спахбеды, ранее сражавшиеся против византийцев, стали изъявлять покорность Хосрову и прекращать боевые действия против недавнего противника. Более того, их вой-

Битва Хосрова с Бахрамом Чубином.
Иранская миниатюра

ска стали концентрироваться на территории Византии, готовясь к совместному походу на Ктесифон. Части, которые Бахрам направлял на фронт, теперь переходили на сторону Хосрова. Скоро в его распоряжении имелись до 10 000 персидских солдат. Кроме того, Маврикий предоставил вновь обретенному «сыну» финансовые субсидии, а тот передал ромеям ряд крепостей, в т. ч. такие важные, как Мартирополь и Дара, до сих пор занятые иранскими гарнизонами.

Весной 591 г. объединенные силы союзников вступили на землю Персии и через три дня вышли к Тигру. Бахрам решил нанести удар первым, но его отряд был уничтожен в ожесточенном ночном бою. Первая победа придала уверенности Хосрову. Он устроил в честь своих и византийских военачальников пир, в ходе которого великодушным жестом велел прикончить попавшего в плен командира вражеского авангарда. Этим он «доставил верх удовольствия своим сотрапезникам». Так повеселившись, разошлись они по палаткам, а на следующее утро продолжили наступление.

Пока Бахрам с главными силами армии маневрировал, чтобы заставить противника вступить в сражение в наименее выгодных условиях, один из отрядов Хосрова без боя вступил в Ктесифон, овладев большими богатствами, собранными во дворце шаханшахов. Особых репрессий в отношении сторонников Бахрама не последовало. А вот еврейские ростовщики, снабжавшие узурпатора деньгами, были жестоко наказаны.

Проиграл Бахрам и еще в одном. Пока он преграждал путь войскам Хосрова[1], с ними соединилась византийско-армянская армия, двигавшаяся с севера. Теперь союзники располагали серьезным численным превосходством — 60 000 чел. против 40 000 чел. у Чубина.

Столкновение передовых сил окончилось вничью. Обе стороны понесли немалые потери, но Бахрам после боя отступил, и союзники последовали за ним, еще более уверенные в общем исходе кампании.

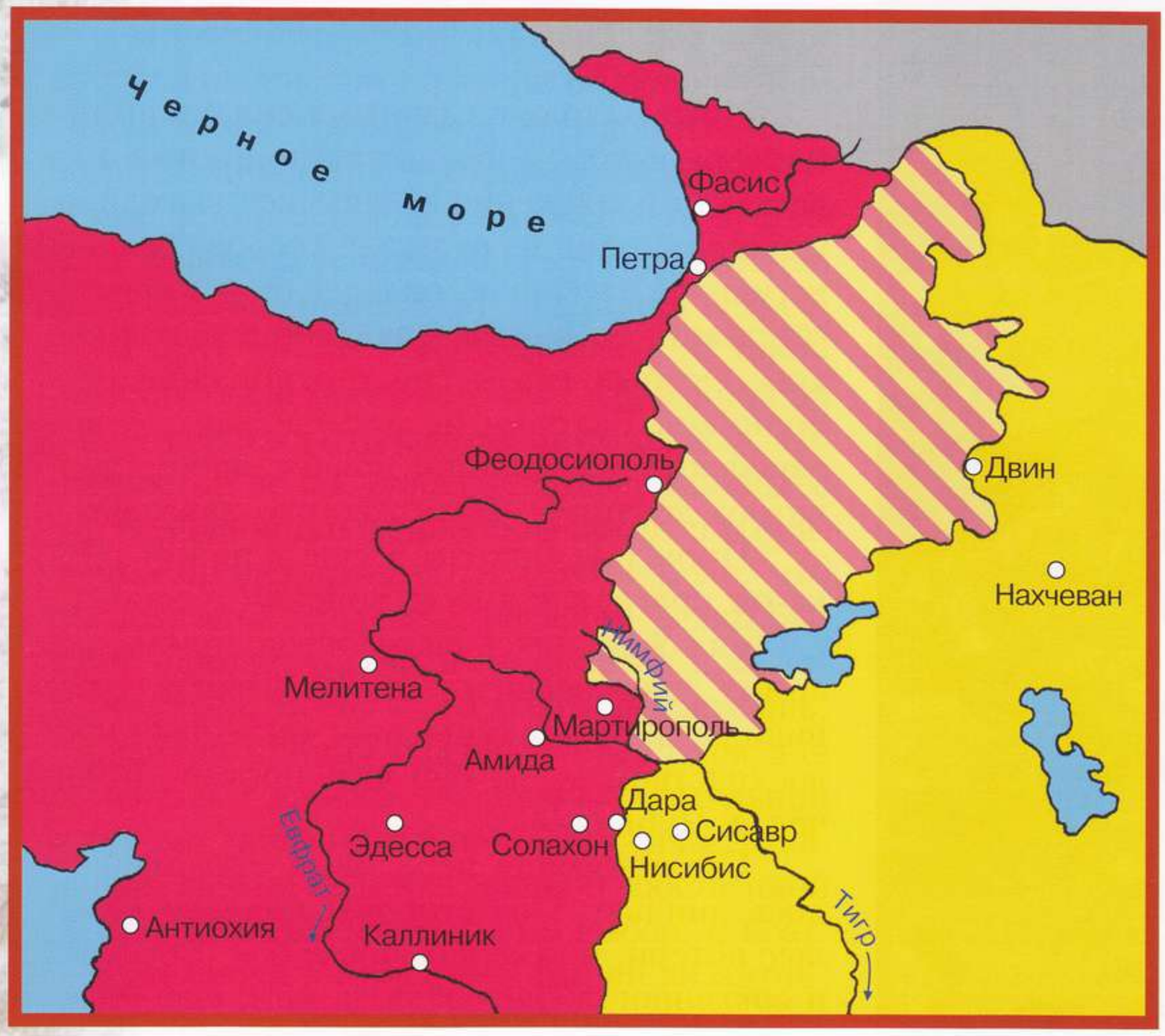
Решающая битва произошла на реке Бларат (приток Тигра). Бахрам вывел в боевой порядок не только традиционно сильную конницу, но и огромных слонов. Как пишет историк: «Всюду поднялось таинственное боевое воодушевление».

Труба завывает, клич бранный гремит,
Земля забурлила от конских копыт.
Воссев на коня, войско строит свое.
В руке побывавшее в битве копье.

Свой главный удар Чубин обрушил на правый фланг неприятеля, где стояли персидские отряды Хосрова. Некоторое время на этом участке продолжалась яростная братоубийственная сеча. Полки Бахрама начали было брать верх, но византийский стратиг Нерсес вовремя перебросил сюда резервы и отбил натиск. Тогда Бахрам атаковал в центре. Ромеи выдержали и это нападение, а затем, отразив «индийских зверей», сами перешли в контрнаступление.

[1] *Фактически ими командовал назначенец Маврикия, военный магистр Востока Нерсес.*

Спасенья нет хоботам ратных слонов,
Степь в озеро вдруг обратила их кровь.
Изранены стрелами, разъярены,
Топтать стали войско свои же слоны.



Территориальные приобретения Византии по мирному договору 591 г.

Византийские владения к 561 г.

Сасанидские владения к 561 г.

Территория, отошедшая к Византии в 591 г.

Три четверти армии Бахрама остались на поле битвы. Сам он смог вырваться из этой мясорубки с 10 000 воинов. Неудачливый претендент на бирюзовый трон Сасанидов бежал в Хорасан, а потом еще дальше — к тюркам. Там его ждали не убежище и помощь, а отравленный кинжал. Хосров же устроил в честь победы очередной пир. Звучали флейты, и струнные инструменты исполняли наиболее популярные мелодии сезона (возможно, среди них были *«Боги создали»*, *«Зеленое в зеленом»* и другие «хиты»).

Усладив все органы чувств, Царь царей еще раз поблагодарил союзников за помощь и сказал, что дальше справится и сам. Однако, на всякий случай, он попросил у Маврикия тысячу тяжеловооруженных ромейских воинов в качестве личного эскорта (по-видимому, своим Царь царей все же не доверял). На прощание Нерсес также сказал шаханшаху пару теплых слов: «Помни, Хосров, этот день. Ромеи даровали тебе царство».

Царь царей и в самом деле не поскупился. Он вернул Маврикию, «отцу своему», все ранее полученные денежные субсидии и вдобавок прислал многочисленные ценные дары. Кроме того, деньги, одежды и строевых коней получили и византийские воины: солдаты и офицеры. Правда, некоторые вельможи Хосрова заявили, что не уверены, нужно ли благодарить румов, ведь «всякое государство держится казной, а они разграбили все сокровища»[1]. Но Хосров развеял сомнения своих сановников многозначительной фразой: «Я вытяну из ребер их сокровища царства моего

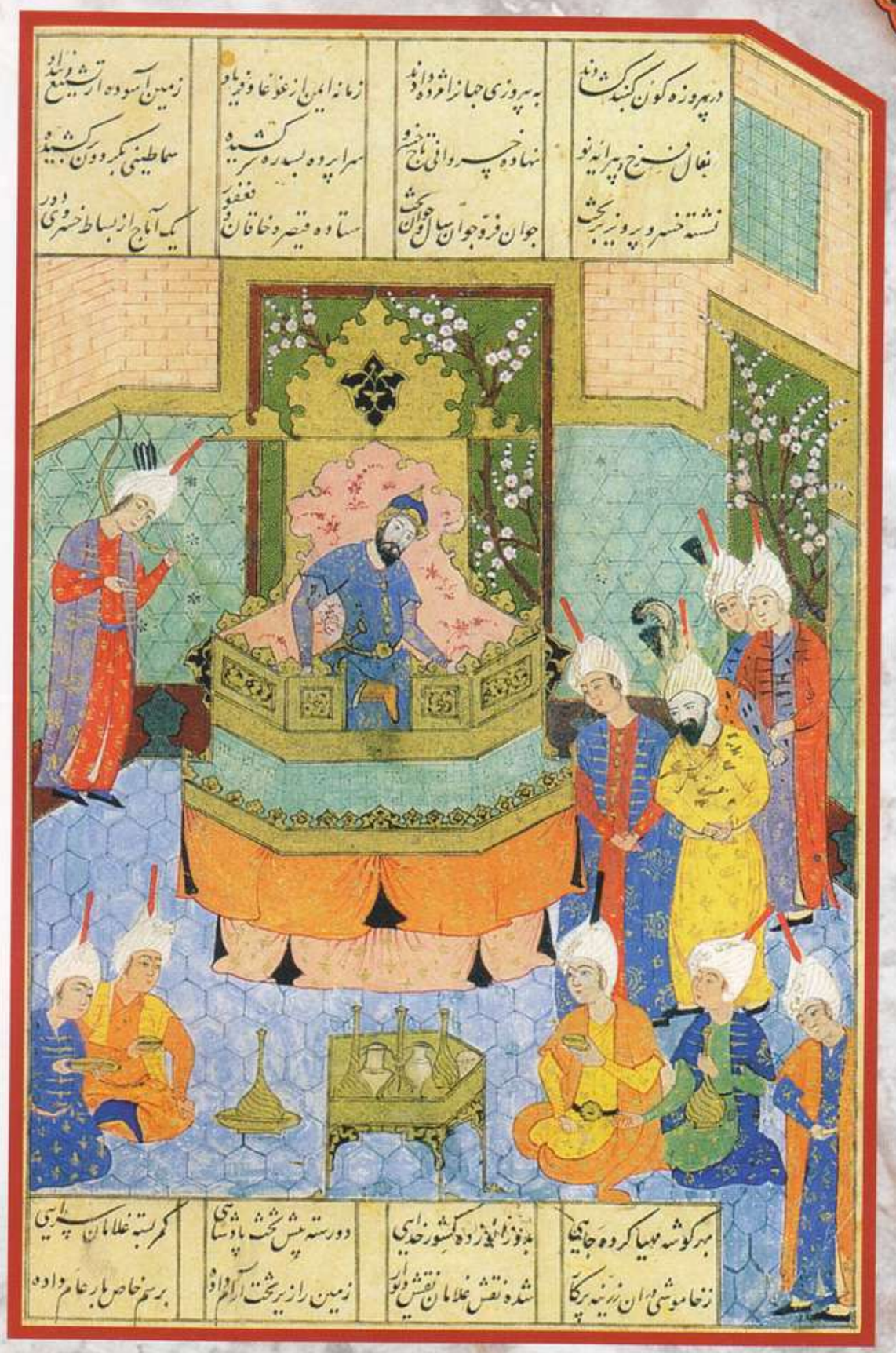
Множество воинов погибли на месте, остальные искали спасения в бегстве. Еще одна схватка произошла в лагере. Здесь упорно защищались 6 000 солдат Бахрама, но, оказавшись в полном окружении, сдались и они. Когда пленных привели к Хосрову, он велел перестрелять их из луков, а потом произвел окончательную зачистку, пустив на связанных людей трофейных слонов. Так что не уцелел почти никто. Только пленных тюрков, служивших Чубину, шаханшах отослал Маврикию в качестве подарка.

[1] *Речь идет о казне Бахрама Чубина, которую он взял с собой в поход. Сокровищница, ранее захваченная в Ктесифоне, была взята под охрану и передана в распоряжение Хосрова.*

со всеми их собранными богатствами, ибо все это мое».

Такое время еще придет, ну а пока, само собой разумеется, что Византия прекращала Ирану какие-либо выплаты, отсутствие которых ранее служило постоянной причиной для раздоров между двумя державами и поводом для нескольких тяжелых войн на протяжении более чем полутора веков. Еще более важным были территориальные уступки в пользу Ромейского царства. Византия не только получала назад все земли и города, утраченные в результате походов Кавада, Хосрова I и Хормизда IV, но также приобретала бóльшую часть Персоармении и провинцию Арзанена.

Все эти и ряд других условий[1] были зафиксированы в мирном договоре, подписанном двумя державами в 591 г. Так, «действительно славно для ромеев закончилась эта великая персидская война». А высокие отношения между двумя державами вышли на новый уровень — из «братских» они превратились в отношения отца с сыном.



Хосров у Маврикия. *Восточная миниатюра*. Легендарный сюжет (такой встречи на самом деле не было) призван отразить союз двух величайших держав эпохи

[1] *Например, Хосров разрешил построить в Иране несколько православных храмов, а его любимой женой стала христианка Сейрем (Ширин).*

Сын за отца.
602-629 гг.

Несмотря на внешнее великолепие официального Константинополя и священство православных храмов, сам вид которых призывал к соблюдению заповедей Божиих, жизнь в столице Византийской империи была далека от канонов благости и умиротворенности. Стоило в неурожайный год взлететь ценам на хлеб, или даже как-то «неправильно» завершиться ристаниям на Великом ипподроме, как в городе могли вспыхнуть нешуточные волнения.

Словно искры пробегали по рыночным площадям, в единый миг превращая их в грозные вулканы, кипевшие энергией разрушения. Эта сила требовала выхода и, переполнив рынки, изливалась людской лавой по руслам улиц. Торговцы, ремесленники, поденщики, разносчики, промышляющие тут же воры и прочий люд бросали свои нехитрые занятия, превращались в грозную толпу — охлос, и тогда туго приходилось сильным мира сего. Потому что для человека простого нет ничего приятнее, чем восстановить социальную справедливость, разгромив особняк вельможи или хотя бы дом более удачливого и состоятельного соседа. Ведь подобный случай, скорее всего, больше не представится, а значит и душу надо успеть отвести сполна, так, чтобы о полученном удовольствии можно было вспоминать до конца дней своих.

Градоначальник-эпарх задействовал крутые средства для восстановления порядка, но ярость была настолько велика, а дикое, звериное начало, которое сидит, до поры притаившись, в глубине души каждого человека, зрело так долго, что иногда и полиция не могла совладать с многотысячным безумством. Богоспасаемый град оказывался во власти поджигателей, погромщиков и убийц. В такие минуты в ход шли мясницкие ножи, палки, камни и вообще все, что попалось пролетариям под руку в горячую минуту.

Не дай Бог, оказаться на пути такой материализовавшейся «воли масс». Но не стоит попасть и внутрь потока. Доставалось всем. Бродячие собаки, захлебываясь лаем, бежали вслед за толпой, кусая людей за ноги. Ну а если споткнулся и упал, скорее всего, уже не встанешь. В лучшем случае уткнешься носом в смрадные нечистоты, изрядным слоем покрывавшие улицы (ибо не было во Втором Риме «Большой клоаки»). Но скорее всего оступившегося затопчут сограждане. Ведь кипит их разум возмущенный, и некогда думать об участи одного человека, когда решаются судьбы мира.

Аллегорическое изображение Константинополя.
Резьба по слоновой кости

Повторимся: подобными безобразиями сопровождались даже бытовые повседневные неурядицы. Что же говорить о государственных переворотах, свергавших с трона царей и династии. Даже Юстиниан с трудом справился с мятежниками в ходе восстания «Ника», пожертвовав жизнями 30 000 подданных за право носить пурпурный плащ императора. Правивший на рубеже VI-VII вв. Маврикий не обладал ни волей, ни решительностью своего великого предшественника. Финал его двадцатилетнего царствования оказался омрачен кровопролитием в духе классических трагедий Софокла.

Император — человек умный и осмотрительный, с большой ответственностью относился к государственным обязанностям. Но забота о благе державы привела его туда, куда обычно ведут самые благие намерения.

Маврикий не вынес из солдатского бунта 588 г. никаких уроков и, по-прежнему, был одержим идеей экономии на войске. Одиннадцать лет спустя он отказался выкупить из аварского плена двенадцать тысяч солдат, и варвары перерезали несчастных. Вина за это злодеяние ложится не только на степняков, но и на царя ромеев. Ведь такой результат был вполне предсказуем, и то, что обычно для дикарей, недостойно православного государя, который мог предотвратить эту беду.

Но и это еще не все. Осенью 602 г. Маврикий не стал отводить Дунайскую армию империи на зимние квартиры, а велел ей расположиться к северу от реки, на вражеской территории, и, не дожидаясь централизованных поставок продовольствия, обеспечивать себя провиантом за счет «самоснабжения». Это была последняя капля. Солдаты восстали и, избрав предводителем гекатонтарха (сотника) Фоку, двинулись на столицу.

Вот тут и выяснилось, что государственная машина, совершенствованию которой Маврикий уделял столько внимания, оказалась неэффективной. Мятежники приближались к Константинополю, не встречая сопротивления. Бунт вспыхнул и в самом городе, да такой мощный, что император, не надеясь более ни на репрессии, ни на раздачи населению, бежал на азиатский берег Босфора, в Халкидон. Здесь и настигла его жесткая рука торжествующего узурпатора[1]. По приказу Фоки, в конце ноября 602 г. несчастного царя обезглавили, предварительно убив у него на глазах пять сыновей.

Всякое случалось в Византии, но впервые законный государь, легитимно получивший венец из рук предшественника, закончил жизнь столь жалким образом. Весть об этом злодеянии разнеслась по земле, достигнув самых далеких окраин Ойкумены. «Бедствие восторжествовало над благополучием», — горестно записал византийский хронист.

Одним из последних распоряжений, Маврикий отослал своего старшего сына Феодосия ко двору Хосрова. Он надеялся, что шаханшах не оставит без поддержки названного брата, как когда-то сам Маврикий помог владыке Ирана вернуть трон. Наследника это не спасло. Поддавшись слабости, Маврикий велел сыну вернуться, и Феодосий разделил участь братьев. Но Хосров, узнав об участи кейсара румов, был по-настоящему потрясен. Он облачился в черные одежды и объявил многодневный траур при дворе.

Хосров II (591-628 гг.). *Иранская серебряная монета*

Конечно, не исключено, что переворот в Константинополе просто оказался для Царя царей удобным предлогом для завоевания военной славы и устранения неприятных для самолюбия условий мира 591 г. Вместе с тем, нельзя не признать, что внешне владыка империи Сасанидов выглядел благородным мстителем, призванным покарать недостойного раба, предавшего лютой смерти не просто императора, но и его — Хосрова приемного отца и благодетеля. На специально созванном совете высших должностных лиц государства шаханшах заявил: «Нам следует рассчитаться с теми, кто поднялся на царя». Так началась последняя и самая длительная ирано-византийская война.

По давней традиции, в соответствии с дипломатическим протоколом, вступая на престол, новый византийский император извещал об этом шаханшаха. Фока был человеком малограмотным, но даже он понимал, что война с Ираном ему совершенно ни к чему. Все внимание солдата на троне было поглощено внутриполитическими проблемами, которые он решал исключительно силовыми методами, изобретая для врагов замысловатые и изощренные казни[2]. Обратиться с успокоительным заявлением к Хосрову ему наверняка посоветовали придворные бюрократы, сознававшие важность стабильной обстановки на восточной границе. Зато в Ктесифоне и не думали принимать как должное приход Фоки к власти.

Царь царей не только не принял письмо и подарки, но и приказал арестовать посланца

[1] *Маврикий не мог следовать дальше, так как его поразил жесточайший приступ подагры.*

[2] *Через некоторое время по приказу Фоки были умерщвлены вдова Маврикия и их дочери. Беспощадно уничтожались также действительные и мнимые заговорщики, которые выявлялись среди всех сословий.*

узурпатора, да еще в ответ отправил собственные «грамоты бесчестные», в которых объявил о намерении совершить возмездие в отношении убийц Маврикия. Вероятно, неслучайно, что именно в это время в Персии объявился некий человек, выдававший себя за сына Маврикия, Феодосия, якобы чудом спасшегося от гибели. Проверить правдоподобность этой версии невозможно, но в то время она также оказалась для персов весьма кстати.

Уверенные действия Хосрова подкреплялись и еще одним обстоятельством. Он прекрасно знал, что далеко не все в Византии приняли переворот Фоки. Герой минувшей войны стратиг Нерсес отказался признать *апостасию* и направил шаханшаху письмо, побуждая его к прямому военному выступлению против незаконной власти. Хосрова задержали волнения на северо-востоке его царства, где восстала Согдиана, а также набеги бедуинов на юго-западе. Однако, в конце концов, отлаженная военная машина Сасанидов раздавила плохо организованные племенные ополчения, и теперь ничто не мешало всерьез заняться делами на границе с Румом.

Источники содержат запутанные и часто противоречивые сведения о ходе боевых действий в начальный период войны.

В декабре 603 г. иранцы вступили в Месопотамию. Формально ими командовал лже-Феодосий, и двигались эти части на соединение с Нерсесом, укрепившимся в Эдессе. По-видимому, армия ставленника Фоки, стратига Германа нанесла поражение самозванцу («Нет у меня войска, чтобы устоять перед ромеями», — сообщил лже-Феодосий своему покровителю). Тогда Хосров лично повел полки в поход. Герман «при сем известии устрашился» и, как оказалось, не зря. В завязавшейся близ Дары битве византийцы были разбиты[1]. Остатки их армии, потеряв множество людей на переправе через Евфрат, в беспорядке откатились к Константине. Скорее всего, они больше не представляли реальной силы, так как Хосров даже не стал преследовать поверженного врага, а приступил к осаде Дары.

Фока использовал эту передышку для сбора и перегруппировки новых войск. Сформированная в основном из гарнизонных частей армия была спешно переброшена из Фракии в Малую Азию, но у крепости Арзамон персы разделались и с ней. Победа досталась Хосрову, благодаря мощной лобовой атаке боевых слонов. Попавших в плен византийцев безжалостно истребили.

Фока (602-610 гг.). *Византийская золотая монета*

После этого судьба Дары была решена. Гарнизон, воодушевляемый пламенными речами местного епископа, смог продержаться еще несколько месяцев. Роль этого человека была настолько велика, что Хосров пообещал умертвить его не как-нибудь, а «сорока смертями». Образованные ромеи помнили о судьбе, постигшей сто лет назад Амиду, и знали, что это совсем не фигура речи. Но главное, что персы вели осадные работы с методичностью, доводившей осажденных до отчаяния. Одни, подобно неутомимым муравьям, насыпали земляной вал, пока тот не сравнялся по высоте со стенами крепости. Другие, словно кроты, рыли подкопы. В конце концов, именно эта комбинированная тактика принесла успех. Стены рухнули, и в образовавшиеся проломы хлынули волны штурмовых отрядов. «Кровь лили там, как воду», — буднично сообщает летописец. А епископ, устрашившись уготованной ему участи, сам лишил себя жизни. Эти трагические события относятся к лету 604 г. от Рождества Христова.

Единственный успех, который мог в это время записать на свой счет Фока, носил не военный, а скорее морально-политический характер. Он назначил новым командующим Восточной армией собственного двоюродного

[1] *Правда, анонимная сирийская хроника уверенно сообщает, что сначала Хосров оказался в крайне тяжелом положении. Ему набросили на шею аркан, и лишь телохранитель шаханшаха силач Мушкан спас повелителя, перерубив веревку ударом меча. Версия, что и говорить, красочная. Странно только, что, вступив в бой с ромеями, Царь царей и верховный главнокомандующий вдруг оказался в самой гуще схватки. В остальном все источники сходятся: уже на следующий день персы разгромили противника. Складывается впечатление, что накануне скорее имело место столкновение авангардов.*

брата Доменциола. Этот человек осадил в Иераполе Нерсеса, перебравшегося сюда из Эдессы, и клятвенно пообещал сохранить ему жизнь в случае добровольной капитуляции. Но Фока не сдержал слова. Нерсеса заживо сожгли на одной из площадей Константинополя.

Император-солдат вообще уделял гораздо больше времени борьбе со своими подданными. Его полководцы оказались не в состоянии противостоять персам на поле боя, зато они огнем и мечом искореняли крамолу в ближневосточных провинциях и Египте. По приказу Фоки была устроена чудовищная резня в Антиохии. Да так, что даже Божьи храмы оказались залиты кровью. Карательная экспедиция, направленная для наведения порядка в Египте, везла на кораблях разнообразные орудия пыток и диких зверей для травли заранее осужденных на смерть местных жителей.

Иранцы вели войну более продуктивно. После того, как укрепления Дары были срыты до основания, Хосров вернулся в Ктесифон. Отныне шаханшах мог по праву носить гордое имя Парвиз — *победитель*, с которым он и вошел в историю. А ведь он не собирался останавливаться на достигнутом. Завоевания византийских земель только начинались.

В 606-609 гг. его полководцы последовательно овладели рядом крепостей в междуречье Евфрата и Тигра[1] (включая такие важные пункты, как Амида, Эдесса[2], Мартирополь, Телла, Феодосиополь) и установили контроль над всей Месопотамией. В те же годы ромеи потерпели ряд тяжелых поражений в Армении, и вся эта страна перешла под контроль иранских войск. Византия утратила все территориальные приобретения по договору 591 г. Более того, империя лишилась и тех армянских земель, которые издавна входили в ее состав. На очереди стояло вторжение персидских войск в Палестину и Малую Азию.

Владыка Ирана и не-Ирана готовился к кампании особенно тщательно, пополняя войска и укрепляя командный состав армии. Руководить подготовкой наступления было поручено военачальнику в сане *ферухана* Ромизану. Он обещал царю, что в ромейской земле не будет иметь сожаления «ни к старым, ни к малым». Хосрову так понравилось столь решительное заявление, что он тут же дал Ромизану особое звание — Шахрбараз (т. е. «вепрь государства»). Под этим именем военачальник и войдет в историю ирано-византийских войн. Шаханшах напутствовал его следующими словами: «Тех, которые подчинятся тебе, прими с любовью и храни их в мире и устройстве; а сопротивляющихся и воюющих с тобой истреби мечом». Владыка явно заботился о благе своих *будущих* подданных.

В 608 г. персы, выступив из Армении, заняли Кесарию Каппадокийскую. Отсюда они в 610 г. развернули наступление на запад, прошли Галатию и Пафлагонию. Крупнейшим успехом иранцев стал выход к Босфору

Руины Дары. *Современное фото*

[1]*Высокогорную крепость Марде решились оборонять монахи, испросившие по этому поводу особого разрешения у епископа, но люди божьи, конечно же, не смогли выстоять против отборных персидских войск. В 607 г. Марде пала.*

[2]*Среди прочих жителей этого города в плену у персов оказалась и госпожа Иоанниса. Та самая, которая когда-то отказалась смешивать вино для Хосрова. Мстительный шаханшах не забыл о нанесенной обиде. Он велел поместить Иоаннису в заключение, где ей не давали ни мыться, ни менять одежду. В результате несчастную женщину заживо съели паразиты.*

в районе Халкидона — прямо напротив Константинополя. Теперь не только византийские воины, но даже жители столицы империи могли собственными глазами увидеть, как выглядят враги, в течение длительного времени казавшиеся православному люду собирательным образом абстрактного вселенского зла. Правда, у Халкидона персы не задержались. Наступало холодное время года, и они отступили на зимние квартиры, но не в Иран, как это произошло бы раньше, а в Кесарию, уже ставшую их тыловой базой.

В том же 610 г. полчища Шахрбараза двинулись в Сирию. Оборона ромеев была сломлена. Персы продвигались, не встречая серьезного сопротивления, и также заняли ряд городов, включая Верою (Алеппо). Весной следующего года покорение Сирии было продолжено. В мае «Государственный вепрь» вступил в Антиохию (несмотря на погром, устроенный дедом нынешнего шаханшаха Хосровом I, за прошедшие после этого печального события десятилетия столица византийского Востока отстроилась и похорошела). Вслед за ней пали Апамея и Эмесса. Переброшенная из Европы очередная ромейская армия попыталась остановить продвижение персов, но была наголову разгромлена в битве на реке Галис. Ее остатки рассеялись, разнося панический ужас по всему Ближнему Востоку.

Самое же опасное заключалось в том, что в отличие от предыдущих войн, значительно изменилась тактика персов. Теперь они не ограничивались захватом добычи с последующим возвращением в свои пределы. Цель Хосрова состояла в том, чтобы постепенно отторгать земли Рума с последующим их включением в состав Сасанидской державы.

Возможно, столь неудачный поворот событий был связан с тем, что как раз в 610 г. в Византии развернулась настоящая гражданская война. Экзарх Африки вышел из повиновения центральным властям и начал собирать силы для свержения Фоки. Возглавил Африканскую армию сын наместника Ираклий. Восставшие двумя колоннами — на кораблях и походным порядком по суше двинулись в Египет и нанесли поражение отрядам, оставшимся верными императору. Фока утратил контроль над Африкой и лишился, как поступавших оттуда денежных податей, так и (что было гораздо опаснее) подвоза зерна. Константинополь оказался перед реальной угрозой голода, но народ винил в этом не мятежников, а Фоку, который окончательно утратил поддержку во всех слоях населения.

3 октября 610 г. жители столицы были поражены необычным зрелищем: из морской дали приближался многочисленный флот, и на парусах боевых кораблей сиял образ Пречистой Богородицы. Казалось, силы небесные сошли на Землю, чтобы покарать жестокость тирана и восстановить мир. Расчет Ираклия оказался психологически безупречным. На следующий день его эскадра беспрепятственно вступила в Софийскую гавань[1]. Немногочисленные сторонники Фоки разбежались. Сам «кентавр» пытался укрыться в храме Архангела Михаила, но что значат такие формальности, когда речь идет о судьбах высшей власти. Его вытащили за бороду и уже не в царском пурпуре, а в рубище, доставили к Ираклию. Последний чувствовал себя хозяином положения. «Так то ты управлял государством?» — строго спросил Ираклий. На что Фока, понимая, что обречен, заметил: «Попробуй править лучше». Больше разговаривать было не о чем. Ираклий пнул Фоку ногой и велел казнить. Безграмотный сотник, в одночасье ставший лицом значительным,

Морские стены Константинополя.
Современная реконструкция

[1] *У Фоки был свой флот, но, не доверяя матросам, он свел их на берег и заключил в темницу.*

так же вдруг и обратился из величия во прах. Фоке отрубили голову и правую руку, а труп сожгли на площади Быка, где обычно казнили уголовных преступников. Ни один византийский историк не отозвался об этом человеке добрыми словами.

Среди множества проблем, требующих неотложного вмешательства взошедшего на престол императора Ираклия (610-641 гг.), была, конечно же, война с Ираном. Ведь персы «заняли всю Азию, города пленили и ромейское войско истребили в сражениях». Сначала василевс[1] думал уладить конфликт миром. Обращаясь к главе Сасанидской державы, Ираклий подчеркивал, что причин для противоборства больше не существует, «так как Фока убил Маврикия царя, твоего друга, а я убил Фоку». Ответ Хосрова был исполнен высокомерия и диктовался сознанием собственной силы. «Это мое царство, и я возвел на престол Феодосия, сына Маврикия. Ираклий же воцарился без нашего повеления и приносит нам в дар наши же сокровища; но я не перестану, пока не захвачу его в свою власть». Из этих слов видно, что шаханшах относился к Ираклию, как к очередному узурпатору, т. е. ничуть не лучше, чем к Фоке (и как еще раньше Маврикий воспринимал Бахрама Чубина). А еще больше Царя царей устраивал лже-Феодосий, всецело служивший орудием его воли.

Источники не сохранили свидетельств об уровне военной подготовки императора Ираклия, но теперь именно на его плечах лежала ответственность за судьбы Ромейской державы. Поэтому василевсу в любом случае приходилось становиться полководцем, а недостаток теоретических познаний в стратегии и тактике он еще наверстает, да и боевой опыт со временем придет. Вот только учиться приходилось ценой крови людей военных и, еще в большей степени, мирного населения провинций, подвергшихся вторжению сильного и жестокого врага.

Пока персы одерживали все новые победы в Сирии, Ираклий попытался вытеснить противника хотя бы из Малой Азии. В том же 611 г. ромеи осадили Кесарию Каппадокийскую. Однако иранцы упорно защищались и только на следующий год, когда «поля покрылись зелеными растениями» (весна-лето 612 г.), с боем прорвались из крепости и ушли в Армению. Отсюда они совершали опустошительные рейды на Феодосиополь и Мелитену. Осенью персидский полководец Бахрам снова занял Кесарию, устроив там резню и погром.

Ираклий ничем не мог помочь своим несчастным подданным. В 613 г. его армия потерпела поражение близ Антиохии. Затем ромеи попытались задержать противника у Киликийских ворот, но были разбиты наголову и бежали. После этого у иранского командования оказались развязаны руки. Шаханшах с презрением отверг попытку императора вступить в мирные переговоры и начал кампанию на Ближнем Востоке.

Ираклий. *Византийская золотая монета*

Выполняя волю владыки, Шахрбараз победоносно вступил в Дамаск, затем вышел к Средиземному морю в районе Кесарии Палестинской, а весной 614 г. осадил Иерусалим.

По-видимому, в Константинополе до сих пор просто не осознали размеров и последствий угрозы с Востока. Святой город оказался совершенно не готов к обороне. Зато было много эмоций. Стремясь избежать кровопролития и не допустить поругания христианских святынь, патриарх Захария предложил Шахрбаразу сдать город без боя под гарантии неприкосновенности. Помня о наказе Хосрова, полководец согласился, но население Иерусалима восстало против подобной измены и угрожало патриарху смертью. Однако «гнев народных масс» еще не гарантия боеспособности, а готовность умереть далеко не всегда равнозначна умению побеждать. Единственное, что мог сделать в этой ситуации Захария, так это послать за помощью в Иерихон, где размещался сильный византийский гарнизон. Отряды действительно

[1] *Именно со времени Ираклия этот греческий термин становится наиболее употребляемым титулом византийских императоров.*

Стр. 136. **Флот Ираклия перед Константинополем.** **Иллюстрация Р. Титова, © В. Н. Шиканов**

выступили в путь, но, увидев огромное вражеское войско, обложившее Иерусалим, ромеи пали духом и бежали, так и не вступив в бой. Теперь участь города была решена, и «Вепрь» никого щадить не собирался.

Персы осадили Иерусалим 15 апреля 614 г. Несколько суток они строили высокие башни и стенобитные машины, а затем пустили их в дело. Через три недели мощные баллисты пробили в стенах бреши, и головорезы Шахрбараза ворвались в город.

Организованное сопротивление сразу рухнуло. Объятые ужасом люди бежали, пытаясь найти укрытие в церквях, пещерах, цистернах для сбора воды и любых ямах, но смерть находила их повсюду. Персы убивали всех, без различия возраста и пола. Младенцев приканчивали ударами об землю. «Резали, как овец, — писал современник, — а некоторых крошили, как траву»[1]. Жертвами бойни стали десятки тысяч человек. Удивительно другое. Уничтожили почему-то не всех. Около 35 000 уцелевших угнали в Иран. Туда же Шахрбараз отправил ценнейший трофей — Крест Господень[2].

615-616 гг. принесли империи новые бедствия. Персы успешно действовали сразу по двум стратегически важным направлениям. На юге они вторглись в Египет и после двухлетней осады «отворили» Александрию[3]. На западе вновь прошли через всю Малую Азию и появились у стен Халкидона. Теперь иранцы контролировали территорию, сопоставимую с древней державой Дария и Ксеркса.

У императора не оставалось иного выхода, кроме уступок. Ему удалось встретиться с персидским полководцем Шахином (при этом, Ираклий вел переговоры, не покидая корабля, словно в знак признания, что азиатский берег ему больше не принадлежал). Шахин согласился приостановить военные действия и содействовать направлению полномочной византийской делегации в Ктесифон.

Хосров II Парвиз во славе.
Сасанидский наскальный рельеф

Хосров чувствовал себя хозяином положения и также был не против выслушать новые предложения Константинополя. Впрочем, в грамоте, составленной от имени синклита (ведь шаханшах не признавал Ираклия в качестве кейсара), излагались прежние соображения о причинах конфликта и способах его урегулирования. Фока действительно являлся «похитителем ромейского царства», а Ираклий восстановил справедливость, покарав тирана. Так что теперь ничто не мешает восстановлению традиционно добрососедских отношений между двумя державами. Даже несмотря на подчеркнуто смиренный и просительный тон послания, Хосров испытал сильное разочарование. Румийцы отказываются капитулировать. Ну что ж, значит, следует усилить военное давление и силой оружия заставить их признать истинное положение вещей. А пока владыка велел заковать послов в оковы и держать их в строгом заключении. Неволя эта продлится несколько лет. Принцип дипломатической неприкосновенности еще был в диковинку даже самым просвещенным государям.

Вместе с тем, несмотря на явный провал переговоров, в военных действиях возникла пауза. Попытка персов построить ко-

[1] *Летописцы сообщают, что наряду с персами в этой расправе приняли участие и местные иудеи. Они не только умертвляли людей, но и уничтожали христианские храмы.*

[2] *Легенда гласит, что Честное Древо избежало глумления зороастрийцев, поскольку Хосров отдал его любимой жене, христианке Ширин, которая поставила его «запечатанным» в своих покоях.*

[3] *Персы взяли город хитростью, проникнув в гавань Александрии в предрассветной темноте на рыбачьих лодках, и уже после этого перебили стражу ворот и открыли их главным силам.*

рабли и переправиться в Европу закончилась тяжелой неудачей (византийский флот был неизмеримо сильнее), так что Шахин увел свои полчища из Малой Азии. Хосров был недоволен, но пребывал в уверенности, как военной несостоятельности противника, так и в собственных будущих победах. Ну, а пока он решил заставить румов стать сговорчивее при помощи голода, перекрыв подвоз продовольствия в Константинополь, который традиционно снабжался из египетских житниц.

В это время Византии пришлось отражать очередное вторжение аваров из-за Дуная, заплатив за мир немалой данью. Кое-как справившись с этой напастью, Ираклий перебрался в Иерийский дворец на азиатском берегу Босфора, где и остался на зиму 621-622 гг. Здесь он изучал военные трактаты, труды по истории, географии, дорожные заметки путешественников на Восток, проводил совещания с представителями высшего командного состава. Такого рода действия свидетельствуют, что василевс работал над стратегическим планом ведения войны, чтобы, лично возглавив армию на театре военных действий, перехватить боевую инициативу и достигнуть успехов, в которые, похоже, перестали верить даже самые опытные стратиги.

Так и случилось. 5 апреля 622 г., на второй день светлого праздника Пасхи, император присутствовал на торжественном молебне в храме Святой Софии. Затем, окруженный высшими должностными лицами государства и придворными, он вышел к народу, осененный стягом с нерукотворным ликом Господа. Обращаясь к люду православному с прощальными словами (ибо не ведал государь, суждено ли ему вернуться в столицу державы своей), Ираклий поклялся биться с врагами насмерть и заботиться о подданных, как о родных чадах. Затем, сопровождаемый военачальниками, василевс проследовал в гавань и вступил на борт особого, царского дромона. Весла гребцов опустились в воду, и корабль, несмотря на сильный встречный ветер, двинулся на восток, к азиатскому берегу Мраморного моря.

Здесь, в полевом лагере близ Никомидии, сосредотачивались войска, ранее стоявшие гарнизонами на Балканах и теперь переброшенные из Европы. Им предстояло выступить в поход против персов, но прежде чем сразиться со столь грозным соперником, солдат и офицеров ждали напряженные занятия в условиях, приближенных к боевым. И все аспекты этой учебы находились под неослабным контролем самого императора.

Панорама Мраморного моря. *Современное фото*

Воины отрабатывали приемы владения оружием, учились искусству маневрирования в составе небольших отрядов и крупных соединений, разделившись на «своих» и «персов», участвовали в показательных «сражениях». Командиры подтягивали дисциплину. Рассказывая солдатам о зверствах врага и похищении Креста Господня, прививали им высокий ратный дух, волю к победе и сознание правоты дела, которому служит Христолюбивое воинство. По сути, эта армия являлась национальной (что в данном случае означало православной). В ее составе почти не было варваров-федератов. Дальнейшие события покажут, что усилия Ираклия оказались не напрасны. Основываясь на теоретических положениях, ему удалось создать качественную военную машину, которая в дальнейшем докажет свою эффективность на полях сражений.

Воссоздание хода персидских кампаний василевса Ираклия, сравнимых для ромеев

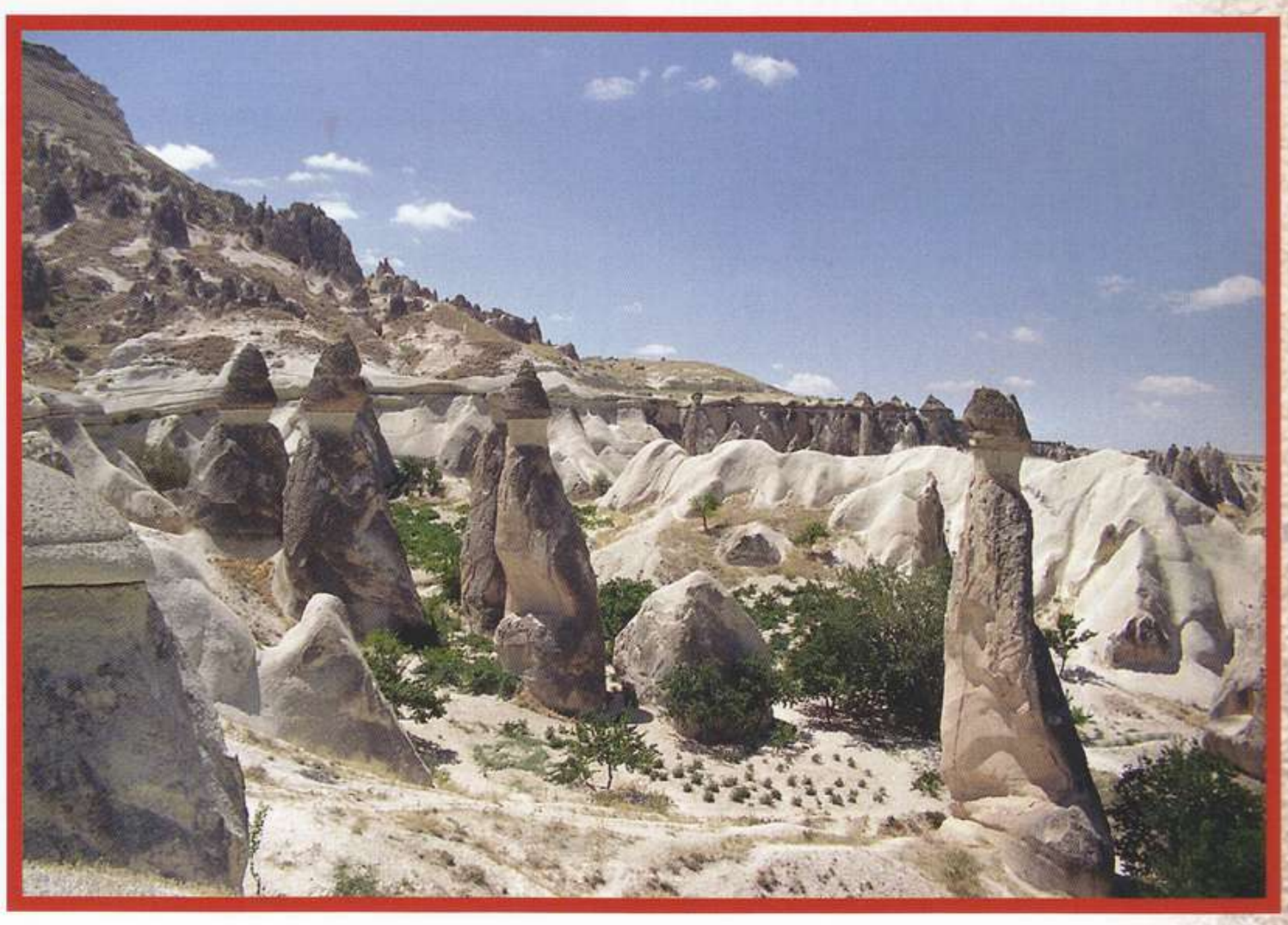
со славой Реконкисты Юстиниана Великого на западе, представляет для историка определенную трудность. С одной стороны, они достаточно подробно изложены в целом ряде источников. С другой стороны, авторы этих трудов зачастую противоречат друг другу, либо описывают некоторые события смутно, не придавая им особого значения. Поэтому, как бы не хотелось привести красочные детали, мы все же не станем их выдумывать. Итак, читатель, впереди нас ждут факты, хотя и с оговорками — так, как они изложены во «фронтовых сводках» давней эпохи, отстоящей от нас на невообразимые четырнадцать столетий.

Осенью 622 г. византийская армия на транспортных и боевых кораблях была перевезена в Малую Азию и расположилась в укрепленном лагере близ города Исс[1]. Затем она выступила на восток, в Каппадокию. Противником Ираклия оказался его давний знакомый Шахрбараз. Императору приходилось считаться с грозной боевой славой этого полководца. Однако вскоре оказалось, что персы придерживаются пассивной оборонительной тактики. Судя по всему, их единственная задача состояла в том, чтобы сорвать наступление ромеев в восточном направлении.

Ну, что ж, Ираклий недаром изучал мудрые стратегиконы. Он решил переиграть неприятеля в умении маневрировать. Сковав персов с фронта незначительными заслонами, василевс двинул главные силы через горы Тавр, в обход позиций противника. Через какое-то время «Вепрь» с изумлением обнаружил румов у себя в тылу, но даже теперь он не собирался ввязываться в крупное сражение. Шахрбараз двинулся на запад, в Киликию, рассчитывая, что кейсар не бросит свои земли на поток и разграбление. Ираклий не поддался на эту уловку. То ли он располагал большей выдержкой, то ли рассудил, что за двадцать лет войны Малая Азия и так уже полностью разорена, и грабить там больше нечего.

Как бы то ни было, Шахрбараз отказался от первоначального замысла и поспешил вслед за византийской армией, «как пес на цепи». В феврале 623 г., т. е. в зимнее время, когда по всем законам войны боевые действия прекращались, иранский военачальник задумал внезапным ударом разгромить утративших бдительность врагов, но Ираклий перехитрил его и тут. Императору был выдан план Шахрбараза, так что это нападение не только не оказалось неожиданным, но, напротив, закончилось поражением персов. Остатки их войска рассеялись.

После этой победы византийская армия уверенно расположилась в Каппадокии, а василевс, встревоженный известиями о враждебных действиях аваров на Балканах, отбыл в столицу. Перед этим он направил новое письмо к Хосрову. Тон послания заметно отличался от предшествующих. Ощутив уверенность в собственных силах, основанную на реальных военных успехах, император, по-прежнему, предлагал заключить мир, но в противном случае уже грозил шаханшаху прямым вторжением в Иран.



Горный пейзаж Каппадокии. *Современное фото*

[1] *В источниках отсутствуют точные сведения о численности войска Ираклия. Вместе с тем, сам факт осуществления морской десантной операции позволяет предположить, что византийская армия была относительно невелика, так как ее размеры естественным образом ограничивались возможностями флота. Напомним, что в VI в. император Юстиниан смог отправить для отвоевания Северной Африки всего 15 000 чел. А ведь мобилизационный потенциал Византии в годы его правления был неизмеримо выше.*

Наверняка, владыка Персии не ожидал такой дерзости, даже с учетом недавних побед румов. Во всяком случае, его ответ составлен в иронично-высокомерных выражениях. «Любимый богами господин и царь всей земли, порождение великого Ормузда, Хосров — Ираклию, несмышленому и негодному рабу нашему». Уже сама преамбула послания позволяет догадаться о его содержании. «Собрав разбойничьи войска, ты не даешь мне покоя... Ты говоришь, что уповаешь на своего бога. Почему же он не спас Кесарию, Иерусалим и великую Александрию из рук моих? Да не обманет вас тщетная надежда ваша — Христос, который не мог спасти себя от иудеев, и они убили его, распяв на кресте. Как же он избавит тебя от рук моих? Даже если ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя, и тогда ты увидишь меня таким, каким бы не желал видеть».

Вот такой текст сохранился в рукописи армянского историка. Живший позднее греческий хронограф Феофан, возможно, домысливая, делает заявление персидского царя еще более грозным: «Я не окажу вам пощады, пока вы не отречетесь от распятого, которого вы называете вашим богом, и пока не поклонитесь солнцу». Получив грамоту Хосрова, Ираклий понял, что до окончания войны далеко, но теперь он действовал еще более решительно, чем год назад.

Весной 623 г. Ираклий на кораблях столичной эскадры вышел в Черное море и вскоре прибыл в Трапезунд, где на берег вместе с ним сошел отряд из 5000 отборных воинов. Отсюда он отправился навстречу главным силам армии, расположенным на реке Галис. Наблюдавшие в течение зимы за византийскими лагерями иранские войска оказались под угрозой удара не только с фронта, но и с тыла. Не испытывая судьбу, они отступили в Армению, а император выиграл первый этап кампании, даже не вступив в бой.

Собрав воедино свои армии[1], Ираклий повел их на Феодосиополь, куда вступил, не встретив никакого сопротивления. Наоборот, армяне встречали ромеев как освободителей. Зато административный центр Персоармении — Двин пришлось брать штурмом. Новобранцев-ромеев, еще совсем недавно вставших в строй, было не узнать. Проявив отвагу и самопожертвование, они овладели сильнейшей крепостью и разрушили ее. Затем той же участи подвергся город Нахчеван.

Давид и Голиаф. Фрагмент византийского серебряного блюда. *Первая половина VII в.*

Историк подчеркивает, что в этом походе Ираклий и его воины мстили за разорение византийских земель персами в прежние годы. Поэтому рейд имперской армии за Аракс и далее, в Атропатену, носил характер «беспощадного истребления».

Особенно тяжелый удар по самолюбию Хосрова был нанесен у города Ганзак, близ которого находился один из трех «Великих огней» зороастрийского Ирана. Святилище Адур-Гушнасп было посвящено сословию воинов, а так как первым воином державы был сам Царь царей, то оно считалось шахским, т. е. наиболее почитаемым храмом. Именно здесь Хосров Парвиз, как и его

[1] *Армянский историк Себеос, описавший походы Ираклия, утверждает, что в его распоряжении находились 120 000 воинов. Однако, в силу вышеприведенных соображений, эта цифра представляется весьма завышенной.*

предшественники, проводили время в молитвах, когда приезжали весной из Ктесифона в Мидию.

Сейчас государю пришлось поспешно бежать, а храм был захвачен византийцами. Для людей православных всякие там «вечные огни» являлись отвратительным символом язычества, но сейчас ромеи были поражены торжественной обстановкой святилища. Строения Адур-Гушнаспа отражались в неподвижных водах озера, а в самом храме жрецы продолжали службу, не обращая внимания на присутствие чужаков. Несколько мгновений никто не решался нарушить тишину; затем раздались отрывистые слова команд, лязг оружия и пролилась кровь, оскорбляя лик Ахурамазды. Негасший доселе огонь был потушен, жрецов перебили, жертвенных животных зарезали и все трупы побросали в священное озеро. Прошло не так много времени, и в осквернённой воде можно было видеть лишь отражение почерневших безобразных руин[1].

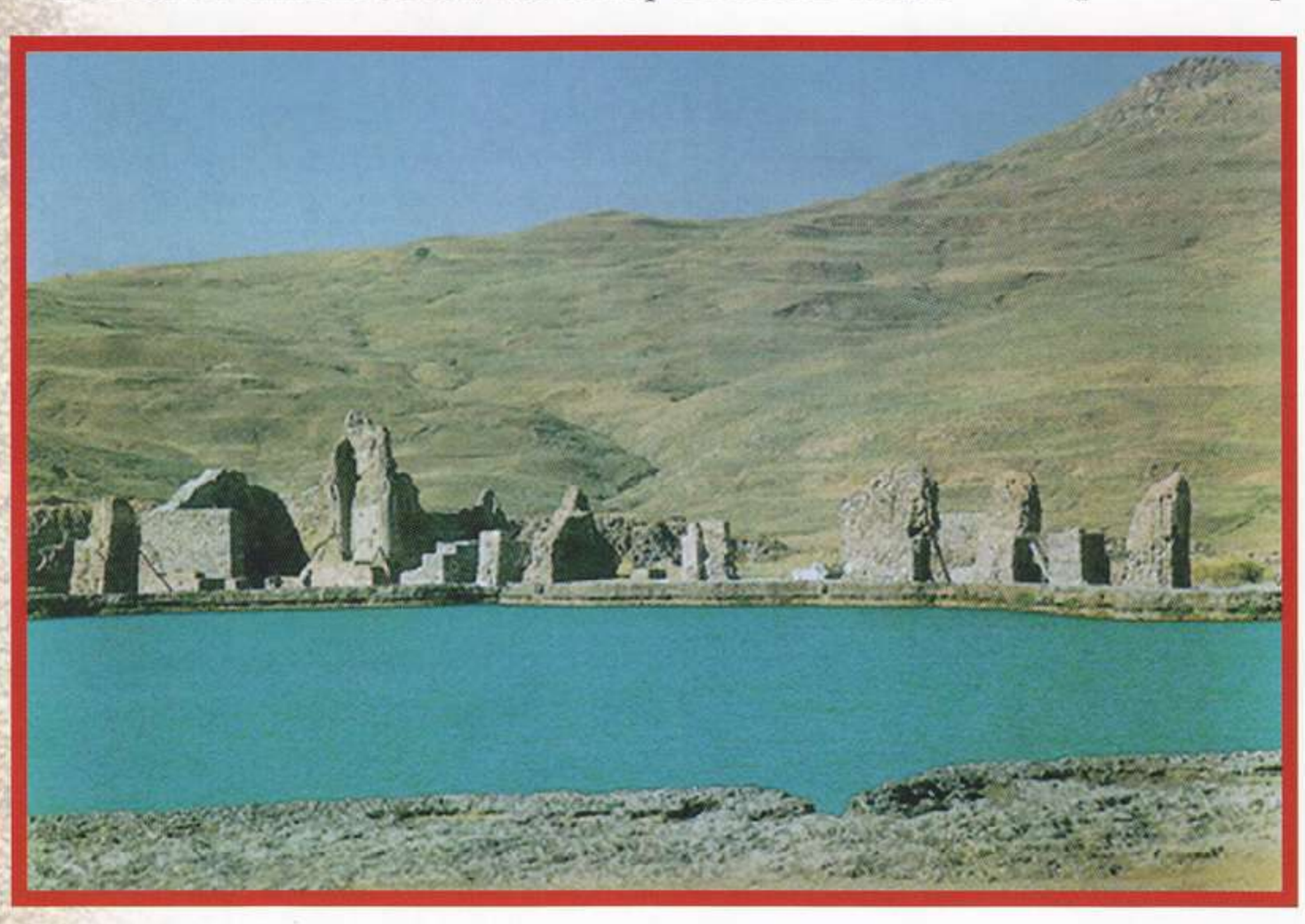
Перенесенное унижение озлобило Хосрова. Он отдал приказы Шахину и Шахрбаразу соединить их войска и идти против Ираклия. Получив эти сведения, император созвал военный совет, на котором после оживленной дискуссии было принято решение отвести армию на зимние квартиры, но не в Малую Азию, а в Албанию[2]. Василевс распорядился освободить 50 000 пленных, так как не мог их кормить, но и не желал убивать. Как поступил бы на его месте Хосров, судить не берусь. Зато в зимние месяцы ромеи снабжали себя за счет местных ресурсов, грабя земли в нижнем течении реки Куры.

В 624 г. противники вели горную войну в Восточной Армении. Ее тактика имеет свои особенности. Здесь численное превосходство теряет значение, а фронтальные атаки тяжелой кавалерии неприменимы. Заняв ущелье или перевал относительно небольшими силами, можно удерживать целую армию. С другой стороны, никакая, даже самая неприступная на первый взгляд позиция, на самом деле, не является неуязвимой. Ее можно обойти и неожиданно оказаться в тылу у неприятеля. В общем, приходится не столько сражаться, сколько маневрировать.

Ираклий задумал прорваться на юг, но ему противостояли три иранских полководца. Весь расчет василевса строился на том, чтобы попытаться разбить их поодиночке. Сначала император обошел армию марзбана Армении Шараплакана, «привел его в робость» и устремился дальше. Персам оставалось лишь следовать за ромеями по горным дорогам, чтобы не допустить их прорыва во внутренние области Ирана.

Положение изменилось, когда к Шараплакану привел войско грозный «вепрь» Шахрбараз, а с юга уже приближалась группировка Шахина. Византийцы оказались в затягивающейся петле. Продолжать наступление в такой обстановке было бы чистейшей воды самоубийством. Ираклий понял, что нужно поворачивать в обратный путь, но теперь ему пришлось прорываться с боями.

На этом этапе кампании ромеи проявили незаурядное



Руины храма Огня и священное озеро Адур-Гушнасп. *Современное фото*

[1] *Историки сходятся во мнении, что Ираклий специально пришел в Адур-Гушнасп, чтобы нанести оскорбление Хосрову и унизить его перед подданными, показав, что шаханшах не смог защитить даже главную святыню своей религии. Позднее персы утверждали, что незадолго до нападения жрецы сумели унести частицы священного огня, что затем дало возможность восстановить храм. Правда, ненадолго, поскольку покорившие Иран завоеватели арабы, как и христиане, считали зороастризм диким проявлением язычества.*

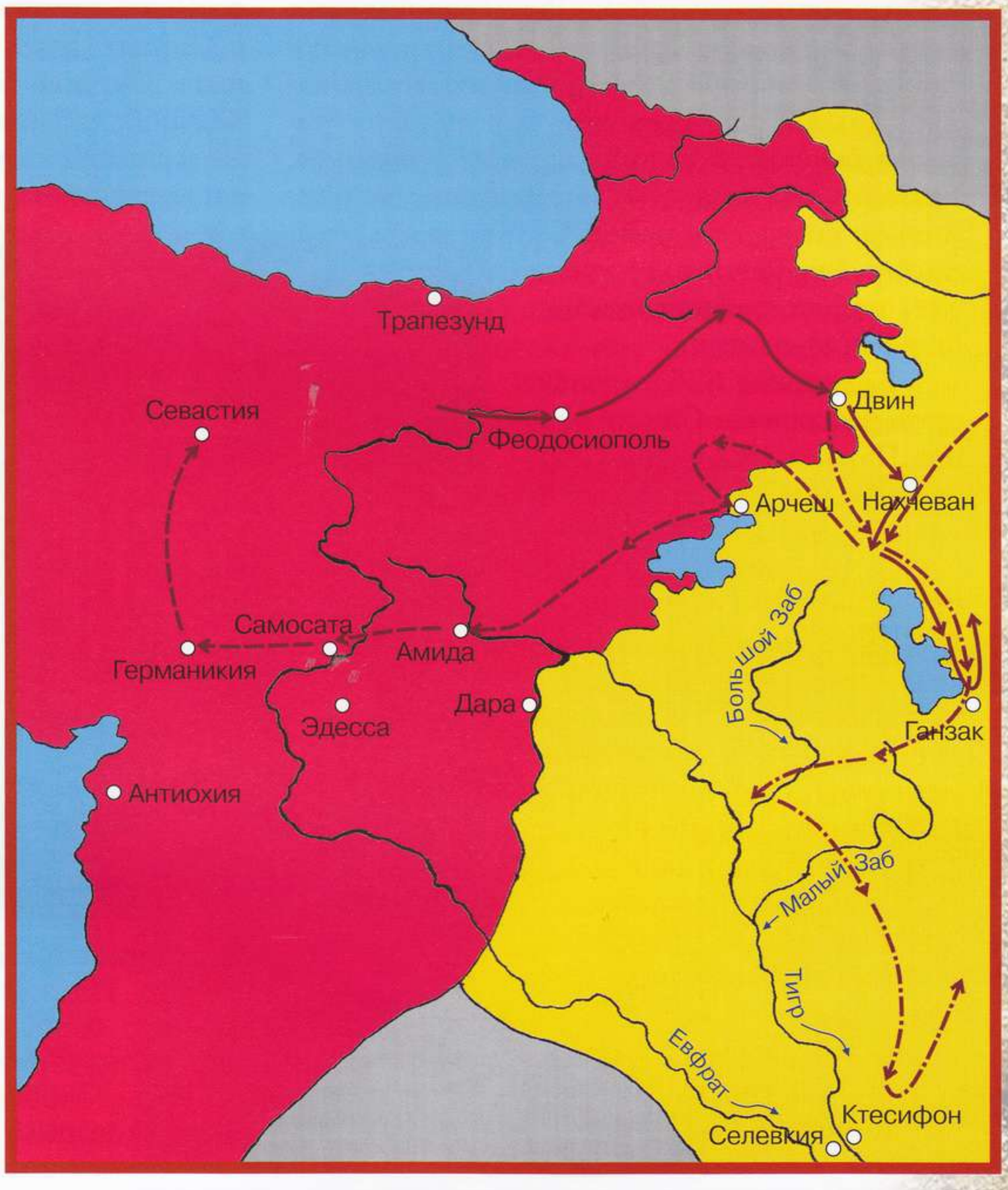
[2] *Часть современного Азербайджана.*

личное мужество, но помогла им также спесивая гордость противника. Шахрбараз и Шараплакан не желали делиться славой с Шахином и поспешили вступить в бой с румами, чтобы разбить их первыми. В свою очередь Ираклий снова продемонстрировал недюжинный тактический талант. После длившегося всю ночь марша, его войска заняли лесистую возвышенность над равниной, где можно было скрыть истинные размеры армии.

Наутро персы, уверенные, что противник откатывается перед ними, двинули полки в атаку. Наиболее эффективным на равнинной местности был, конечно же, фронтальный удар кавалерийских масс. Правда, продвигаться приходилось вверх по склону, но ведь до сих пор отступавшие румийцы, похоже, и не помышляли об активных действиях и были сломлены духом. Дальнейший ход сражения опрокинул все расчеты полководцев шаханшаха. Как пишет летописец, Ираклий «сгустил около себя свое войско», а затем скрытно вывел из леса резервы и, в точном соответствии с новомодным «Стратегиконом» Маврикия, контратаковал неприятеля с флангов. Этого оказалось достаточно, чтобы обратить врага в бегство. А ромеи «преследовали их по оврагам и великое множество истребили». Шараплакан погиб, войска Шахрбараза на некоторое время утратили боеспособность и были выведены из игры. Оставался еще 30-тысячный корпус Шахина, но Ираклий внезапно напал на его лагерь и рассеял вражескую армию.

Вместе с тем, василевс понял, что совершить большее не удастся. Его воины превзошли силы человеческие, а противник придет в себя, и, обладая численным превосходством, снова может окружить его армию. Сочтя кампанию законченной, император повернул на запад — поближе к границам Византии, где он мог рассчитывать на поддержку местного населения. Во время этого марша государь совершил еще один ратный подвиг. Во главе отборного кавалерийского отряда Ираклий прорвался к городу Арчеш на северном берегу озера Ван, где находилась ставка Шахрбараза. Ромеи с ходу смяли охранение, посеяв среди врагов панику. Сам Шахрбараз едва успел вскочить на коня и спастись бегством, а византийцы с богатой добычей вернулись в свое расположение.

После зимовки в Армении Ираклий выступил в поход 1 марта 625 г. Пройдя труднейшими дорогами через горный хребет Тавра, его войска спустились в Месопотамию и через семь дней оказались в Амиде. Трудно сказать, чем диктовались такие действия. Возможно, государь хотел предпринять новое вторжение в Персию с запада — там, где его не ждал противник. С другой



Персидские походы императора Ираклия. 623-627 гг.

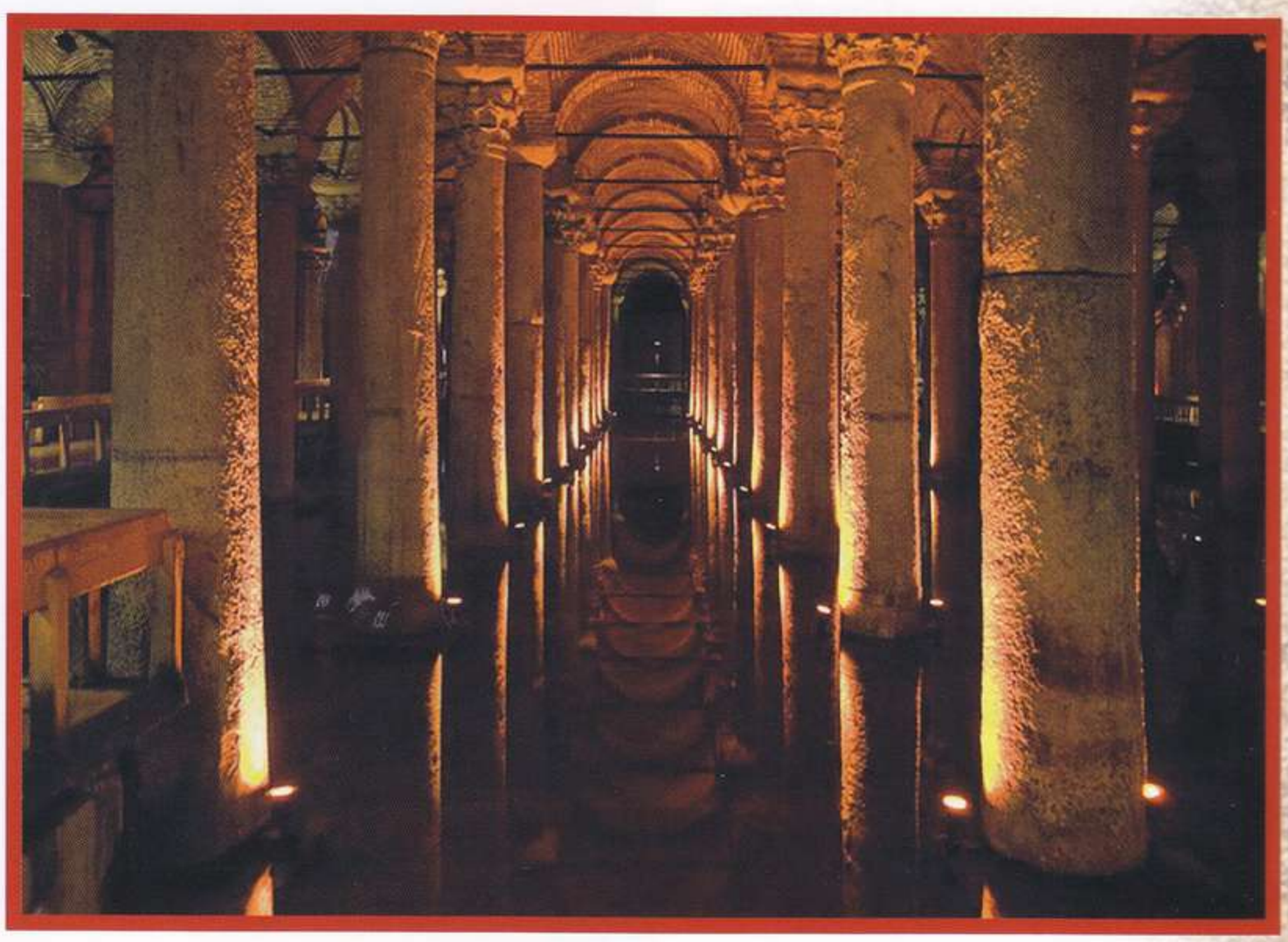
623 г. — 624-625 гг. — 627 гг.

стороны, ромеи также понесли немалый урон в прошлой кампании, не имея за все это время, ни связи с тылом, ни хоть сколько-нибудь гарантированного снабжения. В такой ситуации василевс мог отвести их на территорию империи для переформирования. Да и прокормиться здесь было все-таки проще, чем в горной местности Закавказья. Во всяком случае, когда выяснилось, что вслед за войском Ираклия идет Шахрбараз и собирается отрезать ему пути отхода у переправ через Евфрат, император поспешил продолжить марш. Его солдаты уходили все дальше на запад — в Самосату, Германикию и Киликию.

Здесь позиции противников разделяла река Сарос. Они то и дело изводили друг друга в мелких стычках. Однажды ромеи, отправившиеся на вылазку, попали в такой крутой переплет, что императору пришлось самому ввязаться в бой. Василевс получил несколько легких ранений, но его личная храбрость вызвала неподдельное восхищение Шахрбараза. Впрочем, дальнейшего развития боевые действия так и не получили. Персы ушли на восток, а Ираклий увел армию на север — в район Севастии, где, как и три года назад, войска расположились на зимние стоянки.

Кампания 626 г. могла стать решающей. Сам ли Хосров Парвиз, являвший собой воплощение негасимого светоча мудрости, дарованной небесами, либо его военно-политические советники, но в итоге персы выработали действительно смелый план. Мужи Ирана решили нанести смертельный удар в самое сердце царства румийцев — Константинополь. Несмотря на то, что воины кейсара Ираклия, по-прежнему, оставались в Каппадокии, шаханшах направил армию Шахрбараза через всю Малую Азию к Босфору. Правда, у персов не было флота на Мраморном море[1], но и это обстоятельство не должно было сделать поставленную задачу несбыточной. На европейском берегу к столице Рума выходили неисчислимые полчища аваров, с которыми был заключен союз. Для переправы через пролив вполне могло хватить и челнов славян, выполнявших волю аварского кагана. Если бы намеченный план удался, то Ираклий с его войсками также был бы обречен, а союзники могли не только победоносно завершить затянувшуюся войну, но и подвести черту под всей историей Византии.

Мужественная история обороны Константинополя воинами и жителями столицы навеки стала одной из наиболее славных страниц в летописях Ромейской державы[2]. После провала аварских штурмов и позорного отступления кагана от стен Богоспасаемого града стратегическая обстановка резко изменилась. Шахрбараз бросил свой лагерь под Халкидоном и двинулся в обратный, длинный и полный лишений, путь в Сирию. Брат императора Ираклия куропалат Феодор, оставшись в Каппадокии, сковал войско другого иранского полководца Шахина и вскоре нанес ему поражение, а сам василевс повел закаленные тагмы в Закав-



Цистерна Базилика в Константинополе. *Современное фото.* Похожее на сказочный подземный дворец, это сооружение некогда имело сугубо утилитарное назначение. Здесь собирались запасы питьевой воды, особенно необходимые во время вражеских осад, которым неоднократно подвергалась столица Византийской империи

[1] *Хотя еще в 623 г. персы совершили морской налет на о. Родос и ограбили его.*
[2] *См. подробно в книге «Византия. Гроза над Дунаем».*

казье, чтобы полностью сокрушить господство персов в данном регионе. Государь рассчитывал пополнить армию за счет христианского населения этих мест, а также заключил важный союз с давними врагами Ирана хазарами.

Боевые действия здесь развернулись уже в следующем 627 г. Хазары взяли мощнейшие укрепления Дербента, а потом подошли к Тифлису, где соединились с армией Ираклия. Осада крепости затянулась на два месяца. Начальник персидского гарнизона как-то обозвал василевса «козлом». На что Ираклий ответил, что «козел с Запада» пришел обломать рога «восточному барану». Но, конечно, такие перепалки не помогли взять город. Тогда император, ни на один день не забывавший о главной цели кампании, снял осаду и двинулся с основными силами на юг.

Осенью он вторгся в Атропатену. В тяжелых условиях горной местности византийцы прошли вдоль восточного берега озера Урмия, спустились вдоль реки Большой Заб и развивали наступление вдоль Тигра в общем направлении на вражескую столицу Ктесифон. По их следам кралась персидская армия полководца Рахзада. Но Ираклия, похоже, совершенно не заботила безопасность собственного тыла. Наоборот, ромеи так разоряли земли, по которым они проходили, что потом иранской коннице не доставалось ни провианта, ни фуража. Получается, что персы в ходе преследования страдали гораздо сильнее.

1 декабря ромеи внезапным ударом разбили вражеский авангард. Взятые пленные показали, что Рахзад ожидает от Хосрова подкреплений, после чего намерен уничтожить византийскую армию в генеральном сражении. Император твердо решил не предоставлять противнику такой возможности. Он смело двинулся навстречу персам и выстроил армию в боевой порядок на широкой равнине, где могла успешно действовать кавалерия, составлявшая главную ударную мощь царского войска. Именно здесь, у развалин древней Ниневии, 12 декабря произошла схватка, которая, в конечном счете, решила участь державы Сасанидов.

Битва началась довольно нестандартно. Ранним субботним утром в поединке между линиями войск сошлись два главнокомандующих. Рахзад был муж воинственный и храбрый, но василевс, «силой Божьей и с помощью Богородицы», поразил его, сбросив с коня. Эскорт персидского военачальника бросился на помощь своему вождю. Ираклий был ранен копьем в губу, но и сам убил двух вражеских воинов. Остальные обратились в бегство.

Затем звонкие трубы подали сигнал, по которому «загорелась сильная брань». По давней традиции и в знак уважения к немеркнущей памяти стальных римских легионов приказы у ромеев отдаются на звонкой латыни: *silentium, mandata captate, non vos turbatis, ordinem servate, bando sequite.*

Прошедшие века и отнюдь не классическое образование большинства строевых командиров искажают звучание слов почти до неузнаваемости, но доведенные до автоматизма годами службы солдаты переводят их каждый на свое наречие: «Молчать!» «Слушать команды!» «Не волноваться!» «Держать строй!» «Следовать за знаменем!» При сближении с противником на дистанцию полета стрелы отдается приказ *parati* («Готовься!»). Затем звучит *adiuta* («Помоги!») и в ответ ему общее раскатистое: *Deus* («Боже!). После этого ромейские лучники дают первый залп стрел, а тяжелая

Ираклий наносит поражение Хосрову.
Западноевропейская эмаль

пехота выдвигается далее тесными рядами, плотно сомкнув большие овальные щиты.

Сражение оказалось очень упорным. Император бился в первых рядах. Он едва не погиб, когда персы убили под ним лошадь и хотели тут же прикончить мечами. Плохо пришлось государю, но его спас прочный шлем с «забралом из жил», так что «удары остались без действия».

Руины летнего дворца шаханшахов Ирана. *Современное фото*

К одиннадцати часам иранцы дрогнули и начали отступление по всему фронту[1]. Правда, бегства не было, отходили они, сохраняя порядок. На поле боя оставались их кавалерийские заслоны. Лишь ночью, бросив лагерь, персы ушли окончательно. Византийцам достались богатые трофеи, а их собственные потери оказались незначительны[2].

Одержанная победа еще не означала окончания войны. К остаткам армии Рахзада присоединились обещанные Хосровом подкрепления, и теперь иранцы могли продолжать борьбу. Ираклий осторожно продвигался вперед, готовый к новым боям. Но противник был уже деморализован и не решился перейти в контрнаступление. Персы отступали (вернее сказать — бежали) все дальше, а ромеям казалось, что перед ними распахнулись ворота Рая земного. На этих землях, к северу от Ктесифона, находились богатейшие шахские имения с чудесными дворцами, садами и редкими животными. В одном из них византийцы отпраздновали Рождество Христово, в другом подивились необычному для этих краев ипподрому[3]. В третьем обнаружили царский зверинец: страусов, диких коз и онагров (ослов), да не простых, а откормленных! Все это Ираклий подарил войску, а солдаты, конечно же, их съели.

Сказка продолжалась. Нигде не чувствуя себя в безопасности, Хосров бежал из своей загородной резиденции Дастгард, а явившиеся в этот дворец ромеи нашли там триста знамен, в разные времена захваченных у римлян, шелк, ковры, «серебро необделанное», и много еще таких вещей, название которых мало что скажет современному человеку. Как и ранее, почти все взятые трофеи сожгли, чтобы «почувствовал Хосров, как больно было ромеям, когда он опустошал и сжигал их грады».

Сложилась парадоксальная ситуация. Совсем недавно персидская армия стояла напротив Константинополя, а теперь меч Ирана затупился до такой степени, что шаханшах не мог защитить даже собственную столицу. Конечно, в ходе военных действий византийская армия закалилась, совершенствуя ратное мастерство, в то время как наименее стойкие элементы отсеялись естественным образом. Но почему иранское войско как-то вдруг и напрочь утратило боеспособность, объяснить доводами разума было поистине невозможно. Воинам оставалось благодарить Бога, «ради молитв Богородицы, соделавшего столь чудные дела».

Летописец сообщает, что, находясь в двенадцати милях от Ктесифона, Ираклий направил Хосрову очередное мирное послание, но оно осталось без ответа. Перебежчики и разведка сообщали, что шаханшах проводит широкие мобилизационные мероприятия, вооружая придворных, слуг и даже... жен[4].

---

[1] *Летописец сообщает, что помимо Рахзада, погибли три «башенных вождя», имея в виду военачальников, командовавших войсками центра, правого и левого флангов. Очевидно, они руководили боем, находясь в башнях на спинах слонов.*

[2] *Хотя вряд ли можно полагаться на приводимую цифру в 50 чел. убитыми. В то же время иранский источник сообщает о 6 000 павших персах.*

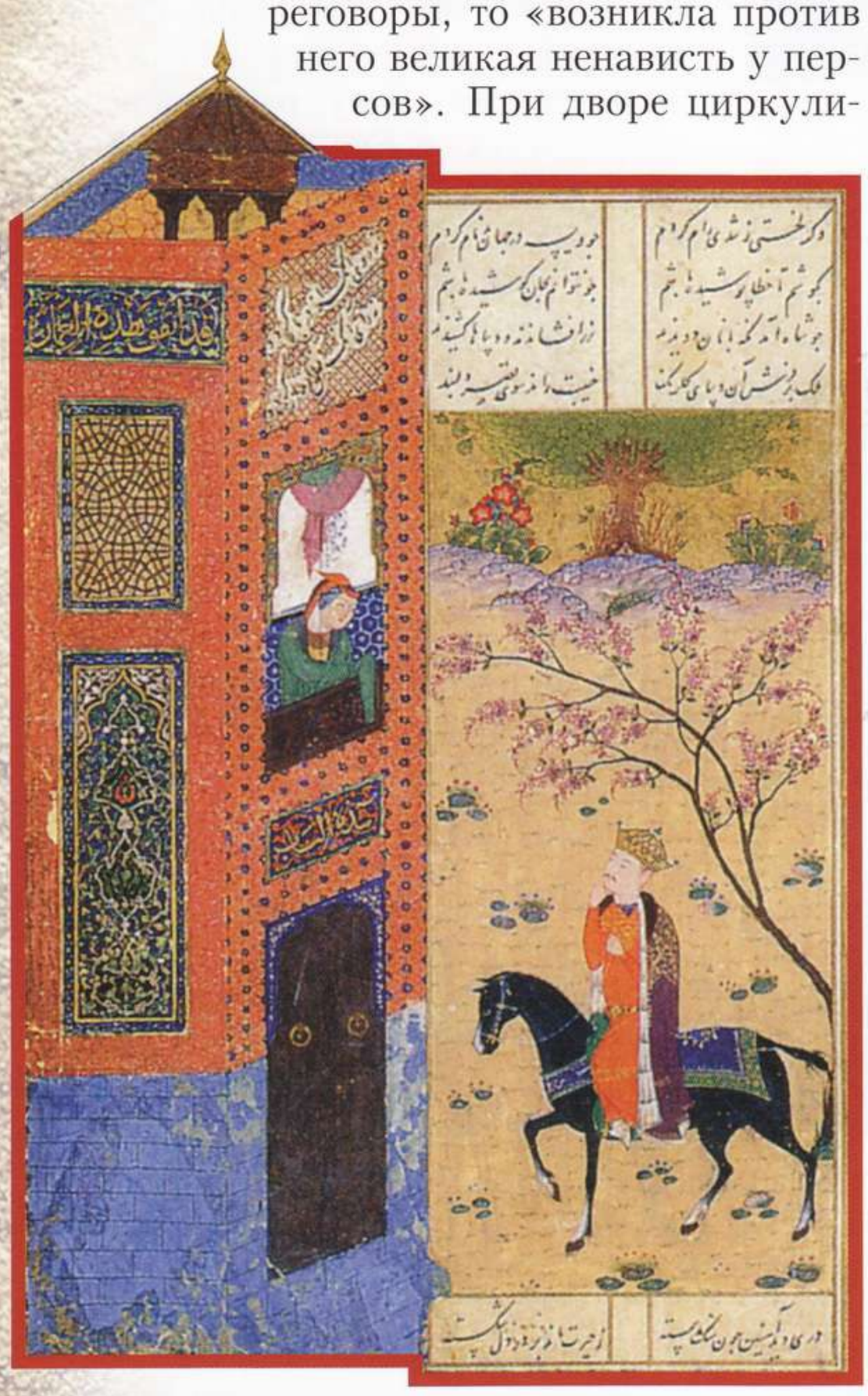
[3] *В отличие от византийцев, персы не устраивали конских ристаний. На ипподроме их знать играла в поло.*

[4] *Три жены Хосрова являлись одновременно и его дочерями. Это так, к слову...*

Но при этом не подлежит сомнению, что у персов оставались еще и кадровые закаленные части.

Василевс не стал атаковать в лоб сильные позиции противника за рекой (или каналом) Нахраван, откуда до столицы Сасанидов было рукой подать — всего три мили. Император повернул назад. Ученые до сих пор спорят о мотивах такого решения. Приведем лишь одно, довольно убедительное предположение. Ираклий не хотел рисковать ранее захваченной добычей и большим количеством пленных, которые отягощали его обоз. Все эти трофеи должны были покрыть немалые военные расходы, а прокормить в течение долгой зимы большое количество людей и животных на полностью разоренных землях было просто нереально. Покончить же с сопротивлением Хосрова можно и на следующий год. Впрочем, император и так выиграл войну, более не проливая крови своих воинов.

Так как шаханшах не согласился на переговоры, то «возникла против него великая ненависть у персов». При дворе циркулировали упорные слухи, что Хосров хочет назначить своим преемником сына от любимой жены Ширин, в обход первородного наследника Широе. Принц руководствовался не только уязвленным самолюбием. История Сасанидов знала немало примеров, когда взошедший на трон, чтобы упрочить и обезопасить на будущее свое положение, уничтожал ближайших родственников. Широе никак не хотел разделить подобную участь и составил заговор против отца, к которому примкнуло немало военачальников, чиновников и сановной знати. Затем Широе направил послов к Ираклию, обещая после прихода к власти немедленно заключить мир и вернуть все ранее отторгнутые у Византии территории.



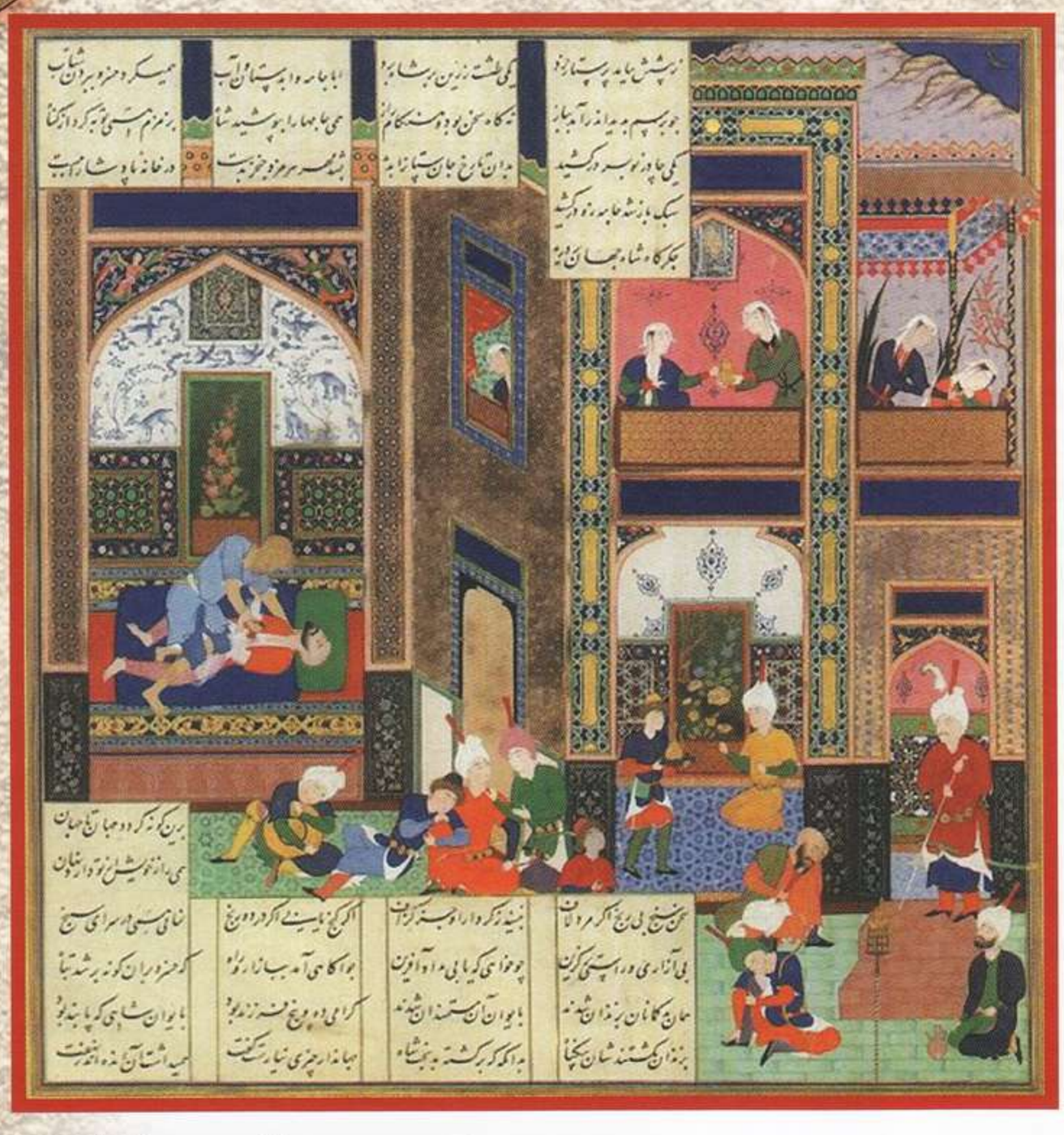
Хосров у дворца Ширин. *Восточная миниатюра*

Возникал вполне естественный вопрос, а насколько можно верить данным заверениям? Однако Ираклий здраво рассудил, что предложения Широе, коль о них станет известно его отцу, будут равнозначны для принца смертному приговору. Но даже если предположить, что они согласованы с Хосровом и сделаны для того чтобы выиграть время, то на ромеев они вовсе не накладывают никаких обязательств. Во всяком случае, в феврале — начале марта 628 г. войска Ираклия продолжали разорять занятые ими территории. Поэтому заговор против Хосрова нашел у василевса понимание и поддержку. Он даже посоветовал принцу привлечь к восстанию византийских пленных, содержавшихся в Ктесифоне и его окрестностях.

Измучилась иранская страна,
Повсюду были смута и война.

«Хосров и Ширин» один из любимейших сюжетов восточной лирики. Поэт Низами оставил потомкам напряженное драматическое повествование о том, как царевич Широе безумно влюбился в мачеху и, чтобы овладеть ею, сверг с престола и убил своего отца. На самом деле все было гораздо прозаичнее. Переворот имел чисто политическую подоплеку, а брак с царицей мог лишь подкрепить права нового шаханшаха на бирюзовый трон предков.

25 февраля Широе перешел через Тигр по наплавному мосту, который вел из Ктесифона в Вех-Ардашир (Селевкию), куда из-за византийской угрозы перебрался Хосров. Люди на улицах славили принца, а старого правителя никто и не думал защищать.



Убийство Хосрова Парвиза.
Средневековая восточная миниатюра

Шахская гвардия изменила ему. Царя царей (теперь уже бывшего) схватили и поместили под арест. Впрочем, всего на четыре дня.

Придворные, замешанные в перевороте, опасаясь, как бы в будущем при двух живых шахах с ними чего не вышло, настаивали на радикальном решении вопроса. А Широе и не противился. Сначала, по его приказу, на глазах у отца были зарезаны его дети от Ширин, а потом и самого Хосрова зарубили секирой. Но и этого оказалось мало. Были казнены вообще все (несколько десятков) сыновья Хосрова от разных жен и наложниц! Ширин покончила с собой.

И ложе царское ее покрыла кровь,
Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.

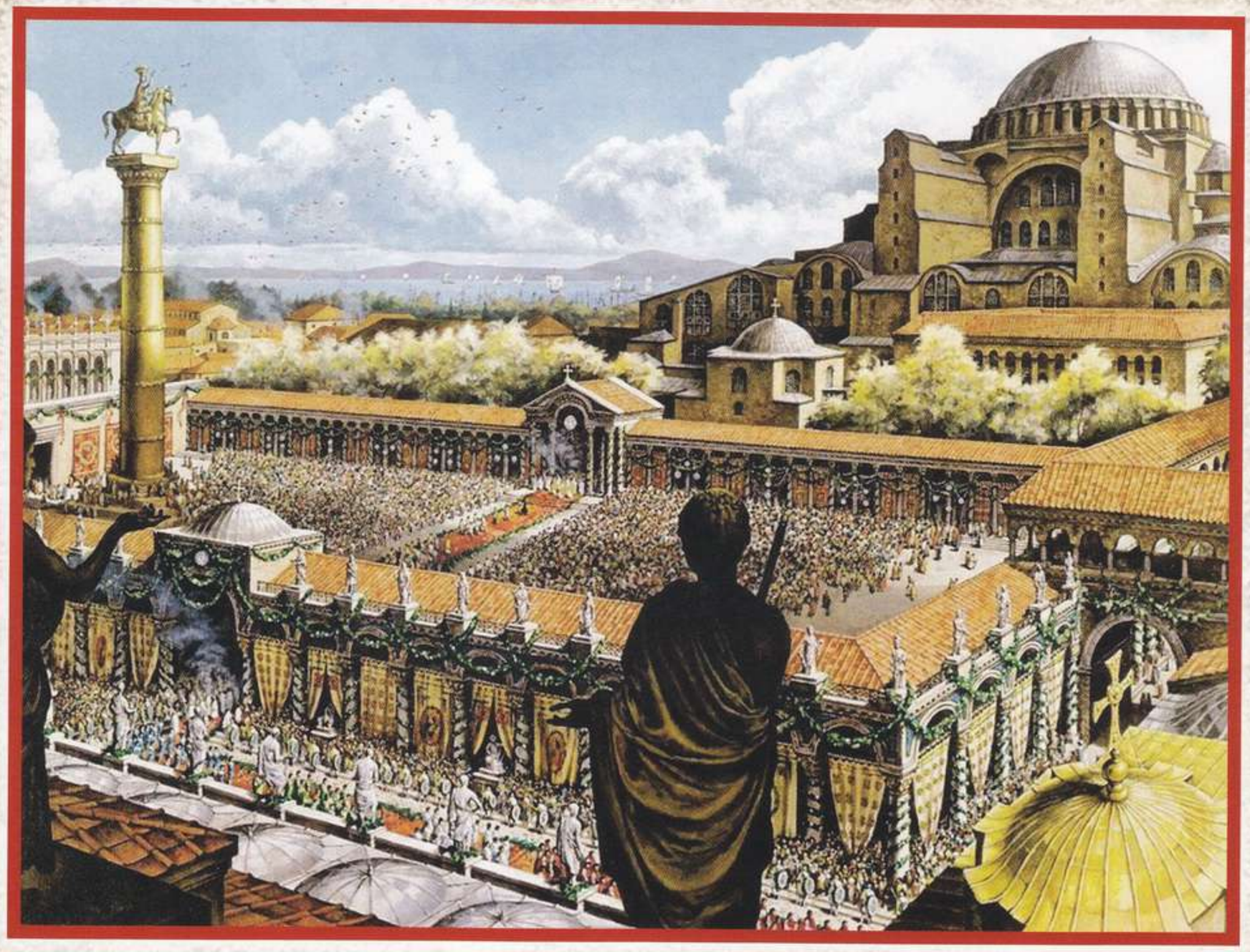
3 апреля в полевой лагерь византийской армии прибыло посольство из Ктесифона с личным посланием Широе к императору Ираклию. Новый шаханшах сообщал о вступлении на престол с тронным именем Кавад II, выражал желание поскорее заключить мир с кейсаром Рума и подчеркивал готовность в дальнейшем поддерживать с ним дружественные отношения. Надо ли говорить, насколько по сердцу пришлись василевсу такие слова. Он ласково принял послов и тут же обсудил основные условия мирного договора. Единственным непременным условием было возвращение Креста Господня в Иерусалим. Для персов этот трофей уже не представлял никакой ценности, и они согласились вернуть святыню, как только ее найдут. После этого византийцы стали сворачивать лагерь и вскоре двинулись в обратный путь на родину.

Ираклий не мог совладать с эмоциями. Он послал синклиту и прочим высшим должностным лицам государства письмо, исполненное неподдельного ликования:

«Ликуйте Богу вся земля, служите Господу в радости... Да возрадуются небеса, да торжествует земля, да возрадуется и море, и все, что в них. И все мы, христиане, вознесем хвалу, славословие и благодарение Единому Богу, радуясь великой радостью о Его святом имени. Пал высокомерный богоборец Хосров! Пал и низвергся в недра земные и истреблена с земли память его! Надменный и глаголавший неправду в гордыне и уничижении против Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, и пречистой матери Его, благословенной владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, погиб нечестивец, с шумом».

Юридические итоги войны имели гораздо более строгие формулировки. Обе стороны возвращали друг другу пленных. А вот территориальных изменений, по сравнению с условиями договора 591 г., не произошло. Византия не приобрела новых земель, а вернула прежние, да и то не сразу. Ираклию пришлось встречаться с Шахрбаразом, который возглавлял персидские войска на Ближнем Востоке и обладал реальной полнотой власти на этих территориях. В результате, в 629 г. персы ушли из Месопотамии, Сирии и Египта. Еще через год император Ираклий торжественно водворил в Иерусалим вновь обретенное Древо Креста.

После совершенных подвигов и спасения державы православный народ Константинополя радостно встретил возвращение царя в столицу. Сын императора Константин, патриарх Сергий, воодушевлявший народ в трудное время вражеской осады, священнослу-



Праздник в Константинополе. *Рисунок современного художника*

жители, синклит, сановники Великого дворца и всех государственных ведомств в ярких парадных одеяниях переправились на азиатский берег Босфора в Иерию, где некогда василевс готовился к персидскому походу, укрепляя дух молитвами, а разум строгими научными истинами. Был здесь и простой люд с зажженными светильниками и символами достигнутого благостного мира — масличными ветвями. Все собравшиеся благодарили Господа за дарованную победу над лютым врагом и славили мужественного государя за великие дела, им совершенные. Наследник, приблизившись к отцу своему, пал ему в ноги, и, как засвидетельствовал летописец, «оба они оросили землю слезами». Картина величественная и трогательная одновременно. А потом был еще торжественный въезд императора в Константинополь на золотой колеснице, влекомой четырьмя трофейными слонами, что зримо символизировало триумф Византии над Ираном, праздник на ипподроме и щедрые подарки, розданные народу из персидской добычи. Именно так и должны заканчиваться победоносные войны — возвращением к миру и радости.

Заключение

Тронный зал дворца Таки-Кисра в Ктесифоне украшал, изготовленный по повелению шаханшаха Хосрова Ануширвана, невиданной красоты огромный (150х50 м.) ковер. Были на нем прекрасные цветы, вытканные голубыми, красными, желтыми и зелеными нитями. Картину оживляли самоцветы, подобно струящимся рекам вплетенные в канву. Драгоценные камни образовывали и плоды на шелковых деревьях, а земля из золотой парчи, на которой они росли, бросала ослепительные блики, заставляя смертного человека в изумлении закрывать глаза. Блистательный весенний сад выглядел настоящим раем, как и положено обители Царя царей. Словом, то было настоящее произведение искусства.

Лишь знатнейшие люди Ирана, удостоившиеся чести быть принятыми шаханшахом, могли ступать по этому дивному покрову. Но, удивительное дело, после окончания войны с Румом боги как будто отвернули свой лик от дома Сасанидов и цари, как будто, лишившись благодати небесной, все чаще сменялись на бирюзовом троне.

В ту пору венчался на царство Кавад.
Воссел на престол, успокоен и рад.
Ему присягнула иранская рать,
Годичную мзду поспешил он раздать.
Но семь только месяцев прожил затем;
Толь был он царем, то ли не был совсем...

Противореча друг другу, источники говорят, что Кавад II умер от свирепствовавшей в Месопотамии эпидемии чумы, либо был отравлен своими же приближенными. Новым шаханшахом был провозглашен его сын.

Воссел Ардашир на престол и спешат
Иранцы увидеть его стар и млад.

В силу малого возраста государя (Ардаширу III было не более 7 лет), реальной властью обладал регентский совет, составленный из представителей родовитой знати. Но, как обычно бывает в таких случаях, нашлись честолюбивые люди с неуемными амбициями. Они считали для себя зазорным подчиняться не царю, а придворным, которых не воспринимали равными себе. Таким «сильным человеком» был военачальник Шахрбараз. Его решающим аргументом была Западная армия, слепо подчинявшаяся своему командиру. Он повел полки на Ктесифон, после непродолжительной осады, 27 апреля 630 г. вступил в столицу и казнил Ардашира. Но и «Вепрь» не сумел удержаться у власти. Едва он взошел на трон, как «стали с ним знатных сердца враждовать...». Правда, на этот раз, чтобы избавиться от узурпатора, его противники обошлись без иностранного военного вмешательства. Шахрбараза убили собственные солдаты.

Придворная сцена. *Иранская миниатюра*

А дальше случилось и вовсе невероятное. Править Ираном стала женщина, точнее молодая девушка — дочь Хосрова Парвиза, Борандохт. В империи Сасанидов ничего похожего еще не бывало. Вероятно, подобный выбор стал следствием компромисса между отдельными придворными

группировками, которые, не имея собственных легитимных претендентов на престол, решили управлять страной, формально оставаясь в тени. Поэт так отозвался о решении знати:

Девица сыскалась, чье имя Боран.
Коль женщина царствует, делу изъян.

Но даже такой эксперимент длился недолго. Царица правила шесть месяцев, а затем:

Неделю недужной пробыв, умерла,
И доброе имя с собой унесла.

Инвеститура шаханшаха. *Сасанидский наскальный рельеф*

Анархия нарастала. В 631-632 гг. в Ктесифоне сменилось шесть правителей, пока на престол не взошел шестнадцатилетний племянник Кавада II, Йездигерд III (632-651 гг.). Формально он царствовал почти двадцать лет.

Хвалами вожди осыпали его.
Владыкой земли называли его.

На деле годы правления Йездигерда оказались растянутой во времени тяжелой агонией некогда великой империи. К несчастью, не только Ирану, но и Византии вскоре придется иметь дело с новым и весьма грозным врагом, которого они явно недооценили. Начиналась эпоха великих арабских завоеваний и энергичной мусульманской экспансии.

Еще при жизни Хосрова Парвиза пророк новой веры направил послов к правителям соседних стран с предложением добровольно обратить свои народы в ислам. Возмущенный подобной дерзостью, шаханшах велел казнить посланца, но Мухаммед многозначительно пообещал: «Персы познают истину, даже если она будет далека, как звезды».

На практике этот лозунг привел к тому, что арабы подчинили Бахрейн, изгнав оттуда персидские гарнизоны, и начали осуществлять нападения на территорию Ирана.

Весной 633 г. великий воин Халид ибн ал-Валид, прозванный «Меч Аллаха», повел армию в коренные владения Сасанидов. На территории современного Ирака он одержал несколько громких побед, каждый раз обращая противника в бегство. Не удавалось персам отсидеться и за крепостными стенами. Довольно скоро арабы научились брать их штурмом.

Таким образом, всего за два-три месяца завоевателям покорились земли по правому берегу Евфрата в нижнем течении этой реки. В следующем году, громя, как ополчения крестьян и ремесленников, так и регулярные шахские войска, они установили контроль над нижним Междуречьем вплоть до Тигра. Лишь поздней осенью 634 г., иранцы, пустив в дело боевых слонов, с трудом одержали победу в сражении на левом берегу Евфрата, что на некоторое время приостановило продвижение арабов.

Осенью 636 г. главные силы противников сошлись в битве при Кадисии. С обеих сторон богатыри совершали чудеса героизма. Арабская конница трепетала перед бронированными громадинами слонов, а персидские всадники не могли удержать лошадей

Битва с арабами. *Иранская миниатюра*

на месте, когда лучники с верблюдов засыпали их смертельных градом стрел. Три дня, с перерывами на ночь и уборку раненых, длилась схватка. На четвертый мусульмане в отчаянной атаке раскололи центр боевого порядка вражеской армии и прорвались к командному пункту иранского главнокомандующего Рустама. Он пытался бежать, но был настигнут и зарублен. На этом организованное сопротивление закончилось. Часть иранских отрядов сумела отступить. Другие остались стойкими до конца и были истреблены.

Даже столь тяжелое поражение еще не означало окончания войны. Арабы были готовы замириться, если бы их противники приняли ислам, или согласились платить особый налог за право исповедовать прежнюю религию. Но иранская знать, за плечами которой стояли поколения предков и история Великой державы, и подумать не могла, чтобы отказаться от веры пращуров и уплачивать дань каким-то варварам, обитавшим в дикой пустыне. С другой стороны, победители, воодушевленные успехом, считали свое дело правым (ведь победу им даровал сам Аллах). Так что борьба продолжалась.

В начале 637 г. арабы, наступавшие вдоль западного берега Тигра, подошли к городу Вех-Ардашир (Селевкия). Его осада затянулась на два месяца. Обе стороны применяли катапульты и другие боевые машины. Иранское командование предприняло еще одну попытку договориться, предложив уступку всех территорий к западу от Тигра. Но что значили земли между двумя реками для воинов Аллаха, которые были неколебимо уверены, что их, единственно правильное учение распространится на весь мир! Переговоры закончились безрезультатно, и в тот же вечер персы оставили город. Оказалось, что им давно уже было нечего есть.

Арабов также измучили тяготы длительной осады. Собираясь с силами, они провели на правом берегу Тигра почти целый год. Кроме того, отступая, персы уничтожили наплавной мост, так что теперь следовало подумать о способах форсирования серьезной водной преграды, да еще в условиях возможного противодействия неприятеля.

Очевидно, ближе к концу 637 г. войско мусульманского полководца Саада ибн Абу-Вакасса начало вплавь и вброд переправляться через Тигр и осторожно продвигаться к Ктесифону. И тут выяснилось, что столицу Сасанидов никто не собирается защищать. Персидский гарнизон и население в панике покидали обреченный город. Шаханашах Йездигерд бежал оттуда еще раньше. Арабы без боя вступили в обезлюдевшие кварталы и нашли там такие богатства, о существовании которых дети пустынь даже не подозревали.

После недолгого отдыха пришельцам покорились крепости на левом берегу Тигра. Затем острие их ударов нацелилось на восточные области Сасанидского царства, где персы все еще располагали огромными людскими и материальными ресурсами. К 640 г. арабы покорили Хузистан к востоку от нижнего течения Тигра. Йездигерд III сосредоточил войска[1] (точнее ополчения) еще не подвергшихся нашествию провинций

[1] *Историки оценивают численность этой армии от 60 до 150 тысяч человек.*

Арабы грабят Ктесифон. *Рисунок современного художника*

севернее — в исторической области Мидия. В это время арабы воевали в Египте, но, встревоженный тотальной мобилизацией сил противника на востоке, халиф Омар призвал мусульман к решающему походу на Иран.

Армию вторжения возглавил полководец Нуман ибн Мукаррин. Он был настроен весьма решительно, в то время как иранские военачальники готовились вести оборонительные бои, опираясь на сильно укрепленный полевой лагерь близ Нехавенда. В 642 г. у стен этого города в течение нескольких дней шли ожесточенные схватки, в ходе которых обе стороны несли тяжелые потери. Однако, в конце концов «идейная одержимость» (иначе не скажешь) позволила арабам одержать победу. Персы же дрались как обреченные. Воины их пехотных подразделений были скованы цепями и, не имея возможности отступить, подверглись почти поголовному уничтожению. Погибли также высшие командиры — цвет армии Йездигерда.

Полным-полно иранских мертвецов, —
Не видно витязей и храбрецов.
Погибшим в битве нет конца и края,
Лежат, в крови горячей утопая

Это поражение означало конец организованного сопротивления Сасанидов. «С того дня, — писал мусульманский историк, — у них, то есть у персов, не было больше объединения, и население каждой провинции воевало со своими врагами у себя в провинции». В этих условиях местные власти заключали соглашения о мире, на различных условиях покоряясь завоевателям.

Остается еще поведать о судьбе последнего шаханшаха некогда великой династии. Он устремился на север в Рей, затем на юго-восток — в Керман, но нигде не мог найти надежного убежища. Удивительно, что после краха державы ему удалось прожить еще почти десять лет. Наконец, беспорядочные метания привели царя в Мерв на северо-востоке Хорасана. Здешние жители просто не открыли ему городские ворота. Покинутый даже самими близкими людьми, Йездигерд снова бежал, уже не зная куда. Несколько дней он скрывался на мельнице, на берегу реки Мургаб и был убит не то людьми своего же наместника, не то... мельником, польстившимся на его, все еще богатую одежду. Тело царя нашли в арыке. Вот так и проходит слава земная...

Будь ты простолюдин иль шаханшах,
Пристанище твое в грядущем — прах.
Куда ушли мужи в коронах звездных?
Где фарр и счастье властелинов,
грозных?
Где полководцы, пахлаваны-львы?
Где кости их? Где гордые главы?
Их изголовье — прах, зола и камень.
Но славу добрых не пожрет и пламень.

Национальное персидское государство прекратило существование на долгие восемь с половиной веков. Казалось бы, Византия только выиграла от гибели последнего из Сасанидов и его державы. Исчез могучий соперник, веками противостоявший империи на ее восточных рубежах. На самом деле черная полоса истории Ромейского царства только начиналась. Его земли и города также окажутся под валом мусуль-

манского нашествия, которое лишит империю всех ближневосточных и африканских провинций. Последствия тех давних и трагических событий протянулись до наших дней. Народы и поныне существующих на этих территориях государств говорят по-арабски.

Что же еще добавить ко всему сказанному? Ах, да! Ковер, чудесный ковер Хосрова разделил участь сасанидского Ирана. Ворвавшиеся в Ктесифон завоеватели арабы варварски разрезали его на куски, чтобы каждому воину Аллаха, по справедливости, досталась своя часть добычи...

Руины дворца Таки-Кисра в Ктесифоне. *Современное фото*

KUHARSKE KNJIGE

Императоры Византии

Аркадий	(395-408)
Феодосий II	(408-450)
Маркиан	(450-457)
Лев I	(457-474)
Лев II	(474)
Зинон	(474-491)
Василиск	(475-476)
Анастасий I	(491-518)
Юстин I	(518-527)
Юстиниан I	(527-565)
Юстин II	(565-578)
Тиверий II	(578-582)
Маврикий	(582-602)
Фока	(602-610)
Ираклий	(610-641)
Константин III	(641)
Ираклеон	(641)
Констант II	(641-668)
Константин IV	(668-685)
Юстиниан II	(685-695)
Леонтий	(695-698)
Тиверий III	(698-705)
Юстиниан II	(705-711)
Филиппик	(711-713)
Анастасий II	(713-715)
Феодосий III	(715-717)
Лев III	(717-741)
Константин V	(741-775)
Артавасд	(742-743)
Лев IV	(775-780)
Константин VI	(780-797)
Ирина	(797-802)
Никифор I	(802-811)
Ставракий	(811)
Михаил I	(811-813)
Лев V	(813-820)
Михаил II	(820-829)
Феофил	(829-842)
Михаил III	(842-867)
Василий I	(867-886)
Лев VI	(886-912)
Александр	(912-913)
Константин VII	(913-959)
Роман I	(920-944)
Роман II	(959-963)
Никифор II	(963-969)
Иоанн I	(969-976)
Василий II	(976-1025)
Константин VIII	(1025-1028)
Роман III	(1028-1034)
Михаил IV	(1034-1041)
Михаил V	(1041-1042)
Зоя и Феодора	(1042)
Константин IX	(1042-1055)
Феодора	(1055-1056)
Михаил VI	(1056-1057)
Исаак I	(1057-1059)
Константин X	(1059-1067)
Евдокия	(1067)
Роман IV	(1068-1071)
Михаил VII	(1071-1078)
Никифор III	(1078-1081)
Алексей I	(1081-1118)
Иоанн II	(1118-1143)
Мануил I	(1143-1180)
Алексей II	(1180-1183)
Андроник I	(1183-1185)
Исаак II	(1185-1195)
Алексей III	(1195-1203)
Исаак II и Алексей IV	(1203-1204)
Алексей V	(1204)
Феодор I	(1208-1222)
Иоанн III	(1222-1254)
Феодор II	(1254-1258)
Иоанн IV	(1258-1261)
Михаил VIII	(1259-1282)
Андроник II	(1282-1328)
Михаил IX	(1295-1320)
Андроник III	(1328-1341)
Иоанн V	(1341-1391)
Иоанн VI	(1347-1354)
Андроник IV	(1376-1379)
Иоанн VII	(1390)
Мануил II	(1391-1425)
Иоанн VIII	(1425-1448)
Константин XI	(1448-1453)

Шаханшахи династии Сасанидов

Ардашир I	226-241 гг.
Шапур I	241-272 гг.
Хормизд I	272-273 гг.
Варахран (Бахрам) I	273-275 гг.
Варахран II	276-293 гг.
Варахран III	293 г.
Нарсе	293-302 гг.
Хормизд II	302-309 гг.
Шапур II	309-379 гг.
Ардашир II	379-383 гг.
Шапур III	383-388 гг.
Варахран IV	388-399 гг.
Йездигерд I	399-420 гг.
Варахран V	420-438 гг.
Йездигерд II	438-457 гг.
Хормизд III	457-459 гг.
Пероз I	459-484 гг.
Валаш	484-488 гг.
Кавад I	488-496 гг.
Замасп	496-499 гг.
Кавад I	499-531 гг.
Хосров I	531-579 гг.
Хормизд IV	579-590 гг.
Хосров II	590 г.
Бахрам Чубин	590-591 гг.
Хосров II	591-628 гг.
Кавад II	628-629 гг.
Ардашир III	629-630 гг.
Шахрбараз	630 г.
Борандохт	630-631 гг.
Азармидохт	631 г.
Хосров III	631 г.
Хосров IV	631 г.
Пероз III	631 г.
Хормизд V	631-632 гг.
Фаррухзад-Хосров	632 г.
Йездигерд III	632-651 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.
3. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
4. Михаил Сириец. Хроника. // Сирийские источники XII-XIII вв. об Азербайджане. Баку. 1960
5. Низам ал-Мульк. Книга о правлении. // Сиасет-наме. М., 1949.
6. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.
7. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Тайная история. М., 1993.
8. Себеос. История императора Иракла. Рязань, 2006.
9. Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005.
10. Феофилакт Симокатта. История. М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

11. Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.
12. Васильев А.А. История Византийской империи. т. 1. СПб., 1998.
13. Гюиз Ф. Древняя Персия. М., 2007.
14. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
15. Дмитриев В. А. Всадники в сверкающей броне. СПб., 2008.
16. Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
17. История Византии. т. 1 // отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. М., 1967.
18. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
19. Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982.
20. Колесников А. И. Иран в начале VII века. Л., 1970.
21. Кулаковский Ю. А. История Византии. тт. 1-3. СПб., 1996.
22. Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984.
23. Пенроз Д. Рим и его враги. М., 2008.
24. Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI-VII веков. М.-Л., 1946.
25. Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956.
26. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. М.-Л., 1940.
27. Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 12, Л., 1941.
28. Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. М., 1987.
29. Фаррох К. Персы: Армия великих царей. М., 2009.
30. Фирдоуси. Шахнаме. тт. 5-6, М., 1984, 1989.
31. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
32. Успенский Ф. И. История Византийской империи. т. 1. М., 1996.
33. Хэлдон Д. История византийских войн. М., 2007.
34. Чекалова А. А. Византия и Иран в IV – первой половине VII в. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.
35. Шувалов П. В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.
36. Farrokh K. Sassanian Elite Cavalry AD 226-642. // Elite series № 110, Osprey military. Oxford, 2005.
37. Nicolle D. Sassanian armies: The Iranian Empire, early 3rd to mid-7th centuries A.D. Montvert, 1996.
38. Stierlin H. Splendeurs de l'Empire Perse. P., 2006.

Основная хронология военной истории Византийской империи*

395 Образование Восточной Римской (Византийской) империи.

408-409 Вторжение гуннов во Фракию.

420-422 Война с Ираном.

431 Неудачная экспедиция византийского флота против африканского королевства вандалов.

441 Вторжение гуннов в Иллирик.

442 Война с Ираном.

443 Нападение гуннов на Балканские провинции Византии.

447 Вторжение гуннов во Фракию. Аттила доходит до Константинополя.

454 Распад Гуннской кочевой империи.

468 Неудачный поход византийцев против вандалов.

474 Мир Византии с вандалами.

476 Падение Западной Римской империи.

493 Вторжение протоболгар («гуннов») на Балканы.

499 Набег протоболгар («гуннов») на Балканы.

502 Набег протоболгар («гуннов») на Балканы.

502-506 Ирано-византийская война.

502 Захват иранцами Феодосиополя и Амиды. Опустошение окрестностей Эдессы.

506 Постройка византийцами крепости Дара.

518 Славянское вторжение в балканские владения Византии.

527-532 Ирано-византийская война, вызванная постройкой византийцами приграничных крепостей.

530 Победа византийцев над персами под Дарой.

531 Разгром византийцев персами при Каллинике в Сирии.

532 Мирный договор с персами.

533-534 Война византийцев с государством вандалов.

Июнь 533 Высадка на вандальском побережье византийской армии под командованием Велизария.

13 сентября. Поражение вандалов при Дециме.

15 сентября 533 Занятие византийцами Карфагена. Трикамар. Вандальский король Гелимер попадает в плен.

534 Присоединение Северной Африки к империи.

536-540 Первая война Византии с королевством остготов.

536-538 Солдатское восстание в Северной Африке.

537 Победа над мятежниками при Скалэ Ветерис в Нумидии.

Май 536 Занятие византийцами Неаполя.

Декабрь 536 Занятие византийцами Рима.

537-538 Осада готами Рима

540 Капитуляция столицы Остготского государства Равенны и пленение остготского короля Витигиса.

540-е гг. Неоднократные славянские вторжения во Фракию.

540-561 Ирано-византийская война.

Цвет даты соответствует книге проекта «Войны Византии», в которой освещаются соответствующие события: «Война в наследство» — **желтый, «Щит Европы» — **коричневый**, «Орёл и лев» — **синий**, «Римская мечта» — **зеленый**, «Гроза над Дунаем» — **чёрный**, «Из варяг в греки» — **бирюзовый**, «Последние рубежи» — **оранжевый**.*

540 Захват персами Антиохии.
541 Захват персами Севастополиса, Петры, Питиунта в Лазике.
541-555 Вторая война Византии с восставшими остготами.
543 Захват остготами Неаполя.
544 Осада персами Эдессы.
545-549 Перемирие с Сасанидским Ираном.
545-546 Осада Рима остготами и захват ими города.
547 Византийцы возвращают Рим.
547 Неудачный рейд вестготов на Септем в Северной Африке.
550 Захват Рима остготами.
550-551 Византийско-славянская война.
551 Морская победа византийцев над готами при Анконе.
551 Набег кутургуров на придунайские области Византии.
552 Разгром остготов византийской армией евнуха Нарсеса при Тагине. Занятие византийцами Рима. Окончательный разгром остготов при Молочной горе южнее Везувия.
552 Византийская экспедиция против вестготов в Испанию.
554 Вторжение в Италию франков и их разгром византийцами при Касулине.
Середина VI в. Появление аваров у границ Византии.
558 Прибытие в Константинополь аварского посольства, заключение византийско-аварского военного союза.
559 Набег кутургуров совместно со славянами на Фермопилы, Херсонес Фракийский, Константинополь.
559 Славянское вторжение на Балканы.
561 Мирный договор с Ираном.
568 Начало вторжения лангобардов в Италию.
569-572 Осада и взятие лангобардами Павии. К 572 году лангобарды заняли Северную Италию, за исключением Генуи, Венеции, Равенны.
570 Поражение византийцев в Паннонии от авар и мирный договор между государствами.
571 Взятие вестготами г. Медина-Сидония.
572 Взятие вестготами Кордовы.
572-591 Ирано-византийская война.
572-573 Осада византийцами Нисибиса.
573 Авары наносят поражение Византии и добиваются увеличения выплачиваемой Империей дани.
573 Победа Хосрова I Ануширвана у Нисибиса и занятие персами Дары.
575 Победа лангобардов над византийской армией и взятие ими Анконы.
575 Разорение персами Севастии, Антиохии, Мелитены. Перемирие между Византией и Ираном.
576-583 Война Византии с тюрками.
576 Занятие персами Армении. Неудачная осада Феодосиополя.
577 Вестготы расчленили византийские владения в Испании на две части.
577 Победа византийцев над персами у Мелитены.
577-578 Славяне опустошают Фракию и Элладу.
580-582 Осада и захват аварами Сирмия.
581 Победа византийцев над персами при Константине.
581-582 Разгром славянами большей части Мисии и Фракии.
581 Вторжение и начало расселения славян на Балканах и в Греции. Нападение славян на Фессалонику.
581-582 Авары осаждают и берут Сирмий.
582-583 Неудачная попытка тюрок проникнуть в Византию через Кавказ.
583 Нападение аваров на Мисию и Малую Скифию.

583-584 Аваро-византийская война.

585 Победа византийцев над персами при Солахоне.

585 Византийско-лангобардское перемирие.

586-587 Аваро-византийская война.

586 Первая осада Фессалоники славянами.

586 Осада аварами Адрианополя.

587 Мирный договор с аварами.

587-588 Славянское вторжение в Пелопоннес.

588 Потеря большей части византийских владений в Испании.

589 Взятие персами Мартирополя. Победа Византии под Нисибисом, у Сисаврана и осада Мартирополя

591 Победа византийских и иранских войск над узурпатором иранского престола Бахрамом Чубиным. Мирный договор с Ираном.

591 Нападение на авар и разгром византийцев за Дунаем.

592 Осада лангобардами Рима.

592 Аваро-византийский военный конфликт.

593-594 Византийские экспедиции против славян за Дунай.

595-598 Аваро-византийская война.

598 Византийско-лангобардский мирный договор.

602 Вторжение лангобардов в Истрию.

602 Византийская экспедиция против славян за Дунай.

602 Мятеж дунайских легионов, провозгласивших сотника Фоку императором.

602-610 Гражданская война в империи, охватившая Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет.

602-629 Последняя ирано-византийская война.

602-604 Осада Дары персами.

603 Взятие лангобардами Кремоны и Мантуи.

604 Мирный договор с аварами.

604-610 Завоевание Месопотамии персами.

604 Занятие персами Дары. Начало вторжения персов в Армению.

605 Разгром персов в Восточной Армении при Егеварде.

605 Захват лангобардами Урбс Ветуса (Орвието), утрата коридора, соединявшего Рим с Равенной.

606 Разгром персами византийцев на поле Ширак и при Арацани.

607 Занятие персами Амиды, Эдессы, Харрана, Мардина, Феодосиополя.

608 Набег персов до Халкидона.

610-611 Захват Ираном Сирии.

610 Занятие персами Веррии (Алеппо) и Кесарии Каппадокийской. Набег персов до Халкидона. Возврат Ираклием Кесарии Каппадокийской.

611 Занятие персами Антиохии, Апамеи, Халкидона.

612 Захват персами Кесарии Каппадокийской и Мелитены.

613 Захват персами Дамаска, Тарса. Разгром византийцев под Антиохией. Киликия переходит к персам.

614 Захват персами Иерусалима и Палестины.

615 Повторный захват персами Халкидона.

615 Аваро-славянское вторжение в Далмацию.

616 Вторая осада Фессалоники славянами.

617 Нападение персов на Египет.

618 Третья осада Фессалоники славянами.

618-619 Осада персами Александрии.

619 Захват персами Александрии. Оккупация персами Египта и Киренаики.

619 Аваро-византийский мирный договор.

620-630-е гг. Расселение сербов на Балканском полуострове.

622 Захват персами Анкиры.

Апрель 623 Начало первого похода императора Ираклия на персов через Армению к Атропатенскому Ганзаку. Разгром персов в Каппадокии и изгнание их из Малой Азии. Захват Византией Двина, Нахчевана и Ганзака.

624 Закавказская кампания императора Ираклия. Отступление византийских войск.

625 Потеря Византией испанских владений.

624-625 Второй поход Ираклия на персов. Захват византийцами Амиды и Мартирополя.

27 июля 626 Подход к Константинополю с европейской стороны авар и славян, а со стороны Халкидона персов.

626 Авары и славяне безуспешно осаждают Константинополь.

627 Третий поход императора Ираклия на персов. Совместно с тюрко-хазарами византийцы безуспешно осаждают Тбилиси. Сняв осаду, Ираклий с войсками двинулся к Ахалцыху и далее направился на юг.

12 декабря 627 Победа византийской армии над персами у развалин Ниневии. Затем византийская армия направилась к Ктесифону и под Вавилоном нанесла новое поражение персам.

Январь 628 Византийцы громят и жгут шахские дворцы около Ктесифона. Захват Ираклием резиденции иранских шахов Дастгард. 29 февраля 628 заговорщики убивают иранского шаха Хосрова II Парвиза и возводят на престол Кавада Широе. Начало мирных переговоров между Ираном и Византией.

Начало 628 Возмущение персидской армии Шахрбараза, осаждавшей Халкидон, После заключения мирного соглашения с сыном Ираклия Константином персы отступают в Иран.

Июнь 629 Заключение мирного договора с Ираном, по которому Византии возвращались Египет, Палестина, Сирия, Верхняя Месопотамия. Договор подтверждал границу между государствами, зафиксированную предыдущим мирным соглашением 591 года.

Сентябрь 629 Разгром византийцами арабов при Муте.

630 гг. Авар изгоняют из Далмации.

630 Возвращение империи персами Эдессы.

634 Вторжение арабов в Сирию. Поражение византийцев при Дасине и Аджнадайне.

634-635 Осада Бусры арабами.

634-640 Блокада Кесареи Палестинской арабами.

Март 634 Набег арабских отрядов на Дамаск.

635 Победа арабов над византийцами при Фихле.

Март-сентябрь 635 Осада Дамаска арабами и взятие города. Завоевание арабами Берита, Эмессы, Бусры.

636 Формирование Ираклием 80 тысячной армии в Эдессе. Отступление арабов из части городов и концентрация их отрядов на реке Ярмук.

Август 636 Разгром византийской армии на реке Ярмук.

636 Занятие арабами Триполи, Веррии, Дамаска, Гелиополя, Эмессы, Лаодикии, Газы.

637 Разгром персов арабами при Кадисии. Занятие арабами иранской части Месопотамии.

638 Занятие арабами Иерусалима.

639 Начало нападений арабов на Египет.

640 Захват лангобардами Генуи.

641 Потеря византийцами последнего города в Палестине Кесареи Палестинской. Полная потеря византийцами Сирии, Верхней Месопотамии, Палестины. Широкомасштабное арабское вторжение в Египет.

642 Сдача арабам Александрии.

Конец 642 Рейд арабов в Киренаику. Разрушение Кирены.

642 Разгром арабами войск иранского шаха Йездигерда III при Нехавенде. Распад Сасанидского Ирана под натиском арабов.

643 Вторжение арабов в Триполитанию и захват ливийского Триполи.

645 Захват Салерно лангобардами.

Конец 645 Взятие Александрии византийцами.

645-646 Арабские набеги на Карфагенский экзархат.

645-647 Четвертая осада Фессалоники славянами.

646 Окончательный захват Александрии арабами.

649 Нападение арабов на Кипр.

651-653 Перемирие Византии с Арабским халифатом.

653 Битва «мачт» возле Александрии. Разгром византийского флота арабами. Нападение арабов на Сицилию.

654 Разграбление арабами Родоса.

655 Победа арабского флота над византийским у берегов Ликии.

659-663 Византийско-арабское перемирие.

663 Набег арабов на Малую Азию. Император покидает Константинополь. Его резиденцией становятся Сиракузы.

663 Победа лангобардов над византийцами у Форино.

664 Набег арабов на Малую Азию. Разорение Амория, Пергама, Смирны, острова Хиос.

666 Набег арабов на Сицилию и разграбление острова. Набег арабов на Малую Азию до Вифинии.

667-670 Начало новых нападений арабских отрядов на Карфагенский экзархат.

668-669 Арабы выходят к Мраморному морю. Первый набег арабов на Константинополь.

670 Захват флотом арабов Кизика на Мраморном море.

670-674 Нападения арабского флота на окрестности Константинополя.

671 Основание арабами Кайруана в Северной Африке.

672 Захват флотом арабов Смирны и побережья Ликии и Киликии.

673 Опустошение Карфагена арабами.

674-675 Опустошение арабами Крита.

677 Нападение арабов на Фессалонику.

678 Поражение арабского флота у берегов Памфилии в результате шторма и действия «греческого» огня.

678 Тридцатилетний мирный договор с арабами.

680 Победа лангобардов над византийцами у Форино.

680 Неудачный поход Константина IV на болгар, после которого болгары утвердились в Мисии и в Малой Скифии вплоть до Варны.

681 Признание империей образования болгарского государства хана Аспаруха на её территории.

683-684 Опустошение арабами Карфагена.

685 Византийский император Юстиниан II нарушает мир с арабами.

685-689 Война с арабами на Ближнем Востоке. Занятие византийцами части Армении и Кипра.

687-688 Византийская экспедиция против славян в Македонию.

692 Разгром византийцев арабами при Севастополисе в Киликии. Потеря Византией Южной Армении.

693-698 Война с арабами в районе Карфагена.

698 Потеря Карфагена. Победа византийцев под Самосатой. Контрнаступление арабов и Южной Армении.

704 Арабы вышли к Атлантике, завершив покорение Северной Африки.

705 Юстиниан II с помощью войск болгарского хана Тервеля захватывает Константинополь и восстанавливается на троне. Переход к болгарам Загорья.

708 Разгром византийской армии арабами и взятие ими Тианы. Арабские отряды продвигаются до Хрисополя.

708 Разгром византийской армией болгарами в сражении при р. Ахелой.

710 Захват арабами Септема – последнего опорного пункта империи в Северной Африке.

712 Полный захват арабами Киликии.

712-716 Болгаро-византийская война.

717-718 Безуспешная осада Константинополя арабами.

718 Безуспешная осада лангобардами Равенны.

726-738 Походы арабов в Малую Азию.

726 Захват арабами Кесарии Каппадокийской и Каппадокии. Неудачная осада арабами Никеи.

729 Поражение византийцев под Равенной лангобардами.

732 Взятие лангобардами Равенны.

734 Византийцы вернули Равенну.

740 Разгром арабской армии византийцами при Акроине. Арабы очищают Малую Азию. Византийцы начинают вторгаться в пределы халифата.

745 Византийское наступление в Северной Сирии.

751 Захват лангобардами Равенны. Конец Равеннского экзархата.

752 Поражение арабов в Малой Азии. Захват византийцами Феодосиополя и Мелитены.

755 Осада лангобардами Рима.

756 Арабы восстанавливают контроль над северной Сирией и вторгаются в Малую Азию.

756 Вторжение болгар на территорию империи.

756 Отпадение от Византии Рима. Образование Папской области.

756 Первый поход императора Константина V против болгар.

759 Второй поход Константина V в Болгарию.

763 Третий поход Константина V в Болгарию. Поражение болгар в сражении при Анхиале.

765 Четвертый поход Константина V в Болгарию. Византийский флот, посланный на болгар, развеян бурей.

768 Захват арабами Германикии.

768 Пятый поход Константина V на болгар.

770 Византийцы изгоняют арабов из Малой Азии. Стабилизация границы.

773 Шестой и седьмой походы Константина V на болгар.

774 Восьмой поход Константина V на болгар.

775 Девятый поход Константина V на болгар.

778 Победа византийцев над арабами у Германикии.

783 Византийская экспедиция против славян в Грецию.

786-809 Восемь арабских походов в Малую Азию.

789 Вторжение болгар в Македонию и разгром Константина VI.

780-е гг. Отпадение Лазики от Византии.

792 Поражение византийцев в сражении против болгар при Маркеллах.

797 Неудачный поход Константина VI против арабов.

800 Коронация папой Карла Великого римским императором.

802 Разгром аварского каганата франками.

805 Разгром арабами византийской армии при Красусе во Фригии.

805 Антивизантийское восстание славян Пелопоннеса.

806 Опустошение арабским халифом Харуном ар Рашидом Малой Азии. Поражение Византии в войне с арабами. Унизительный мир.

809 Захват болгарами Сердики (Софии).

Весна 811 Вторжение византийских войск в Болгарию. Захват столицы Болгарии Плиски.

25-26 июля 811 Разгром византийской армии болгарами на пути в Византию в горных проходах.

812 Захват болгарским ханом Крумом Девельта. В ноябре Крум захватывает Месемврию.

22 июня 813 Разгром византийской армии болгарами при Версиникии.

Июль 813 Болгары доходят до Константинополя.

815 Заключение мирного договора с болгарами.

823-826 Завоевание арабами о. Крит.

827 Начало вторжения арабских отрядов на Сицилию и захват ими части острова.

830-832 Арабские вторжения в Малую Азию.

831 Захват арабами Палермо.

837 Наступление византийцев против арабов. Захват Самосаты.

22 июля 838 Разгром византийских войск под Дазимоном арабами. Продвижение арабских войск халифа Ал-Мутасима вглубь территории империи и взятие ими Анкиры и Амория.

838 Рейд арабов на Апеннинский полуостров.

840 Захват арабами Тарента.

840-841 Антивизантийское восстание славян Пелопоннеса.

841 Византийцы захватывают Мелитену. Перемирие с халифом Ал-Мутасимом.

842 Захват арабами Бари.

843 Неудачный поход византийцев на Крит. Захват арабами Мессины.

846 Морской набег мусульман на Рим.

847 Захват арабами Леонтины на Сицилии.

853 Морской поход византийцев в Египет.

855-856 Болгаро-византийская война. Поражение Болгарии.

859 Взятие арабами крепости Кастроджованни на Сицилии. Арабы прочно утверждаются в Южной Италии.

859 Византийцы выходят к Евфрату. Неудачная осада Самосаты.

Июнь 860 Первый поход русов на Константинополь. Разграбление пригородов столицы.

863 Победа византийцев над арабами на реке Лалакон.

864 Вторжение византийцев в Болгарию. Заключение мирного договора византийцев и болгар, по которому византийцам возвращались земли близ Эгейского побережья, а также города Анхиал, Месемврия, Девельт.

868 Поражение византийского флота у берегов Сицилии.

869-870 Захват арабами Мальты.

871 Поражение арабов в Южной Италии.

873 Захват византийцами Запетры и Самосаты. Поражение их под Самосатой.

874 Неудачный набег русов на столицу Византии.

875 Наступление византийцев в Южной Италии. Захват Бари.

877-878 Осада и захват Сиракуз арабами.

883 Поражение византийцев под Тарсом.

894-896 Первая война князя болгар Симеона против Византии.

896 Переход мадьярскими племенами Карпат. Начало венгерского освоения междуречья Тисы и Дуная.

896 Появление печенегов на Нижнем Дунае.

899-955 Венгерские походы в страны Западной и Южной Европы.

898 Поражение византийского флота у побережья Малой Азии.

902 Морская экспедиция арабов Северной Африки против Сицилии и Южной Италии.

904 Разграбление арабами окрестностей Фессалоники. Разгром арабов под Марашем (Германикией).

906 Победа византийского флота над арабами.

912 Разгром византийского флота арабами под командованием Льва Триполитанского..

913-927 Вторая война Симеона с византийцами.

913 Симеон совершил набег на Константинополь и добился признания за ним титула царя.

914 Взятие болгарами Адрианополя.

20 августа 917 Разгром византийских войск под командованием Льва Фоки болгарами у Ахелоя близ Анхиала.

921-922 Болгарские походы на Константинополь.

923 Взятие болгарами Адрианополя.

926 Морская экспедиция византийцев в Египет.

927 Византийцы берут Самосату.

927 Болгаро-византийский мирный договор.

934-961 Венгерские набеги на Византию.

934 Взятие византийцами Мелитены.

941 Неудачный набег русов на Византию.

942 Совместная византийско-итальянская экспедиция против арабов в Лигурию.

942-943 Захват византийцами Мартирополя, Амиды, Дары, Нисибиса. Потеря этих городов после свержения Романа I.

944 Поход русов на Византию. Заключение мирного договора на Дунае.

944 Захват Эдессы византийцами.

949 Взятие византийцами Аданы, Германикии, Феодосиополя.

949 Неудачная экспедиция византийцев против о. Крит.

952 Переход Куркуасом Евфрата. Контрнаступление Сейф-ад-Даулы, хамданидского эмира Мосула. Разгром византийцев сицилийскими арабами в Южной Италии.

953 Сейф-ад-Даула возвращает Мараш (Германикию).

955 Германский король Оттон наносит поражение венграм на р. Лех. Окончание венгерских набегов.

956 Неудачный поход византийцев на Крит.

957 Взятие Хадата Никифором Фокой.

958 Разгром Сейф-ад-Даулы византийцами. Взятие Самосаты Иоанном Цимисхием и Василием Нофом.

Март 960 Набег Льва Фоки на область Тарса. Сейф-ад-Даула предпринимает ответное нападение на Византию.

960-961 Завоевание Крита Византией.

8 ноября 960 Разгром Сейф-ад-Даулы при Адрассе — горном ущелье Тавра.

7 марта 961 Падение Хандака. Полная оккупация о. Крит византийцами.

961 Разгром венгров византийцами под командованием Льва Фоки.

960-е гг. Успехи византийцев в Северной Сирии.

962 Поход византийских войск под командованием Никифора Фоки в Северную Сирию. Потеря византийцами Тавромения (Таормины) на Сицилии.

964-965 Завоевание Кипра и Киликии империей.

964 Поход Никифора II Фоки в Киликию. Византийская экспедиция на Сицилию.

965 Захват Мопсуэстии и Тарса византийцами.

965 Разгром византийских сухопутных войск арабами у Раметты и флота после ожесточённого морского сражения в Мессинском проливе. Византийское наступление на Сицилию отбито.

966-969 Завоевание империей части Месопотамии и Северной Сирии.

966 Присоединение Тарона к Византии.

966 Поход в Сирию Никифора II Фоки.

966 Захват византийцами Мембиджа. Византийские войска стоят неделю под стенами Антиохии и затем отходят.

968 Захват Киевским князем Святославом Северо-Восточной Болгарии.

968 Поход Никифора в Сирию.

969 Взятие византийцами Антиохии.

969 Византийцы разбили германское войско при Бовино в Италии.

970-971 Война Киевского князя Святослава с Византией.

970 Поход киевского князя Святослава на Византийскую империю.

970 Безуспешная осада крепости Бовино (Италия) немцами.

971 Дунайская кампания Иоанна Цимисхия против русов князя Святослава. Северо-Восточная часть Болгарии становится частью Византийской империи.

972 Успешный поход византийцев в Месопотамию, Сирию, Финикию и Палестину.

972 Захват Византией Амиды, Мартирополя и Нисибиса у арабов.

974 Захват византийцами Мембиджа.

975 Поход Иоанна I Цимисхия в Сирию и Палестину.

978 Захват болгарами Самуила Шишмана Фессалии с Ларисой, выход их на побережье Эгейского моря. Часть отрядов болгар проникают на Пелопоннес.

986 Первый поход Василия II на болгар.

17 августа 986 Поражение византийских войск от болгар у Траяновых ворот вблизи Сердики.

989 Захват Киевским князем Владимиром Херсонеса. Христианизация Руси.

990 Поход Василия II на Кавказ и разгром войск правителя Иверии Давида.

992 Начало борьбы Фатимидского халифата с Византией за Алеппо.

995 Первый поход Василия II в Сирию.

996 Разгром болгар византийским полководцем Никифором Ураном на реке Сперхей в Средней Греции.

999 Второй поход Василия II на Фатимидского халифа. Подчинение византийцами Грузии и Эдессы.

1000 Коронация короля Иштвана (Стефана Святого), принятие венграми христианства.

1000-1001 Захват византийцами области Тайк в Армении

1001 Второй поход императора Василия II в Болгарию.

1001 Перемирие Фатимидского халифата с Византией.

1003 Третий поход Василия II в Болгарию. Поражение болгар при Скопье.

1009 Антивизантийский мятеж в Южной Италии, поддержанный норманнами.

29 июля 1014 Разгром болгар византийцами близ села Ключ у хребта Беласица.

1016 Мятеж в Херсонесе стратига Георгия Цуло. Подавление мятежа с помощью русских войск.

1016 Победа норманнов над византийцами при Чивитате (Южная Италия).

1018 Победа византийцев над норманнами и лангобардами при Каннах.

1018 Завоевание Болгарии Византией. Ликвидация Первого Болгарского царства.

1021-1022 Вторжение в Италию армии германского кайзера Генриха II.

1021-1023 Война Византии с Абхазо-Грузинским царством.

1021-1024 Признание Ани и Абхазии византийскими вассалами.

1021 Поражение грузин у истоков Аракса. Мирный договор Византии с Абхазией.

1022 Присоединение Васпуракана к империи. Абхазия нарушает мирный договор и громит византийцев при Ухтики.

1023 Разгром грузин у Ширимни (возле Феодосиополя) и мирный договор с Византией, по которому Абхазия стала вассалом Византии и передала империи ряд территорий Южной Грузии.

1025-1028 Война Византии с Абхазо-Грузинским царством.

1027 Печенежский набег на Византию.

1030 Разгром византийской армии под Алеппо.

1031 Занятие византийцами Эдессы.

1032-1034 Набеги печенегов на Византию.

1036 Нападение печенегов на Византию.

1038-1042 Экспедиция под командованием Григория Маниака против сицилийских арабов. Победа византийцев под Мессиной и захват города.

1039-1040 Осада и захват византийцами Сиракуз

1040-1041 Антивизантийское восстание Петра Деляна на Балканах.

1040-1042 Военные кампании византийцев против сербского княжества Зета.

1041 Победы норманнов над византийцами в Южной Италии.

1042-1043 Мятеж Георгия Маниака.

1042-1046 Столкновения тюркских племён с византийской армией в Малой Азии. Сельджуки начинают нападать на Византию со стороны Мосула и Сирии.

1042 Арабы овладели Мессиной и Сиракузами. Окончательная потеря Византией Сицилии.

1043 Нападение русского флота на Константинополь.

1045 Захват Византией Ани в Армении. Конец Анийского царства.

1046-1051 Война с печенегами.

1046-1047 Набег печенегов.

1046 Неудачная осада византийцами армянского Двина.

1047 Повторная неудачная осада византийцами Двина.

1048 Разгром печенегов на Дунае.

1048 Первое крупномасштабное вторжение сельджуков в византийскую Армению. Опустошение сельджуками Васпуракана.

1048-1050 Восстания пленных печенегов в районе Ниша и Сердики.

1048-1053 Византийско-печенежская война.

1049 Вторжение сельджуков в Васпуракан. Полное уничтожение сельджуками Феодосиополя.

1054 Безуспешная осада сельджуками Манцикерта. Набеги сельджуков на Карс и Пайперт.

1056-1057 Разграбление Тарона сельджуками

Лето 1057 Опустошение сельджуками Месопотамии.

Осень 1057 Опустошение Колонии Каппадокийской сельджуками

1057 Опустошение сельджуками Мелитены.

Июнь 1059 Разграбление Севастии сельджуками.

1059 Кампания императора Исаака I Комнина против печенегов.

1060 Захват Регия и ряда других южноитальянских городов норманнами.

1064 Вторжение узов в балканские владения Византии.

1064 Вторжение сельджуков в Армению.

1064 Осада и взятие 16 августа сельджуками Ани.

1065 Царь Карса, неспособный остановить сельджуков, передаёт своё царство Византии.

1067 Разгром византийской армии под Мелитеной. Сожжение сельджуками Кесарии Каппадокийской. На обратном пути сельджуки опустошили Киликию и Телух.

Весна-осень 1068 Первый поход Романа IV Диогена на тюрок. Поражение сельджуков в Сирии. Взятие византийцами Мембиджа и Артаха.

1068 Опустошение сельджуками Амория и Неокесарии.

Лето 1068 Поражение сельджуков вблизи Ларисы (Каппадокия).

Весна-осень 1069 Второй поход Романа против тюрок.

1070 Занятие Манцикерта тюрками. Поражение войск доместика схол Востока Мануила Комнина и Никифора Мелиссина под Севастией. Набег сельджуков до Хон и сожжение города.

1071 Захват норманнами Бриндизи и Бари.

Весна-лето 1071 Третий поход на тюрок Романа IV Диогена.

19 августа 1071 Разгром византийской армии при Манцикерте.

1071-1087 Полунезависимый удел Филарета Врахамия в Северной Сирии, Месопотамии, Киликии.

1072 Антивизантийское восстание в Болгарии при поддержке сербов.

Около 1073 Захват сельджуками Анкиры. Образование государства Данишмендов в Северной Анатолии.

1074 Разграбление сельджуками Трапезунда. Занятие сельджуками большей части Каппадокии.

1077 Занятие сельджуками Икония, Амория и территорий бывших византийских провинций в Писидии, Фригии, Пафлагонии.

1078 Вторжение половцев на территорию Византии.

1078 Захват сельджуками Никеи.

1079 Занятие сельджуками Хрисополя и Никомедии.

1080-1081 Часть Мизии и Вифинии переходит под контроль сельджуков.

1080 Образование Киликийской Армении в горных районах Тавра.

1080 Принятие Сулейманом титула султана. Образование Румского султаната со столицей в Изнике (Никее).

Зима 1081 Захват Кизика сельджуками.

Май 1081 Возвращение византийцами Никомедии и Вифинского полуострова до реки Дракон. Признание Византией за сельджуками султана Сулеймана территорий от Пропонтиды до Галиса.

1081-1085 Норманнско-византийская война.

1081 Разгром византийского войска норманнами под Диррахием.

1082 Взятие Диррахия норманнами. Потеря византийцами Северной Греции. Осада норманнами Ларисы, поражение их под стенами города.

1082 Заключение мирного договора с Венецией, по которому за военную помощь она получала торговые привилегии.

1083 Победа византийцев у Кастории и взятие города. Возвращение венецианскими союзниками острова Корфу Византии.

1084 Захват сельджуками Киликии. Синоп переходит под контроль сельджуков.

1084-1085 Война с сельджуками за побережье Эгейского моря и Смирну.

1085 Захват сельджуками Смирны. Эмират Чакана.

1085 Византийско-норманнский мирный договор.

1086-1087 Неудачная осада византийцами Аполлонии, занятой сельджуками.

1086-1091 Византийско-печенежская война.

1087 Последние владения Филарета Врахамия захватываются сельджуками.

1090 Начало затяжных военных действий турецкого эмира Чакана против империи.

1091 Возвращение Византией островов, захваченных Чаканом.

29 апреля 1091 Решающий разгром под Эносом печенегов византийцами совместно с половцами.

1092 Поход византийцев на Никею и победы над сельджуками у Пренете и Киоса. Занятие ими Кизика, Пиманиона, Аполлонии.

Весна 1093 Первый набег сербов Рашки на Византию. Разграбление приграничных областей.

1093 Поход императора Алексея I Комнина против сербского княжества Рашка.

1094-1095 Вторжение половцев в Византию.

1094 Тмутаракань (Таматарха) передана русами византийцам.

1094-1096 Военные действия императора Алексея Комнина против сельджукского сатрапа Никеи.

1095 Набег половцев на Фракию и разгром их византийцами в ущелье Таврокома.

1097 Алексей Комнин начал вытеснять турок из Вифинии, Пафлагонии, Фригии.

1098 Византийские войска под командованием Алексея Комнина вышли к Филомилию. Затем он отступил, взяв тех местных жителей, кто хотел вернуться во владения империи.

Конец 1099 — начало 1100 Византийская армия проследовала через юго-восточное и южное побережье Малой Азии и вошла в Киликию. Признание Киликийской Арменией суверенитета Византии.

1104 Византийцы повторно присоединили равнинную Киликию.

1107-1108 Война Византии с норманнами Боэмунда Тарентского.

1111-1119 Война византийцев с сельджуками.

1111-1112 Набег сельджуков на Пергам, Филадельфию, Хлиару.

1113 Набеги сельджуков на районы Никеи, Прусы, Аполлонии, Лопадия, Кизика. Поход Алексея I Комнина на сельджуков. Победа византийских войск над сельджуками под Акроином.

1115 Половецкий набег на территорию Византии.

1116 Набег сельджуков на Никею.

1116 Русско-византийская война на Дунае.

1119 Иоанн II Комнин, собрав в Филадельфии войско, выступил на сельджуков.

1121-1122 Веройская война между печенегами и Византией.

1124 Поход императора Иоанна II Комнина в Рашку.

1127-1130 Византийско-венгерская война.

1130-1135 Шесть походов императора Иоанна II Комнина на эмират Данишмендов.

1135 Взятие империей Кастамон и Гангр.

1136 Разгром Киликийской Армении и присоединение её владений к империи.

1137-1138 Первый поход Иоанна II в Сирию.

1139-1140 Неудачная осада византийцами Неокесарии.

1140-1141 Второй поход Иоанна II в Сирию.

1142 Потеря византийцами Гангр.

1144 Отпадение от Византии Горной Киликии.

1146 Византийские войска от Дорилея направились под Акроин, где они разбили сельджуков. Захват Филомелия, осада Икония. После столкновений византийской армии с сельджуками на подступах к Иконию византийцы отступили к озеру Каралис.

1147-1149 Война с Сицилийским королевством норманнов.

Осень 1147 Захват норманнами Корфу и опустошение городов Фивы и Коринф.

1148 Возвращение Корфу византийцами.

1148 Половецкое вторжение в Византию.

1149-1150 Кампании императора Мануила I Комнина против сербов. Рашка признаёт сюзеренитет Византии.

1150 Поход Мануила I против венгров.

1154-1158 Вторжение византийских войск в Италию и война с сицилийскими норманнами.

1154 Поражение византийского флота сицилийским у мыса Тенарон. Десант византийцев в Италию.

1155-1156 Венгерско-византийская война.

1156 Разграбление Кипра Антиохийским князем Рено Шатийонским совместно с князем Киликийской Армении Торосом II.

1156-1157 Византийское наступление в Италии. Захват византийцами Бари и Трани. Неудачная осада Бриндизи. Поражение византийцев от объединённых сил Венеции, норманнского Сицилийского королевства и Германской Священной Римской империи.

1157 Набег сицилийских норманнов на Константинополь.

1158 Поражение и эвакуация византийских войск из Италии.

1158-1159 Поход византийского императора Мануила I в Киликию.

1159 Разгром Киликийской Армении, сюзеренитет над ней. Завоевание равнинной Киликии. Признание Антиохийским князем Рено Шатильонским и Иерусалимским королевством сюзеренитета императора. Поход против Румского сельджукского султаната.

1160 Разграбление сельджуками Лаодикеи Фригийской.

Весна 1160 Византийская армия столкнулась с сельджуками у Дорилея, победа византийцев.

1162 Поход византийского императора Мануила I против венгров.

1162 Прибытие в Константинополь Румского султана Кылич-Арслана II и заключение мирного договора.

1164-1167 Византийско-венгерская война.

1166 Поражение византийских войск под командованием будущего императора Андроника Комнина от армян Тороса II в Киликии.

1166 Сербы Стефана Немани наносят поражение византийским войскам.

8 июля 1167 Разгром венгерского войска под Землином. Присоединение к Византии Далмации, Хорватии, Боснии.

1172 Поход императора Мануила против сербов.

1173-1176 Война с сельджуками.

1175 Возвращение Византии районов Тарса, Аданы, Мопсуэстии. Занятие византийцами Дорилея и Сувлея.

1176 Поражение византийской армии при Мириокефале

1181 Занятие Киликийской Арменией Аданы и Мопсуэстии.

1183 Занятие Киликийской Арменией Тарса – последнего опорного пункта империи в Киликии.

1185-1187 Война Византии с сицилийскими норманнами.

24 июля 1185 Норманны захватывают Диррахий.

24 августа 1185 Захват норманнами Фессалоники.

Октябрь 1185 Поражение норманнов при Мосинополе.

7 ноября 1185 Решающее поражение норманнов у Димитрицы византийцами и изгнание их с территории Византии.

1185-1187 Национально-освободительное восстание в Болгарии.

1190 Вторжение Исаака Ангела в Болгарию, неудачная осада им Тырново. Отход византийцев обратно на территорию империи. Поражение византийской армии в Трявненском горном проходе от болгар. Признание Византией независимости сербского княжества Рашка.

1193-1194 Вторжения болгарской армии в империю. Разгром византийцев при Аркадиополе.

1199 Вторжение болгар во Фракию.

1201 Вторжение болгар во Фракию.

1202 Занятие Варны болгарами.

1203 Первая осада Константинополя крестоносцами.

12-13 апреля 1204 Решительный штурм Константинополя крестоносцами. Образование Латинской империи. Крестоносцы приступили к завоеванию остальных владений Византийской империи.

Апрель 1204 Образование Трапезундской империи.

6 декабря 1204 Поражение византийских войск от крестоносцев при Пиманионе в Малой Азии. Подчинение крестоносцами частей Фракии, Македонии, Фессалии, Средней Греции, Пелопоннеса. Образование Фессалоникского королевства. Занятие Адрианополя, Диррахия, Афин, Фессалоники. Вторжение в Малую Азию. Занятие Никомедии, Абидоса, Адрамиттия, Пиг. Контрнаступление Ласкариса.

1205 Оккупация крестоносцами Пелопоннеса.

19 марта 1205 Поражение византийских войск от крестоносцев при Адрамиттии в Малой Азии.

1206 Неудачный поход и осада Атталии Кей-Хосровом I.

1207 Ласкарис отбивает Кизик и Никомедию у крестоносцев и заключает с ними перемирие.

Март 1207 Захват сельджуками Атталии.

1211 Победа никейского войска над сельджуками при Антиохии на Меандре.

1211 Разгром латинянами никейских войск у Пиг. Движение латинских войск на юг и захват Нимфея.

1214 Нимфейский мир. Закрепление за крестоносцами прибрежных районов Малой Азии, прилегающих к Пропонтиде.

1214 Захват сельджукским султаном Синопа у Трапезундской империи.

1221/1222 Окончательный захват сельджуками Атталии.

1222 Десант в Крыму войск Румского султаната. Победа их над половцами и русскими.

1225 Поражение сил Латинской империи при Пиманионе никейцами. Изгнание латинян из Малой Азии, за ними остался только Вифинский полуостров с Никомедией. Присоединение к Никейской империи Родоса и части других островов Додеканесского архипелага. Занятие никейскими войсками Адрианополя.

1235 Болгаро-никейский военный союз против Латинской империи.

1236 Вторая попытка никейцев совместно с болгарами овладеть Константинополем окончилась неудачей.

1243 Разгром сельджукских войск татаро-монгольскими при Кёседаге.

1254-1256 Война Никейской империи с болгарами.

1257 Подписание мирного соглашения с болгарами.

1259 Разгром при Пелагонии никейскими войсками войск антиникейской коалиции (Эпир, Сицилийское королевство, Ахейское княжество, Сербское королевство).

Осень 1260 Поход Михаила VIII против тюрков в долину Меандра.

1260 Силимврия переходит от латинян к никейцам.

25 июля 1261 Занятие Константинополя никейскими войсками Михаила VIII. Восстановление Византийской империи.

1263 Поражение византийцев при Макри-Планги у Приницы (Пелопоннес).

1265 Болгарское вторжение во Фракию.

1265 После продолжительной осады сельджуки захватывают Синоп.

1268 Болгаро-византийский мирный договор.

1269 Тюрки отброшены из долин Меандра и Каистра, от Тралл и Магедона.

1272-1273 Сицилийская экспедиция на Корфу и в Эпир.

1277 Безуспешная попытка Трапезундской империи взять Синоп.

1278 Вмешательство Византии в ход народного восстания в Болгарии во главе с Ивайло. Помощь татар Ногая византийцам в войне с болгарами.

Февраль 1279 Захват византийцами Тырново.

1280 Разрушение тюрками Тралл и Ниссы. Поход византийских войск во главе с будущим византийским императором Андроником на тюрок.

1281 Начало правления Османа I Гази.

1290 Мир Ахайского князя с Византией.

Около 1294 Захват Милета тюрками.

1295 Разгром тюрок у Приены и очистка от них Карии.

1296 Под контроль сербов переходит важный византийский порт Диррахий на Адриатике.

1299 Распад сельджукского Румского султаната.

Около 1300 Оккупация тюрками долины Меандра.

1300-1301 Занятие турецкими эмирами большей части византийских владений в Малой Азии.

1301 Захват Сигеума турками-османами. Под именем Енишехир он становится столицей бейлика Осман-бея.

1303 Византийское правительство пригласило для борьбы с турками наёмные войска каталонского авантюриста Рожера де Флора. Разгром каталонцами 5-ти тысячного турецкого отряда на Кизикском полуострове.

1304 Движение каталонцев на юг и победы их под Тирой и Анией. Подход каталонцев к Филадельфии, осаждаемой турками и разгром турок 15 августа.

24 октября 1304 Захват Эфеса турками.

1304 Болгаро-византийская война.

1305 Разгром турок-османов при Левке каталонцами.

1305 Антивизантийский мятеж каталонцев.

1307/1308 Пиргий захватывается турками.

1308 Захват Левке турками-османами.

1311-1314 Вторжения турок в южную и восточную Фракию.

1313 Захват турками Магнесии.

1322-1326 Война Византии с Болгарией.

1326 Занятие Бруссы турками-османами. Перенос османской столицы из Енишехера. Занятие турками-османами Лопадия.

1329 Блокада турками-османами Никеи.

10 июля 1329 Разгром византийцев при Филокренах (Пелекан) турками-османами.

1331-1332 Болгаро-византийская война. Вторжение византийских войск и занятие болгарских земель до Стары-Планины (Гема).

2 марта 1331 Захват турками-османами Никеи.

1331-1355 Походы сербского короля Стефана Душана против Византии.

18 июля 1332 Поражение византийских войск при Росокастро от болгар. Занятие болгарами Филиппополя.

1332-1333 Неудачные походы византийской армии против турок-османов в Малую Азию. Двухлетнее перемирие.

1337 Присоединение Эпирского деспотата к Византии.

1337 Захват турками-османами Никомедии.

1338 Захват турками-османами Хрисополя.

Июль 1341 Нападение туркмен на Трапезунд и сожжение большей части города.

1345 Выход турок-османов к Геллеспонту.

1349 Набег турок-османов на Фракию и впервые на Болгарию.

1350 Захват турками-османами Халкидона.

1352 Захват турками-османами крепости Цимпе — первого опорного пункта в Европе. Набег турок-османов на Фракию и Болгарию.

1-2 марта 1354 После землетрясения население покинуло город Галлиполи, сразу после чего его заняли турки-османы.

1359-1362 Захват турками-османами большей части византийской Фракии.

1359 Первый набег турок-османов на Константинополь.

1360 Захват Ираклии Понтийской турками-османами.

1361 Захват Дидимотики и Дзориллоса турками-османами.

1362 Захват Адрианополя турками-османами.

1364 Болгаро-византийская война.

1366 Союзник Византии Амедей Савойский освободил от турок Галлиполи.

1371 После поражения сербов при Черномене на реке Марица Византия становится вассалом турок-османов до 1394 года.

1389 Разгром сербского войска турками-османами в битве на Косовом поле.

1390 Захват турками-османами Филадельфии — последнего византийского города в Малой Азии.

1394 Нашествие турок на Пелопоннес.

Осень 1394-1402 Блокада Константинополя турками-османами.

1396 Захват турками-османами византийской Фессалии.

Конец 1399-июнь 1403 Посещение императором Мануилом II Италии, Франции, Англии с целью найти помощь в войне с турками.

Июль 1402 Разгром войск турецкого султана Баязида I Тимуром при Анкаре.

1403 Возвращение Византии Фессалоники и некоторых других городов. Византия перестаёт платить дань туркам-османам.

1409 Захват турками-османами Фессалоники.

1413 Турки-османы возвращают Фессалонику Византии.

Весна-август 1422 Осада и захват турками Коринфа. Прорыв турок через длинные стены, возведенные на коринфском перешейке и опустошение Пелопоннеса.

Июнь 1422-1423 Осада Константинополя турками. Византия снова становится вассалом турок-османов.

1430 Захват Фессалоники турками-османами.

1446 Турки-османы нападают на Морейский деспотат. После двухнедельного артиллерийского обстрела турки прорвались через укрепления Гексамилиона и двинулись на Патры, вырезая местное население.

1451 Империи принадлежат Константинополь с небольшой округой, города во Фракии: Силимврия и Перинф, города в Болгарии: Виза, Анхиал, Месемврия; Пелопоннес с Морейским деспотатом, острова Тасос, Лемнос, Имроз, Самотраки в Эгейском море и Принцевы острова в Мраморном.

1452 Занятие турками-османами городов в Болгарии и во Фракии. Строительство турецкой крепости Румели-Хиссар на европейском берегу Боспора. Блокада Константинополя со стороны Чёрного моря.

6 апреля — 29 мая 1453 Турецко-османская осада и падение Константинополя.

1455 Бывший византийский остров Тасос переходит под власть османов.

1456 Турки осаждают Трапезунд и накладывают на него дань.

1458 Захват турками Афин. Разрушение Коринфа турками. Морейский деспотат стал вассалом турок.

1460 Захват турками-османами Пелопоннеса. Конец Морейского деспотата.

1460-1461 Осада и взятие турками-османами Андравиды — последнего независимого греческого города на полуострове Пелопоннес.

15 августа 1461 Сдача Трапезунда туркам. Конец Трапезундской империи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Эхо былой славы 12

«И золото, и пурпур на знаменах...» 18

Проба сил. 420–422 гг. 33

Светлое прошлое человечества 43

Политическая экономия войны. 502–506 гг. 59

В начале славных дел. 527-532 гг. 77

Стремление к бесконечности. 540–561 гг. 93

Высокие отношения. 572–591 гг. 109

Сын за отца. 602–629 гг. 130

Заключение 150

Приложения 156

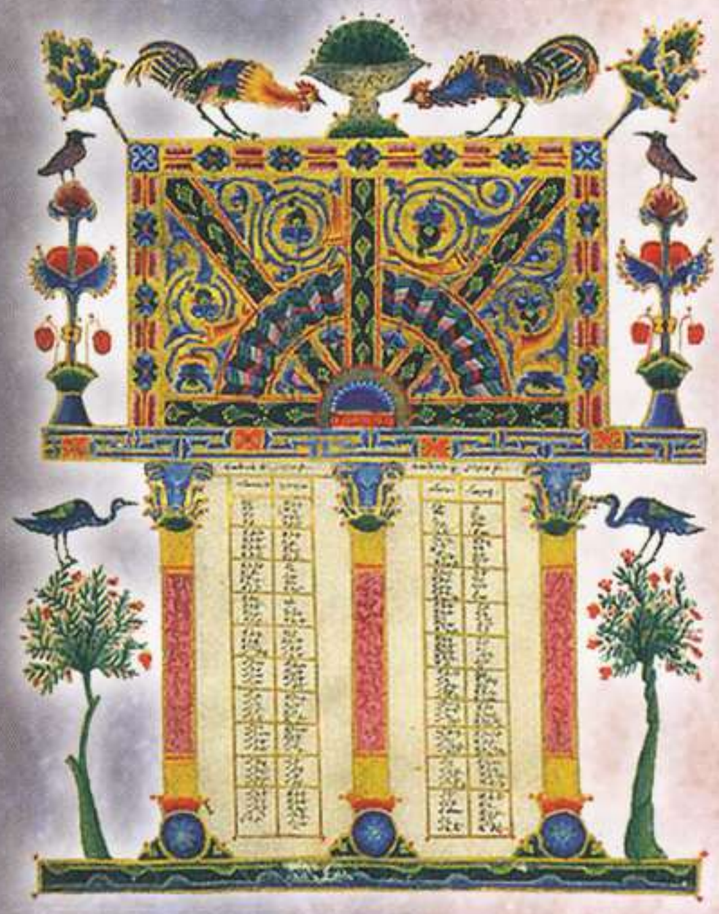
Императоры Византии 157

Шаханшахи династии Сасанидов 158

Источники 159

Литература 159

Основная хронология военной истории Византийской империи 160



Шиканов Владимир Николаевич

Византия. Война в наследство

Ирано-византийские войны V-VII вв.

Оригинальные цветные иллюстрации
Р. А. Титова и С. С. Кульнева

Дизайн и верстка *Панкевич А. В.*

Общероссийский классификатор продукции ОК-00-93 том 2, 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 28.08.2011. Формат 60x84/8
Бумага мелованная 100 г/м².
Гарнитура «Кудряшов».
Усл. печ. л. 20.46. Тираж 500 экз. Заказ № 3565

Издательство «Рейтар», 103051 Москва а/я 116

Типография: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, г. Подольск, Московская область, Революционный проспект, д. 80/42

Франки 554

Лангобарды 568

552

Венгры XI-XII вв.

Авары VI в.

Сербы XIV в.

942

Рим

1154

Вестготы VI в.

552

Арабы 846

536

Норманны XI-XII вв.

Фе

704

Арабы

698

1038

533

683-684

645-646

Военная история (основные события) Византийской империи

Граница Византии к 395 г.

Авары VI в.
Гунны V в.
Славяне VI в.
Печенеги XI-XII вв.
Половцы XI-XII вв.
Болгары VII в.
Венгры XI-XII вв.
XIV в.
VI в.
XII в.
X-XI вв.
VIII-IX вв.
1071
Константинополь
Трапезунд
Османы XV в.
Сельджуки XI в.
Фессалоника
Османы XIV-XV вв.
XIII в.
Персы VII в.
VIII-X вв.
XI в.
623-627 гг.
Османы XV в.
XII в.
Арабы VII-VIII вв
XII в.
X в.
Персы VII-VIII вв.
960
Арабы VII в.
Арабы 623-626
Персы 617
Александрия
643
Арабы 639-641
р а б ы

Война в наследство

Именно так, в наследство от Рима досталось Византии военное противостояние с Ираном. Ромейская держава часто проигрывала отдельные сражения. Иногда – целые кампании. Но почти всегда выходила победительницей из длительного силового противоборства с самыми разными врагами. Даже если для этого требовались столетия.
Так было с Сасанидским Ираном.
Так будет и впредь, еще почти тысячу лет –
с другими противниками империи.

ISBN 978-5-8067-0054-7

СПб Дом Книги 01.11.03.03.
870,00
Шиканов В.Н. Византия.
Война в наследство.